

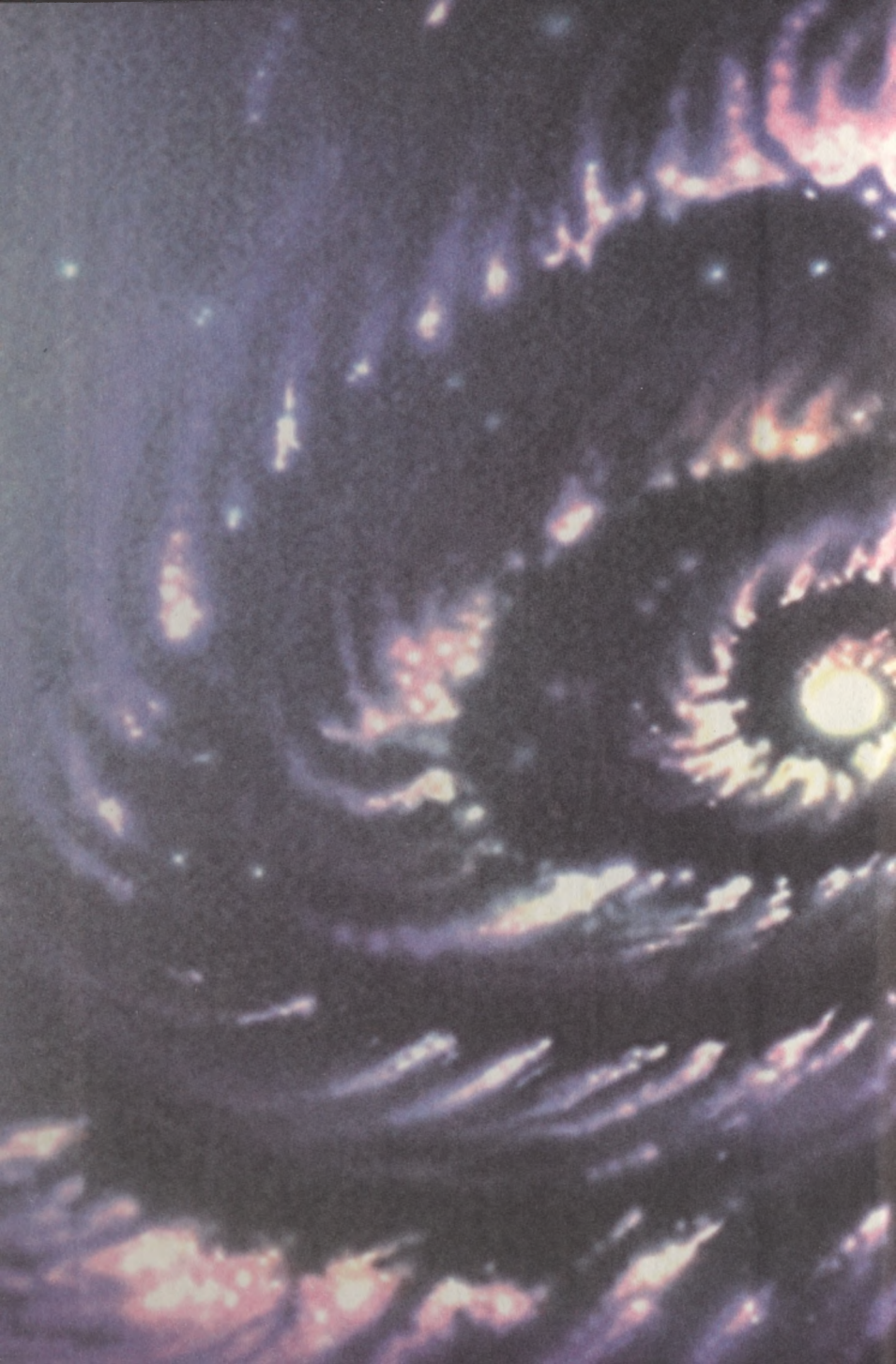
МИРЫ РЭЯ БРЭДБЕРИ

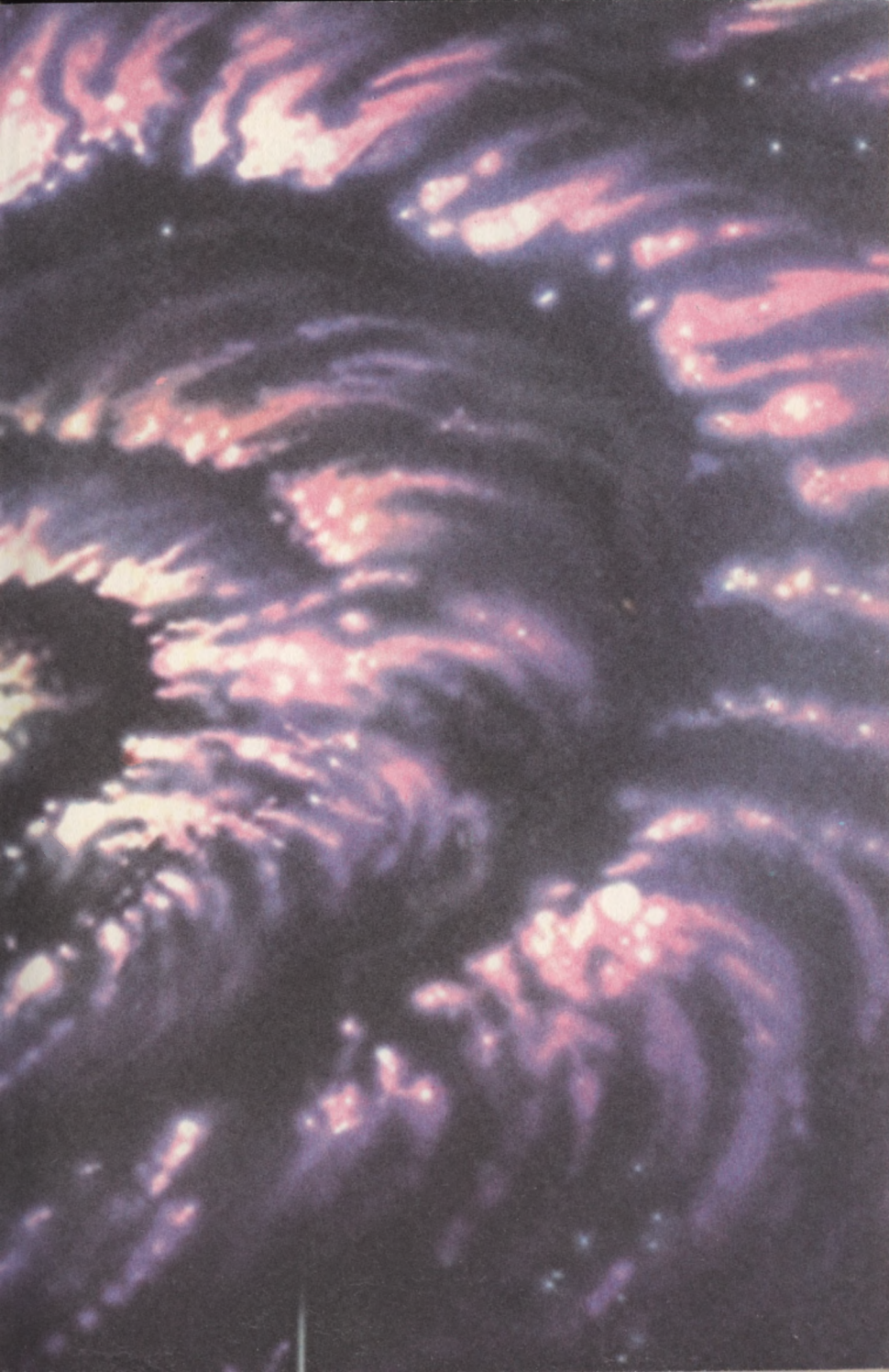
МИРЫ РЭЯ БРЭДБЕРИ

КАНУН
ВСЕХ СВЯТЫХ

РЭЙ БРЭДБЕРИ

WORLDS OF RAY BRADBURY

Volume seven

**THE HALLOWEEN
TREE**

**LORELEI OF
THE RED MIST**

PILLAR OF FIRE

«POLARIS» PUBLISHERS
1997

МИРЫ РЭЯ БРЭДБЕРИ

Том седьмой

**КАНУН ВСЕХ
СВЯТЫХ
ЛОРЕЛЕЯ КРАСНОЙ
МГЛЫ
СТОЛП ОГНЕННЫЙ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1997

*Издание подготовлено
совместно с АО «Титул»*

**Миры Рэя Бредбери. Т. 7 / Пер. с англ. — Полярис,
1997. — 382 с.**

Собрание сочинений самого поэтичного фантаста Америки завершают повести «Канун Всех святых» и «Лорелея красной мглы», а также рассказы разных лет.

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом об авторском праве. Перепечатка отдельных рассказов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

Cover Art Illustration
Copyright © 1997 by Sorayama Hajime/
Uptight Co., Ltd. /Artspace Co.

© Издательство «Полярис»,
составление, оформление,
название серии, 1997

ISBN 5-88132-305-6

**КАНУН ВСЕХ
СВЯТЫХ**

С любовью —
МАДАМ МАНЬЯ ГАРРО-ДОМБАЛЬ,

*которую я встретил двадцать семь лет
назад на кладбище в полночь
на острове Жаницио, что на озере Рацкуаро,
в Мексике, и которую я вспоминаю
каждый год в День Мертвых*

Канун Всех святых.
Тише-тише!.. Тихо, неслышно. Скользите, крадитесь.

А зачем? Почему? Чего ради? Как! Когда? Кто! Где началось, откуда все пошло?

— Так вы не знаете? А? — спрашивает Череп-Да-Кости Смерч, восставая из кучи сухой листвы под Праздничным деревом. — Значит, вы совсем ничего не знаете?

— Ну-у... — отвечает Том-Скелет, — это... не-а.

Было ли это в Древнем Египте, четыре тысячи лет назад, в годовщину великой гибели солнца?

Или — еще за миллион лет до того, у горящего в ночи костра пещерного человека?

Или — в Британии друидов, под ссссссвистящими взмахами косы Самайна?

Или — в колдовской стае, мчась под средневековой Европой — рой за роем, ведьмы, колдуны, колдуньи, дьявольские отродья, нечистая сила?

Или — высоко в небе над спящим Парижем, где диковинные твари превращались в камень и оседали горгульями и химерами на соборе Парижской Богоматери?

Или — в Мексике, на светящихся тысячами свечей кладбищах, полных народу и крохотных сахарных человечков в El Dia de Los Muertos — День Мертвых?

А может, где-то еще?

Тысячи огненных тыквенных улыбок и вдвое больше тысяч только что прорезанных глаз — они горят, подмигивают, моргают, когда сам Смерч ведет за собой восьмерку охотников за сладостями — нет, вообще-то их девять, только куда девался Пифкин? — ведет их за собой то в вихре взметенной листвы, то в полете за воздушным змеем, выше в небо, на ведьмином помеле — чтобы выведать и поведать тайну Праздничного дерева, тайну Кануна Дня Всех святых.

И они ее узнают.

— Ну-с, — скажет Смерч в конце странствий, — что это было? Сласти или страсти-мордасти?

— Все вместе! — решили мальчишки.

Сами увидите.

ГЛАВА 1

Это был маленький городок на маленькой речке возле мелкого озера в дальнем уголке одного из штатов Среднего Запада. Не так уж много было кругом деревьев, чтобы городок совсем было не видеть. Зато и домов было не так уж много, чтобы за ними не было видно леса. В городке было полно деревьев. И вдоволь сухой травы и опавшей листвы — ведь на дворе уже стояла осень. И вдоволь заборов, по которым так здорово бегать, и дорожек, чтобы раскатываться по льду, а еще — громадный овраг, чтобы кубарем скатываться вниз или перекликаться с кем-то на то-о-ом берегу. И в городке было полным-полно...

Мальчишек.

И это было под вечер, накануне Дня Всех святых.

В домах все двери крепко затворены от сквозняков.

И весь городок залит до краешка негреющим солнцем.

Но вдруг — дня как не бывало.

Откуда ни возьмись выползли из-под каждого дерева ночные тени и все заполонили.

Во всех домах за закрытыми дверьми поднялась кутерьма, беготня на носочках, мышинные шорохи, крики шепотом, замелькали летучие огоньки.

За одной такой дверью тринадцатилетний Том Скеелтон остановился и прислушался.

Снаружи ветер гнезвился в каждом дереве, подкрадывался по всем дорожкам сразу, незримый, как кошка-невидимка.

Тома Скеелтона пробрала дрожь. Всякому ясно, что ветер нынче совсем особенный и темнота необыкновенная — потому что настает Канун Дня Всех святых. Кажется, что все вокруг вырезано из мягкого черного бархата или из золотого, из оранжевого бархата. Дымок поднимается из тысяч труб клубами — точь-в-точь как плюмажи на упряжке в похоронной процессии. Из кухонных окон сочится двойной аромат, хорошо различимый: вот свежие тыквы, только что взрезанные, сочные, а вот пироги с тыквенной мякотью.

Крики за закрытыми дверьми становились все отчаянней, а тени мальчишек метались за окнами. Еще не натянув до конца свои костюмы, размазывая по щекам жирную краску: вон там горбун, а вон — великан-недомерок. Все еще продолжался штурм и грабеж чердаков, замки сбивали, а древние бабушкины сундуки потрошили в поисках маскарадных нарядов.

Том Скеелтон облачился в свой костяной доспех.

Он улыбался во весь рот, прилаживая позвоночник, грудную клетку, коленные чашечки — белые, нашитые на черный бархат.

«Вот повезло-то! — подумал он. — Удачное имя тебе досталось! Том Скелтон! Прямо к празднику! Тебя ведь все дразнят Скелетом! Значит, что тебе лучше всего надеть?»

Костюм Скелета!

Бам! Восемь входных дверей с грохотом захлопнулись.

Восемь мальчишек разом великолепными прыжками преодолели цветочные бордюры, перила, живые изгороди, кусты — и приземлились каждый на своем накрахмаленном морозцем газоне. На всем скаку, на бегу, они заворачивались в простыню или поправляли наспех нацепленную маску, натягивали диковинные, как шляпки невиданных грибов, шляпы или парики, орали во все горло вместе с ветром, толкавшим в спину, так что они неслись еще быстрее, во всю прыть, какой славный ветер, ах ты! — выругав страшным мальчишечьим проклятием маску за то, что она съехала, или зацепилась за ухо, или закрыла нос, сразу заполнившись запахом марли и клея, горячим, как собачье дыхание. А может, просто дать волю бьющему через край восторгу — просто быть живым, бежать куда-то в этот вечер, набирая полную грудь воздуха и во все горло вопя, вопя... вопяя а!

Все восемь мальчишек столкнулись на одном перекрестке.

— А вот и я: Ведьма!

— Обезьяночеловек!

— Скелет! — сказал Том, едва не выпрыгивая от радости из своих костей.

— Горгулья!

— Нищий!

— Сам мистер Смерть!*

Блям! Они столкнулись и отлетели как мячики, никак не могли сразу распутаться, разобраться в

---

* В английском языке «смерть» — мужского рода. (Здесь и далее примеч. пер.)

веселой неразберихе рук и ног, под уличным фонарем. Фонарь на перекрестке раскачивался под ветром, гудя, как соборный колокол. Плиты уличного тротуара превратились в доски пьяного корабля, уходящего из-под ног, то поглощаемые тьмой, то вынырывающие на свет.

Каждая маска скрывала мальчишку.

— Ты кто? — ткнул пальцем Том Скелтон.

— Не скажу! Тайна! — крикнула Ведьма петушиным голосом.

Все покатались со смеху.

— А это кто?

— Мумия! — крикнул мальчишка, запеленутый в пожелтевшие от старости тряпки и похожий на сигару, ковыляющую на одном кончике по ночной улице.

— А ты?

— Да некогда же! — завопил Некто, Скрытый за Таинственным Облачением из Расписанной Марли. — Сласти или страсти-мордасти!

— Урра-а!

С воем, визгом, воплями они неслись, как счастливые бесенята, куда угодно, только не по дорожкам, перелетая через кусты и приземляясь почти на спину перепуганным собакам, которые улепетывали с визгом.

Но вдруг они словно натолкнулись на что-то среди всего этого визга, хохота, лая, на полном скаку — словно гигантская ладонь ночи и ветра — предчувствия беды — накрыла их и остановила.

— Шесть, семь, восемь...

— Не может быть! Считай снова!

— Четыре, пять, шесть...

— Нас должно быть девять! Кого-то нет!

Они принялись друг к другу, как перепуганные зверята.

— Где Пифкин?

Как они догадались? Ведь все они скрывались за масками... И все же — и все же.

Они почуяли, что его с ними нет.

— Пифкин! Да он же тыщу лет не пропускал Канун! Вот ужас-то! Бежим!

Круто развернувшись, они побежали собачьей побежкой, рысцой, вдоль по мощенной камнем улице, словно листья, гонимые ураганом.

— Вот его дом!

Они встали как вкопанные. Дом-то и вправду Пифкина, только вот не хватает в окнах тыквенных голов, на крыльце — кукурузных снопов, маловато призраков, глазающих сквозь темные стекла в самой высокой мансарде.

— Ой, — сказал кто-то, — а вдруг Пифкин заболел?

— Без Пифкина праздник — не праздник!

— Не праздник! — простонали все.

Тут кто-то бросил дикое яблочко в дверь дома. Оно тюкнуло еле слышно — будто кролик лягнул дверь лапкой.

Они стояли и ждали, невесть от чего погрузневшие, как в воду опущенные. Все их мысли были о Пифкине и о празднике, который может превратиться в гнилую тыкву с погасшей свечкой внутри, если только — если Пифкин не выйдет.

Где же ты, Пифкин? Выходи! Спасай наш Праздник!

ГЛАВА 2

Почему они ждали, с какой стати их так перепугало отсутствие какого-то маленького мальчишки?

А потому что...

Джо Пифкин был самый замечательный мальчишка на всем свете. Самый мировой парень из всех, кто хоть раз сверзился с дерева или чуть не лопнул со смеху. Самый лучший друг из всех, кто мчался по беговой дорожке, оставляя всех бегущих на милую позadi, а потом, оглянувшись, вдруг спотыкался и шлепался на землю, поджидая, пока они с ним поравняются, и вместе, голова в голо-

ву, рвал грудью финишную ленточку. Самый славный выдумщик из всех, — уж он всегда разведает все дома с привидениями в городе, а их ох как трудно вынюхать! — и всегда позовет ребят пошарить по подвалам, всласть полазать по обвитым плющом кирпичным стенам, покричать в жерла труб и пустить тугие струйки прямо с крыши — накричишься, навопишься, напляшешься, как обезьяна, до упаду... В тот день, когда Джо Пифкин появился на свет, все бутылки с пепси-колой и шипучим лимонадом во всем мире вышибли пробки и салютовали пенным залпом, а спятившие от радости пчелы роями носились по полям и лесам и всюю жалили почтенных старых дев. Но каждый его день рождения озеро в разгаре лета уходило от берегов и набегало обратной волной, полной мальчишек, которая взмывала вверх, подбрасывая ребятню, и расшибалась в визге и хохоте.

На рассвете, бывало, лежа в постели, слышишь, как птица стучится в окно. Пифкин.

Высовываешься из окна глотнуть прозрачного, как с горного ледника, рассветного воздуха летнего утра.

На газоне, посеребренном росой, кружево кроличьих следов даст тебе знать, что всего мгновение назад не десяток кроликов, а один-единственный кролик выплясывал здесь и выделял коленца, выписывал кренделя и закладывал выражи от простой, немислимой радости жить, в восторге скакал через изгороди, сшибал перья папоротника, топал по клеверу. Сеть следов напоминала переплетение рельсов на сортировочной станции. Миллион путей и дорожек в траве, но никого не видать. Где...

Пифкин?

Да вот же он, выглядывает, как дикий подсолнух в саду. Его славное круглое лицо светится, встречая солнце. А глаза сверкают, сигнали, как зеркала по азбуке морзе:

— Торопись! Вот-вот все кончится!

— Что?

— Этот день! Сия минута! Уже шесть утра! Ныряй сюда! Окунись с головой!

Или:

— Да лето же! Не успеешь оглянуться — бах! — и ушло! Давай быстрее!

И он окунался обратно в подсолнухи, чтобы вынырнуть уже в луковицах, сплошняком.

Пифкин, милый ты наш Пифкин, самый настоящий, самый лучший из всех мальчишек.

Прямо непостижимо было, как он ухитрялся так быстро бегать. Его старые кроссовки едва держались. Когда-то белые, они набрались зелени в лесах, которые пришлось пробежать, побурели от прошлогодних осенних пробегов по сжатым полям в сентябре, а смоляные пестринки и разводы усеяли их после рейдов по причалам и пристаням, где разгружались баржи с углем, желтыми пятнами их украсили беззаботные собаки, и еще были они утыканы щепками и занозами от множества заборов и плетней. Одежда у него была под стать вороньему пугалу, ведь ее по ночам таскали друзья Пифкина — собаки, он им давал поносить, пофорсить — ясно, что все обшлага были изжеваны, а брюки в пыли и протерты на коленках.

А волосы? У него на голове шапкой стояли, щетинясь, как иглы у ежика, топорщась во все стороны, пестрые — каштаново-золотистые — вихры. Уши — чистый персиковый пушок. А руки — на них были словно перчатки из пыли и славного запаха псины, мятных леденцов и ворованных где-то за тридевять земель персиков.

Пифкин. Сгусток скоростей, запахов, фактур, таких разных на ощупь; копия и прообраз всех мальчишек, которые когда-либо мчались во всю прыть, падали, вскакивали и неслись дальше.

За все годы никто и никогда не видел его сидящим на месте. Невозможно было вспомнить, чтобы он просидел в школе, на своем месте, хотя бы час. Он последним прибежал в школу и первым

вылетал из дверей, как ракета, под звон последнего звонка.

Пифкин, славный малый Пифкин.

Он умел издавать такие залиvistые вопли, на-яривал на губной гармошке и ненавидел девчонок больше, чем все ребята в его уличной команде, вместе взятые.

Это Пифкин, обняв тебя за плечи, нашептывал тебе в ухо про великие дела, ждущие вас в этот день, был твоей опорой и защитой от всего мира.

Пифкин...

Сам Бог старался встать пораньше, только бы увидеть, как Пифкин выскакивает из своего дома, будто апостол на башенных часах. А уж погода всегда стояла отличная везде, где был Пифкин.

Пифкин.

Они толпились перед его домом.

Вот-вот дверь одним махом распахнется.

Пифкин вылетит пулей в россыпи искр и клубках дыма.

И тогда праздник начнется взаправду!

«Выходи, Джо, эй, Пифкин, — шептали они. — Давай выходи!»

ГЛАВА 3

Дверь дома отворилась.
Пифкин вышел на крыльцо.

Не вылетел. Не выскочил. Не вырвался, как из пушки.

Вышел.

И пошел по дорожке навстречу друзьям.

Шагом. И без всякой маски! Без маски!

Он шел медленно, будто старик какой-то.

— Пифкин! — заорали они хором, стараясь спугнуть свой испуг.

— Привет, ребята, — сказал Пифкин.

Он был совсем бледный. Пытался улыбнуться, но глаза у него были какие-то странные. Одну

руку он прижимал к правому боку, как будто у него там нарывает.

Они все уставились на его руку. Тогда он отнял руку от правого бока.

— Ну что, — сказал он каким-то тусклым голосом. — Готовы в поход?

— Мы-то готовы, а вот ты как? — сказал Том. — Заболел?

— Под праздник? — сказал Пифкин. — Шутить?

— А где твой костюм?

— Вы идите, я вас догоню.

— Нет, Пифкин, мы лучше подождем, пока ты...

— Ступайте, — еле вымолвил Пифкин, бледный как смерть. Руку он снова прижал к боку.

— У тебя что, живот болит? — спросил Том. — А твои знают?

— Нет-нет, не могу я им сказать! Они... — Слезы брызнули из глаз Пифкина. — Да это пустяки, я же говорю! Идите прямиком к оврагу. К тому Дому, ладно? К Дому с привидениями, поняли? Я там буду.

— Клянешься?

— Клянусь. Погодите, увидите, какой у меня костюм!

Мальчишки стали отходить. Уходя, каждый или трогал его за локоть, или легонько стучал в грудь, или нежно касался сжатым кулаком его подбородка, будто бы в драке понарошку.

— Ладно, Пифкин. Раз уж ты обещаешь...

— Обещаю, точно. — Он перестал держаться за бок. Лицо его залилось румянцем, как будто боль отпустила. — А ну, на старт! Внимание! Марш!

Когда Джо Пифкин крикнул «Марш!», они сорвались с места.

Они побежали.

Полквартала они пробежали задом наперед, не сводя глаз с Пифкина, который стоял и махал им рукой.

— Догоняй, Пифкин!

— Догоню-ю! — крикнул он им вслед из дальнего далека.

И ночь поглотила его.

Они бежали вперед. А когда снова оглянулись, Пифкина было совсем не видеть.

Они хлопали дверьми, кричали «Сласти или страсти-мордасти!», и их мешочки из коричневой бумаги уже начали наполняться несусветными вкусами. Они бежали вприпрыжку, а зубы у них увязали в розовой жевательной резинке. Губы у них ярко горели, красные как кровь.

Да вот только все, кто открывал им дверь, были как две капли воды похожи на их собственных родителей — как леденцы, сыпавшиеся с конвейера на конфетной фабрике. Словно ты и вовсе из дому не выходил. Каждое окно, каждая дверь заливали их добротой, как сиропом. А им хотелось услышать рев драконов в подземелье и скрежет подъемных мостов в замках.

Таким образом они, оглядываясь — не идет ли Пифкин? — дошли до самых окраин города, где цивилизация уступала место темноте.

Овраг.

Овраг, в глубине которого таились неисчислимые ночные шорохи, змеились ручьи и речонки чернее чернил, копились сокровища каждой осени, что прокатилась вся в золоте и багрянце — за целую тысячу лет... Эта глубокая трещина в земле порождала мухоморы и поганки, и холодных, как галька, лягушек, и мокриц, и пауков. Там, в черной яме, начинался длинный подземный ход, где сочились отравленные воды, а эхо бесконечно перекликалось, звало: «К нам — к нам — к наммм», — а уж если ты замешкался, то навеки останешься здесь, навсегда, в шорохе, перестуке, перебежках, перешептываньях, и не вырвешься никогда, ни-ко-гда...

Мальчишки столпились на краю бездны, заглядывая вниз.

Как вдруг Том Скелтон, продрогший до костей в своем скелетном костюме, со свистом втянул воздух сквозь зубы — так свистит сквозняк, ночью, за ширмой в спальне. Он вытянул руку, показывая:

— Эй, вот куда Пифкин велел нам бежать!

И он исчез.

Все смотрели вслед. Они видели, как маленькая фигурка побежала по тропке и нырнула в сто миллионов тонн ночной тьмы, сгустившейся в этой бездонной пропасти, в этом сыром погребе, в чудесной, жуткой глубине оврага.

Они бросились следом, крича во все горло.

Обрыв, где они только что стояли, обезлюдел.

А город остался позади, наслаждаться собственной сладенькой жизнью.

ГЛАВА 4

Они мчались вниз на дно оврага быстрой стайкой, с хохотом, толкотней, словно сплошь состояли из локтей и коленок, фыркая и задыхаясь от смеха, и затормозили, налетев друг на друга, когда Том Скелтон встал как вкопанный и показал куда-то вверх, за крутой тропкой.

— Вон там, — прошептал он. — Там стоит единственный дом, который надо навестить в Канун Всех святых! Вон!

— Ага! — сказали все.

Потому что он сказал правду. Дом был необыкновенный, старинный, высокий и темный. В нем было, наверно, не меньше тысячи окон, и в каждом мерцали холодные звезды. Казалось, что дом высечен из черного мрамора, а не сложен из бревен, а уж внутри... кто угадает, сколько там комнат и залов, коридоров, чердаков? Чердаки высокие и пониже, на разных уровнях, и с разными потолками — в некоторых накопилось больше пыли, паутины и иссохшей листвы — а может, и золота, насыпанного в тайник, так высоко возмо-

стившийся в небо, что в целом городе не найдешь приставной лестницы, чтобы дотуда достала.

Дом манил своими башенками, приглашал плотно закрытыми дверьми. Конечно, пиратские корабли — это здорово. Старинные крепости — просто блаженство. Но дом — Дом с привидениями, да еще в Канун Дня Всех святых! Восемь мальчишеских сердец колотились от восторга и восхищения.

— Пошли!

Но они уже бросились наперегонки по тропке. Вот они уже стоят перед полуразвалившейся стеной, глядя вверх — выше — еще выше, — где старый высокий дом венчает крыша, похожая на кладбище. Ни дать ни взять — кладбище. Острый гребень крыши, как хребет горы, топорщился какими-то черными костями или железными прутьями, а трубы, как надгробия, громоздились рядами — трубы, готовые дохнуть дымом из трех дюжин каминов, одетых сажей и таящихся далеко внизу, в загадочном чреве этого драконского дома. Утыканная множеством труб, крыша походила на обширный погост, и каждая труба отмечала место погребения какого-нибудь древнего божества огня или заклинательницы танцующего дыма и пара, властительницы огненных светлячков-искр. Да вот, прямо у них на глазах, из четырех дюжин дымоходов вылетело по облачку сажи, и от этого вздоха небо стало еще чернее, а некоторые звезды исчезли из виду.

— Здорово! — сказал Том Склтон. — Пифкин знал, о чем говорил!

— Здорово! — согласились все.

Они подкрадывались все ближе по дорожке, заросшей бурьяном, к покосившемуся крыльцу.

Том Склтон, опередив всех, тихонько нащупал тощей скелетной ногой первую ступеньку. У всех прямо дух захватило от такой смелости. Но вот уже плотная кучка ребят, словно одно разгоряченное существо, вскарабкалась на крыльцо, и под ногами скрипуче застонали доски, и всех пробрала

дрожь. Каждый в отдельности готов был повернуться и дать стрекача, но повсюду натыкался на другого — и сзади, и спереди, и по бокам. В потной тесноте эта многоножка двигалась, выпуская, как амеба, то одну, то другую ложноножку наугад, качаясь, пускаясь бегом, пока не остановилась прямо перед входной дверью, высокой, как гроб, только в два раза тоньше.

Они простояли там нескончаемое мгновение; время от времени из общей массы, похожей на громадного паука, высовывалась рука, как лапка, пытаясь дотянуться до дверного молотка на этой двери. А тем временем доски деревянного крыльца уходили из-под ног, колыхались под их общей тяжестью, грозя при малейшем нарушении равновесия ухнуть вниз, унося их в бездну, кишашую тараканами. Доски, каждая на своей ноте — до! — ми! — соль! — тянули свою жуткую песенку под грубыми ботинками, стоило только двинуть ногой. Хватило бы времени, и будь это среди дня, уж мальчишки отчебучили бы похоронный марш или скелетную чечетку — кто в силах устоять перед разваленным крыльцом, которое только и ждет, как великанский ксилофон, чтобы по нему хорошенько попрыгали?

Но это им и в голову не пришло.

Генри-Хэнк Смит (это был он), кутаясь в черные одеяния Ведьмы, закричал:

— Глядите!

И все воззрились на дверной молоток. Том протянул дрожащую руку, не решаясь притронуться к нему.

— Молоток-Марлей!

— Что-что?

— Да помните, Скрудж и Марлей, в «Рождественских песнопениях»*, — прошептал Том.

И вправду — голова на дверном молотке оказалась лицом человека, у которого жутко болят

---

* Чарльз Диккенс. «Рождественские песнопения» (Christmas Carol).

зубы, с подвязанной челюстью, встрепанной шевелюрой, оскаленными зубами и одичалым от боли взглядом. Да, это был Марлей, мертвый, как дверной гвоздь, приятель Скруджа, жилец загробных пределов, осужденный вечно скитаться по земле до тех пор, пока...

— Стучи, — сказал Генри-Хэнк.

Том Скелтон взялся за холодную ужасную челюсть старины Марлея, поднял, отпустил.

Все вздрогнули от удара!

Весь дом заходил ходуном. Его кости затрещали, застучали друг о друга. Портьеры разверзли зловещие зеницы, так что подслеповатые окна широко раскрыли свои злые глаза.

Том Скелтон, как кошка, перепрыгнул через перила крыльца и посмотрел вверх. На гребне крыши завертелись диковинные флюгера. Двуглавые петухи поворачивались под каждым чихом ветерка. Из двойного водостока, пасти горгульи на западном углу крыши, вылетели один за другим облака пыли. И долго после того, как чиханье и крик затаились, а петухи перестали вертеться, по змеящимся водосточным трубам вдоль всего дома шуршали остатки осенних листьев и пыль с паутиной, пока не высыпались на темную траву.

Том быстро повернулся, посмотрел на дрожащие мелкой дрожью оконные стекла. Лунные блики трепетали в стеклах, как стайки напуганных серебристых мальков. Входная дверь дрогнула, ручка сама собой повернулась. Марлей-молоток скорчил рожу, и дверь распахнулась.

Оттуда дунул такой ветер, что чуть не снес мальчишек с крыльца. Они заорали, вцепились друг в друга.

А потом тьма, затаившаяся в доме, втянула воздух одним вдохом. Ветер понесся вспять в зияющую пасть дверного проема. Он стал засасывать мальчишек, втягивать их, волоча по крыльцу. Им пришлось откинуться назад, чтобы черное, бездонное

чрево не заглотнуло их. Они барахтались, кричали, цеплялись за перила. Но вдруг ветер стих.

В глубине тьмы двигалось что-то темное.

В самом нутре дома, далеко-далеко, кто-то двинулся к двери. Кто бы он ни был, одет он был во все черное — виднелось только расплывчатое бледное лицо, словно плывущее по воздуху.

Недобрая улыбка приблизилась и повисла в воздухе перед ними.

Позади улыбки едва виднелся силуэт высокого человека. Теперь они видели его глаза — зеленые огоньки, как точки в узких обугленных ямках глазниц, глядящие на них в упор.

— Это... — сказал Том... — Э-э... Сласти или страсти?

— Страсти? — ответила из темноты улыбка. — Сласти?

— Да, сэр.

Ветер сыграл где-то в трубе музыкальную фразу, словно на флейте, старую песню о времени, о темноте, о далеких далях. Высокий человек зашелкнул свою улыбку, как перочинный ножик, блеснувший лезвием.

— Никаких сластей, — сказал он. — Только страсти-мордасти!

И дверь ка-ак хлопнет!

По всему дому прокатился гром, обрушивая лавины пыли.

И снова прах и пыль вырвались из водосточных труб, как спугнутые пушистые кошки.

Открытые окна дохнули пылью. Пыль пыхнула из-под ног у ребят сквозь щели в досках.

Мальчишки смотрели на запертую, крепко захлопнутую входную дверь. Марлей-молоток уже не кривился от боли, а злорадно ухмылялся.

— То есть как это? — спросил Том. — Не сласти, а только страсти-мордасти?

Они отступали за угол дома, с удивлением прислушиваясь к звукам, которые издавал этот дом. Он наполнился несвязным шепотом, пис-

ком, скрипом, стонами и ропотом, а ночной ветер старательно доносил до слуха мальчишек каждый шорох. Стоило им ступить шаг, как древний дом клонился над ними, еле слышно постанывая.

Они обогнули дальний угол дома и остановились.

Потому что увидели Дерево.

Ничего подобного они не видывали за всю свою жизнь.

Оно высилось посередине широкого двора перед страшным и чудесным домом. Это Дерево достигало в высоту футов сто, не меньше, оно раскинуло выше гребня крыши свою круглую, широкую, многоветвистую крону, сплошь одетую в богатейший наряд из багряных, бурых, желтых осенних листьев.

— Ой, — еле слышно сказал Том. — Смотрите! Там, наверху!..

Потому что Дерево было увешано множеством тыкв, любого размера и формы, всех цветов и оттенков, от тускло-золотистого до ярко-оранжевого.

— Тыквенное дерево, — сказал кто-то.

— Да нет, — сказал Том.

Ветер пролетел среди высоких ветвей и легонько качнул яркие украшения.

— Праздничное дерево, — сказал Том. — Дерево Всех святых.

Он нашел верное слово.

ГЛАВА 5

Тыквы на Дереве были не простые. На каждой было вырезано лицо. И ни одно лицо не было похоже на другое. Один глаз был диковиннее другого. Один нос — странноватее другого. И каждый рот кривился собственной, особенной жутковатой улыбкой.

Пожалуй, на этом Дереве было развешано тысяча тыкв, на самой высоте, на каждой веточке. Тысяча улыбок. Тысяча гримас. И дважды по тысяче

свежевырезанных глаз глазели, моргали, косились оттуда.

Мальчишки глазели тоже, и у них на глазах произошло чудо.

Тыквенные рожицы стали оживать.

Начиная с нижних ветвей Дерева и самых близко висящих тыкв, в их сырой кожуре стали одна за другой вспыхивать свечки. Вон там — и там — и тут — и еще — все дальше, все выше, обегая всю крону: три тыквы тут — семь тыкв повыше — дюжина, кучкой — на той стороне, сотня — пять сотен — тысяча тыкв затеплили свои свечки, иными словами — осветили свои рожицы, огонь засверкал в их квадратных, круглых или диковато раскосых глазах. Огонь заструился из их зубастых ртов. Из вырезанных в спелой мякоти ушей полетели снопы искр.

И откуда-то донеслись два голоса — а может, три или четыре, они шептали, напевали что-то вроде детской песенки или колыбельной, убаюкивая небо, и время, и землю, усыпляя все вокруг. Жерла водосточных труб выдыхали тончайшую паутинную пыль:

Вот такой высоты, вот такой широты...

Голосок вылетал дымом из высокой трубы:

Вот такой широты, вот такой красоты...

На Канун Всех святых...

Откуда-то из открытых окон летели паутинки:

До небес и до звезд поднялось во весь рост...

Нет, не видывал ты Древочудищ таких,

Как в Канун Всех святых!

Свечи мерцали, огоньки трепетали и ярко вспыхивали. Ветер тихим дуновением, влетая в тыквен-

ные рты и вылетая обратно, выпевал протяжную песню:

Прошел и умер старый год, но озаряет небосвод
Костром из листьев золотых
Оно во славу Всех святых!
Неси осенний урожай, созвездья свечек зажигай!

Том вдруг почувствовал, как губы у него засу-
стились, словно мышки, нетерпеливо норовя под-
хватить песенку:

Свечи сверкают, а звезды горят,
Опавшие листья летят и шуршат,
Улыбаются тысячи тыков с высоты,
На Канун Всех святых!

Вот Ведьма смеется,
Ухмыляется Кот,
Там осканился Зверь,
Хохоча во весь рот,
И с улыбкою Жнец свою плату берет...
Здравствуй, День Всех святых — Новый год,
Новый год!

Тому казалось, что изо рта у него змеится
дымок:

— День Всех святых...

И все мальчишки шепотом вторили:

— Всех святых...

Потом наступила тишина.

И в этой тишине засветились последние свечки
на Праздничном дереве — по три, по четыре зараз,
образуя гигантское звездное скопление, вплетенное
в космы черных веток и сучьев, проглядывающее
украдкой сквозь ветви и чеканные сухие листья.

Теперь все Дерево стало единой необъятной
многомерной Улыбкой.

Горели все тыквы, все до одной. Вокруг Дерева
распространилось теплое дыхание позднего лета.

Ребят обволакивал дымок с привкусом копоти и свежий запах тыквенной плоти.

— Ух ты, — сказал Том Склтон.

— Видали местечко, а? — спросил Генри-Хэнк, Ведьма. — Мало этого дома и типа с разговорами про «страсти-мордасти», тут еще и... Я такого дерева в жизни не видел. Вроде новогодней елки, только куда больше, а тыкв и свечек — видимо-невидимо! Что бы это значило? Что за празднество?

«Празднество!» — донесся откуда-то мощный шепот — то ли из луженных сажей глоток дымовых труб, то ли все окна в доме разом разинулись* у них за спиной — вверх-вниз, вверх-вниз, выдыхая вместе с темнотой слово «Празднество!»

— Да-сс... — прошелестел великанский шепот, от которого заматались огоньки в тыквах, — празднество...

Мальчишки так и взвились в воздух, оборачиваясь лицом к дому.

Но дом хранил безмолвие. Окна были закрыты наглухо и до краев налиты лунным светом.

— Кто отстанет — теткой станет! — вдруг завопил Том. Их ждали золотые копны осенней листвы, как тлеющие уголья, как странный клад, несметные богатства.

И мальчишки бросились со всех ног к этой громадной, чудесной куче листвы — сокровищнице осени.

Но в тот момент когда они уже готовы были нырнуть с головой в шуршащие, роящиеся листья, толкаясь, вопя, крича, сбивая друг друга с ног, вдруг прозвучал какой-то исполинский вдох, словно кто-то огромный заглотнул массу воздуха. Мальчишки взвизгнули, рванулись назад, как будто под ударом невидимого бича.

Потому что над кучей листвы поднималась белая костяная рука, сама по себе.

---

* Надо напомнить, что окна во многих домах не растворяются, а поднимаются вверх.

А за ней, улыбаясь во все зубы, вынырнул до того невидимый белый череп.

И эта манящая, волшебная перина из листьев дуба, тополя и вяза, в которой они так мечтали повозиться, покататься, утонуть с головой, теперь стала для мальчишек страшнее всего на свете. Белая костяная рука парила в воздухе. А белый череп все поднимался и поднимался, качаясь перед ними.

И ребята отшатнулись, налетая друг на друга, забывая дышать, всхлипывая от ужаса, пока не свалились в барахтающуюся кучу-малу, отчаянно стараясь вырваться, цепляясь за траву, норовя удрать.

— Спасите! — кричали они.

— Как же, спасите, — сказал Череп. Раскаты дикого хохота пригвоздили их к месту, а рука, висящая в воздухе — костлявая рука скелета, — протянулась вверх, сграбастала белый оскал черепа и содрала его, как кожуру с апельсина!

Мальчишки только сморгнули за глазами своих масок. У них и челюсти отвалились, только этого никто не видел.

Из вороха листы вздымался, как воздушный шар, высоченный человек в черном плаще, он рос и рос все выше. Он рос как дерево. Он выбросил сучья — руки. Он стоял на огненном фоне самого Праздничного дерева, так что его распростертые руки, длинные белые костяные пальцы были словно увешаны гирляндами оранжевых огненных шаров, гроздьями пламенных улыбок. Глаза он зажмурил, заходясь от громоподобного хохота. Из широко разверстого рта вырывался осенний вихрь.

— Никаких сластей, ребятки, нет, никаких сластей! Страсти, ребятки, страсти! Страсти-мордасти!

Они лежали ни живы ни мертвы, ожидая землетрясения. И оно разразилось. Громовой смех великана расшатал и потряс землю. И эта дрожь, пробрав их до самых костей, словно вышибла из них дух. И вырвалась — взрывами смеха!

Мальчишки сидели среди разворошенной кучи листьев вне себя от удивления. Они даже пощупали

руками свои маски, ощутили, как теплый воздух толчками вылетает изо рта — они заразились хохотом!

Они подняли глаза на человека в черном, словно стараясь оправдать свое удивление.

— Ну да, ребятки, вот они, вот они, страсти-то! Вы что, позабыли? Да нет, вы ничего и не знали!

И он прислонился к Дереву, все еще покатываясь со смеху, да так, что весь ствол затрясся, вся тысяча тыкв заплясала, а огоньки внутри их запрыгали, обрамляясь дымом.

Отогревшись собственным смехом, мальчишки стали вставать, ощупывая себя — все ли кости целы. Все были целы. Они сгрудились маленькой стайкой под Праздничным деревом в ожидании — потому что поняли, что это всего лишь начало новых, поразительных и чудесных событий.

— Ну и что? — сказал Том Скелтон.

— Что, Том? — сказал человек.

— Том? — загалдели все. — Так это ты? — Том, одетый Скелетом, окаменел.

— Ну, может, Боб или Фред, — да нет, это, должно быть, Ральф, — поспешно вмешался незнакомец.

— Все вместе! — выдохнул Том с явным облегчением, покрепче прилаживая маску.

— Ага, все вместе! — откликнулись все хором. Человек кивнул, улыбаясь:

— Ну ладно! Теперь вы узнали про Канун Всех святых что-то, чего не знали раньше. А как вам понравились мои страсти-мордасти?

— Страсти, да, страсти, — мальчишки загорелись восторгом. Он словно высушил в их суставах нежные хрящики добродетели и подсыпал щепотку праха, греха и соблазна в их кровь. Они чуяли, как от этой радости, куролесящей внутри, загорелись их глаза, а губы растянулись в улыбке, как у веселых щенят.

— Ну да, точно!

— А вы всегда это устраивали на Канун Всех святых? — спросил мальчишка-Ведьма.

— И это, и еще много чего. Однако не пора ли мне представиться? Мое имя — Смерч. Череп-Да-Кости Смерч. Ну, как звучит, ребятки? Звучное имя, не правда ли?

Еще какое звучное, подумали мальчишки, еще как звучит, ого!

Смерч!

— Благородное имя, красивое имя, — сказал мистер Смерч, придавая голосу гулкий, загробный тон погребального колокола. — И прекрасная ночь. И вся темная, таинственная, бурная и древняя история Кануна Дня Всех святых изготовилась проглотить нас живьем!

— Проглотить?

— Да! — воскликнул Смерч. — Ребята, посмотрите-ка на себя. Вот ты, паренек, почему ты нацепил маску Череп? А ты, мальчик, тащишь с собой косу, а ты вырядился Ведьмой? А ты, и ты, и ты! — он тыкал костлявым пальцем в каждого ряженого. — Что, не знаете? Просто напялили эти маски, натянули старые, пропахшие нафталином костюмы и пошли куролесить, но по правде-то вы ничего не знаете, так?

— Ну... — протянул Том, робкий, как мышка, за белой маской черепа. — Вообще-то... не знаем.

— Да-а... — сказал мальчишка-Чертенок. — Если подумаешь — чего это я так вырядился? — И он пощупал свой красный плащик, дотронулся до острых резиновых рожек, провел пальцами по отличным вилам.

— А я — вот так, — сказал Призрак, размахивая своим белым просторным похоронным саваном.

И все мальчишки, пораженные и удивленные, трогали свои костюмы и получше прилаживали маски.

— Вот было бы здорово узнать, что к чему, а? — спросил мистер Смерч. — Я вам расскажу! Нет, лучше покажу! Хватило бы времени...

— Да сейчас только полседьмого. Канун Всех святых даже и не начинался! — сказал Том-в-своих-продувных-косточках.

— Верно! — сказал мистер Смерч. — Ладно, ребятаки, за мной!

Он зашагал прочь. Им пришлось бежать за ним.

На краю глубокого, темного, ночного оврага он показал вдаль, за горизонт, за оком холмов и земли, куда не достигал свет луны, где царил лишь тусклый свет незнакомых звезд. Ветер раздувал его черный плащ, капюшон, который затенял его лицо, отодвинулся, и стало видно белое лицо, почти лишенное плоти.

— Вон там, видите, ребятаки?

— Что?

— Неведомая Страна. Там, за горизонтом. Глядите хорошенько, глядите долго, глядите досыта. Устройте себе пир. Там Прошрое, мальчики, Прошрое. О да, оно полно страшных тайн и темных ужасов. Все, что породило Канун Всех святых, схоронено там. Хотите раскопать старые кости, ребятаки? Не сдрейфите?

Он обратил к ним горящий взгляд:

— Что такое — Канун Всех святых? С чего все пошло? Где началось? Зачем? Чего ради? Ведьмы, кошки, мумии, прах, привидения. Все это там — в той стране, откуда никто не возвращается. Рискуете нырнуть в этот океан тьмы, ребята? Хотите взлететь в черное небо?

Мальчишки проглотили комок, застрявший в горле.

Кто-то пискнул:

— Мы бы рады, да вот Пифкин... Мы обещали ждать Пифкина.

— Ну да, Пифкин нас сюда послал. Мы без него — никуда.

И словно в ответ на их слова на том берегу пропасти раздался слабый крик.

— Эй! Я здесь! — отозвался тонкий голосок.

Они увидели крохотную фигурку с зажженной тыквой в руке, стоящую на дальнем краю оврага.

— Сюда! — закричали все в один голос. — Пифкин! Давай сюда!

— Бегу-у! — донеслось до них. — Расклеился я что-то. Но — раз обещал, надо идти. Ждите!

ГЛАВА 6

Они видели, как он, маленький, бежит вниз по тропинке на склоне оврага.

— Подождите, пожалуйста, подождите... — Голос срывался, дрожал. — Мне совсем плохо... Бежать не могу... Не могу...

— Пифкин! — кричали все, махая ему сверху, с обрыва.

Его фигурка казалась такой маленькой, крохотной, жалкой. Повсюду клубились тени. Метались летучие мыши. Ухали совы. Вороны, чернее ночи, облепляли деревья, как черная листва.

Маленький мальчишка бежал со всех ног с горящей тыквой и вдруг — упал.

— Ох, —дохнул Смерч.

Свечка, горевшая в тыкве, погасла.

— Ох! — простонали все.

— Зажигай свою тыкву, Пиф, зажигай скорей! — крикнул Том.

Ему казалось, что он видит маленькую фигурку, шарящую в черной траве, в непроглядной тьме, старающуюся чиркнуть спичкой. Но в этот короткий миг тьмы ночь вступила в свои права. Над пропастью простерлось необъятное крыло. Хором заухали, захохотали совы. Сотни мышей забегали, юрко шурша среди теней. Где-то случился миллион лилипутских убийств.

— Зажигай тыкву, Пиф!

— Помогите!.. — простонал жалобный голосок.

Тысяча крыльев рванулись в полет. Где-то в небе громадная тварь била крыльями по воздуху, как гулкий барабан.

Облака, как полупрозрачные задники в театре, раздвинулись, открывая небо. Там висела луна, великанский круглый глаз.

Он уставился вниз, на...

На пустую тропинку.

Пифкина нигде не было.

Далеко-далеко, на горизонте, что-то мелькнуло темным лоскутком, заметалось, унеслось прочь с холодным ветром.

— Помоги-те! По-мо-ги-те... — Голосок заглох.

И все пропало.

— Ох ты, — загробным голосом сказал Смерч. — Плохо дело. Боюсь, что Нечто унесло его с собой.

— Куда, куда? — бормотали мальчишки, у них от холода зуб на зуб не попадал.

— В Неведомую Страну. В то Царство, которое я хотел вам показать... Да только теперь...

— Вы что, хотите сказать, что Это, Оно — или Он — там, в овраге, что это Нечто было — Смерть? Оно схватило Пифкина — и смылось?

— Скорее похитило, я бы сказал, взяло в заложники, может, чтобы получить выкуп, — ответил Смерч.

— А разве Смерть так... делает?

— Случается и так.

— Вот беда... — Том почувствовал, как на глаза навернулись слезы. — Пиф еле бежал, и весь бледный... Пиф, зачем ты сегодня вышел из дому! — крикнул он прямо в небо, но там ничего не было, кроме ветра, несущего облака, как клочки белого руна, ветра, текущего, как прозрачная река.

Они стояли, дрожа, замерзая. Они глядели вслед тому Черному Нечто, которое умыкнуло их друга.

— Ну вот что, — сказал Смерч. — Тем больше резону поторопиться, ребятки. Если мы полетим побыстрей, может, нагоним Пифкина. Словим его славную, сладкую, леденцовую душу. Принесем домой, уложим в постель, закутаем в одеяло, согреем, сохраним его дух. Что скажете, ребята? Хотите разгадать разом две загадки? Разыскать,

выручить Пифкина и заодно узнать тайну Кануна Всех святых — убить две темные тайны одним верным ударом? А?

Они подумали про Ночь накануне Дня Всех святых, когда мириады призраков шатаются по опустевшим дорожкам в холодных порывах ветра и нездешних странных клочьях дыма.

Они подумали про Пифкина, маленького, как мальчик-с-пальчик, про живой комочек восхитительного летнего блаженства — и вот его выдернули, как зуб, и утащили в черном вихре, полном паутины, гари и черной золы.

И они почти в один голос ответили: «Да!»

Смерч подскочил. Он бросился бежать. Он осыпал их толчками, тузил кулаками, неистовствовал.

— А ну скорей, бегом по тропе, вверх по склону, вперед по дороге! К заброшенной ферме! Прыгай через забор! Алле-оп!

Они перемахнули через забор и остановились возле амбара, сплошь заклеенного старыми цирковыми афишами, которые ветер раздирал в клочья и трепал уже тридцать, сорок, пятьдесят лет. Все проезжие бродячие цирки оставляли здесь клочки и обрывки яркой мишуры, наслоившиеся дюймов на десять.

— Нам нужен Змей, ребята! Клейте Воздушно-го Змея! Живей!

ГЛАВА 7

С этими словами мистер Смерч отодрал громадный лоскут со стенки амбара! И бумага затрепетала у него в руке — тигриный глаз! Еще один рывок, лоскут старинного плаката — львиная пасть!

Мальчишкам слышалось в реве ветра львиное рычание, прямо из Африки.

Они заморгали. Они помчались. Они скребли ногтями. Они цеплялись и рвали горстями. Они

сдирали полосы, клочки, длиннющие свитки звериной плоти; тут клык, там — свирепый глаз, разодранный бок, окровавленный коготь, хвост трубой, прыжок, бросок, рык! Вся стена амбара была как древний цирковой парад, которому крикнули: «Замри!» Они разнесли ее в клочья.

С каждым клочком отрывался коготь, язык, яростный кошачий глаз. А под ними открывался, слой за слоем, кошмарный мир джунглей, захватывающие дух встречи нос к носу с белыми медведями, скачущими во весь опор зебрами, разъяренными прайдами кровожадных львов, носорогами, несущимися в атаку, цепкими гориллами, карабкающимися по откосу ночи и переносящимися на сторону восхода. Тысячи диких зверей клубились в схватке, пытаясь высвободиться. Теперь, освобожденные, в горстях, кулаках, охапках у мальчишек, они шелестели и шуршали на осеннем ветру, когда мальчишки неслись взапуски по траве.

И вот Смерч выломал старые колья из забора и сделал грубую крестовину, хребет Змея, скрутил их проволокой и отступил, в ожидании приношений — бумаги для Змея: мальчишки швыряли ее горстями, охапками.

И каждый клочок он бросал прямо на остов и, в снопах искр, приваривал намертво своими кремневыми пальцами.

— Эгей! — в восторге вопили мальчишки. — Эй, глядите!

Никто из них в жизни не видывал ничего подобного, не приходилось им встречать таких людей, как этот Смерч, — он запросто, одним щипком, толчком, шлепком сплавлял зрачок и клык, зуб и оскал, разверстую пасть — с торчащим рысьим хвостом! И вся эта масса обрывков сливалась в чудесную, единую картину, диковинную загадку-головоломку, изловившую и запечатлевшую звериный мир джунглей — налетев лавиной, все дикие звери застыли, увязли в клее,

запутались в тенетах, но картина все нарастала, наливалась ярким цветом, звуком, узором в свете восходящей луны.

Вот еще один яростный глаз. Еще один хищный коготь. Еще один голодный, алчный оскал. Спятивший шимпанзе. Безумный павиан. Визгливо кричащий стервятник! Мальчишки подбегали, поднося последние осколки кошмара, и вот змей закончен, его древнее тулово лежит готовое, после таинственной сварки, от которой еще дымятся синим дымком кремневые пальцы. Мистер Смерч прикурил сигару от последней вспышки, вырвавшейся из его большого пальца, и ухмыльнулся. И его ухмылка представила Змея в настоящем свете: это был Змей-истребитель, свора зверей, таких свирепых и ужасных, что их рев заглушал вой ветра и леденил сердца.

Смерч был доволен, и мальчишки тоже были довольны.

Дело в том, что Змей очень смахивал на...

— Ух ты! — сказал Том, потрясенный. — Птеродактиль!

— Что-что?

— Птеродактили — это такие древние летающие пресмыкающиеся, вымерли миллиард лет назад, и с тех пор их никто не видал, — пояснил мистер Смерч. — Хорошо сказано, малыш. Раз он похож на птеродактиля — значит, это и есть птеродактиль, и он понесет нас по ветру к Пропasti, Погибели, на Край Света или в какое-нибудь другое приятное местечко. А ну-ка, тащите канаты, веревки, бечевки, живей! Дергайте, тащите, несите!

Они сдернули старую бельевую веревку, болтавшуюся между амбаром и заброшенным домом. Добрых девяносто футов отличной веревки притащили они Смерчу, а тот всю ее пропустил через свой кулак, пока она не закурилась жутко зловонным дымом. Он привязал конец к середине громадного Змея, который лежал шевелил плавниками, как заплутавший, вытащенный из воды скат-манта

на незнакомом, высоком берегу. Он боролся с ветром за свою жизнь. Он трепетал и рвался ввысь, опираясь на восходящие потоки воздуха, но все еще лежал на траве.

Смерч отступил назад, рванул веревку — и вот Змей взлетел!

Он парил над самой землей на конце бельевой веревки, в волнах бьющегося, как немая тварь, ветра, ныряя в одну сторону, бросаясь в другую, внезапно становясь на дыбы, как стена, полная очей, панцирь из зубов, девятый вал рыка и воя.

— Не может подняться, не летит по прямой! Хвост, нам нужен хвост!

Том, будто его кто толкнул, не раздумывая пригнулся и вцепился в пузо Змею. И повис. Змей уравнился. Он начал подниматься.

— Ну да! — крикнул черный человек. — Ну, малый, ты молодец. Ума палата! Будешь хвостом! Все за ним!

И по мере того как Змей величаво всплывал по холодной бурной воздушной стремнине, все мальчишки, один за другим, охваченные внезапной прихотью, подхлестнутые причудой, наращивали собой этот хвост. Иными словами, Генри-Хэнк, ряженный Ведьмой, ухватился за щиколотки Тома, и теперь у Змея был роскошный Хвост из двух мальчишек.

Потом Ральф Бенгстрем, запеленутый в одеяния Мумии, путаясь и спотыкаясь о развевающиеся погребальные пелены, закутанный в свой слоистый гробовой кокон, подковылял поближе, прыгнул и вцепился в щиколотки Генри-Хэнка.

Теперь в Хвосте было уже трое мальчишек!

— Пойдите! А вот и я! — крикнул Нищий. (На самом-то деле под лохмотьями и грязью скрывался Фред Фрайер.)

Он подпрыгнул, ухватился.

Змей рванулся вверх. И четверо ребят, составлявшие Хвост, кричали во весь голос, требуя еще, еще!

И Хвост стал еще длинней, когда мальчишка, одетый Обезьяночеловеком, в свою очередь уцепился за щиколотки, а за ним последовал мальчишка, одетый Смертью, прямо с косой — а это было очень опасно!

— Эй, поосторожней там с косой!

Коса упала вниз и улеглась в траве, как обретенная улыбка.

Зато еще двое мальчишек висели, уцепившись за не больно-то чистые щиколотки, и Змей поднимался все выше и выше, унося мальчишку за мальчишкой, пока, вопя и крича, все восемь мальчишек не повисли в воздухе чудесным, извивающимся Хвостом, последние были Призрак (на самом деле Джордж Смит) и Уолли Бэбб, выдумщик, вырядившийся Горгульей, как будто только что свалился с крыши собора.

Мальчишки восторженно орали. Змей нырнул и полетел.

— Эге-гей!

У-ух! Змей урчал, как тысячи разных зверьков.

Банннг! Натянутая Змеем веревка гудела на ветру, как струна.

— Т-ш-шш! — шептали все вместе.

И ветер возносил их все выше, к звездам.

Смерч остался внизу, благоговейно созерцая свое творение, своего Змея, своих мальчишек.

— Подождите! — громко крикнул он.

— Нечего ждать, пора догонять! — заорали мальчишки.

Смерч понесся по траве, подхватил косу. Плащ его забился на ветру, распростерся, как крылья, и он просто-напросто взвился в воздух и — полетел.

ГЛАВА 8

Змей летел.

Мальчишки свисали вниз топким ящеричьим хвостом: извиваясь, крутясь, скользя, шелкая, как бич.

Они едва не охрипли от восторженного крика. Они вопили от ужаса, и на вдохе, и на выдохе. Они казались на фоне лунного диска летучим восклицательным знаком. Они парили над холмами, долинами, фермами. Они видели свое бегущее отражение в подернутых туманом, налитых лунным светом озерцах, ручейках, речках. Они проносились над кронами старых-престарых деревьев. Рожденный их полетом ветер стряхнул на землю несметные богатства монетного двора целой страны: золотые листья, как новенькие блестящие монетки, сыпались на черную траву. Мальчишки пролетали над городом и думали: да поглядите же вверх! Вот они мы! Ваши сыновья!

И еще думали: «Вниз, глядите вниз, где-то там наши мамы и папы, братья, сестры, учительницы! Эй, вот мы где! Ну кто-нибудь, гляньте же на нас! А то вы нипочем не поверите!»

Змей в последний раз спикировал, свистя, гудя, громыхая вместе с ветром, проплыл над старым домом и Праздничным деревом, где им повстречался мистер Смерч!

Вверх-вниз, нырок, кувырок, бросок, шепоток!

Взмах состоящего из их тел хвоста заставил тысячу свечей заморгать, затрепетать, язычки пламени зашипели, зашептались, словно заикаясь, стараясь не погаснуть совсем, так что все болтающиеся на ветках тыквы едва не растеряли свои гримасы, улыбки, косые взгляды, полузадутые, полузадушенные коварными тенями. На один удар сердца все Дерево погасло. Но тут же, как только Змей взмыл вверх, Дерево занялось огнем, засветилось тысячей свежевырезанных тыквенных гневных очей, грозных оскалов, гримас и усмешек!

Дом следил всеми своими окнами, черными зеркалами, как Змей улетал все дальше и дальше, пока и мальчишки, и Змей, и сам мистер Смерч не стали маленькими точками на горизонте.

И тогда они поплыли вниз, в глубину Неведомой Страны, в Царство Древней Смерти и Темных Веков и Ужасного Прошлого...

— Куда это мы? — крикнул Том, держась за хвост Змея.

— Да, куда, куда? — крикнули все мальчишки, один за другим, один ниже другого.

— Не куда, а «когда»! — сказал Смерч, обгоняя их, и его распростертый плащ с капюшоном наполнился лунным ветром и временем. — За две тысячи — считайте! — лет до Рождества Христова! Пифкин там, он нас ждет! Я его чую! Летим!

И тут луна принялась моргать. Она закрывала глаз, и наставляла тьма. Она подмигивала все быстрее, прибывала, убывала, прибывала, опять убывала. Она мелькнула и пропала больше тысячи раз, и в этом мигающем свете земля внизу менялась, потом еще пятьдесят тысяч раз промелькнула так быстро, что глазом не уследишь, даже не видно, когда луна светит, когда гаснет.

И вот луна перестала мигать и застыла в полном покое.

И земля внизу была совсем иная.

— Смотрите, — сказал Смерч, висая над ними в пустом пространстве.

И весь миллион тигровых-львиных-пантерных-леопардовых глаз осеннего Змея глядел вниз, и глаза мальчишек тоже.

И взошло солнце, и осветило...

Египет. Многоводный Нил. Сфинкс. Пирамиды.

— А ну-ка, — сказал Смерч. — Замечаете разницу?

— Уй-ююй! — ахнул Том. — Оно же все новенькое. Только что построено. Значит, мы и вправду улетели во Времени на четыре тысячи лет назад!

И точно — в Египте, раскинувшемся внизу, песок был взаправдашний, древний, а вот камни — только что отесанные. Сфинкс, протерший лапы на золотых песках пустыни, был новехонький, только что высеченный, новорожденное дитя

древних гор. Он лежал как колоссальный котенок в спящем, слепом сверкании полуденного солнца. И если бы солнце упало с неба прямо ему в лапы, он стал бы играть им, как огненным клубком.

А пирамиды? Они лежали внизу как странные детские кубики, новые головоломки, игрушки женщины-львицы по имени Сфинкс.

Змей с гудением понесся вниз, промчался на бреющем полете над песчаными барханами, перевалил пирамиду и поплыл, словно его всасывала разинутая пасть гробницы, высеченной в невысокой отвесной скале.

— Эгей, быстрее! — загудел Смерч.

Он размахнулся, да как наподдаст Змея — мальчишек встряхнуло, как гроздь звонких бубенцов.

— Ой, не надо! — завопили они.

Змей покачнулся, стал падать, задержался футах в десяти над барханами и встряхнулся, как бродячий пес, которого донимают блохи.

Мальчишки благополучно приземлились в золотой песок.

Змей рассыпался на тысячи кусочков — глаза, клыки, визг и рычание, рев, слоновый трубный вопль... Гробовая пасть египетской гробницы все вдохнула в себя, и Смерч, хохоча, ворвался следом.

— Мистер Смерч, погодите!

Мальчишки вскочили, побежали, чтобы крикнуть погромче в черный зев гробницы. Потом подняли глаза и увидели, куда их занесло.

Это была Долина Царей, и колоссальные статуи богов громоздились над их головами. Прах струился из их глазниц, как диковинные слезы; слезы из камня и сыпучего песка.

Мальчишки заглянули в темное чрево горы. Как русла пересохших рек, коридоры впадали в глубокие склепы, где лежали спеленутые полотняными пеленами мертвецы. Фонтаны из пыли шуршали и плескались в неведомых глубинах. Мальчишки прислушивались, горя нетерпением. Гроб-

ница дышала тошнотворной смесью острого перца, корицы и сотлевшего в пыль верблюжьего навоза. Где-то там спала мумия, покашливала во сне, поправляла бинт, облизывала губы сухим языком и переворачивалась на другой бок, чтобы соснуть еще тысячу-другую лет.

— Мистер Сме-ерч! — позвал Том Скелтон.

ГЛАВА 9

Из глубины иссохшей земли донесся бесплотный голос:

— Ссс-ме-ер-ччч...

Что-то выкатилось, вылетело, выпорхнуло из темноты.

Длиннющая полоска полотна, в какое завораживают мумии, выбилась на солнечный свет.

Словно сама могила высунула древний сухой язык, который лег к ногам мальчишек.

Они устали на эту полоску полотна. Она была длиной в сотни футов, и если бы они захотели, то смогли бы пойти прямо по ней вниз, все вниз, в таинственные глубины египетской земли.

Том Скелтон, дрожа, осторожно коснулся пальцами ноги пожелтевшей полотняной полоски.

Ветер прилетел из гробницы, шепча:

— Ссс-кореййй...

— Ну, я пошел, — сказал Том.

И, балансируя на полотне, как на канате, он побрел вниз и скрылся в темноте погребальных покоев.

— Ссс-пешите-е! — нашептывал ветер, вылетающий из бездны. — Все, все-е. Спускайтесь... Следующий. И следующий. И еще, и еще... Быссс-тро!

Мальчишки сбегали вниз по полотняной тропке, в полном мраке.

— Полюбуйтесь — убийство, мальчики! Убийство!

Колонны, между которыми пробегали мальчишки, вдруг озарились. Роспись дрогнула, ожила.

На каждой колонне пылало золотое солнце.

Только это было солнце с ручками и ножками, туго запеленутое в погребальные свивальники.

— Убийство!

Исчадие тьмы нанесло солнцу сокрушительный удар.

Солнце было убито наповал. Оно погасло.

Мальчишки бежали вслепую, в крошечной тьме.

«Конечно, — подумал Том на бегу, — ясно — солнце умирает каждый вечер. Засыпая, я думаю — возвратится ли оно? Завтра, наутро, неужели оно таки не взойдет?»

Мальчишки бежали. На колоннах, прямо перед ними, солнце снова возгорелось, как после затмения.

«Вот здорово, — подумал Том. — Так и знал! Оно взошло!»

Но в тот же миг солнце вновь было убито. На каждой колонне, мимо которой они пробегали, солнце гибло осенью и погребалось в ледяной зиме.

«В середине декабря, — думал Том, — мне часто кажется, что солнце никогда, никогда не вернется! Зима воцарится на веки вечные! На этот раз солнце умерло взаправду!»

Но когда мальчишки к концу коридора замедлили бег, солнце уже снова возродилось. В пенье золотых труб пришла весна. Весь коридор залил свет — чистый, яркий огонь.

Неведомый Бог, сверкая, стоял, изображенный на каждой стене, его лицо пылало огнем торжества, золотые лучи струились вокруг.

— Эй, а я знаю, кто он! — задыхаясь, крикнул Генри-Хэнк. — Видел в кино — где страшные египетские мумии!

— Озирис! — сказал Том.

— Озирис-sss, — донеслось шипенье Смерча из глубины гробниц. — Урок Номер Один из истории Кануна Всех святых. Озирис, Сын Неба и Земли, каждую ночь погибает от руки своего брата, Мрака. Озириса убивает осень, его кровная родня — Ночь. Так бывает в разных странах, маль-

чки. В каждой стране есть свой праздник смерти, связанный с временами года. Черепа и кости, ребятки, скелеты и призраки. Здесь, в Египте, созерцайте смерть Озириса, Царя Мертвых. Глядите во все глаза.

И они глядели во все глаза.

Потому что перед ними открылась широкая дыра в стене подземелья, и через это отверстие им была видна деревушка в Древнем Египте, где люди, суетясь в сумерках, выносили еду на глиняных и медных блюдах и ставили на пороги и подоконники.

— Для душ-шшш, спешаш-щ-щих домой, — прошептал Смерч из глубины тьмы.

На всех домах теплились гирлянды масляных светильников, и полупрозрачный дымок кружился над ними, как заблудшие души.

Так и казалось, что видишь привидения, пробирающиеся вдоль мощенных камнем улочек.

От солнца, канувшего в бездну на западе, тянулись длинные тени, норотившие ошупью пробраться в дома.

Но парок над горячими блюдами, выставленными на крыльцо, заставлял тени кружиться, трепетать.

Легкий аромат курений и древнего праха долетал до мальчишек, глазающих на этот старинный праздник мертвых, где «сласти» были выставлены не для толпы ряженных, а для бесприютных душ.

— Ух ты, — шептали мальчишки.

О любимые, милые тени родных,
Навещайте живых, навещайте живых.
Не сбивайтесь с пути, ослепленные тьмой.
Возвращайтесь домой, возвращайтесь домой!

Над неяркими светильниками курился дымок.

И тени вступали на крыльцо и, едва касаясь, принимали пищу, дар живых.

Мальчики увидели, как в одном доме древнюю мумию какого-то прадедушки вынесли из чулана,

и посадили на самое почетное место во главе стола, и поставили перед ним угощение. И вся семья, собравшаяся к ужину, поднимала бокалы и пила за мертвого, сидящего с ними, давным-давно превратившегося в горстку праха, в безгласную пыль...

ГЛАВА 10

— **А** ну-ка, быстрее, догоняйте, ищите! Это звал их, хохоча, сам Смерч.

— Сюда! Нет, сюда! Сюда!

Они побежали по тонкой ленточке, какой обвиняют мумии, в самую глубь земли.

— Сюда! Я здее-с-сь.

Они завернули за угол и остановились — длинная полотняная лента вилась по полу гробницы и вверх по стене, обвинялась вокруг ног иссохшей коричневой мумии, стоявшей стоймя в освещенной свечами нише.

— Эт-то... — заикаясь, пробормотал Ральф Бенгстром, одетый в самодельный костюм Мумии, — эт-то настоящая мумия?

— Точно, — прошелестело облачко пыли, выбившись из-под золотой маски на лице мумии. — С-с-ссаемая настоящая.

— Мистер Смерч! Это вы!

Золотая маска свалилась и покатилась по полу, звеня, как колокол, поблескивая.

Маска обнажила лицо мумии, похожее на бурое дно высохшей под неистовым солнцем лужи. Один глаз был сплошь затянут паутиной. Из другого как слезы лились пыльные струйки, а в глубине блестело ярко-голубое стеклышко.

— Признавайтесь-с-сь, кто тут у вас-sss одет мумией? — спросил глухой голос из-под тесного савана.

— Я, сэр! — пропищал Ральф, протягивая руки, показывая на свои ноги и грудь, туго забинтованные аптечными бинтами, — он полдня ухлопал на то, чтобы превратиться в мумию.

— Ссс-лавно, — выдохнул Смерч. — А теперь хватай за полотняный бинт. Тяни!

Ральф нагнулся, взялся за бинт, обвивавший древнюю мумию, — да как дернет!

Бинт завертелся, разматываясь, освобождая нос, похожий на клюв древнего ящера, чешуйчатый подбородок и высохший, застывший в улыбке рот, полный сухого праха. Скрещенные руки Смерча упали, освободившись.

— Спасибо, малыш! Свободен! Мало радости — быть спеленутым в сверток, как погребальное подношение Стране Мертвых. Но — тишшш! Быстро, ребятки, прыгайте в ниши, стойте! Сюда идут! Замерите, умрите!

Мальчишки попрыгали в ниши и застыли, скрестив руки, зажмурив глаза, не дыша — словно черед маленьких мумий, высеченных из первозданной скалы.

— Тиш-ш-ше, — шептал Смерч. — Слышу... Все ближе...

Погребальная процессия.

Толпа плакальщиц, в шелках и золоте, несущих игрушечные парусные кораблики и медные сосуды с едой.

А в середине — гроб с мумией, невесомый, как солнечный зайчик, на плечах шестерых мужчин. А следом — свежеспеленутая мумия, с едва высохшей росписью и в золотой маске, скрывающей лицо.

— Замечайте, ребятки, — еда и игрушки, — прошепел Смерч. — Они клали в могилу игрушки, ребятки. Чтобы боги собрались поиграть, повозиться, поводить хороводы — и увлечь ребенка в разгаре игр и веселья — в Страну Мертвых. Видите — лодочки, воздушные змеи, скакалки, игрушечные сабли...

— Смотрите-ка, а мумия маленькая! — сказал Ральф, закутанный в свои душные марлевые бинты. — Там мальчишка лет двенадцати! Как я!

А золотая маска на этой мальчиковой мумии — на кого она похожа?

— Пифкин! — крикнули все осипшими головами.

— Тшш-шш! — зашипел Смерч.

Процессия остановилась, и великие жрецы озирались вокруг, озаренные скачущими огнями факелов, окруженные мечущимися тенями.

Мальчишки, примостившиеся в высоких нишах, зажмурили глаза, задержали дыхание.

— Ни звука, — комариным писком донесся до ушей Тома голос Смерча. — Ни вздоха...

Снова послышалось треньканье арф.

Процессия поползла дальше.

И среди всего этого золота, игрушек, воздушных змеев для покойников — плыла мумия, маленькая, двенадцатилетняя, новехонькая, в золотой маске, как две капли воды похожей на...

...Пифкина!

«Нет, нет, нет, нет, нет!» — взмолился про себя Том.

— Да! — крикнул мышиный голосок, тоненький, отчаянный, полузадушенный, пленный, одичалый.

— Это я! Я тут. Под маской. Запеленутый намертво. Не могу шевельнуться. Не могу крикнуть. Не могу выпутаться!

«Пифкин! — подумал Том. — Погоди!»

— Не могу! Попался я! — кричал еле слышный голосок из-под расписных свивальников. — Не бросайте меня! Ищите! Встретимся в...

Голос заглох — погребальная процессия завернула за угол и сгнула в черном лабиринте.

— Где тебя искать, Пифкин? — крикнул во тьму Том Скелтон, выскочив из своей ниши. — Где мы встретимся?

Но в этот самый момент Смерч, как подрубленное дерево, рухнул из своей ниши. Бух! — он грянулся об пол.

— Не спеши! — остановил он Тома, глядя на него единственным глазом, похожим на паука, запутавшегося в собственных сетях. — Мы еще успеем спасти старину Пифкина. Тише, как мыши... Скользите, ползите, ребятки. Тс-сс-с...

Они помогли ему встать на ноги, разматывали несколько бинтов, прокрались на цыпочках по длинному коридору и завернули за угол.

— Божьи коровки! — прошептал Том. — Глядите! Они кладут мумию Пифкина в гроб, а гроб в этот... как его...

— Саркофаг, — вставил Смерч, знавший это мудреное слово. — Гроб — и еще гроб — и еще один гроб, малыш. Один больше другого, и каждый разрисован иероглифами, рассказами о жизни покойного...

— О жизни Пифкина?

— Ну, того, кем был Пифкин в той жизни, в тот год, четыре тысячи лет тому назад.

— Ага, — прошептал Ральф. — Смотрите — картинки на стенках гроба. Пифкину год от роду. Пифкину пять. Пифкин в десять лет — бежит со всех ног. Пифкин влез на яблоню. Пифкин понарошку тонет в озере. Пифкин забрался в сад с персиками и закатил себе пир. Стойте, а это что такое?

Смерч наблюдал за похоронными хлопотами.

— Они вносят в погребальную камеру разную мебель, чтобы ему было уютно в Стране Мертвых. Лодочки. Змеи. Кубарь с хлыстиком, чтобы вертелся. Свежие фрукты — на случай, если Пифкин проснется сотни лет спустя и захочет перекусить.

— Как не проголодаться! Эй, да что же это? Они уходят! Они закрывают гробницу!

Смерч обхватил Тома и крепко держал, а Том отчаянно рвался у него из рук.

— Они оставили Пифкина там, похоронили! Когда же мы его спасем?

— Успеется. Долгая Ночь вся впереди. Мы увидим Пифкина вновь, не сомневайся. И тогда...

Дверь гробницы со стуком захлопнулась.

Мальчишки подняли крик и вой. В темноте они слышали, как шлепается известковый раствор и шуршит мастерок, замуровывая последние щелочки между камнями, последние зазоры.

Плакальщицы удалились, унося онемевшие арфы.

Ральф стоял в своем костюме Мумии, как оглушенный, глядя вслед уходящим теням.

— Значит, вот почему я вырядился Мумией? — Он дотронулся до бинтов. Он потрогал свое изборужденное морщинами из папье-маше, древнее лицо. — Значит, вот какую роль я должен играть в Канун Всех святых?

— Верно, малыш, верно, — пробормотал Смерч. — Египтяне умели строить на века. Они рассчитывали на десять тысяч лет. Гробницы, ребятки, гробницы. Могилы. Мумии. Кости. Смерть, смерть. Смерть была сердцевиной, зеницей ока, светом, душой и телом их жизни! Гробницы, все новые и новые гробницы с потайными ходами, так что никто не мог туда пробраться, чтобы вору не подкопались и не унесли души, игрушки, золото. Ты одет Мумией, малыш, потому что так египтяне наряжались для Вечности. Закутавшись в полотняный кокон, они надеялись выйти на свет прекрасными бабочками, в какой-нибудь дальней, чудесной, полной любви стране. Ощупай свой кокон, дружок. Прикоснись к чуду.

— Ух ты, — сказал Ральф-Мумия, моргая, разглядывая подернутые дымкой стены и древние иероглифы. — Выходит, у них каждый день был Канун Всех святых!

— Каждый день! — восхищенно ахнули все.

— Каждый день был Кануном Всех святых и для этих! — Смерч указывал куда-то пальцем.

Мальчишки обернулись.

В могильном склепе затрепетала как бы зеленая молния. Земля затряслась, полнясь отголоском доисторического землетрясения. Где-то вулкан заворочался во сне, и на стены упал багровый отблеск раскаленного склона.

На стенах вокруг проступили рисунки первобытных людей, живших задолго до древних египтян.

— Ну! — сказал Смерч. Молния ударила.

Саблезубые тигры пожирали пещерных людей, вопящих от ужаса. Их кости тонули в ямах с природным асфальтом. Они утопали, завывая.

Смерч сморгнул. Молния разила с небес, поджигая леса. Один обезьяночеловек, удирая, схватил пылающий сук и ткнул его в пасть саблезубому тигру. Тигр взревел и отскочил. Обезьяночеловек, победно хохоча, швырнул горящий сук в кучу осенней листвы у себя в пещере. Сбежались другие люди, протягивая руки к огню, грелись, насмехаясь над перепуганной желтой тварью, чьи глаза светились в ночи.

— Видали, ребятки? — Отблески пламени плясали на лице Смерча. — Дни Вечного Холода миновали. А все потому, что один из этих смельчаков, изобретатель, запалил листья в пещере зимой.

— А при чем тут Канун Всех святых? — спросил Том.

— При чем? Да разрази меня молнией — при всем! Когда ты сам и твои друзья гибнут каждый Божий день, как-то недосуг задуматься о смерти, а? Все время в бегах, некогда оглянуться. Но когда, наконец, ты остановился...

Он коснулся стен. Пещерные люди замерли на бегу.

— Тогда у тебя есть время подумать, откуда ты взялся, куда идешь. Огонь озаряет путь, ребятки. Костры и молнии. Можно созерцать утренние звезды. Костер в родной пещере — твоя защита. Только сидя у ночного костра, пещерный житель, человек-зверь, наконец-то мог спокойно покрутить свои мысли на вертеле, поливая жирком

любезнательности. Солнце умирало в небе. Зима наступала, как громадный белый медведь, стряхивая с себя лавины снега. Похороненный в снегах, он думал, вернется ли весна в этот мир. Воскреснет ли солнце на будущий год, или оно убито навеки? Об этом размышляли египтяне. Пещерный человек задавал этот вопрос за миллионы лет до них. Взойдет ли солнце завтра утром?

— Значит, с этого и начинался Канун Всех святых?

— С таких вот долгих размышлений по ночам, ребятки. И всегда все мысли кружились вокруг одного центра — огня. Солнце. Солнце, навеки угасшее в ледяном небе. Представляете, как это ужасало пещерного человека, а? Это же была Великая Смерть. Если солнце погаснет навеки, что с нами будет?

Вот почему на исходе осени, когда все кругом увядало, умирало, обезьяночеловек ворочался во сне и вспоминал своих родичей, погибших в этом году. Духи звали его, голоса звучали у него в голове. Духи и голоса — это просто воспоминания, но пещерные люди об этом не знали. Закрыв глаза, они видели поздней ночью привидения, видения памяти, — духи манили, танцевали, и пещерные люди просыпались, подбрасывали сучья в огонь, тряслись, рыдали. Стаю волков было легче отогнать, чем воспоминания, чем бесплотные души. И они обхватывали грудь руками, молились, чтобы весна поскорее пришла, и, уставясь в огонь, благодарили богов за богатый урожай плодов и орехов.

Вот уж это был Канун так канун! Миллион лет назад, поздней осенью, в пещерах, с роем привидений в голове, навеки распрощавшись с Солнцем...

Голос Смерча звучал все глуше.

Он размотал еще метр или два своих погребальных пелен, перекинул их через руку, как рыцарский плащ, и сказал:

— То ли еще увидите. Пошли, мальчики.

И они вышли из катакомб в сумерки древнеегипетского дня.

Великая пирамида стояла перед ними, поджидая.

— Последний на вышке — дядька мартышки! — бросил Смерч.

Дядькой мартышки остался Том.

ГЛАВА 11

Пыхтя и отдуваясь, они добрались до верхушки пирамиды, на которой оказалось, будто поджидая их, громадное увеличительное стекло из хрусталя, подзорная труба, лениво поворачивающаяся от ветра на золотом треножнике, великанский глаз, который умел приближать далекое.

На западе солнце, задушенное облаками, испускавшее дух, закатилось. Смерч подвывал от радости:

— Кануло в бездну, ребятки. Сердце, дух и плоть Кануна Всех святых. Само Солнце! Вот Озириса убили сызнова. Там закатился Митра, персидский огненный Бог. Упал с небес Аполлон, воплощение света у древних греков. Солнце и пламя, ребятки. Глядите, моргайте. Загляните в хрустальную подзорную трубу. Поверните ее на Средиземноморское побережье, миль на тысячу ниже. Видите Греческие острова?

— А как же, — откликнулся невзрачный Джордж Смит, одетый в бледные одеяния Призрака. — Города и городишки, улицы, домики. Люди выскакивают на крыльцо, тащат еду!

— Да, — просиял Смерч. — Это их Празднество Мертвых: Праздник Горячей пищи. Сласти или страсти по старинке. Не покормишь покойников, они тебе и подстроят какую-нибудь гадость! Вот и выносят им сладости, вкусоности — прямо на порог!

В дальней дали, в ласковых сумерках, горячие кушанья исходили ароматным парком, блюда были выставлены для душ, которые неслись

легкими клубочками дыма над страной живых. Женщины и ребятишки сновали туда-сюда возле греческих домов, вынося блюда для изобильного пира — сдобренные пряностями, просто слюнки текут!

Потом на всех Греческих островах разом хлопнули двери. Громоподобный стук разнесся на крыльях ночного ветра.

— Храмы запирают, — пояснил Смерч. — В эту ночь все святилища в Греции будут заперты на двойной запор.

— Ой, смотрите! — Ральф — бывшая Мумия — крутанул хрустальную линзу. Яркий зайчик ослепительно сверкнул в глаза сквозь прорези всех масок. — Вон там зачем это люди мажут притолоки дверей черной патокой?

— Смолой, — поправил Смерч. — Черная смола, чтобы духи в нее вляпались, прилипли и не смогли пробраться в дом.

— Да, — сказал Том, — а мы-то с вами об этом не думали?

Тьма кралась вдоль берегов Средиземного моря. Из могил вставали духи, похожие на туман. Души мертвых брели вдоль улиц в саже и черных плюмажах и тут же прилипали к черной смоле, которой были вымазаны все пороги и притолоки. Ветер жаловался и выл, словно оплакивая мучения мертвых, угодивших в ловушку.

— А вон Италия. Рим. — Смерч повернул линзу — стали видны римские кладбища. Люди клали еду на могилы и поспешно уходили.

Ветер хлопал полами плаща, раздувал капюшон Смерча.

Загудел в глотке, в широко разинутом зеве:

Осенний ветер, закружись!
Рваниць, вернись в ночную высь!
И унеси меня с собой,
Как мертвых листьев легкий рой!

Смерч сделал прыжок, антраша в воздухе. Мальчишки завопили от восторга, когда его плащ, платье, волосы, кожа, плоть, кости, сухие, как кукурузные кочерыжки, — все рассыпалось у них на глазах.

Ветер... кружись!
Рванись... изменись...

Ветер растрепал его, рассыпал, как конфетти; миллион осенних листьев, золотых, бурых, красных, как кровь, ржаво-рыжих — вскипая, убегая через край, — охапка дубовых и кленовых листьев, лавина листвы орешника, листопад, россыпь, шорох, шепот — прямо в темные заводы небесной реки. Не один воздушный змей — нет, десять тысяч раз по тысяче мельчайших, как хлопья истлевшего праха, его подобий — вот все, что осталось от взорвавшегося, как хлопушка, Смерча:

Мир — крутись! Лист — кружись!
Трава — под лед! Деревя... в полет!

И с мириад других деревьев в царстве осени летели листья, чтобы схлестнуться в вихре, вздымающем несметные полчища сухих хлопьев, на которые распался Смерч, как на тысячи смерчииков и сквознячков, гудящих, как ураган, его голосом:

— Ребята, видите костры по всему Средиземноморью? Костры, загорающиеся все дальше на север, по всей Европе? Это костры страха. Факелы праздников. Не прочь поглядеть? Придется взлететь! А ну, разом!

И листья посыпались лавиной на каждого мальчишку, как жуткие порхающие бабочки, вцепились и унесли их с собой. Они пронесли над египетской пустыней, крича песни и хохоча. Проплыли, заходясь от восторга и страха, над неведомым морем.

— Счастливого Нового года! — крикнул кто-то далеко внизу.

— Счастливого — чего? — переспросил Том.

— Счастливого Нового года! — прошелестел Смерч из вихря сухой листвы. — В стародавние времена Новый год наступал первого ноября. Это и вправду конец лета, начало зимнего ненастья. Не такой уж счастливый, но все же — Счастливый Новый год!

Они промчались над всей Европой и снова увидели внизу воду.

— Британские острова, — зашептал Смерч. — Хотите взглянуть на чисто английского, друидского Бога Мертвых?

— Хотим!

— Тихо, как пушинки одуванчика, мягко, как снежинки, падайте, слетайте вниз, все как один.

Мальчишки слетели.

Их ноги пробили по земле мягкую дробь, как будто кто высыпал большой мешок каштанов.

ГЛАВА 12

Так вот мальчишки, посыпавшиеся на землю градом яркой осенней мишуры, приземлились в таком порядке:

Том Скелтон, облаченный в свои аппетитные косточки.

Генри-Хэнк, более или менее сходявший за Ведьму.

Ральф Бенгстром, распеленутая Мумия; с каждой минутой с него сматывался еще один виток бинта.

Призрак по имени Джордж Смит.

Джи-Джи (другого имени не требовалось) — весьма представительный Обезьяночеловек.

Уолли Бэбб, который уверял, что оделся Горгульей, но все решили, что он больше похож на Квазимодо.

Фред Фрайер ни дать ни взять — Нищий, вывалившийся в придорожной канаве.

Последний, но вовсе не из последних. Растрепан Нибли — костюм он соорудил в последнюю минуту, напялив страшную белую маску, а косу стянул у дедушки в сарае.

Когда все мальчишки благополучно опустились на английскую землю, миллиарды осенних листьев осыпались с них и унеслись с ветром.

Они стояли среди необозримого поля пшеницы.

— Держи, мастер Нибли, я прихватил твою косу. Бери! Хватай!.. Ложись! — вдруг крикнул Смерч. — Друидский Бог Смерти. Самайн! Ложись ничком!

Они повалились ничком.

И вовремя — гигантская коса широким взмахом неслась к ним с неба. Она рассекала ветер своим острым, как бритва, лезвием. Со свистом она вспарывала облака. Сносила головы деревьям. Начисто сбривала растительность со щеки холма. Подкашивала пшеницу под корень. В воздухе носились и падали колосья — взвихрилась пшеничная пурга.

И с каждым взмахом — косящим, разящим, бредущим — к небесам рвались крики боли, вопли ужаса, предсмертные стоны.

Коса взлетела со свистом.

Мальчишки припали к земле.

— Уух-х! — гикнул великанский голос.

— Мистер Смерч, неужели это вы? — крикнул Том.

Возвышаясь над ними на сорок футов, громоздясь в небе, с великанской косой в руках, стояла колоссальная фигура в плаще с капюшоном, скрывавшим лицо, как полночный туман.

Коса пошла вниз — ш-ш-шш-ссс!

— Мистер Смерч, пощадите нас!

— Молчи. — Кто-то толкнул Тома под локоть. Мистер Смерч лежал на земле рядом с ним. — Это не я. Это...

— Самайн! — прогремел голос из тумана. — Бог Мертвых! Я собираю свою жатву, вот так и вот так! С-с-свись!

— Здесь все, кто умер в этом году! И все они, за свои грехи, этой ночью превращены в разных тварей!

Шш-ш-ш-ссс-ухххх!

— Не надо! — захныкал Ральф-Мумия.

Разззз-зз! Коса со свистом вспорола на спине костюм Растрепы Нибли, оставив длинную про-
реху, вышибла у него из рук его жалкую маленькую косу.

— Твари!

Пшеница, подкошенная косой, под ударами ветра, кружась, отвеивала крики потерянных душ, всех тех, кто умер за последние двенадцать месяцев, и они дождем сыпались на землю. И стоило им упасть, коснуться земли, как зерна превращались в ослов, кур, змей — они метались, кудахтали, орали. И все они были уменьшены. Все были крохотные, малюсенькие, не больше червяков, не больше мизинцев на ногах, не больше кончика носа, если его срезать. Колосья пшеницы сотнями и тысячами реяли в воздухе и падали вниз пауками, лишенными голоса — они не могли ни плакать, ни кричать, ни просить пощады, — в полном безмолвии они разбегались в траве, лавиной захлестывая мальчишек. Сотня сороконожек на пуантах протанцевала по спине Ральфа. Две сотни пиявок присосались к косе Растрепы Нибли, пока он, стряхнув с себя кошмар, не сшиб их одним яростным ударом. Повсюду сыпались ядовитые пауки и мельчайшие удавы.

— Вот вам за грехи! За грехи! Получайте! Вот вам! — гулко грохотал голос в небе, заглушая свист ветра.

Коса блистала. Рассеченный ею ветер рассыпался звонким громом. Пшеница ходила волнами, вместо колосьев вырастали миллионы голов. Головы, отсеченные, падали вниз. Грешники стучали по земле как камнепад. И, коснувшись земли, превращались в лягушек, в жаб, в несметное множество бородавчатых и чешуйчатых тварей, в медуз, выброшенных на сушу, разящих зловонием.

— Я больше не буду! — взмолился Том Скелтон.

— Не убивай меня! — подхватил Генри-Хэнк.

Пришлось крикнуть погромче, потому что коса разила с ужасным ревом. Казалось, что девятый вал, поднявшись до неба, обрушился вниз, снес все с берега и откатился назад, чтобы подсесть гряде облаков. Слышалось, как даже облака исто-во и горячо молятся шепотом, прося пощады. Только не я! Только не меня!

— Это вам за все зло, что вы совершили! — сказал Самайн.

И коса взлетала раз за разом, собирая жатву душ, которые падали и обращались в слепых голо-вастиков, отвратительных клопов и мерзопакост-ных тараканов — они расползались, разбегались, сучили ножками, ползли, корчились, ковыляли.

— Ну и ну! Да он — клопный царь!

— Повелитель блох!

— Прядильщик змей!

— Мушиный заводчик!

— Нет! Самайн! Бог октября. Бог Мертвых!

Самайн топнул своей ножицей, придавив ты-сячу клопов, прятавшихся в траве, растоптал де-сять тысяч крохотных тварей-душ, барахтавшихся в пыли.

— Сдается мне... — сказал Том, — не пора ли нам...

— Смываться? — перебил Ральф — как видно, это слово давно вертелось у него на языке.

— Проголосуем?

Коса взвизгнула. Самайн неистовствовал.

— Не хватало еще! — сказал Смерч.

Все разом вскочили.

— Эй, вы! — громыхнул над их головами голос Самайна.

— Назад!

— Нет, сэр, спасибо, — сказал кто-то и еще кто-то.

И — правой-левой! — бросились прочь.

— Сдается мне, — сказал Ральф, задыхаясь, прыгая, удирая, утирая слезы, — что я почти всю жизнь вел себя хорошо. Я не заслужил смерти.

— Аза-хх! — ухнул Самайн.

Коса упала, как нож гильотины, снесла крону дубу, срубила клен. Целый урожай спелых яблок посыпался где-то в мраморную конь. Словно полный дом мальчишек разом свалился с лестницы, считая ступеньки.

— По-моему, он не расслышал, Ральф, — сказал Том.

Они нырнули, залегли среди скал, поросших кустарником.

Коса высекала искры из валунов.

Самайн испустил такой вопль, что лавина камней обрушилась с ближайшего холма.

— Уй-ю-юй! — сказал Ральф, скорчившись, согнувшись в три погибели, свернувшись в клубок — колени к груди, глаза крепко зажмурены. — Если вздумаешь грешить — только не в Англии!

И, как последний заряд дождя, ливень, лавина бьющихся в истерике душ, превращенных в мокриц, обращенных в клопов, в пауков-сенокосцев, в блох, в жуков-могильщиков, расползлась по телу, затопила мальчишек.

— Эй! Гляди! Вон пес!

Одичалый пес, обезумев от страха, опрометью мчался вверх по скале.

Но его мордочка, его глаза — что-то такое у него в глазах...

— Неужели это?..

— Пифкин? — подхватили все.

— Пиф! — закричал Том. — Ты здесь назначил встречу? Ты...

Но — ууух! — свистнула коса.

Визжа от ужаса, песик перекувырнулся через голову и кубарем скатился в траву.

— Держись, Пифкин! Мы тебя узнали, мы видим тебя! Да не бойся ты!.. Не убегай... — Том свистнул.

Но песик, скуля и жалуясь испуганным, родным, знакомым голосом славного Пифкина, умчался и пропал.

Но что это? Эхо его жалобного тявканья донеслось с далеких холмов:

— Спаси-и-ите! Ищи-и-и-ите... Ищите. Ищите! Ищи-и-и-и-те...

«Где? — подумал Том. — Негодники Божии, где?»

ГЛАВА 13

Самайн поднял косу, играя своей силой. Он рассмеялся, довольный собой, плюнул огненной слюной на свои загорбелые ладони, покрепче ухватился за рукоятку косы, широко размахнулся и — замер...

Где-то вдаль послышалось пение.

Ближе к вершине холма, в небольшой рошице, мерцал слабый огонек костра.

Там собрались люди, как тени; поднимая руки, они пели песню. Самайн прислушался; коса, как застывшая улыбка великана, неподвижно висела в воздухе.

О Самайн, Бог Мертвых!

Выслушай нас!

Мы, Великие жрецы друидов, здесь,

В этой роше деревьев, великанов Дубов,

Молим тебя за души умерших!

Там, вдалеке, эти неведомые люди у горящего костра размахивали блестящими ножами, поднимали кверху кошек, коз, распевая:

Мы молим тебя за души тех,
Кто превращен в бессловесных тварей.
О Бог Мертвецов, мы приносим тебе
В жертву вот этих животных,
Чтобы ты освободил
Души наших родных и друзей,
Умерших в этом году!

Ножи сверкали.

Самайн улыбнулся во весь рот. Жертвенные животные закричали.

Повсюду, под ногами у мальчишек, в траве, среди камней, везде — плененные души, сгинувшие в пауках, заточенные в тараканах, заброшенные в блохах, мокрицах и сороконожках, разевали немые рты и беззвучно зывали, корчась и извиваясь.

— Освободи! Не погуби! — молились друиды на склоне холма.

Костер жарко разгорелся.

Ветер с моря завыл над долинами, пронесся среди скал, коснулся пауков, покати́л свернувшихся мокриц, опрокинул тараканов. Крохотные пауки, насекомые, мелкие-премелкие собачки и коровки пухом понеслись прочь, как хлопья снега. Маленькие души, узницы, заключенные в тельца насекомых, рассеялись.

Освобожденные, они с шепотом и щебетом полетели ввысь, словно к куполу, рождающему гулкое эхо.

— В небеса! — воскликнули друидские жрецы. — Вы свободны! Летите!

И они улетели. Они скрылись в воздухе, слитно вздохнув, с невыразимой благодарностью и облегчением.

Самайн, Бог Мертвых, пожал плечами и отпустил их с миром.

Но вот — так же внезапно — он весь застыл в напряжении.

Точно так же замерли мальчишки и мистер Смерч, притаившиеся в скалах.

По долине, по склону холма беглым шагом наступала армия римских солдат. Предводитель бежал впереди всех, крича:

— Солдаты Рима! Истребляйте дикарей! Низвергайте нечистых богов! Так приказал Светоний!

— За Светония!

Самайн, в небесах, замахнулся своей косой, но поздно!

Солдаты вонзили мечи и топоры в стволы священных дубов друидов.

Самайн взревел от боли, как будто топоры подрубили ему колени. Священные деревья стонали, их ветви со свистом рассекали воздух, стволы с предсмертным стоном и грохотом валились наземь.

Самайна там, наверху, била дрожь.

Жрецы-друиды, спасавшиеся бегством, остановились, объятые дрожью.

Деревья валились.

Жрецы с подрубленными сухожилиями, коленями, ступнями падали. Их перекатывало ветром, как стволы ураганом.

— Нет! — загрохотал Самайн высоко в воздухе.

— Да! — загремели римляне. — А ну!

Солдаты нанесли последний страшный удар.

И Самайн, Бог Мертвых, с подрубленными корнями, с подсеченными голеньями, стал падать на землю.

Ребята, задрав головы, успели отскочить. Им казалось, что целый лес, разом подрубленный, обрушился гигантской грудой. Они утонули в тени его полуночного падения. Громоподобный голос его смерти опережал его падение. Он был самым гигантским деревом на свете, выше самого высокого дуба, который когда-либо валился за смертью и расставался с жизнью. Он падал с душераздирающим скрипом, бил сучьями дико воющий воздух, стараясь удержаться.

Самайн грянулся оземь.

Он свалился с ревом, который потряс до глубины окрестные холмы и задул, как свечи, священные костры.

Когда Самайн, срубленный, простерся на земле, все оставшиеся в живых друидские дубы повалились вслед за ним, словно подкошенные последним взмахом косы. Его собственная громадная коса, как великанская улыбка, затерянная в полях, расплылась серебряной лужицей и канула в траву.

Молчание. Тлеющие уголья. Шорох ветра в листве.

Солнце вдруг скатилось вниз.

Мальчишки смотрели, как жрецы-друиды истекают кровью в траве, а римский центурион топчет угасшие костры, разбрасывая священный пепел.

— Здесь мы воздвигнем храм нашим богам!

Солдаты снова разожгли костры и воскурили благовония перед золотыми идолами, которых принесли с собой.

Но не успели они развести огонь, как на востоке загорелась звезда. В далекой пустыне, под звон верблюжьих бубенцов, тронулись в путь Волхвы.

Римские солдаты подняли свои бронзовые щиты, заслоняясь от горящей в небе Звезды. Но щиты расплавились. Римские кумиры оплавилась, превратились в статую Девы Марии с Младенцем. Оружие римлян плавилось, растекалось, преображалось. И вот они уже одеты в облачения священников, поющих псалмы на латыни перед новыми и новейшими алтарями, а тем временем Смерч, припав к земле, искоса наблюдал за этой сценой и шептал своим маленьким ряженым спутникам:

— Вот-вот, ребятки, видали? Боги сменяют богов. Римляне срубили друидов, их дубы, их Бога Мертвых под корень, да? И поставили на их место своих богов, так? А вот и христиане налетели и свергли римлян! Новые алтари, мальчишки, новые курения, новые имена...

Порыв ветра задул все свечи в алтаре.

В полной тьме Том закричал от страха. Земля дрогнула и закрутилась волчком. Ливень мигом вымочил их до костей.

— Что творится, мистер Смерч? Где мы?

Смерч высек огонь своим кремневым пальцем и поднял его высоко вверх.

— Да это же, разрази меня... это же Темное Средневековье. Самая долгая, самая темная ночь. Много веков минуло с тех пор, как Христос пришел и покинул мир, и...

— Где Пифкин?

— Я здесь! — донесся голос с непроглядно-черного неба. — Похоже, я лечу на метле! Она меня уносит!

— Эй, и меня тоже, — сказал Ральф, а за ним Джи-Джи, потом Растрепя Нибли, и Уолли Бэбб, и все остальные.

Раздался шепот по всей земле, словно гигантский кот умывался, расправляя усищи в полной тьме.

— Метлы, — бормотал Смерч. — Шабаш Метел. Октябрьский праздник Метлы и Помела. Ежегодный перелет.

— Перелет — куда? — спросил Том, крича во весь голос, потому что в воздухе проносились со свистом и гиканьем невидимые полчища.

— Ясно — Туда, Где Делают Метлы!

— Спасите! Лечу-у! — завопил Генри-Хэнк.

Шшш-ух! Метла одним взмахом унесла его прочь.

Гигантская лохматая кошка шмыгнула мимо Тома, оцарапав ему щеку. Он вдруг почувствовал, что деревянная лошадка выкидывает под ним кренделя.

— Держись! — сказал Смерч. — Когда под тобой норовистая метла, остается только одно: держись крепче!

— Держусь! — крикнул Том, улетаая.

Метлы дочиста вымели все небо. Мальчишки, оседлавшие восемь метел, своими воплями дочиста разогнали остатки облаков.

Поглощенные, они не заметили, как их испуганные вопли перешли в крики восторга, и почти позабыли про Пифкина, который мчался рядом с ними среди облаков-островков.

— Правьте сюда! — приказал Пифкин.

— Сию минуту! — откликнулся Том Скелтон. — Слушай, Пиф, оказывается, удержаться на метле ужасно трудно!

— Ты будешь смеяться, — сказал Генри-Хэнк, — но мне тоже. — Все поддержали его — то и дело приходилось цепляться, карабкаться, чтобы не расстаться со скакуном.

Метлы в небе летели так густо, что на небе не осталось ни облачка, не было места даже клочку тумана, не говоря о мальчишках. Образовалась невиданная дорожная пробка из метелочного транспорта; можно было подумать, что все леса на земле с гулом встряхнулись, сбросили ветки и, шаря по осенним полям, срезали под корень и обматывали удавками все колосья, из которых могли получиться хорошие веники, метлы, выбивалки, пучки розог, — и взлетали прямо в небо.

Со всего света слетелись и все шесты, на которых натягивали веревки, чтобы вешать белье на задних дворах. А с ними прилетели и пучки травы, охапки сена, колючие ветки — разогнать стада облачных овец, начистить до блеска звезды, напасть на мальчишек.

Эти самые мальчишки, каждый на своем тощем скакуне, оказались под градом бесчисленных ударов, затрещин, оплеух, их хлестали наотмашь прутья, палки, плети. Так им влетело за то, что взлетели в небо. На каждого пришлось по сотне

синяков, по дюжине царапин и точно по сорок девять шишек на каждый беззащитный череп.

— Эй, мне расквасили нос! В кровь! — радостно ахнул Том, разглядывая свои красные пальцы.

— Плюнь! — крикнул Пифкин; он влетел в облако сухим, вылетел мокрым-мокрехонек. — Чепуха! Мне подбили глаз, дали в ухо и выбили зуб!

— Пифкин! — воззвал к нему Том. — Ты все твердил, чтобы мы тебя искали, а мы понятия не имеем... Где?

— В воздухе! Везде! — сказал Пифкин.

— Во дает! — пробормотал Генри-Хэнк. — Да ведь вокруг земли накручено два биллиона сто миллиардов девяносто девять миллионов акров воздуха! На каждом из них искать Пифкина?

— Я хотел сказать... — Пифкин задохнулся.

Прямо перед ним целая толпа метел пустилась в пляс, руки в боки, встала стеной, как кукуруза в поле или как деревенский плетень, внезапно спятивший или сбесившийся.

Облако — раздутая бесовская харя — разинуло пасть. Оно заглотало Пифкина вместе с метлой, потом захлопнуло рот, и в глубине его туманного чрева послышалось урчание — видно, от Пифкина у него начались колики.

— Пробивайся наружу, Пифкин! Лягни его в пузо! — крикнул кто-то.

Но никто не лягался в брюхе у облака, и оно, сытое и довольное, проплыло, смакуя свой вкусный и питательный обед из мальчишки, по Заливу Безвременья к Рассвету Вечности.

— «Ищите меня в воздухе»? — фыркнул Том. — Елки-моталки, да это как в страшной сказке: «Пойди туда, не знаю куда!» Жуть!

— Я вам покажу еще не такую жуть! — сказал Смерч, проплывая мимо на помеле, похожем на мокрую разъяренную кошку на палке. — Хотите поглядеть на ведьм? На колдуний, ведуний, ворожей, колдунов, ведунов, черных магов, демонов,

дьяволов? Вы их увидите — во множестве, целыми толпами. Разуьте-ка глаза!

И вправду — внизу, по всей Европе, по всей Франции, по Германии и Испании, ночные дороги так и кишели толпами, шайками, процессиями невиданных грешников, спешащих на север, впопыхах бегущих с юга, от теплого моря.

— Так, так! Скачите, бегите! В сторону ночи — это сюда. В царство мрака — по этой дороге! — Смерч спикировал вниз, пошел на бреющем полете, громко крича над скопищами и толпами, как генерал, ведущий в бой опытных, беспощадных солдат. — Быстрее! В укрытие! Затаись! Переждите век-другой!

— От чего им прятаться? — удивился Том.

— Христиане! Христиане идут! — громко закричали голоса внизу, на дорогах.

Это и был ответ.

Том моргнул и стал всматриваться, паря в воздухе.

Все толпы со всех дорог бежали, собирались на уединенных фермах или на перекрестках трех дорог, на сжатых полях, в городах. Старики. Старухи. Беззубые, они в дикой ярости вопили, грозя небу, пока метлы снижались к земле.

— Да-а, — сказал Генри-Хэнк, — вот это ведьмы!

— Отдай мою душу в химчистку и повесь сушиться на забор, если ты не прав, мальчуган, — согласился с ним Смерч.

— Вон ведьмы сигают через костры, — сказал Джи-Джи.

— А там — мешают варево в котлах! — сказал Том.

— А те — чертят знаки в пыли, на дворе фермы! — добавил Ральф. — Они что, взыправдашние? То есть я всегда думал...

— Взыправдашние? — Смерч так разобиделся, что чуть не свалился со своей метлы, похожей на взъерошенную кошку. — О вы, святые негодники, великопутаники, будьте мне свидетелями! Да в

каждом городишке есть своя ведьма. В каждом городе прячется какой-нибудь древнегреческий жрец-язычник, какой-нибудь римский поклонник карманных божков, и все они удирают по дорогам, залегают в канавах, затаиваются в пещерах от христиан! Да в каждой деревушке из трех домов, на каждой убогой ферме затаились последыши древних религий. Видели, как друидов порубили в щепки? Они прятались от римлян. А теперь римляне, которые бросали христиан голодным львам, сами бегут куда глаза глядят и прячутся подальше. Так все мелкие, идолопоклоннические культы, какие только есть, отчаянно борются за существование. Смотрите, как они удирают, ребятки!

И он был прав.

Костры горели по всей Европе. На всех перекрестках и у каждого стога сена черные силуэты прыгали в облике кошек над языками огня. Котлы кипели. Старые ведьмы изрыгали проклятия. Псы играли раскаленными угольями.

— Ведьмы! Да их видимо-невидимо! — сказал потрясенный Том. — Я и не знал, что их такое множество!

— Толпы, легионы, Том. Европа кишела ведьмами. Ведьмы под ногами, под кроватями, и в погребках, и на чердаках.

— Ну и ну! — сказал Генри-Хэнк, гордясь своим костюмом Ведьмы. — Настоящие ведьмы! А они умели разговаривать с покойниками?

— Нет, — сказал Смерч.

— А вызывать дьявола?

— Нет.

— Держать бесов в дверных петлях и выпускать в полночь, с визгом жалобным и воем?

— Нет.

— Лететь на помеле?

— Отнюдь.

— Напускать на людей чих и чох?

— Увы — нет.

— Изводить людей, втыкая булавки в куколок?

— Нет.

— Эгей, да что же они, в конце концов, умели?

— Ничего.

— Ничего! — закричали все мальчишки в страшной обиде.

— Зато они думали, что умеют, ребятки!

Смерч повел свою летучую бригаду на метлах на бреющем полете над фермами, где ведьмы кидали лягушек в кипящие котлы, толкли в ступках сушеных жаб, брали понюшку пыльцы из мумий, кривлялись, корчились от смеха.

— Ну-ка, призадумайтесь. Что значит слово «ведьма»?

— Это... — начал Том, но ничего не успел сказать.

— Ведение, — продолжал Смерч. — Ум. Вот что это значит на самом деле. Знание. Так что каждый мужчина, каждая женщина — у кого хватало мозгов что-то проведать, разведать, сведать, кто хотел знаний, — поняли?.. — каждый, у кого ума было не занимать и кто позабыл об осторожности, назывался...

— Ведьма! Ведун! Ведьмак! — закричали ребята.

— И кое-кто из этих знатоков, ведающих и знающих, притворялся ведьмой или знахарем или внушал себе, что видит привидения, бродячих мертвецов или ковыляющих мумий. А если кто-нибудь ненароком умирал в одночасье, они приписывали себе всю честь. Им нравилось верить, что они владеют силой, а на деле они ничего не могли, ребятки, увы и ах, но это чистая правда. Послушайте-ка! Там, за холмом. Все метлы родом оттуда. И туда они все слетаются.

Вяжем метлу мы,
Метла непростая;
В небе угрюмом
Птицей летает!
Ведьме раздолье,
Как ветру в поле, —
Знай, погоняет!

С визгом и воем
Волны прибоя
С облачной пеной
В море-Вселенной
Одолевает!

Внизу полным ходом работала фабрика ведь-
миных метел, все сустились, вырезали палки, вя-
зали метлы, а те, как только их насаживали на
палки, в снопах искр вылетали из дымовых труб.
А ведьмы прыгали на них с коньков крыш и
мчались по звездному небу.

По крайней мере, так казалось мальчишкам, и
до них доносилась песня, где-то пел хор:

Вставали ль ведьмы в час ночной,
В полночный час,
И с нежитью и чертовней
Пускались в пляс?
Нет!

Все это — самооговор,
Все — болтовня!
Ну, станет ли хвалиться вор,
Что свел коня?

Расхвастались себе во вред
Да на беду!
За этот безобидный бред —
Предать суду!

Материками овладел
Безумный страх:
Младенцев, бабок, юных дев
Жгли на кострах!

Толпы свирепствовали, металась по деревням и
фермам, с факелами, с проклятиями. Костры пы-
лали от Ла-Манша до берегов Средиземного моря.

Когда в десятке европейских стран
Десятки тысяч «колдунов» и «ведьм»
Плясали в воздухе чудовищный канкан —

Повешены, другие сожжены, —
Народ честил друг друга: ах, подсвинок сатаны,
Ух, чертова свинья! Взбесившийся кабан!

Дикие кабаны, на которых ведьмы сидели как
влитые, трусили по черепичным крышам, высекая
искры, храпя клубами дыма:

Европу затянул дым ведьминых костров.
Их судей жгли другие в свой черед.
За что? За пару слов!

Додумались: «Невиноватых — нет!
Все — ложь, все — грех!»
Так что ж нам делать?
— Истребляйте всех!

Дым клубился в небе. На каждом перекрестке
болтались на виселицах ведьмы, вороны слета-
лись, черные, как оперение мрака.

Мальчишки висели в небе, цепляясь за свои
метлы, выкатив глаза, разинув рты.

— Может, кто-нибудь хочет стать ведуном? —
помолчав, спросил Смерч.

— О-ой, — сказал Генри-Хэнк, дрожа в своих
ведьминых лохмотьях. — Только не я!

— Не позавидуешь, а, мальчуган?

— Не позавидуешь!

Метлы понесли их дальше сквозь дым и копоть.

Они приземлились на безлюдной улице, на откры-
том месте, и это был Париж.

Метлы выпали у них из рук — свалились за-
мертво.

ГЛАВА 15

— **А** ну-ка скажите, ребятки, что нам нужно,
чтобы напугать пугальщиков, нагнать стра-
ху на страховальщиков, напустить ужас на ужа-
сальщиков?

- Самые главные боги?
- Самые главные колдуны?
- Самые большие соборы? — сказал Том Скелтон.

— Молодчина, Том, правильно! Всякая мысль растет, так? Религия разрастается. И как еще! Воздвигают храмы, которые так велики, что могут бросить тень на весь континент. Строят башни, которые видны за сто миль. Строят такой высочайший и величайший храм, что там живет горбун, звонит во все колокола. Так вот, ребята, помогите-ка мне воздвигнуть храм кирпичик за кирпичиком, контрфорс за контрфорсом. Давайте построим...

— Нотр-Дам! — закричали восемь мальчишек.

— И у нас есть очень веские причины, чтобы построить Нотр-Дам, потому что... — сказал Смерч. — Прислушайтесь...

Бом!

В небе ударил колокол.

Бом!

— ...На помощь... — прошелестело над ними, когда звон затих.

Бом!

Мальчишки взглянули вверх и увидели, что на недостроенной колокольне, на луне, громоздятся какие-то леса. И на самой верхушке был подвешен бронзовый колокол, звонивший во всю мочь.

А изнутри колокола после каждого удара, рывка, толчка слабый голосок молил:

— На помощь!

Ребята посмотрели на Смерча.

У них в глазах горел один вопрос: Пифкин?

— Встретимся в воздухе! — вспомнил Том. — Так и есть!

Так оно и было: там, в колоколе, болтался вниз головой бедняга Пифкин, вместо языка отбивая удары своей головой. Ну если не сам Пифкин, то его тень, дух, заблудшая душа.

То есть поймите: когда колокол отбивал часы, вместо языка в нем качался живой, из плоти и крови, Пифкин. И его голова ударяла в колокол. Бом! И снова: бом!

— Да ему мозги вышибет! — ахнул Генри-Хэнк.

— На помощь! — звал Пифкин, тень, мотавшаяся в пасти колокола, призрак, подвешенный на цепи вверх ногами, чтобы отзванивать четверти часа и полные часы.

— Летите! — крикнули мальчишки своим метлам, но те лежали замертво на парижской мостовой.

— Испустили дух, — мрачно пробормотал Смерч. — Ничего не осталось — ни духу, ни огня, ни задора. Ну что ж... — Он потер пальцами подбородок, так что искры брызнули во все стороны. — Как нам забраться в такую высь выручить Пифкина?

— Может, вы слетаете, мистер Смерч?

— Э нет, не пойдет. Вы сами должны его спасти, ныне и вечно, снова и снова, до последнего, главного спасения. Погодите-ка. Ага! Блестящая идея! Мы собрались построить Нотр-Дам, точно? Так давайте его строить, мы его непременно построим — и взберемся туда, на самый верх, где висит наш твердолобый, колокольно-звонкий, отбивающий часы Пифкин! Вперед и выше! Бегите вверх по ступенькам!

— По каким ступенькам?

— Да вот они! Вот! Вот! И вот!

Кирпичи слетались, складывались. Мальчишки прыгнули. И стоило им выбросить ногу вперед, вверх, опустить — как под ногой оказывалась ступенька, единственная. До следующего прыжка.

Бом! — загудел колокол.

— На помощь! — простонал Пифкин.

Ноги мальчишек, бегущих в воздухе, опускались, с топотом каблуков, шарканьем, стуком на ступеньку. На следующую.

Ступеньки одна за другой возникали в пустоте.

— Помогите! — сказал Пифкин.

Бом! — гулко откликнулся колокол.

Так они и избегали по пустоте в пустоту, а Смерч понукал их, даже подпихивал сзади. Они бежали под бликами света, по чистому ветру, но кирпичи, каменные плиты и известковый раствор, тасуясь, как колода карт, металы себя им под ноги, застывая на лету, затвердевая под каблуками.

Им казалось, что они избегают на слоеный торт, который наслаивается сам собой, слой за каменным слоем, под сполошный звон колокола и жалобный голос Пифкина, умолявший о помощи.

— Вон там — наша тень! — сказал Том.

И вправду — тень от собора, от грандиозного собора Парижской Богоматери, тянулась в лунном свете по всей Франции и наполовину захватывала Европу.

— Выше, ребята, выше! Не ждите, бегите!

Бим-бом!

На помощь!

Они бежали со всех ног. Они стали спотыкаться на каждой ступеньке, но новые ступеньки оказывались на месте и не давали им упасть, а вели их все выше и выше, и тень шпилей тянулась все дальше и дальше, через реки и поля, гасила последние костры ведьм на перекрестках. Ведьмы, бесовки, колдуны, знахари, дьявольские прислужники, за тысячу миль отсюда гасли, как свечи, курясь дымком, с воем разбегались, прятались куда попало, а собор рос в самое небо, все выше, выше.

— Как римляне срубили друидские рощи и подрубили под корень их Бога Мертвых, так мы, ребята, этим храмом отбрасываем такую тень, в которой ни одной ведьме не выжить, а жалкие колдунишки и потрепанные волшебники пикнуть не смеют. Конец мелким колдовским кострам. Одна лишь великолепная пламенеющая свеча — Нотр-Дам. Вперед!

Мальчишки залились счастливым смехом.

Потому что последняя ступенька утвердилась у них под ногами.

Они добежали до верха, запыхавшись.

Собор Парижской Богоматери был построен, завершен.

Бом! — негромко пробило очередной час.

Громадный бронзовый колокол содрогнулся.

И опустел.

Мальчишки наклонились, заглядывая в его разверстый зев.

Внутри не было никакого языка, похожего на Пифкина.

— Пифкин! — окликнули они.

— ...кин, — прошелестело эхо, как из пещеры.

— Он где-то здесь. Он же обещал встретиться с вами в воздухе. А Пифкин всегда держит слово, — сказал Смерч. — Посмотрите вокруг, ребятки. Отличная работа, а? Вместо того чтобы трудиться не покладая рук несколько веков, — пробежались, отдышались — и все? Ах ты, да ведь тут не хватает не только Пифкина. А чего? Смотрите! Ищите! Ну?

Мальчишки озирались в полном недоумении.

— Э-эээ...

— Вам не кажется, что постройка ужасно скучная, а? Унылая, ничем не украшенная...

— Горгульи!

Все обернулись, уставились на... Уолли Бэбба, который вырядился Горгульей на Канун Всех святых. Он просиял от гордости.

— Горгульи! Здесь нет ни одной горгульи, ни одной химеры.

— Горгульи. — Смерч произнес диковинное слово раздельно, тягуче, смакуя, ошупывая его своим языком ящерицы. — Горгульи. А не рассадить ли нам их по местам, а, ребятки?

— Как?

— Пожалуй, можно просто свистнуть им — и они тут как тут! А ну свистите, зовите сюда бесов,

свистите чертям, зовите залиivistым свистом адских чудовищ и клыкастых ночных тварей!

Уолли Бэбб набрал полную грудь воздуха.

— Я готов!

Да как свистнет!

Все засвистели.

А чудища?

Они примчались со всех ног.

ГЛАВА 16

Находившиеся не у дел, неприкаянные существа по всей полуночной Европе встряхнулись во сне и воспрянули от каменного своего сна.

А это значит, что все средневековые гербовые звери, все стародавние сказки, древние кошмары, все ветхие, заштатные демоны, все погибавшие в небытии ведьмы, все вздрогнули, заслышав зов, и понеслись, поднимая пыльные смерчи, по всем дорогам, бесшумно полетели по воздуху, прорвались, как заряды дробы, сквозь кроны потрясенных деревьев, перебрали ручьи, переплыли реки, пронесли выше леса стоячего и ниже облака ходячего — и прибывали, валили валом.

Более того, это значит, что все поверженные статуи, все идолы, полубоги и полубожки со всей Европы, которые усыпали землю, как жуткий нетаящий снег, заброшенные в развалинах, вдруг встрепенулись, открыли глаза и выползли — саламандрами на дороги, летучими мышами в небеса, дикими собаками динго в чащи. Они летели, скакали галопом, ползли, извиваясь.

Все это сопровождалось восторгом и удивлением, а также нестройными криками мальчишек, облепивших парапет, и сам Смерч глядел, наклонившись, вниз, как с севера, юга, востока и запада прибывают полчища диковинных чудищ, в

панике и неразберихе толкнутся у ворот и ждут, когда им свистнут.

— Может, польем их расплавленным свинцом? Мальчишки увидели, что Смерч улыбается.

— Да бросьте вы! — сказал Том. — Горбун уже пробовал это давным-давно.

— Ладно — значит, никаких котлов со свинцом. А не свистнуть ли нам, чтобы летели сюда?

И все разом засвистели.

Повинуясь призыву, все полчища, стада, прайды, лавины, сборища, бешеные стремнины чудищ, страшилищ, вздыбленных воплощений зла, подпорченных добродетелей, совратившихся святых, заблудших гордецов, самолюбий, лопнувших, как проколотые пузыри, подтягивались, вползали, сыпались дождем, взбегали по отвесным стенам Нотр-Дама. Словно бурный прибой кошмарных видений, валом, с воем и топотом, они захлестнули собор, примостились на каждом зубце, застыли на каждом торчащем камне.

Вот тут скакали свиньи, а там — черти в козлином облике, а на дальней стене явились отродья сатаны, которые на ходу меняли свой облик — сбрасывали рога, отращивали новые, теряли бороды, а вместо них прытко росли извивающиеся, как черви, усы.

Кое-где на штурм стен, шурша, ползли скопища масок и личин, взбирались на высокие контрфорсы, с помощью армии лангетов и ковыляющих омаров. Вон там лезут гориллы головы, зубастые и страшные, как смертный грех. А вон человечесьи головы, с зажатыми в зубах колбасами. А за ними поспешает маска Шута, которую поддерживает паук, обученный балету.

Творилось такое, что Том сказал:

— Боже ты мой, что творится!

— То ли еще будет, смотрите! — сказал Смерч.

Мало того, что Нотр-Дам взяли приступом разные чудища и жуткие рожи на паучьих ножках, хари и личины — теперь явились еще драконы,

норовившие проглотить улепетывающих детишек, и киты, заглатывающие пророка Иону, и колесницы, битком набитые черепами и скелетами. Акробаты и воздушные гимнасты, изуродованные до неузнаваемости бесенятами, ковыляли, падали и застывали в причудливых позах на крыше.

Всему этому аккомпанировали свиньи на арфах, поросята на флейтах-пикколо, собаки наяривали на волынках, так что сама музыка помогала колдовству, заманивая новые толпы уродцев на стены собора, где они навеки прилипали, приставали к крыше, обращаясь в камень.

Вот обезьянка пощипывает струны лиры, а там — трепыхается дева с рыбьим хвостом. Откуда ни возьмись прилетел сфинкс, сбросил крылья, стал наполовину женщиной, наполовину львом и улегся подремать на долгие века под высокими и гулкими колоколами.

— Ой, а это кто? — крикнул Том.

Смерч наклонился вниз и фыркнул:

— Это... да это же Грехи, ребятки! И разные неописуемые существа. Вон там, например, ползет Угрызение Совести.

Они посмотрели, как оно ползет. Оно ползло бойким червячком, очень ловко.

— Ну, — громко прошептал Смерч. — Пора. Рассаживайтесь. Дремлите. Засыпайте.

Стаи диковинных существ повернулись раза по три на месте, как злые собаки, и улеглись. Все чудовища утвердились как влитые. Все гримасы застыли в камне. Все вопли утихли.

Луна заливала светом, пятнала вырезными тенями химер и чудовищ Нотр-Дама.

— Ты понимаешь, что к чему, Том?

— А как же. Все древние боги, сны незапамятных времен, все кошмары темных веков, все старые позабытые выдумки подыхали от безработицы, а мы им дали работу. Мы их сюда вызвали! Мы их вызволили!

— И здесь они останутся на долгие века, верно?

— Верно!

Они переглянулись и заглянули через парапет. Толпы зверей расселись на восточной зубчатой стене.

Стаи грехов — на западной стене.

Полчища кошмаров — на южной.

И мелкая россыпь несказанных пороков и падших добродетелей — на северной.

— Знаете, — заявил Том, гордясь плодом ночного строительства, — пожалуй, я бы не отказался пожить здесь.

Ветер негромко запел, вылетая из губ зверей, свистя в зубах, шурша в оскаленных клыках:

— Благодарсс-сс-сствуй...

ГЛАВА 17

-Иосафат, — сказал Том Скелтон, стоя на парапете. — Да мы вызвали сюда всех каменных грифонов и чертей. А вот Пифкин опять потерялся. Я подумал: а что, если свистнуть и ему?

Смерч расхохотался так, что из-под его капюшона словно раскаты грома загревели в ночи, а сухие кости застучали одна о другую.

— Ребятки! Оглянитесь вокруг! Он где-то здесь!

— Где?

— Ту-ут, — уныло откликнулся далекий голосок.

Мальчишки едва не сломали себе спины, перевешиваясь через парапет, едва не свернули шеи, глядя вверх.

— Глядите, ищите, ребята, играйте в прятки!

Они искали и поневоле вновь восхитились причудливо вздыбленными черепицами собора, украшенными кошмарами, обрамленными неотразимо уродливыми, плененными камнем тварями.

Как разыскать Пифкина среди всех этих чудищ морских бездонных глубин, разинувших немые

челюсти как бы для вечного вздоха, вечной жалобы? Где он затерялся среди этих чудесно выточенных бредовых видений, рожденных во чреве ночных кошмаров, чудовищ, высеченных древними землетрясениями, извергнутых из пасти взбесившихся и остывающих, застывающих каменными страшилищами и химерами вулканов?

— Я тут! — простонал далекий, еле слышный, знакомый голос.

Там, внизу, на карнизе, на половине высоты собора, мальчишки, щуря глаза, разглядели, кажется, единственное маленькое круглое лицо ангела-бесенка, узнали знакомые глаза, нос, лукавый и нежный рот.

— Пифкин!

С криком они сорвались и помчались вниз по лестницам и темным коридорам, пока не спустились к карнизу. Там, далеко в воздухе, на ветру, над узкой перекладиной, перекинутой через бездну, виднелось лицо, маленькое и такое прелестное на этом пиршестве уродств.

Том пошел первый, не глядя вниз, раскинув руки.

Ральф двинулся за ним. Остальные неуверенно пробирались следом.

— Осторожней, Том, не свались!

— Не свалюсь! Вот он, Пиф!

Это и вправду был он.

Стоя цепочкой прямо под каменной маской на вытянутой шее, под высунувшейся по пояс из камня горгульей, они не могли наглядеться на его благородный профиль, на неотразимый курносый нос, гладкие щеки, пышную шапку курчавившихся мрамором волос.

Пифкин.

— Пиф, чтоб ты лопнул, зачем ты туда забрался? — окликнул Том.

Пиф не отвечал.

Губы у него были высечены из камня.

— Да ну, это просто кусок камня, — сказал Ральф. — Просто горгулья торчит здесь с незапамятных времен, смахивает на Пифкина, и все.

— Нет, я слышал его голос.

— Как это ты мог...

И тут ветер ответил на вопрос.

Он закружился вокруг высоких башен Нотр-Дама. Он засвистел флейтой в ушах горгулий, загудел волынкой в их разинутых ртах.

— Ахххх... — зашелестел голос Пифкина.

У мальчишек зашевелились волосы на затылке.

— Ооооо, — простонал каменный рот.

— Слушайте! Слышите? — завопил Ральф.

— Да тише ты! — оборвал его Том. — Пиф, а Пиф? Следующий раз, как задует ветер, скажи, как тебе помочь. Как тебя туда занесло? Как нам тебя оттуда снять?

Налетел новый порыв ветра, мешая им дышать, и засвистел в зубах мальчишки, высеченных из камня.

— Один... — сказал голос Пифкина, — ...вопрос, — выдохнул он, помолчав.

Безмолвие. Новый порыв ветра.

— за...

Мальчишки ждали.

— раз...

— Один вопрос зараз! — перевел Том.

Мальчишки покатались со смеху. Да, это точно Пиф, а кто же еще!

— Ладно. — Том сглотнул слюну. — Что тебя туда занесло?

Унылый ветер дул, теряя силу, и голос донесся как из глубины заброшенного колодца:

— Носило... Повсюду... сотни мест... считанные часы...

Мальчишки ждали, сжав зубы.

— Говори же, Пифкин!

Ветер вернулся, жалобно застонал в открытых каменных губах.

Нет — ветер замер.

Хлынул дождь.

Но это было то, что надо!

Капли дождя, прохладные и пронырливые, юркнули в каменные уши Пифкина, полились по носу, фонтаном забили из мраморного рта, так что слог за слогом потекли у него с языка, сливаясь в прозрачные струйки дождя, слитную речь:

— Эй-й! Вот это славно!

С губ у него слетали облачка тумана, брызги дождя:

— Побывали бы вы там, где я был! Ух ты! Меня схоронили вместо мумии! Меня загнали в собаку!

— Мы узнали тебя, Пифкин!

— И вот я здесь, — говорил дождь, стекая в уши, струясь с кончика носа, вытекая хрустальной струйкой из мраморных губ. — Здорово, смешно, чудно — сижу в камне, а рядом, для компании, куча страшилищ и нечисти! И кто знает, куда меня занесет через десять минут? где я окажусь — еще выше? или в глубоченной могиле?

— Где же, Пифкин?

Мальчишки сгрудились кучкой. Дождь налетал порывами, лил как из ведра, едва не смывая их с узкого карниза.

— Ты умер, Пифкин?..

— Пока нет... не весь... — выговорил ледяной дождь в его губах. — Часть меня далеко-далеко, дома, в больнице, а часть — в той египетской гробнице. Часть меня бродит в траве, в Англии. Часть — здесь. А часть — в таком жутком месте...

— Где?

— Не знаю, не знаю я, ах, ребята, не знаю — то на меня нападает смех, до колик, а через минуту я себя не помню от страха. Вот сейчас, сию минуту, я понял, я знаю — мне страшно. Помогите, друзья. Помогите, пожалуйста, умоляю!

Струйки дождя хлынули у него из глаз, как слезы.

Мальчишки протянули вверх руки — коснуться подбородка Пифкина, утешить его... Но не успели они дотянуться...

С неба ударила молния.

Ослепительная, голубая, белая.

Весь собор содрогнулся. Мальчишкам пришлось уцепиться за рога чертей и за крылья ангелов, чтобы не свалиться вниз.

Гром, дым. Грохот обвала, удары камней.

Лицо Пифкина исчезло. Сбитое ударом молнии, оно пронеслось по воздуху и грянулось оземь, разбилось вдребезги.

— Пифкин!

Но там, внизу, у подножия собора, только искры взлетели и унеслись, как пушок, вместе с пушистой невесомой пылью. Нос, подбородок, тугая щека, ясный глаз, тонко вырезанное ушко — все, все унеслось с ветром, как мякина и мелкий, легкий мусор. Только и было видно, что дымок или душок, как клубочек порохового дыма, улетающий к югу и западу.

— Мексика. — Смерч, умеющий чеканить слова как мало кто на земле, отдельно произнес это слово.

— Мексика? — переспросил Том.

— Последнее дальнее путешествие в эту ночь, — пропел Смерч, по-прежнему растягивая, смакуя слова. — Свистите, ребятки, рычите, как тигры, ревите, как пантеры, завывайте, как кровожадные звери!

— Выть, рычать, реветь?

— Восстановите Змея, мальчики. Воздушного Змея Осени. Прилепите на прежнее место клыки, свирепые глаза, окровавленные когти. Орите громче, чтобы поднялся ветер, скрепил всех вместе и унес нас высоко, все дальше, все дальше. Кричите, ребята, визжите, трубите, вопите!

Мальчишки мялись в нерешительности. Тогда Смерч промчался по карнизу, как будто сбивая на бегу частокол. Он посшибал с карниза всех

мальчишек — кого локтем, кого коленом. Мальчишки посыпались вниз, крича и вопя кто во что горазд.

Камнем летя к земле, в ледяной пустоте, они вдруг почуяли, как под ними распустился хвост павлина-убийцы, как громадный налитой кровью глаз. На нем загорелись десять тысяч огненных очей.

А это, неожиданно вывернувшись из-за угла, из-за горгулий, прилетел Осенний Змей, новехонький, с иголочки, и подхватил их на лету.

Они уцепились за что попало — за раму, за углы, за крестовину, за гудящую, как барабан, бумагу, за клочки, обрывки, ошметки дышащей зловонием львиной пасти, окровавленного тигрового зева.

Смерч взвился в воздух и зацепился последним. На этот раз ему пришлось быть Хвостом.

Осенний Змей парил, поджидая, неся восьмерых мальчишек на клубящейся волне зубов и злобных глаз.

Смерч наострил уши.

Далеко, за сотни миль, по дорогам Ирландии тащились нищие, умирающие с голоду, вымаливая еду у каждого порога. Их крики возносились к ночному небу.

Фред Фрайер, одетый нищим, встрепенулся:

— Туда! Давайте слетаем туда!

— Нет. Мало времени. Прислушайтесь!

Еще дальше, за тысячи миль, что-то тикало в ночной тишине, как еле слышное постукивание жуков-могильщиков.

— Гробовщики в Мексике. — Смерч улыбнулся. — Прямо на улицах, со своими длинными ящиками, гвоздями и молоточками, тук-тук-тук, заколачивают.

— Пифкина? — прошептали мальчишки.

— Мы слышим, — сказал Смерч. — И летим туда, в Мексику.

И Осенний Змей, гудя, понес их вдаль на прибойной волне ветра в тысячу футов высотой.

Горгульи, трубя в каменные свои ноздри, гудя сквозь мраморные губы, воспользовались тем же ветром, чтобы провить им прощальный привет.

ГЛАВА 18

Они парили над Мексикой. Они зависли над островом, над одним из озер в Мексике.

Они слышали, как далеко внизу в ночи лают собаки. Они видели немногочисленные лодки на озаренном луной озере, скользящие, как водомерки. До них доносились аккорды гитары и высокий, печальный мужской голос.

Далеко-далеко, за утонувшими во тьме границами страны, в Соединенных Штатах, носились стайки ребят, стаи собак, хохоча, твякая, стуча в двери — во все двери подряд, — прижимая к себе драгоценные мешки со сладостями, вне себя от радости — в Канун Всех святых.

— А здесь-то... — шепнул Том.

— Что здесь? — спросил Смерч, паря бок о бок с ним.

— Гляньте, здесь...

— И дальше, по всей Южной Америке...

«Да, к югу. Здесь и на юге. Все кладбища до одного. Все погосты — все усеяны огоньками свечей, — подумал Том. — Тысяча свечек на том кладбище, сто — на другом, еще десять тысяч крохотных мерцающих огоньков дальше — на сотню миль, на пятьсот миль, до самого южного хвостика Аргентины».

— Это у них так празднуют...

— El Día Los Muertos. У тебя какая отметка по испанскому, Том?

— День Мертвых?

— Sa-gam-ba, si! Змей, рассыпся!

Нырнув вниз, Змей распался на кусочки в последний раз.

Мальчишки посыпались горохом на каменистый берег тихого озера.

Над гладью вод стелился туман.

На дальнем берегу озера они увидели темное кладбище. Там пока еще не зажгли ни одной свечи.

Из тумана выплыла долбленая лодка, бесшумно, без весел, словно ее принесло волной прилива.

Высокая фигура, закутанная в серый саван, неподвижно стояла на корме лодки.

Лодка легонько ткнулась носом в травянистый берег.

Мальчишки затаили дыхание. Насколько им было видно, капюшон этой одетой в саван фигуры полнился только мраком, там ничего больше не было.

— Мистер... мистер Смерч?

Они были уверены, что это он, и никто другой.

Но он безмолвствовал. Только еле видная улыбка мелькнула светлячком в глубине капюшона. Костлявая рука сделала пригласительный жест.

Мальчишки, толкаясь, влезли в лодку.

— Ш-ш-шш! — раздался шепот из пустого капюшона.

Фигура повторила свой жест, и они поплыли, от легкого толчка ветра, по черному зеркалу вод, под ночным небом, где горели мириады никогда не виданных звезд.

Далеко, на том темном острове, тренькнула гитара.

Одинокий огонек свечи загорелся на кладбище.

Кто-то где-то дунул в горлышко флейты, и она издала певучий звук.

Вторая свечка замерцала среди надгробий.

Кто-то пропел одно слово из песни.

Третья свечка затеплилась, зажженная вспыхнувшей спичкой.

И чем быстрее плыла лодка, тем больше гитарных аккордов звучало в ночи, тем больше свечей загоралось среди памятников на каменных склонах. Засветились дюжина, сотня, тысяча огоньков, пока не стало казаться, что это — звездное скопление, громадная туманность Андромеды упала с небес и легла россыпью огней в самой середине Мексики незадолго до полуночи.

Лодка толкнулась в берег. Ребята от неожиданности попадали с ног. Они вскочили как встрепанные, но Смерч уже исчез. Только сброшенный саван лежал, пустой, на дне лодки.

Гитара звала их. Голос пел для них.

Дорога, похожая на реку, — белые камни, белая галька — вела через город, похожий на кладбище, к кладбищу, похожему на город!

Потому что город обезлюдел.

Мальчишки подошли к невысокой ограде кладбища, к литым чугунным воротам, похожим на кружево. Они ухватились за чугунные завитки и заглянули внутрь.

— Ух ты! — Том был поражен. — В жизни такого не видывал!

Теперь они поняли, почему город обезлюдел.

Потому что на кладбище былолюдно.

Перед каждой могилой склонила колени женщина с букетом азалий, гардений или бархатцев, ставя цветы в каменную нишу.

У каждой могилы стояла на коленях дочь, зажигавшая новую свечку или свечку, только что задутую ветром.

У каждой могилы стоял спокойный мальчик с блестящими карими глазами, и в одной руке у него была крохотная похоронная процессия из папье-маше, приклеенная к плоскому камешку, а в другой — череп из папье-маше, в котором, как в погремушке, перекатывался рис или орехи.

— Смотрите! — шепнул Том.

Там были сотни могил. Сотни женщин. Сотни дочерей. Сотни сыновей. И сотни сотен, тысячи

тысяч свечей. Все кладбище заполнили рои огоньков, как будто все светлячки на свете прослышали про Великое Собрание и слетелись, расселись, сверкая, на каменных надгробиях, освещая смуглые лица, темные глаза, черные как вороново крыло волосы.

— Ну и ну, — сказал Том себе под нос. — Дома мы никогда не ходим на кладбище — разве только в День Поминовения, раз в году, да и то средь бела дня, при солнце, разве это удовольствие? А здесь — вот оно — красота!

— Красота! — шепотом прокричали все.

— В Мексике Канун Всех святых получше, чем у нас!

И правда: на каждой могилке стояли блюда с пряниками, выпеченными в виде священников, скелетов или призраков, а кто должен лакомиться ими? живые? или души, которые возвратятся перед рассветом, голодные, неприкаянные? Никто не мог сказать.

И каждый мальчик там, в ограде кладбища, рядом с сестрой и матерью, положил на могилу миниатюрную похоронную процессию. И было видно, что внутри крохотного деревянного гробика лежит маленький леденцовый человечек, и все это стоит перед крохотным алтарем с крохотными свечечками. А вокруг гробика стоят мальчишки-служки с головками из орехов, и на скорлупке нарисованы глазки. А перед алтарем стоит священник, голова у него из кукурузы, а туловище из каштана. А на алтаре — фотография покойного, когда-то живого, а ныне — поминаемого.

— Куда лучше! Нет сравнения! — прошептал Ральф.

— Cuevos! — пропел голос вдалеке, на склоне холма.

На кладбище песню подхватили другие голоса.

Мужчины, жители этой деревни, стояли, прислонясь к стенам, у некоторых в руках были гитары, у других — бутылки.

— Cuevos de los Muertos... — пел далекий голос.
— Cuevos de los Muertos... — пели мужчины внутри ограды, в тени кладбищенских стен.

— Черепа, — перевел Том. — Черепа мертвых.

— Черепа, сладкие сахарные черепа, сладкие, леденцовые черепа, черепа умерших, — пел голос, все ближе и ближе.

И вниз с холма, бесшумно ступая в темноте, спустился Торговец Черепами с горбом на спине.

— Нет, это не горб, — сказал Том вполголоса.

— У него там полный мешок черепов! — вскрикнул Ральф.

— Сладкие черепа, сладкие, белые, хрустящие сахарные черепа, — пел Торговец, и лицо его скрывалось под широченным сомбреро. Но голос, сладко-переливчатый голос был голосом Смерча.

И на длинной бамбуковой жерди, которую он нес на плече, болтались на черных нитках дюжины, десятки сахарных черепов, больших, как их собственные головы. И на каждом была надпись.

— Имена! Имена! — пел старик-Торговец. — Скажи мне свое имя, получишь свой череп!

И старик выдернул из связки один череп. На нем громадными буквами было написано: ТОМ.

Том взял в руки свое собственное имя, свой собственный сладкий, съедобный череп, и обхватил его пальцами.

— Ральф!

И череп с надписью РАЛЬФ взлетел в воздух. Ральф, заливаясь смехом, поймал его.

Словно быстрота — главное условие игры, старик хватал костлявой рукой и метал, череп за черепом, летучие сладости в прохладном воздухе.

ГЕНРИ-ХЭНК! ФРЕД! ДЖОРДЖ! РАСТРЕПА!
ДЖИ-ДЖИ! УОЛЛИ!

Мальчишки под этим беглым огнем плясали и визжали, обстреливаемые собственными черепами с их собственными великолепными именами, выложенными сахаром на белом лбу у каждого чере-

па. Они ловили, едва не роняя, восхитительные ядра, которыми их обстреливали.

Они стояли, разинув рты, уставясь на сахарные сувениры смерти, зажатые в липких пальцах.

А из-за кладбищенской ограды рвалась ввысь песня — ее пели высокие, как сопрано, мужские голоса:

Роберта... Мария... Кончита... Томас.
Calavega, Calavega, сладкий череп — вот это еда!
Ищи свое имя на белом сахарном лбу!
Скорее сюда, скорее сюда!
Здесь целые груды сахарных белых костей.
Хрустящих сладостей! Денег нет — не беда!
Грызи свое имя! Вот это сласти, вот это да!

Мальчишки подняли сладостные черепа, зажатые в пальцах.

Откуси «Т» и «О» и «М». Том!
Жуй «Г», глотай «Е», грызи «Н», соси «Р», кусай «И».
Генри!

У них потекли слюнки. А что, если у них в руках — яд?

Что за блаженство — счастливый час!
Каждый из вас
Насыщается тьмой, питается тьмою ночной!
Попробуй на вкус! Побольше кус!
Полетай! Сладкие косточки, славные кости — хватай!

Мальчишки поднесли к губам сладкие, сахарные имена и уже готовы были запустить в них зубы...

— Оле!

Толпа мальчишек-мексиканцев налетела на них, крича их имена, выхватывая черепа.

— Томас!

И Том смотрит вслед Томасу, удирающему с его потным подписным черепом.

— Эй, — сказал Том. — Он здорово похож на меня!

— Неужели? — сказал Торговец Черепами.

— Энрико! — завопил маленький индеец, ухватив череп Генри-Хэнка.

Энрико умчался вниз по склону холма.

— Он был похож на меня! — сказал Генри-Хэнк.

— Верно, — сказал Смерч. — Быстро, ребятки, видите, что они задумали! Держитесь за свои сладкие черепушки и прыгайте!

Мальчишки прыгнули.

Потому что как раз в эту минуту внизу раздался взрыв. На улицах города загрели взрывы. Начался фейерверк.

Мальчишки окинули прощальным взглядом букеты, могилы, пряники, лакомства, черепа на надгробиях, миниатюрные похороны с крохотными покойниками в гробиках, свечи, коленопреклоненных женщин, одиноких мальчишек, девочек, мужчин и пустились опроретью вниз по холму — к ракетам, к шутихам!

Том, Ральф и остальные ряженные мальчишки влетели на площадь, пытая и отдуваясь. Они резко тормознули, а потом пустились плясать — под ногами у них рвались тысячи маленьких шутих. Горели все фонари. Вдруг открылись все лавки.

И Томас, и Жозе Жуан, и Энрико знай поджигали шутихи и с воплями бросали их.

— Эй, Том, это тебе от меня, Томаса!

Том увидел, как его собственные глаза сверкают на рожице беснующегося мальчишки.

— Эй, Генри! Вот тебе от Энрико! Бах!

— Джи-Джи, вот — Бах! От Жозе Жуана!

— Ух ты, да это самый распрекрасный Канун из всех! — сказал Том.

Это была чистая правда.

Ведь еще никогда во время их необычайных путешествий не попадалось им такое множество

дикивинок, которые можно посмотреть, понюхать, потрогать.

На каждой дороге, у каждой двери, на каждом окошке громоздились кучи сахарных черепов с прекрасными именами.

С каждой улочки доносился перестук жуков-могильщиков, гробовщиков — тук-тук-тук, заколачивай, забивай, стучи молотком по крышкам гробов, как по деревянным барабанам, под покровом ночи.

На каждом углу были газетные развалы, и там лежали газеты с портретами Мэра, разрисованного, как скелет, или Президента, в виде скелета, или самой красивой девушки, одетой ксилофоном, а Смерть наигрывала мелодии на ее музыкальных ребрышках.

— Calavera, Calavera, Calavera, — текла с холма песня. — Смотрите, политики погребены в последних новостях. И рядом с их именами — «покойтесь в мире». Такова земная слава!

Смотрите-ка — скелетики кувыркаются,
Друг дружке на плечи взбираются!
Проповедуют с кафедр, дерутся, играют в футбол!
Малыши-прыгуны, малыши-бегуны,
Крошки-скелетики играют в чехарду, падают на ходу!
Где это видано, где это слыхано —
Смерть превратили в сухую мелочь, так, в ерунду!

И в песне была правда истинная. И куда бы мальчишки ни бросили взгляд — везде крохотные акробаты, воздушные гимнасты, баскетболисты, священники, жонглеры, эквилибристы, только все они — хоровод скелетиков, рука в руке, косточка в косточке, и все такие маленькие, что можно зажать в кулаке.

А вон там, в окошке, целый микроскопический джаз-банд: скелетик-трубач, и скелетик-ударник, и скелетик, дующий в бас-трубу, не больше столовой ложки, и дирижер — тоже скелетик, в ярком

колпачке и с дирижерской палочкой, и микроскопические нотки вылетают из горла крохотных валторн.

Мальчишки в жизни не видели сразу такого множества костей!

— Кости! — смеялись все. — О, чудные косточки!

Песня стала удаляться:

Покрепче в руке темный Праздник держи,

Грызи и глотай, не думай о смерти!

Выбегай из длинного темного туннеля

El Dia de Muerte.

Счастливый, счастливее всех — ты живой, ты жив!

Calavera, Calavera...

Траурные, обрамленные черным газеты улетали белыми птицами в похоронной процессии ветра.

Мексиканские мальчишки убежали вверх по склону холма, догонять свою родню.

— Да, чудно, странно, чудно, — шептал себе под нос Том.

— Что? — спросил Ральф, стоявший рядом.

— Да то, что там, у себя в Иллинойсе, мы начисто позабыли, что к чему. Понимаешь, ну... все, кто умерли там, в нашем городе, — про них же *позабыли!* Все их разлюбили. Все их забросили. Никто не приходит посидеть на могилках, поболтать с ними. Представляешь, как им одиноко? Прямо тоска берет. А вот здесь — ты погляди, а? Горе и счастье, счастье и горе — все вместе. Сплошной фейерверк, игрушечные скелетики здесь, на площади, а там, наверху, на кладбище, у всех мексиканских покойников гости — семья их навещает, полно цветов, свечек, сладостей, все поют... Кажется, что День благодарения, верно? И все садятся обедать вместе, хотя только половина из них может есть, но разве в этом дело, если все вместе? Похоже на спиритический сеанс, когда держишься за руки с друзьями, только некоторых уже нету в живых. Да, Ральф, чудно...

— Да, — сказал Ральф, кивая головой в маске. — Чудно.

— Смотрите, скорее смотрите вон туда! — сказал Джи-Джи.

Мальчишки посмотрели.

На самой верхушке, на горке из белых сахарных черепов, лежал череп с именем ПИФКИН.

Сладкий череп Пифкина, да, но нигде, в кутерье шутих и ведьминых колес, среди танцующих скелетов и летающих туда-сюда черепов, не было ни пылинки, ни следа, ни звука самого Пифа.

Ребята уже так привыкли к фантастическим выходкам Пифа — ведь он уже и на стенах Нотр-Дама сидел, и в золотом саркофаге ехал, — и сейчас им казалось, что он вот-вот выскочит, как чертик на пружинке, из кучи сахарных черепов, закутанный в белую развевающуюся простыню, и, чтобы напугать их, затынет загробным голосом что-нибудь похоронное.

Нет. Вдруг оказалось, что Пифа нет. Нет его.

И, может, никогда больше не будет.

Мальчишек затрясло. Холодный ветер нагнал туману с озера.

ГЛАВА 19

Вдоль по пустынной ночной улице, выйдя из-за угла, шла женщина. На плече у нее было коромысло с двумя одинаковыми чашами, полными раскаленных углей. Розовые груды жарких углей выпускали рои огненных светляков-искр, ветер подхватывал их и уносил вдаль. Там, где ступала она босой ногой, оставалась дорожка мелких, быстро гаснущих искр. В полном безмолвии — слышался только шорох скользящих шагов — она свернула в переулок и скрылась из виду.

Следом за ней шел мужчина, неся на голове — без усилий — маленький, легкий, почти невесомый гробик.

Это был просто ящичек, сколоченный из белых, некрашенных досок, забитый наглухо. На боках и крышке ящичка были прибиты дешевые розетки из фольги и сделанные из лоскутков шелка и бумаги искусственные цветы.

А в этом ящичке лежал...

Мальчишки провожали глазами похоронную процессию, или, скорее, пару. Да, пару — человек и ящичек, и еще то, что лежало там, внутри.

Человек, сохраняя торжественное спокойствие, держа гробик на голове в равновесии, вошел, не преклоняя головы, в церковь, стоявшую неподалеку.

— Н-н-н-неужели... — заикаясь, пробормотал Том. — Неужели там — Пиф, в этом ящичке?

— А ты как думаешь, сынок? — спросил Смерч.

— Не знаю я! — закричал Том. — Одно знаю — с меня хватит! Ночь слишком долгая. Я столько всего навиделся. Да я теперь все знаю, все досконально.

— И мы, — загудели остальные, сбиваясь в кучу, дрожа дрожмя.

— И нам пора домой! Куда девался Пифкин, где он? Живой он или нет? Мы можем его спасти? Куда он пропал? Или мы опоздали? Что нам делать?

— Что делать? — закричали все вместе, и тот же вопрос рвался у них с губ и горел в глазах. Все мальчишки вцепились в Смерча, словно хотели вытянуть из него ответ, выпрясти, дергая его за локти.

— Что нам делать?

— Чтобы спасти Пифкина? Последнее дело осталось. Ну-ка, смотрите вверх, на это дерево!

На дереве висели с дюжину горшков-пиньят: черти, призраки, черепа, ведьмы — болтались, качаясь на ветру.

— Разбейте свои пиньяты, ребятки!

Откуда ни возьмись у них в руках оказались палки.

— Бейте!

С воплями они принялись бить наотмашь. Пиньяты словно взорвались.

Из пиньяты в виде Скелета посыпался дождь крохотных листьев-скелетиков. Они роем налетели на Тома. Ветер подхватил и унес скелетикилистья, а с ними и Тома.

Из пиньяты-мумии высыпались сотни хрупких египетских мумий, они вихрем унеслись в небо, унося Ральфа.

Так каждый мальчишка разбивал пиньяту, она лопалась и выпускала мелкие, как мошки, толкущиеся в воздухе копии его самого: черти, ведьмы, призраки с пронзительным писком облепляли мальчишку, и все листики, все мальчишки неслись, кувыркаясь, в небе, а Смерч закатывался хохотом им вслед.

Они пролетели рикошетом последние окраинные улочки города. Они плюхались и скользили, как плоские камни по глади озера, делая «блинчики»... и наконец приземлились, кувырком, в путанице локтей и своих и чужих коленок — на далеком склоне холма. Они сели на землю.

Они очутились посреди заброшенного кладбища, где не было ни души, ни огонька. Только надгробия, похожие на великанские свадебные торты, глазурированные в древности лунным светом.

Пока они приходили в себя, Смерч плавно и легко приземлился и сразу стремительно, гибко склонился к земле. Он ухватился за железное кольцо, торчавшее из земли. Потянул. Взвизгнули петли, откинулась крышка люка, разевающая черную пасть.

Мальчишки сгрудились на краю глубокой ямы.

— К-ка-катакомбы? — еле выговорил Том. — Катакомбы?

— Катакомбы. — И Смерч указал пальцем вниз.

В пыльную глубину сухой земли вели ступеньки.

Мальчишки проглотили слюну — в горле пересохло.

— А что, Пиф там, внизу?

— Ступайте, выведите его наверх, ребята.

— Он там совсем один, внизу?

— Не совсем. С ним кое-кто есть... Или Кое-Что.

— Кто пойдет первым?

— Чур, не я!

Молчание.

— Я, — сказал Том.

Он поставил ногу на первую ступеньку. Начал уходить в землю. Сделал второй шаг. И вдруг пропал.

Остальные бросились за ним.

Они спускались по ступенькам гуськом, и с каждым шагом вниз темнота становилась все непрогляднее, а безмолвие все безмолвнее, и с каждым шагом вниз ночь становилась глубокой, как колодец, налитый тьмой крошечной, и с каждым шагом вниз казалось, что тени, затаившиеся в стенах, вот-вот выпрыгнут из них, и с каждым шагом вниз казалось, что какие-то странные обличья ухмыляются им навстречу из глубокой пещеры, ждущей в глубине. Казалось, что летучие мыши гроздьями повисли над самой головой, издавая такой тонкий писк, что его и не услышишь. Этот звук могут слышать собаки — и тогда они, взбесившись со страху, опрометью бросаются удирать, не разбирая дороги. С каждым шагом вниз город оставался все дальше, дальше уходила земля и все добрые люди на земле. Даже кладбище осталось где-то далеко-далеко наверху. Мальчишкам стало страшно. Они почувствовали себя такими позабытыми, заброшенными, что едва не разревелись.

Потому что с каждым шагом они уходили еще на миллиард миль от жизни, от теплых постелей и ласковых огоньков свечей, от голоса матери, от дымка из отцовской трубки, от его покашливания

по вечерам, когда ты лежишь и радуешься, что он здесь, рядом, хотя и в темноте, он живой, он ворочается во сне и может запросто отколошматить всякого, кто к тебе полезет.

Так, шаг за шагом, они спустились к подножию лестницы, заглянули в глубокую пещеру, похожую на длинный зал.

И там было много народу, и все вели себя на диво спокойно.

Они покоились там долгие годы.

Некоторые покоились тридцать лет.

Некоторые молчали сорок лет.

Некоторые не проронили ни слова за семьдесят лет.

— Вот они, — сказал Том.

— Мумии? — спросил кто-то дрожащим шепотом.

— Мумии.

Они вытянулись в длинный ряд, прислоненные к стенке. Пятьдесят мумий стояли вдоль правой стены. Пятьдесят мумий стояли вдоль левой стены. А четыре мумии стояли в дальнем конце, в темноте. Сто четыре сухих, как гробовой прах, мумий — куда более заброшенные, чем мальчишки, куда более одинокие, чем могут быть живые, покинутые здесь, заточенные в глубине, так далеко от собачьего лая, от светлячков, от чудесных мелодий, которыми наполнили ночь голоса мужчин и струны гитар.

— Ой, ой-ей-ей! — сказал Том. — Сколько их тут, бедолаг! Я про них слышал.

— Что?

— Это бедняки, их родные не смогли платить налог за могилы, и вот могильщики выкопали бедняг и снесли их сюда. А земля здесь такая сухая, что они все превратились в мумии. Вы только поглядите, во что они одеты.

Мальчишки пригляделись — кое-кто из этих стародавних людей был одет в крестьянское платье, а женщины — в деревенские юбки, на некоторых

были ветхие черные костюмы, городские, а один — видно, тореадор — был наряжен в потускневший от пыли костюм, шитый золотом и мишурой. Но каков бы ни был костюм, внутри были только сухие косточки да кожа, паутина и пыль, которая сыпалась с их ребер, стоило рядом чихнуть, нарушив их покой.

— А это что?

— Что «что»?

— Т-ш-ш-шш!

Все наострили уши.

Они вглядывались в глубину длинного склепа.

Мумии глядели на них пустыми глазницами.

Ждали — с пустыми руками.

А на самом дальнем конце глубокого темного подземелья кто-то плакал.

— А-а-а-ах... — доносилось до них. — О-о, — рыдал кто-то. — И-и-ии, — и тихие, горестные всхлипывания.

— Да это, ребята, это же Пиф! Я только раз слышал, как он плачет — но это он, точно, Пифкин. Он заточен здесь, в подземелье.

Мальчишки всматривались, широко раскрыв глаза.

И они увидели — в сотне футов, вдалеке, съежившись в углу, загнанный в самый дальний угол подземелья, кто-то маленький — шевелится! Плечи вздрагивают. Голова прижата к груди, прикрыта дрожащими руками. Скрытый руками рот жаловался, кривился от страха.

— Пифкин?..

Плач замолк.

— Это *ты*? — прошептал Том.

Долгое молчание, всхлипывающий вздох — голос:

— Я...

— Пиф, ради всего святого, что ты тут делаешь?

— Не знаю!

— Выходи, а?

— Нет, не могу. Боюсь!

— Слушай, Пиф, если ты останешься здесь...

Том замолчал.

«Пиф, — думал он, — если ты останешься здесь — то навсегда, пойми. Ты останешься здесь, в тишине и заброшенности. Ты так и будешь стоять в этой длинной очереди, и туристы будут приходить поглазеть на тебя и становиться в очередь за билетами, поглазеть еще разок. Ты...»

— Пиф! — сказал Ральф из-под маски. — Ты должен отсюда выйти.

— Не могу, — зарыдал Пиф. — *Они* не пустят.

— Они?

Но все догадались, что он говорит о длинной череде мумий. Чтобы выбраться, ему надо было пробежать, как сквозь строй, между двумя рядами кошмаров, таинственных ужасов, напастей, наваждений, нежити.

— *Они* ничего тебе не сделают, Пиф.

Пиф сказал:

— Нет, они все могут.

— ...могут... — подтвердило эхо из глубины подземелья.

— Я боюсь выходить.

— А мы... — начал Ральф.

«...Боимся входить», — подумали все.

— Надо бы выбрать того, кто похрабрее... — начал Том и осекся.

Потому что Пифкин снова заплакал, и мумии стерегли и ждали, а ночь в длинном склепе была так беспросветна, что стоило сделать шаг — и пол расступится, проглотит тебя, и тебе уж нипочем не выбраться, не выкарабкаться. Пол скует твои щиколотки костлявым мрамором и будет держать мертвой хваткой, пока подземный холод не заморозит тебя на веки веков, не превратит в сухую, иссохшую статую.

— А может, двинуть всем сразу, кучей, а? — сказал Ральф.

И все попытались двинуться вперед.

Как громадный паук на многих ножках, они попробовали проползти сквозь дверь. Два шага вперед, один — назад. Один шаг вперед, два шага — назад.

— А-ах! — зарыдал Пифкин.

От этого звука они шарахнулись друг на друга, что-то бормоча в диком ужасе, подвывая, они откатились обратно к двери. Они слышали, как колотятся сумасшедшие сердца — и свое, и чужие.

— Ох, да что же это такое, что нам делать — он боится выйти, мы боимся войти, да что же нам делать, как быть? — причитал Том.

А у них за спиной, прислонившись к стене, стоял Смерч. Про него все забыли. В его оскаленных зубах язычком пламени мелькнула и погасла улыбка.

— Держите, ребята. Это его спасет.

Смерч достал из-под своего черного плаща знакомый бело-сахарный череп, на лбу у которого было написано: ПИФКИН!

— Спасайте Пифкина, ребята. Заключайте сделку.

— С кем?

— Со мной и другими, которых я не назову. Здесь. Разломите этот череп на восемь вкуснящих кусочков и раздайте всем. «П» тебе, Том, «И» — тебе, Ральф, половина от «Ф» — тебе Хэнк, вторая половинка — тебе, Джи-Джи, кусочек «К» — тебе, мальчуган, а кусочек — тебе, вот еще «И» и последняя — «Н». Берите сладкие кусочки, ребята. Вот наша темная сделка. Хотите, чтобы Пифкин был жив?

На него обрушился такой шквал возмущения, что Смерч едва не отступил. Мальчишки налетели на него, как стая собачонок, вопя во все горло, — как он посмел усомниться, что они хотят видеть Пифкина живым!

— Ну ладно, ладно, — успокоил он их. — Вижу, что вы хотите, и без дураков. Хорошо — готов ли

каждый из вас отдать ему один год в конце своей жизни, а?

— Что? — сказал Том.

— Я говорю серьезно, мальчишки: один-единственный год, один драгоценный год жизни, когда от нее останется лишь маленький огарок. Если вы скинетесь по годику, то сможете выкупить Пифкина из мертвых.

— По годику! — шепот, ропот, неслыханная сумма подсчета — недоумение. Трудно было сразу понять. Один год, да еще так нескоро, — его и не заметишь. Мальчишке одиннадцати-двенадцати лет не понять семидесятилетнего старика.

Год? Годик? Ясно, конечно, в чем вопрос? Само собой...

— Думайте, ребята, думайте! Это не шуточка — сделка с тем, у кого нет имени. Я не шучу. Это все взаправду, на самом деле. Вы принимаете суровые условия, и это серьезная сделка.

Каждый из вас обещает отдать один год. Сейчас-то вы этот годик и не заметите, вы слишком юны, и я читаю в ваших мыслях, что вы не способны даже вообразить себе, как это будет. Только много лет спустя — лет через пятьдесят, с этой ночи, или лет через шестьдесят, с этого рассвета, когда время для вас потечет быстрее, иссякнет, вы будете от всей души желать прожить еще денек-другой, посидеть на солнышке, порадоваться на мир, и вот тогда-то придет некий мистер Р (то есть — Рок) или миссис К (то есть Костлявая) и предъявит вам счет к оплате. А может, и сам я приду, мистер Смерч собственной персоной, старый друг вашей юности, и скажу: «Платите». Так что обещанный год придется отдать. Я скажу: «Отдавайте», и вам придется отдать.

Что это будет значить для каждого из вас?

А вот что. Тот, кто мог бы прожить семьдесят один год, должен умереть в семьдесят. А кому довелось бы дожить до восьмидесяти шести, придется расставаться с жизнью в восемьдесят пять.

Возраст преклонный. Кажется, годом больше, годом меньше — невелика разница. Но когда пробьет час, ребятки, вы можете об этом пожалеть. Правда, зато вы сможете сказать: этот год я потратил не зря, я отдал его за Пифа, я жизнью выкупил славного Пифкина, самого дорогого друга, какой только жил на земле. Спас самое лучшее яблоко, готовое упасть с осенней яблони. Кое-кому из вас придется вместо сорока девяти лет подвести черту в сорок восемь. А кое-кто должен уснуть вечным сном не в пятьдесят пять, а в пятьдесят четыре. Ну, теперь вы понимаете все как есть? Можете сложить и вычесть? Арифметика вам ясна? Кто прозакладывает триста шестьдесят пять дней своей собственной, личной жизни, чтобы вернуть Пифкина? Думайте, ребята. Помолчите. Потом говорите.

Наступила напряженная тишина — как в классе, когда все ученики впопыхах складывают и вычитают в уме.

И они на диво быстро справились с подсчетами. Вопрос был решен сразу, хотя они и понимали, что через многие годы могут пожалеть о поспешном решении, о роковой опрометчивости. Но что же им оставалось? Только плыть саженьками от берега, спасти утопающего мальчишку, пока он в последний раз не ушел, как под воду, в жуткую могильную пыль.

— Я... — сказал Том. — Я даю год.

— И я, — сказал Ральф.

— Пишите меня, — сказал Генри-Хэнк.

— Я! Я! Я! — наперебой кричали все остальные.

— Вы поняли, что даете в залог, мальчики? Значит, вы и вправду любите Пифкина?

— Да, да!

— Быть посему, ребятки. Грызите, глотайте, сосите, хрустите.

И они сунули сладкие осколки сахарного черепа себе в рот.

Они грызли. Они глотали.

— Глотайте тьму, ребята, расставайтесь с годом жизни.

Они глотали торопясь, и от этого, видно, глаза у них разгорелись, в ушах стучало, а сердца громко бились.

Им показалось, будто птицы стайкой выпорхнули у каждого из грудной клетки, вылетели из тела и унеслись прочь невидимками. Они видели, но не могли разглядеть, как подаренные ими годы пролетели над миром и где-то сели, опустились — честная расплата по невиданным долговым обязательствам.

До них донесся отчаянный крик:

— Я здесь!

И еще:

— Я!..

И еще:

— Бегу-у-у!

Топ, топ, топ — три слова, три раза стукнули по каменному полу каблуки ботинок.

И вдоль подземелья, меж двух рядов мумий, наклонившихся, чтобы перехватить его, но бессильных, среди неслышимых криков и улюлюканья, — обезумевший, сломя голову, опрометью, со всех ног, вскидывая колени, работая локтями, раздувая щеки, сопя носом, с зажмуренными глазами, топая, топ-топ-топая по полу изо всех сил бежал — Пифкин.

Ну и мчался же он!

— Глядите, вон он! Давай, Пиф!

— Пиф, ты уже на полдороге!

— Надо же так нестись! — наперебой говорили мальчишки, рты у них еще были набиты сладкими обломками черепа с драгоценным именем Пифкина, которое навязло у них в зубах, сахарным именем, стекающим в горло, славным именем Пифкина на языках! Пиф, Пиф, Пифкин!

— Жми, Пифкин! Не оглядывайся!

— Не споткнись!

— Вот он, уже три четверти пробежал!

Пиф мчался сквозь строй. Он был отличный бегун, смелый, быстрый, как молния. Он миновал сотню коварных мумий, не задев ни одной, ни разу не оглянувшись — и вышел победителем.

— Ты выиграл, Пиф!

— Пиф, ты в порядке!

Но Пиф не остановился. Он промчался не только сквозь строй мертвецов, но и сквозь кучку теплых, живых, вспотевших, орущих мальчишек.

Он распахнул их, взбежал вверх по лестнице, скрылся.

— Пиф, все в порядке, ты куда?

Они побежали по лестнице — догонять.

— Куда это он, мистер Смерч?

— Насколько я могу судить, — сказал Смерч, — он с перепугу убежал прямо домой.

— А Пифкин спасен?

— Надо убедиться, посмотреть. Вверх!

Смерч закрутился на месте со страшной скоростью. Его раскинутые руки рассекали воздух. Он вращался так быстро, что образовался вакуум, возник маленький одиноличный циклон. И этот смерч, всасывающий воздух воронкой, захватил мальчишек — кого за ухо, кого за нос, за локоть, за палец на ноге.

Как сорванные с дерева листья, все восемь мальчишек с реактивным воем вознеслись в небеса. Смерч, в бешеной круговерти, камнем падал ввысь. Мальчишки тоже — насколько это возможно — канули вверх, низверглись следом за ним. Они ударили по облакам, как заряд шрапнели. Они летели за вожаком, как стая птиц, спешащих на север, опережая весну.

Земля словно бы поворачивалась с севера на юг. Тысячи деревушек и городов проплывали вниз, в созвездиях огней на кладбищах, по всей Мексике, в гирляндах тыков с мерцающими внутри свечками, к северу от границы, по всему Техасу, по Оклахоме, Айове, и наконец-то — Иллинойс!

— Мы дома! — закричал Том. — Вон ратуша, а вон мой дом, а там Праздничное дерево! Дерево Всех святых!

Они сделали круг над ратушей, два круга над горящим тысячами огненных тыков Деревом и, наконец, последний круг — над высоким домом Смерча, со множеством башенок, множеством комнат, множеством зияющих окон, высоко торчащих громоотводов, балюстрад, чердаков, завитков, и дом со скрежетом закачался от ветра, который они подняли. Пыльный салют из окон приветствовал их. На других окнах ставни широко разевались, как будто торопясь высунуть свои древние языки и «показать горлышко» маленьким докторам нездешних наук, прилетевшим на крыльях ветра. Привидения осыпались, как лепестки белых цветов, увядавших на глазах в тот миг, когда они проносились мимо.

Кружа над домом, они увидели, что он подобен вечному, всеобщему Кануну Всех святых. И Смерч крикнул им то же самое, размахивая старческими руками в древних шелках и паутине: он встал ногами на крышу и звал ребят к себе, указывая в глубь дома через громадное застекленное окно в крыше: через него можно было заглянуть на все этажи, до самого дна.

Мальчишки столпились вокруг застекленного люка и заглянули в пролёт лестницы, проходившей на каждой площадке через разные времена, разные сцены — там люди или скелеты извлекали ужасные звуки из флейт-позвоночников.

— Вот оно, перед вами. Хотите заглянуть? Видите? Там все наше тысячелетнее путешествие, весь наш полет — в одном месте, от пещерных людей через Египет, через Римскую империю — к пшеничному полю перед жатвой, к урожаю, собранному на кладбищах в Мексике — смертью.

Смерч поднял широкую застекленную раму.

— Вниз по перилам, ребята! Катитесь вниз! Каждый — в свое время, в свой век, на свой этаж. Спрыгивайте там, где ваш костюм не в диковинку, соскакивайте там, где, по-вашему, ваш наряд и ваша маска — на своем месте! Пошел!

Мальчишки прыгнули. Они спрыгнули вниз, на верхнюю площадку лестницы. А потом один за другим вскочили боком на перила и понеслись, вопя во все горло, вниз, вниз, сквозь все этажи, все площадки, все века, заключенные в диковинном тереме Смерча.

По спирали и вниз, по спирали вниз, они летели, скользили, клонясь на виражах, балансируя на воощенных перилах.

Трррах-бух! Джи-Джи в своем обезьяночеловечьем костюме приземлился в подвале. Озираясь, увидел рисунки на стенах пещеры, густой дым над кострами, тени неуклюжих людей-горилл. Из темноты сверкали, как уголья, глаза саблезубых тигров.

По спирали, словно в воронку, провалился Ральф, Мумия египетского мальчика, запеленутая на долгие века, и оказался на первом этаже, где по стенам стройными рядами вышагивали иероглифы, армия символов, летели эскадрильи древних птиц и шли стаи богов-зверей, а золотые скарабеи деловито катили свои навозные шары в глубь истории.

Плюх! Растрепан Нибли, у которого в руках все еще чудом осталась сверкающая коса, едва не расшибся в лепешку на втором этаже, где тень Самайна, друидского Бога Мертвых, размахнулась косой на дальней стене зала!

У-ух! Джордж Смит — то ли греческий призрак, то ли римское привидение — спрыгнул на третьем этаже, прямо перед обмазанными смолой дверными проемами, которые были облеплены старыми бродячими душами, влипшими в смолу, как мухи!

Шлеп! Генри-Хэнк, Ведьма, шлепнулся прямо в кучу ведьм на четвертом этаже — они скакали через костры в деревнях по всей Англии, Франции, Германии!

Уолли Бэбб, заправская Горгулья, с лета грохнулся на шестом этаже, где прямо из стен росли локти, ноги и горбы, улыбались во весь рот настоящие, веселые и лукавые горгульи.

А Скелет, Том, последним соскользнул с перил на самой верхней площадке, не удержался на ногах и полетел, сбивая белые сахарные черепа, как кегли в мрачной игре, в окружении теней коленопреклоненных женщин возле могил, а джаз-оркестры из крохотных скелетиков вовсю наяривали комариные мелодии, не заглушая голос Смерча, который с высоты крыши прогремывал:

— Ну что, ребятки, поняли наконец? Все это одно и то же, дошло?

— Да... — слышался чей-то голос.

— Всегда одно и то же, только по-разному, да? В свой век, в свой час. Но всегда день уходил. Ночь всегда наступала. И вы всегда боялись — верно, Обезьяночеловек, верно, эй, Мумия, — что солнце больше никогда не взойдет?

— Да-а... — ответили несколько голосов.

И они взглянули наверх, сквозь этажи и лестничные площадки высокого дома, и увидели каждый век, каждую историю отдельно, и как люди всегда, с незапамятных времен, провожали глазами солнце, поворачивая головы следом, следя, как оно восходит и заходит. Пещерные люди дрожали. Египтяне стонали и плакали. Греки и римляне торжественно проносили своих усопших. Лето падало замертво. Зима хоронила его в могиле. Мириады голосов рыдали. Ветер времени сотрясал громадный дом. Окна дребезжали и, точь-в-точь как человеческие глаза, наливались слезами. Но вдруг — крики восторга! — это десять тысяч раз по миллиону человек приветствовали яркие

горячие летние солнца, которые вставали и пламенели огнем в каждом окне!

— Понимаете, ребятки? Призадумайтесь! Люди исчезали навсегда. Они умирали. О Боже, умирали! Но возвращались в сновидениях. Эти сновидения называли привидениями, духами, и их боялись люди во все времена...

— А-хх! — крикнул миллионоголосый хор в подвалах, на башенках.

Тени всползали по стенам, похожие на старые фильмы, мелькающие на ветхом экране. Клубочки дыма маялись у дверей, глаза у них были грустные, печальные, а губы дрожали.

— Ночь и день. Лето и зима, ребятки. Время сева и время жатвы. Жизнь и смерть. Вот что такое Канун Всех святых, все вместе. Все едино. Полдень и полночь. Рождаетесь на свет, ребяташки. Потом падаете кверху лапками, как собака, которой сказали: «Умри!» Потом вскакиваете, заливаются лаем, бежите сквозь тысячи лет, и каждый день — смерть, и каждый вечер — Канун Всех святых, мальчики, каждый вечер, каждый Божий вечер — грозный и ужасный, пока наконец вы не сумели попрятаться в городах и поселках, немного передохнуть, перевести дух.

Потом каждый начинает жить дольше, времени становится побольше, умирают реже, страх можно собрать и отложить, и в конце концов отвести ему один-единственный день в году, когда вы можете призадуматься о ночи и утренней заре, о весне, об осени, о том, что значит родиться и что значит умереть.

И все это накапливается, складывается. Четыре тысячи лет назад, одна тысяча или в нынешний год — там или тут, — но празднества все одинаковые...

— Праздник Самайна...

— Время Мертвых...

— Всех Душ... Всех святых.

— День Мертвых.

- El Dia de Muerte.
- Канун Дня Всех святых.
- Канун Всех святых.

Неуверенные голоса мальчишек, посланные вверх, сквозь слои времени, из всех стран, из всех веков, перечисляли праздники, по сути дела одинаковые.

— Отлично, мальчики, отлично.

Где-то вдали городские башенные часы пробили три четверти двенадцатого.

— Полночь близится, мальчики. Канун Всех святых почти прошел.

— Нет, послушайте! — крикнул Том. — А как же Пифкин? Мы гонялись за ним по всем векам, хоронили его, выкапывали обратно, шли за его гробом, оплакивали на поминках. Так жив он или нет?

— Ага! — подхватили все. — Спасли мы его или нет?

— И правда — спасли или нет?..

Смерч вглядывался в даль. Мальчишки стали смотреть туда же, а там, за оврагом, стоял дом, в котором один за другим гасли огни.

— Это больница, где он лежит. Но вы сбегайте к нему домой. Постучите в последнюю дверь, крикните в последний раз: «Сласти или страсти-мордасти?» Это будет главный, последний вопрос. Ступайте, добейтесь ответа. Мистер Марлей, а ну-ка, проводите их — *честью!*

Входная дверь распахнулась — р-р-раз!

Марлей-молоток скривил свою перевязанную физиономию и засвистел им вслед на прощанье — а мальчишки съехали по перилам и наперегонки побежали к двери

Но их остановил последний вопрос Смерча:

— Ребятки! Скажите, что это было? Нынешний вечер, со мной — сласти или страсти-мордасти?

Мальчишки набрали полную грудь воздуха, задержали, а потом выпалили единым духом:

— Ух ты, мистер Смерч, и то и другое!

Грюк! — стукнул Марлей-молоток.

Бряк! — хлопнула дверь.

И мальчишки припустились бегом, бегом, во всю прыть, вниз, через овраг, вверх по улицам, жарко дыша, роняя маски и наступая на них ногами, пока не добежали наконец до крыльца пифкинского дома, и остановились, глядя то на больницу вдали, то на входную дверь дома Пифкина.

— Ты, давай ты, Том, — сказал Ральф.

И Том потихоньку стал подходить к дому, поставил ногу на первую ступеньку крыльца, потом на вторую, дошел до двери — и никак не мог собраться с духом постучать, боялся услышать последние новости о добром старом Пифкине. Пифкин — умер? Пифкина будут хоронить насовсем? Пифкин — сам Пифкин умер навсегда? Нет!

Он постучал в дверь.

Мальчишки стояли и ждали на дорожке.

Дверь отворилась. Том вошел в дом. Минута тянулась долго-долго, стайка мальчишек стояла на улице, не мешая холодному ветру пробираться до костей, замораживать самые ужасающие мысли.

— Ну что там? — беззвучно кричали они перед закрытым домом, запертой дверью, перед темными окнами. — Ну что?

И вот дверь открылась, наконец-то Том вышел и остановился на крыльце, плохо соображая, где он и что с ним.

Потом поднял глаза и увидел друзей, которые ждали его — за миллион миль отсюда.

Том спрыгнул с крыльца, крича во все горло:

— Ура! Ура! Ура-а-а!

Он бежал по дорожке, крича:

— Все в порядке, он в порядке, он жив! Пифкин в больнице! Аппендикс себе вырезал: Сегодня, в девять вечера! Успел вовремя! Доктор говорит, что он молодчина!

— Пифкин?..

— В больнице?..

— Молодчина?..

Все охнули, будто кто дал им под ложечку. Потом задышали часто, шумно, это был дикий крик, нестройный вопль торжества.

— Пифкин, о Пифкин, Пиф!

Ребята стояли на пифкинском газоне, на дорожке перед пифкинским крыльцом. перед его домом и в немом изумлении переглядывались, улыбаясь все шире, а слезы набегали на глаза, и все вдруг заорали, а слезы, счастливые слезы заструились по щекам.

— Вот здорово, здорово, красота, ох как здорово! — приговаривал Том, еле живой, плача от радости.

— Можешь повторить, — сказал кто-то, и он повторил.

И они все сгрудились в кучку и досыта наревелись на радостях.

Похоже, что ночь здорово отсырела от слез, и Том решил всех взбодрить.

— Вы взгляните на пифкинский дом! Стыд и позор! Слушайте, что надо делать!..

Они разбежались во все стороны, и каждый вернулся, прихватив с собой горящую тыкву, и все тыквы поставили рядом на перилах дома Пифкина, и тыквы улыбались до ушей самым беззастенчивым образом, поджидая возвращения Пифкина домой.

Мальчишки, стоя на газоне, любовались этими сияющими улыбками; костюмы на плечах, локтях и коленках у них были порваны в клочья, грим стекал со щек каплями и струйками, и громадная, чудесная, счастливая усталость наваливалась на них, тяжелила веки, наливала тяжестью руки и ноги, но уходить им не хотелось.

И башенные часы пробили полночь — буммм!

И снова, и снова — буммм! буммм! — целых двенадцать раз.

И Канун Всех святых кончился.

И по всему городу захлопали двери, стали гаснуть огни.

Мальчишки начали разбредаться, прощаясь: «Пока!», и «Привет!», и «Будь здоров!», и просто «Будь!», и доброй ночи, да, ночи. Газон опустел, но на крыльце Пифкина вовсю полыхали огоньки свечей, теплые огоньки, теплый дух печеной тыквы.

И Призрак, и Мумия, и Скелет, и Ведьма, и все остальные пришли домой, на свое крыльцо, и, стоя на пороге родного дома, каждый обернулся, и посмотрел на город, и вспомнил эту сказочную ночь — ночь, которую никто из них не забудет никогда в жизни, — каждый посмотрел на дома других через городские улицы, но все они особенно долго смотрели на высоченный Дом за оврагом, где мистер Смерч все еще стоял на самом верху крыши, окруженной балюстрадой из острых прутьев.

Мальчишки помахали руками, каждый со своего крыльца.

Дым, тянувшийся вверх из высокой готической трубы дома Смерча, помахал им в ответ.

Все новые и новые двери захлопывались во всем городе, запирались на ночь.

И с каждым звуком хлопнутой двери гасла тыква на громадном Дереве Всех святых — одна, другая, и еще, и еще одна... Дюжинами, сотнями, тысячами закрывались двери, гасли глаза тыкв, словно слепли, а над задутыми свечками курился ароматный дымок.

Ведьма постояла, вошла в дом, закрыла дверь.

Тыква с ведьминым лицом на Дереве погасла.

Мумия шагнула через порог и хлопнула дверь.

В тыкве с лицом мумии погас огонек.

Оставался только один, последний мальчишка во всем городе, один на своей веранде — Том Скелтон в своих костяных доспехах, ему смерть как не хотелось уходить в дом, а хотелось выжать

последнюю, самую сладкую каплю радости из самого любимого праздника в году, и он отправил мысленное послание с ночным ветром к волшебному дому за оврагом:

— Мистер Смерч, а вы *кто такой?*

И мистер Смерч, стоя высоко на крыше дома, послал обратно мысленный ответ:

— Я думаю, ты знаешь, мальчуган, я думаю, ты знаешь.

— Мы еще встретимся, мистер Смерч?

— Через много-много лет — да, я приду за тобой.

И вот последняя мысль Тома:

— О, мистер Смерч, неужели мы *никогда* не перестанем бояться ночи, бояться смерти?

И мысленный ответ полетел к нему:

— Когда ты достигнешь звезд, мальчуган, да, и станешь жить там вечно, все страхи отпустят тебя и сама Смерть истребится.

Том прислушался, услышал и спокойно помахал на прощанье.

Мистер Смерч там, вдали, поднял руку.

Щелк. Дверь дома захлопнулась за Томом.

Его тыква-череп на великанском дереве чихнула дымком и погасла.

Ветер играл ветвями исполинского Древа Всех святых, на котором не осталось ни единого огонька, кроме одинокой тыквы на самой макушке.

Тыквы с глазами и лицом мистера Смерча.

На гребне крыши мистер Смерч наклонился, набрал полную грудь воздуха и — дунул.

Его свечка в его тыквенной голове затрепетала, угасла.

Но — чудо! — дым за клубился из его собственного рта, из ноздрей, из ушей, из глазниц, как будто его собственную душу задули, погасили в груди в тот самый миг, как душистая тыква испустила свой сладкий, теплый тыквенный дух.

Он провалился сквозь крышу своего дома. Крышка стеклянного люка закрылась за ним.

Откуда-то налетел ветер. Он раскачал все темные, курящиеся дымком тыквы на раскидистом, прекрасном Праздничном дереве. Ветер подхватил тысячи потемневших листьев и взметнул их в небо, погнал по земле навстречу солнцу, которое непременно взойдет.

Как и весь город, Дерево погасило последние тлеющие угольки улыбок и погрузилось в сон.

А в два часа, перед рассветом, ветер вернулся за оставшимися листьями.

ЛОРЕЛЕЯ КРАСНОЙ МГЛЫ

У компании были очень хорошие детективы. Просто замечательные. Хью Старк подумал даже, что на этот раз уйти не удастся. Его миниатюрное гибкое тело склонилось над панелью приборов, выжимая из «Каллмана» всю мощность до последней капли. Знойное венерианское небо проплывало мимо рваными темно-синими клочьями. Венера считалась пограничной планетой и в значительной мере представляла собой одну большую загадку; не для венериан, конечно, — но те никаких карт не выдавали. Хью понимал, что приблизился на опасно близкое расстояние к Горам Белого Облака. Хребет планеты, вздымавшийся высоко в стратосферу, являлся настоящей магнитной ловушкой, и одному Богу известно, что находилось по ту сторону. А возможно, и Бог-то толком не знал.

Либо Хью переберется через горы, либо ему конец. Его пристрелит Специальная полиция компании «Шахты Терро-Венус, инкорпорэйтед» или на всю жизнь упекут в камеру Лунных Казематов как рецидивиста-уголовника.

Старк решил перебираться.

Что бы там ни случилось, но ему удалось в одиночку провернуть самое крупное дело в истории: взять корабль с зарплатой «Шахт Т-В», а это около миллиона кредитов. Он погладил металлический сейф, стоявший у него между ног, и усмехнулся. Еще долго никто не сможет сделать ничего подобного.

Стрелки на индикаторах массы занервничали. Далеко впереди, в небе, неясной багряной стеной встали Горы Белого Облака.

Старк проверил координаты преследующих кораблей. Нет, через их цепь не прорваться.

— Ладно, будьте вы прокляты, — безразлично сказал он и круто направил «Каллман» в темно-синее небо.

Он плохо помнил, что произошло дальше. Безумные магнитные выходы — вечная проблема на Венере — сделали приборы бесполезными. Старк летел по наитию, и ему удалось перебраться, а ребятам из «Т-В» — нет. Он был свободен, и в его распоряжении был миллион кредитов.

Далеко внизу, в девственной ночной тьме виднелась грязно-малиновая полоса, как будто проведенная окровавленным пальцем. «Каллман» клюнул носом. Приборная панель вспыхнула голубым огнем, реактивные таймеры взорвались, и послышался вой трения падающего фюзеляжа о воздух.

Хью Старк, замерев, ждал...

Еще до того как открыл глаза, Хью понял, что умирает. Он не ощущал никакой боли, не чувствовал ничего — просто знал. Часть его тела была отрезана. Старк находился в сознании, но уже вне всяких связей.

Хью поднял веки. Высоко над ним был потолок из черного камня с дымчатыми красными и желтыми прожилками. Никогда раньше он такого не видел.

Его голова была повернута вправо. Опустив глаза, Хью разглядел какие-то неясные узоры, преимущественно из черного камня, и три высо-

кие арки, выходящие на балкон. За балконом виднелось небо, подернутое красноватым туманом. Туман покрывал раскинувшийся во все стороны от мрачной гряды утесов океан. Океан... Это была не вода, и на глади поверхности не было волн, однако никакое другое название не подходило. Где-то внутри океан пылал, выдыхая красный туман. Маленькие злые всполохи пламени кружили в глубине, выбрасывая кольца искр, которые разбегались, словно круги от брошенного камушка.

Старк закрыл глаза и, поморщившись, поудобнее повернул голову. Кожей он ощутил прикосновение меха. Сквозь щелки век Хью увидел, что лежит на высокой кровати, застеленной шелками и дублеными шкурами. Все тело было закрыто. Он даже обрадовался, что не видит его. Впрочем, это не имело значения, поскольку пользоваться им ему больше все равно не придется, да по правде говоря, и тело-то было не Бог весть какое. Но он к нему привык и теперь не хотел на него смотреть, представляя себе, как оно выглядит.

Хью бросил взгляд на другой конец кровати и увидел женщину.

Она наблюдала за ним, сидя в массивном резном кресле, покрытом какой-то огромной белой шкурой, словно сугробом. Женщина улыбнулась, позволяя ему рассмотреть себя. Хью почувствовал, как под подбородком, очень слабо, забился пульс.

Женщина в плаще из светло-серого шелка, который застегивался пряжкой, украшенной драгоценными камнями, была высокой и стройной, с надменными чертами. Красивое узкое лицо с загадочным и несколько удивленным выражением; губы, глаза и струящиеся волосы — одного бледно-холодного аквамаринового оттенка. Кожа белая, без малейшего намека на румянец. Ее плечи, руки, длинные красивые ноги, нежно-зеленые соски груди будто припорошила бриллиантовая пыль.

Женщина вся мягко сверкала, как некая сказочная вещица на белоснежном мехе, существо из пены, лунного света и прозрачной родниковой воды, и не отводила от него глаз, и это были нечеловеческие глаза, хотя Хью знал, что они могли бы с ним сделать, если бы он хоть что-нибудь чувствовал ниже шеи.

Старк попробовал заговорить, однако пошевелить языком не смог.

Незнакомка подалась вперед, и ее движение будто послужило сигналом для мужчин выйти из тени узорчатой стены. Они были похожи на нее, с такими же бледными и странными глазами.

Высоким тягучим голосом венерианки женщина проговорила:

— Ты умираешь. Но ты не умрешь. Сейчас ты уснешь и проснешься в незнакомом теле, в незнакомом месте. Не бойся. Мой разум будет вместе с тобой, я буду направлять тебя, не бойся.

Хью в оскале раздвинул тонкие губы. Улыбка получилась горькой, волчьей — как и его лицо.

Глаза женщины начали вливать холод в череп Старка. Они были похожи на две речушки, разливающие серебристо-зеленый покой по измученной поверхности его мозга. Мозг расслабился. Хью плыл по воде... И тут два ручейка-близнеца превратились в один широкий мощный поток, и разум, или «я», — то, что составляло его сущность, — растворилось...

Долго, очень долго Старк не приходил в сознание. Он чувствовал себя так, будто его трясли и трясли, покуда внутри он не рассыпался на мелкие кусочки. К тому же им владело инстинктивное предчувствие, что как только он проснется, то пожалеет о пробуждении.

Он помнил свое имя: Хью Старк. Он помнил шахтерский астероид, на котором родился. Он помнил тюремные казематы Луны, где однажды чуть было не умер. Первое и второе мало чем отличались друг от друга. Он помнил, что его

физиономия красовалась в половине полицейских бюллетеней между Меркурием и Поясом астероидов. Он помнил, как слушал передачи о себе по телевидению, как им пугали детей, и думал о том, как совершил первое преступление — восемнадцатилетний костлявый подросток бьет гаечным ключом взрослого мужчину, пытавшегося украсть у него еду.

А дальше все шло быстро. Работа на «Шахтах Т-В», побег, не ставший побегом, Горы Белого Облака. Авария...

Женщина.

Вот и все. Его мозг разбился вдребезги. Свет, ощущения, обнаженное чувство реальности накатили на Хью. Он лежал с закрытыми глазами, совершенно неподвижно, а мозг царапали видение сияющей женщины с волосами цвета морской волны и звук ее голоса: «Ты не умрешь, ты проснешься в незнакомом теле, не бойся...»

Старку было страшно. Кожу покалывало, и от этого становилось холодно. Сводило желудок. Это были его кожа и его желудок, но в то же время Хью испытывал какое-то странное неудобство, как от новой одежды, которая не впору...

Он приоткрыл глаза, осторожно, чуть-чуть разлепив веки.

И увидел тело, неуклюже лежащее на боку среди грязной соломы. Тело принадлежало Старку, поскольку он чувствовал, как колется солома и как все чешется от укусов крохотных тварей, которые по нему ползали.

Тело большое, мощное, мускулистое, много крупнее, чем его старое. Совершенно очевидно, что оно не голодало первые двадцать с чем-то лет жизни. Тело было совершенно голым. Погода и насилие оставили на нем следы, покрыв белесыми рубцами бронзовую, будто дубленую, кожу, однако все, кажется, было на месте. Грудь, ноги и предплечья покрывали черные волосы, а кисти

рук были худыми и сильными, приспособленными убивать. Человеческое тело.

Уже неплохо. Оно могло быть и чем-то таким, что из расистского снобизма Хью не назвал бы человеком. Например, тем безмянным мерцающим созданием, улыбавшимся странными бледными губами...

Старк снова закрыл глаза.

Оно лежало, это непостижимое «я», которое было Хью Старком, вытянувшись в темноте чужой оболочки, тихое, сосредоточенное, настороженное. На мягких черных лапах подобралась паника. Обошла вокруг вжавшегося в землю «я», обнюхала, тронула лапой, ткнулась носом и, заскулив, полоснула кривыми когтями. Немного погодя ушла ни с чем.

Губы, которые стали теперь губами Старка, скривились в тонкой жестокой улыбке. Однажды он просидел шесть месяцев в одиночной камере Лунных Казематов. Если человек сумел пройти через такое, сохранить рассудок и выйти оттуда на своих ногах, значит, он мог вынести все.

Тогда он понял, с некоторым облегчением, что женщина и четверо ее спутников, вероятно, с помощью гипнотического воздействия смягчили шок. Его подсознание принимало перемену; лишь на сознательном уровне разум был до смерти напуган.

Хью Старк медленно и цинично выругался по адресу женщины на семи языках и нескольких малоизвестных диалектах. По вполне понятным причинам он пришел в неопишемую ярость из-за того, что какая-то баба столь бесцеремонно им помыкает. Но потом подумал: «Какого черта, как-никак я жив. И, похоже, это наилучший вариант из всех возможных!»

Снова приоткрыв глаза, Хью тайком оглядел свой новый мир.

Он лежал в углу квадратного каменного зала довольно больших размеров, разделенного двумя

рядами колонн из какого-то темного венерианского дерева. Тут и там стояли грубые длинные скамьи и столы. В круглых кирпичных очагах между колоннами тлели угли, и дым поднимался вверх, заволакивая золото и бронзу щитов, развешанных на стенах и фронтонах, сталь мечей и копий, гобелены, шкуры и трофеи.

В зале было очень тихо, а где-то снаружи шел бой — тяжелый и жестокий. Шум не нарушал тишины; а лишь делал ее глубже.

Кроме Старка в зале находились еще два человека — неподалеку от него, на низком помосте. Один неподвижно сидел в высоком резном кресле, положив на стол большие, покрытые шрамами руки; второй раболепно пристроился на полу у его ног. Тот, второй, опустил голову, поэтому грива белых волос скрывала лицо и арфу, которую он держал между ног. Судя по тому что этот человек был альбиносом, он родился на боло-тах.

Старк снова посмотрел на мужчину в кресле.

— Почему она не прислала вести? — сурово спросил тот.

Арфа внезапно издала резкий аккорд. И все.

Но Старк этого почти не слышал. Все его внимание было поглощено говорившим. Сердце сильно забилося. Мускулы напряглись и застыли в ожидании. Во рту появился горький привкус — привкус ненависти.

Старк никогда раньше не видел этого человека, но его руки свело от желания убить.

Мужчина был высок, почти семи футов ростом, и мускулист, как ломовая лошадь. Его тело, обнаженное выше пояса с золотой чеканкой, несмотря на вес, казалось гибким и быстрым, словно у гончей. Лицо мужчины было квадратным, костистым, обветренным и все еще молодым. Это лицо когда-то много смеялось, любило вино и хорошеньких девушек; теперь все осталось в прошлом, кроме, возможно, вина. Его искажала гримаса

жестокости и боли, словно оно глядело из клетки. Старку был знаком этот взгляд, он встречал его в Лунных Казематах. Через весь лоб мужчины шел широкий белый шрам. Запавшие синие глаза казались темными под полузакрытыми веками. Мужчина был слеп.

Где-то снаружи, вдалеке, кричали и умирали люди.

Старка все больше раздражало ощущение, будто его шею что-то сдавливает. Осторожно, стараясь не зашуршать соломой, он поднял руку. Пальцы нащупали спутанную бороду, а под ней — металлическую пластину.

На новом теле Старка был ошейник, как у злой собаки.

К ошейнику крепилась цепь. Старк не мог нащупать никакой застежки. Эта штука не снималась.

У Старка в висках горячо застучала кровь. Ему уже приходилось носить цепи, и он их не любил. Особенно вокруг шеи.

В дальнем конце зала вдруг открылась дверь. В зал ворвался туман, и красноватый дневной свет упал на черный каменный пол. Вошел какой-то человек — высокого роста, полуголый, светло-волосый и весь в крови. Клинок его длинного меча со скрежетом волочился по плитам пола. Грудь мужчины была рассечена до кости, и он свободной рукой сжимал края раны.

— Весть от Бьюдаг! Нас оттеснили обратно в город, но мы пока удерживаем Ворота.

Никто не ответил. Маленький человек кивнул белой гривой. Мужчина с рассеченной грудью повернулся и вышел, закрыв за собой дверь.

При упоминании «Бьюдаг» в Старке произошла любопытная перемена. Он никогда раньше не слышал этого имени, однако оно сидело в его мозгу, словно цель для копья, окутанное странными эмоциями. Хью не мог определить свое чувство, но оно отодвинуло слепца на задний план.

Простая горячая ненависть остыла. Старк расслабился, его охватило какое-то ледяное спокойствие, обманчивое, как у спящей кобры. Он спрашивал себя, что произошло. Он ждал Бьюдаг.

Слепец ударил по столу кулаками и встал.

— Ромна, — приказал он, — подай мой меч.

Маленький человечек посмотрел вверх. У него оказались молочно-голубые глаза и лицо дружелюбного бульдога.

— Не будь глупцом, Фаолан.

Фаолан мягко возразил:

— Будь ты проклят. Принеси мой меч.

Снаружи умирали люди, и отнюдь не безропотно. Кожа Фаолана лоснилась от пота. Внезапно он сделал резкое движение, пытаясь схватить Ромну.

Ромна увернулся. В его бледных глазах стояли слезы. Он сказал жестоко:

— Ты будешь только путаться у всех под ногами. Сядь.

— Я найду место, — ответил Фаолан, — чтобы упасть на свой меч!

Ромна пронзительно закричал:

— Заткнись! Заткнись и сядь!

Фаолан схватился за край стола и весь затрясся, закрыв глаза. Из-под век побежали слезы.

Бард отвернулся, и арфа вскрикнула, словно женщина.

Фаолан глубоко вздохнул, медленно выпрямился, обошел резное кресло и приблизился к Старку.

— Что-то ты слишком тих, Конан. В чем дело? Ты должен бы радоваться, Конан, смеяться и греметь своей цепью. Ведь ты получишь то, чего хотел. Или ты печален потому, что у тебя больше нет разума, чтобы это понять?

Он остановился и пошарил по соломе ногой, обутой в сандалию, нащупал бедро Старка. Старк не шевелился.

— Конан, — нежно проговорил слепой, надавив Старку ногой на живот. — Конан — собака,

предатель, головорез, нож в спине. Помнишь, что ты сделал в Фалге, Конан? Нет, теперь не помнишь. Я обошелся с тобой несколько сурово, и ты больше ничего не помнишь. А вот я помню, Конан. Пока я буду жить во тьме, я буду помнить.

Ромна ударил по струнам арфы, и те всхлипнули, горько оплакивая сильных мужей, которых погубило предательство. Полилась музыка, далекая, грустная, но не мягкая. Фаолан задрожал — это было похоже на то, как дергается шкура животного. Лицо его исказилось, словно железо, меняющее форму под ударами молота. Неожиданно он опустился на колени, взял Старка за плечи. Потом его руки скользнули к горлу Старка и сомкнулись на нем.

Шум битвы снаружи затих.

Старк сделал молниеносное движение. Как будто видя и зная, что она там, он схватил ненатянутую тяжелую цепь и размахнулся ею.

Удар, казалось, будет смертельным. Старк всем сердцем желал размозжить Фаолану голову. Но в последнее мгновение он сдержался и расчетливо нанес удар по затылку. Фаолан охнул и упал на бок, и тут же подскочил Ромна. Альбинос отбросил арфу и выхватил нож. В глазах его застыло изумление.

Старк вскочил на ноги и отступил, угрожающе замахиваясь цепью. Его новое тело двигалось превосходно. На поверхности все было отлично, но внутри его психика и нервная система затеяли гражданскую войну. Хью был в ярости на самого себя за то, что не убил Фаолана. Он был в ярости на самого себя за то, что совершенно потерял контроль над собой и хотел убить человека без всякой причины. Он ненавидел Фаолана. Ему не нравился Фаолан, потому что он плохо его знал. Тренированный, расчетливый и бесчувственный мозг Старка вступил в борьбу с нахлынувшей волной беспочвенных эмоций.

До того момента как внутренний монитор, годами настроенный на строжайший контроль, не предостерег его от убийства, он даже не понимал, насколько оно было необоснованным. Теперь Старку вспомнился голос той женщины, говорящий: «Мой разум будет вместе с твоим, я буду направлять тебя...»

Оружие, да? Простой наемник, с которым расплатились новым телом в обмен на две жизни. Да, две. Бьюдаг... Теперь Старк понимал, что означало то холодное, чуждое чувство.

— Брось! — хрипло проговорил Старк. — Брось все это! Ты, зеленоглазая дьяволица! На этот раз не на того напала.

На какую-то долю секунды он опять увидел ту женщину, наклонившуюся вперед, с волосами, подобно водопаду стекающими по мягкой искрящейся пене плеч. Ее глаза цвета моря были полны дразнящего смеха и явного, вызывающего восторга. Старк отлично расслышал ее слова:

— У тебя нет выбора, Хью Старк. Они знают Конана, даже если ты не знаешь. К тому же большого значения это не имеет. С ними все равно будет покончено — это лишь вопрос времени. А ты можешь спасти свое новое тело. Или погибнуть. Делай, как хочешь. — Она улыбнулась. — Мне бы хотелось, чтобы ты его сохранил. Это хорошее тело. Я знала его еще до того, как разум Конана угас, оставив тело пустым.

Старку пришла неожиданная мысль:

— А мой ящик, миллион кредитов?

— Приходи за ним.

Женщина исчезла. Мозг Старка был ясен, никакая чужая воля там больше не околачивалась.

Фаолан, держась за голову, сел на полу и спросил:

— Кто разговаривал?

Бард Ромна стоял, вытаращив глаза. Он шевелил губами, не в силах выговорить ни слова.

Старк сказал:

— Говорил я. Хью Старк. Я не Конан и никогда не слышал о Фалге, и я вышибу мозги всякому, кто ко мне приблизится.

Фаолан не двигался, и ни один мускул на его лице не дрогнул, только было слышно, как тяжело он дышит. Ромна начал ругаться, очень тихо, как бы бессознательно. Старк внимательно следил за ними.

В другом конце зала распахнулись двери. В помещение ворвался красноватый туман, дневной свет упал на плиты пола, а за ними появилась толпа людей, разгоряченных битвой, принесших с собой запах крови.

Остановив взгляд на их предводительнице, Старк почувствовал, как сердце застучало в волосатой груди, принадлежавшей Конану.

Ромна воскликнул:

— Бьюдаг!

Высокого роста. Фигура и мускулы львицы, походка неторопливая и надменная, волосы, как извивающиеся языки пламени. Синие глаза, горячие и ясные, такие же, как когда-то были у Фаолана. И одета так же, как он, в кожаную юбочку и сандалии.

Выше пояса великолепное тело девушки было обнажено. За спиной висел длинный меч, рукоятка которого высывалась над левым плечом. Ее кожа была испачкана кровью и копотью. На ноге виднелся длинный порез, и еще один — на плоском животе. Видно, что она крайне устала, хотя и старалась не показывать этого.

— Мы остановили их, Фаолан, — сказала Бьюдаг. — Они не в состоянии проломить Ворота, и мы можем удерживать Кром Дху до тех пор, пока у нас есть пища. А море кормит нас. — Девушка засмеялась, но в этом смехе было что-то неискреннее. — Боги, как я устала!

Бьюдаг остановилась возле помоста, скользнула взглядом по Фаолану, по Ромне, подняла глаза на Хью Старка и встретила с ним взглядом.

В горле у Старка снова начал биться пульс, но на этот раз его тело было сильным, а удары сердца похожими на барабанный бой.

Ромна сказал:

— К нему вернулся рассудок.

Наступила долгая, напряженная тишина. Все застыли. Затем люди за спиной Бьюдаг, большие и сильные воины, одетые в юбки, начали обступать помост, переговариваясь между собой низкими приглушенными голосами; вскоре этот шум перерос в настоящий крик.

Фаолан встал, повернулся к ним лицом и жестом приказал успокоиться.

— Он мой! Оставьте его.

Бьюдаг взлетела на помост одним красивым длинным прыжком.

— Этого не может быть! — заявила девушка. — Его разум не выдержал пытки. Он был слюнявым идиотом, который едва мог есть. А теперь вдруг ты говоришь, что он снова нормальный?

Старк сказал:

— Ты знаешь, что я нормальный. Видишь по моим глазам.

— Да.

Ему не понравилось, как она это произнесла.

— Послушайте, меня зовут Хью Старк. Я землянин. Не рассудок вернулся к Конану, а меня, совершенно другого человека, засунули в его тело. Я не знаю, чем оно занималось до того, как досталось мне, и не отвечаю за это.

Фаолан сказал:

— Он не помнит Фалгу. Он не помнит кораблей на дне моря. — Фаолан рассмеялся.

Ромна тихо возразил:

— Однако он тебя не убил, хотя легко мог это сделать. Разве Конан пощадил бы тебя?

Бьюдаг сказала:

— Да — если бы у него был лучший план. У Конана ум был как у змеи. Никто не знал, куда он собирается ударить.

Старк, небрежно помахивая цепью, стал рассказывать им, как все произошло, и рассматривал лицо, отражавшееся в полированном щите, что висел напротив на колонне. Большую его часть скрывала масса спутанных черных волос. Рот был чувственным, с какой-то недоброй усмешкой. Глаза желтые. Жестокие, сверкающие желтые глаза ястреба-убийцы.

Старк вдруг понял, что это лицо принадлежит ему.

— Женщина с бледно-зелеными волосами... — тихо проговорила Бьюдаг.

— Ранн, — кивнул Фаолан, и арфа Ромны издала звук, похожий на проклятие первосвященника.

— Ее люди обладают такой силой, — подтвердил Ромна. — Они могут вселить душу человека в паука и наступить на него.

— Им дана большая власть. Может, Ранн последовала за разумом Конана, когда он покинул тело, и, научив его, что говорить, вернула назад?

Внезапно, без предупреждения, Ромна выхватил меч Бьюдаг и метнул его в Старка. Старк увернулся. Он поглядел на Ромну отвратительными желтыми глазами.

— Прекрасно. Приковали меня цепью, чтобы я не мог драться, и хотите убить издалека.

Он не поднял меч. Старк никогда в жизни не пользовался таким оружием. Цепь была удобнее, она мало чем отличалась от тяжелого ремня или куска провода, или от других цепей, которыми ему иногда приходилось драться.

Ромна спросил:

— Разве это Конан?

Фаолан насторожился:

— Что случилось?

— Ромна бросил мой меч в Конана. Он увернулся и оставил меч лежать на полу. — Глаза Бьюдаг сузились. — Конан мог поймать брошенный

меч за рукоять, и он был лучшим воином на всем Красном море после тебя, Фаолан.

— Он пытается обмануть нас. Его направляет Ранн.

— К черту Ранн! — зазвенел цепью Старк. — Она хочет, чтобы я убил вас обоих, а я так и не знаю почему. Хорошо. Я мог бы убить Фаолана, запросто. Но я не убийца. Я никогда никого не продавал, если не надо было спасать собственную шею. Поэтому я не убил его, несмотря на Ранн. И мне совершенно не нужны ни вы, ни Ранн. Единственно, чего мне хочется, — это выбраться отсюда ко всем чертям!

Бьюдаг сказала:

— У него не такой выговор, как у Конана. И взгляд другой. — Голос ее звучал как-то странно.

Ромна посмотрел на девушку, ущипнул струны на арфе и произнес:

— У тебя есть способ узнать это наверняка.

На щеках Бьюдаг вспыхнул румянец. Ромна сделал шаг от нее в сторону; в его глазах заплясали искорки злобного смеха.

Бьюдаг улыбнулась, как разъяренная кошка — одни только зубы и никакого добродушия. Вдруг она подошла к Старку, подняв голову и опустив руки. Старк настороженно напрягся, но кровь приятно заиграла в чужих венах.

Бьюдаг поцеловала его.

Старк уронил цепь. Ему было чем занять руки.

Он поднял голову, чтобы перевести дыхание, а девушка отступила на шаг и проговорила с удивлением:

— Это не Конан.

Зал опустел. Старк искупался и побрился. Новое лицо было неплохим, совсем даже неплохим. В сущности, оно было чертовски хорошим. И его не знали в Системе. Человек с таким лицом вполне мог иметь миллион кредитов, и ему не стали

бы задавать никаких вопросов. На миллион кредитов с таким лицом можно получить множество удовольствий.

Оставалось всего-навсего придумать, как сохранить шею, на которой сидело это лицо, и получить назад миллион кредитов у дьяволицы по имени Ранн.

Старк все еще был прикован, но солому убрали и предложили ему юбку и пару сандалий. Фаолан сидел в своем высоком кресле с кубком вина в руках. Бьюдаг развалилась рядом с ним на меховом ковре. Ромна, скрестив ноги и сонно прикрыв глаза, наигрывал на арфе какую-то нежную протяжную мелодию. Вид у него был обреченный. Старк знал обитателей болот, и его это не удивляло.

— Незнакомец говорит правду, — сказал Ромна. — Но к его разуму прикасается чей-то другой разум, я думаю — Ранн. Не доверяй ему.

Фаолан нахмурился:

— Я не смог бы поверить даже богу в теле Конана.

Старк спросил:

— А что у нас за расклад? Идет какое-то сражение, а дамочка Ранн пытается внедрить в ваш стан убийцу? И что случилось в Фалге? Никогда ничего не слышал об этом проклятом океане, а тем более о таком месте, как Фалга.

Бард провел рукой по струнам.

— Я расскажу тебе, Хью Старк. И может быть, тебе не захочется больше оставаться в этом теле.

Старк усмехнулся и посмотрел на Бьюдаг. Девушка необычайно пристально следила за ним из-под опущенных ресниц. Старк перестал ухмыляться. Его бросило в пот. Избавься от этого тела, черт возьми!.. Его собственный костлявый щуплый каркас никогда ничего подобного не ощущал.

Бард сказал:

— Вначале в Красном море обитала раса, которая еще сохраняла чешую и плавники. Они были

амфибиями, однако через некоторое время часть этой расы пожелала жить только на суше. Произшла ссора, последовала битва, и некоторые из них навсегда покинули море. Они потеряли плавники и почти всю чешую, зато обладали большой душевной силой и любили править. Они подчинили человеческие народы и держали их почти в рабстве. Они ненавидели своих братьев, которые продолжали жить в море, и те ненавидели их.

Потом к Красному морю пришел третий народ — пираты с Севера. Они нападали и грабили, и не носили ярма. Пираты основали поселение на Кром Дху и на Черной Скале, и построили ладьи, и обложили данью прибрежные города.

Но поработенные люди не хотели сражаться с разбойниками. Они хотели драться вместе с ними и уничтожить морской народ. Пираты были людьми, кровь вызывает к крови. Разбойники тоже любили править, а места были богатые. К тому же наступил такой период их племенного развития, когда они были готовы превратиться из воинов-кочевников в строителей собственного государства.

Итак, разбойники, морские люди и оказавшиеся между ними поработенные народы начали битву за эту землю.

Пальцы барда перебирали струны, и те трепетали, как живые. Старк заметил, что Бьюдаг все еще наблюдает за ним, взвешивая малейшие изменения в выражении его лица.

Ромна продолжал:

— Была некая зеленоволосая женщина по имени Ранн, и обладала она дивной красотой, и правила морскими людьми. Был мужчина по имени Фаолан Корабельный и его сестра Бьюдаг, что значит «Кинжал В Ножнах», и они вдвоем правили пришлыми разбойниками. И был мужчина по имени Конан. — Арфа издала резкий аккорд, словно по ней ударили мечом. — Конан был великим воином, вторым после Фаолана Корабельного, и

Бьюдаг любила его, и были они помолвлены. Но однажды Конан во время стычки с морскими людьми попал в плен, и Ранн увидела его, и он увидел Ранн.

Хью Старк припомнил улыбающееся лицо Ранн и ее низкий голос: «Это хорошее тело. Я знала его прежде...»

Глаза Бьюдаг под опущенными веками казались двумя кристаллами купороса.

— Конан долго оставался с Ранн в Фалге. Потом он вернулся в Кром Дху, сказав, что бежал. И сообщил, что нашел путь, как провести ладьи в бухту Фалги — в тыл флоту Ранн; оттуда будет легко захватить город, а в нем и Ранн. И Конан с Бьюдаг поженились.

Желтые соколиные глаза Старка скользнули по Бьюдаг, вытянувшейся, как львица, во всей мощи и красоте. Под подбородком у него задергался мускул. Щеки Бьюдаг вспыхнули, медленно покрывшись густым румянцем, однако взгляда девушка не отвела.

— И вышли ладьи из Кром Дху, и поплыли по Красному морю. Конан привел их в ловушку у Фалги, и почти все были потоплены. Конан думал, что у него теперь есть Ранн и все, что она обещала ему. Но Фаолан увидел, что произошло, и бросился за ним в погоню. Они сразились; Конан ударил Фаолана мечом по лицу и ослепил. Однако Конан проиграл битву. Бьюдаг привезла их домой.

Конана голым приковали на рынке. Народ тщательно следил, чтобы мерзавец не умер. Время от времени с ним еще что-нибудь делали. В конце концов рассудок покинул Конана, и Фаолан посадил его на цепь здесь, в зале, чтобы слышать, как тот бормочет и играет с цепью. Так легче было переносить мрак.

Но после Фалги дела пошли плохо в Кром Дху. Было потеряно слишком много людей, слишком много кораблей. Теперь люди Ранн заперли нас

здесь. Они не могут ворваться сюда, а мы не можем вырваться. И вот мы здесь, покуда... — Арфа простила горький вопрос и умолкла.

Прошла минута или две, и Старк наконец сказал:

— Да, я понял. Тупик для обеих сторон. И Ранн думает, что если я смогу убить вождей, то ваш народ сдастся. — Он начал ругаться. — Ну что за вшивая, грязная, подлая уловка! И кто ей сказал, будто она может использовать меня...

Старк замолчал. С другой стороны, он сейчас был бы уже мертв. А так он получил новое тело, да еще миллион кредитов... Нет, к черту Ранн! Ее ни о чем не просили. Он не какой-нибудь наемный убийца. Куда она спряталась, манипулируя его разумом, пытаясь заставить сделать то, о чем он и понятия не имел? Особенно в отношении Бьюдаг.

Между тем с Ранн тоже шутить не стоило.

И как должен действовать Хью Старк при таком раскладе? Вероятно, с помощью меча, прямым ударом в живот... Ну и в переплет он попал — сейчас на него направлены по крайней мере три удара.

Старку захотелось, чтобы он никогда в глаза не видел корабля с зарплатой для «Шахт Т-В», потому что тогда он, возможно, не увидел бы Гор Белого Облака.

Поскольку, казалось, все ждали его слов, Старк спросил:

— Обычно, когда возникает безвыходная ситуация вроде этой, кто-нибудь обращается к третьей стороне. Вы никого не можете призвать на помощь?

Фаолан покачал косматой рыжей головой:

— Могли бы восстать порабощенные народы, но у них нет оружия и они не привыкли сражаться. Их просто всех перебьют, и нам от этого никакой пользы не будет.

— А как насчет тех других... э-э... людей, которые живут в море? Кстати, что это за море? Какое-то его излучение вывело из строя мой корабль.

Бьюдаг лениво ответила:

— Я не знаю, что это такое. Моря, по которым плавали наши праотцы, были водой, а это что-то другое. По нему можно плавать на корабле, если знаешь, как построить корпус — очень тонкий, из белого металла, который мы добываем в предгорьях. Но когда плывешь, то как будто находишься в облаке пузырьков. Все тело пощипывает, и чем глубже опускаешься, тем удивительнее оно становится — темным и наполненным огнем. Я иногда остаюсь внизу по несколько часов — охочусь на зверей, которые там живут.

Старк спросил:

— По несколько часов? Значит, у вас есть водолазные костюмы. Какие они?

Она, рассмеявшись, покачала головой:

— Зачем костюмы? В океане можно свободно дышать.

— Бог мой, — проговорил Старк, — будь я проклят! Наверно, это какой-то тяжелый газ, а значит, радиоактивный и с высоким содержанием кислорода без всяких опасных примесей. Атмосферное давление создает поверхностное натяжение, достаточное, чтобы плавать на легком судне. Так, так. Хорошо, почему бы тогда кому-нибудь из вас не спуститься и не выяснить, не помогут ли морские люди? Ведь вы говорили, что они не любят ту ветвь семьи, которую возглавляет Ранн.

— Нас они тоже не любят, — ответил Фаолан. — Мы стараемся держаться подальше от южной части моря. Они иногда топят наши ладьи. — Его печальный рот скривила улыбка. — Ты хочешь пойти к ним за помощью?

Старку не очень понравилось, как Фаолан сказал это.

— Я только предложил.

Бьюдаг встала, потянулась и поморщилась — подсохшие раны причиняли ей боль.

— Идем, Фаолан. Пора спать.

Слепой поднялся и положил руку на плечо сестры. Арфа Ромны издала тоненький насмешливый звук. Глаза у певца были мутными и сонными. Бьюдаг не посмотрела на Старка по имени Конан.

Старк спросил:

— А как насчет меня?

— Ты останешься прикованным, — ответил Фаолан. — У нас много времени, чтобы обо всем подумать. До тех пор, пока есть пища. А море нас кормит.

Они с Бьюдаг скрылись за занавесом слева.

Ромна медленно встал, повесил арфу на плечо, долго пристально рассматривал Старка при свете догорающего очага.

— Конана мы знали. Старка мы не знаем. Может, было бы лучше, если бы вернулся Конан. — Он рассеянно провел большим пальцем по рукоятке ножа, торчавшего у него за поясом. — Не знаю. Может, для всех нас было бы лучше, если бы я перерезал тебе горло, пока не вернулась Бьюдаг.

Старк скривил губы в подобии улыбки.

— Видишь ли, — серьезно сказал бард, — для пришельца Извне все это не имеет значения, если напрямую не затрагивает тебя лично. Но мы живем в этом маленьком мире. Мы здесь умираем. Для нас все это важно.

Нож уже был у него в руке. Лезвие высунулось, поблескивая в последних отблесках огня, спряталось и снова высунулось.

— Сражайся за свою жизнь, Хью Старк. Ранн тоже сражается через тебя. Не знаю...

Старк не отводил от него взгляда.

Ромна пожал плечами и убрал нож.

— Все уже написано богами, — сказал он со вздохом. — Надеюсь, что они ничего плохого не написали.

Ромна вышел.

Старка охватила мелкая дрожь. В зале было абсолютно тихо. Он тщательно ощупал ошейник, заклепки, каждое звено цепи, скобу, к которой она была прикреплена... Сел на меховой коврик, посланный ему вместо соломы, уткнулся лицом в ладони и стал ругаться, монотонно и долго, а потом изо всей силы ударил кулаками об пол. Потом лег и затих.

Безмолвные черные часы, накрывшие его сердце, были хуже тех, что он провел в Лунных Казематах.

Она вошла со свечой в руке, обутая в мягкую обувь. Бьюдаг, Кинжал В Ножнах. Старк не спал. Он встал с пола и ждал. Бьюдаг поставила свечу на стол, приблизилась к нему, но не вплотную, и остановилась. Белая тонкая материя охватывала ее бедра и доходила до щиколоток. Стройное красивое тело как будто выросло из складок, и тени загадочно играли на нем в свете маленького колеблющегося огонька.

— Кто ты? — прошептала она. — Что ты?

— Человек. Не Конан. Возможно, больше и не Хью Старк. Просто человек.

— Я любила мужчину по имени Конан, пока... — Девушка перевела дыхание и подошла поближе. Положила ладонь на руку Старка. Это прикосновение пронзило его насквозь, как белое пламя. Во рту у Старка сделалось сладко от ее теплого, чистого и здорового запаха. Глаза Бьюдаг ловили его взгляд.

— Если Ранн обладает столь великой властью... Может, Конан был просто вынужден сделать то, что он сделал? Не могла ли Ранн забрать его разум и переплавить по-своему, а он даже не знал об этом?

— Возможно.

— Конан был горяч и вспыльчив, но он...

Старк медленно сказал:

— Не думаю, что ты полюбила бы его, если бы он не был честен.

Ее ладонь неподвижно лежала на его запястье. Вдруг рука задрожала, и Бьюдаг беззвучно заплакала.

Старк нежно притянул девушку к себе. Его желтые глаза сверкали в свете свечи.

— Женские слезы, — немного погодя нетерпеливо сказала она и попыталась отстраниться. — Я слишком долго сражалась, и проигрывала, и устала.

Он дал ей отступить на шаг.

— В Кром Дху все женщины сражаются наравне с мужчинами?

— Если хотят. Они всегда были оруженосцами. А после Фалги мне все равно пришлось бы драться, чтобы ни о чем не думать. — Она дотронулась до ошейника Старка. — И ничего не видеть.

Он представил себе Конана на рыночной площади, Конана, бессвязно бормочущего в зале Фаолана, и то, как Бьюдаг наблюдает все это... Старк почувствовал, что его пальцы напряглись. Он провел ладонями вверх по гладким мускулам ее рук, по прямым, широким плечам, по шее и ощутил гордую силу ее пульса. Волосы Бьюдаг рассыпались по плечам и обжигали его своей краснотой.

— Ты не любишь меня, — прошептала она.

— Нет.

— Ты честный человек, Хью Старк.

— Ты хочешь, чтобы я тебя поцеловал.

— Да.

— Ты честная женщина, Бьюдаг.

У нее были жадные, страстные губы с горьким привкусом слез. Старк задул свечу...

— Я мог бы любить тебя, Бьюдаг.

— Не так, как мне хочется.

— Не так, как тебе хочется. Я никогда раньше не говорил этого ни одной женщине. Но ты не

похожа ни на одну женщину. А я — я другой мужчина.

— Странно... так странно. Конан и в то же время не Конан.

— Я мог бы любить тебя, Бьюдаг, — если бы остался в живых.

В темноте беспокойно вздохнули струны арфы, издав тихий звук, больше похожий на шепот. Бьюдаг отпрянула, вздохнула и поднялась с меховой подстилки. Она быстро отыскала кремень и огниво, зажгла свечу. У занавешенной двери стоял бард Ромна и наблюдал за ними.

Наконец он произнес:

— Ты хочешь отпустить его.

— Да, — ответила Бьюдаг.

Ромна кивнул. Казалось, это его не удивило. Бард пересек помост, положил арфу на стол и вышел в другую комнату. Вернулся почти сразу же, держа в руке ножовку.

— Нагни голову, — сказал он Старку.

Ошейник был сделан из мягкого металла. Когда его распилили, Старк подsunул пальцы и легко отогнул концы. Его старое тело на такое было не способно. Старое тело многого не смогло бы сделать. Он подумал, что Ранн не обманула его. Во всяком случае, не слишком.

Старк встал, глядя на Бьюдаг. Девушка наклонила голову вперед, лицо закрывали блестящие волосы.

— Из Кром Дху можно выбраться только одной дорогой, — сказала она. Голос ее был совершенно спокоен. — Здесь есть ход под скалой, ведущий к тайной бухточке, в которой могут пришвартоваться лишь один или два ялика. Ночью, если будет туман, ты, возможно, сумеешь проскользнуть сквозь блокаду. Или сможешь подняться на борт одного из кораблей Ранн — в награду за Фалгу. — Она взяла свечу. — Я проведу тебя вниз.

— Погоди, — сказал Старк, — а как же ты?

Бьюдаг удивленно поглядела на него:

— Я останусь, конечно.

Он заглянул ей в глаза:

— Нам будет очень трудно снова встретиться.

— Тебе нельзя здесь оставаться, Хью Старк. Как только ты покажешься на улице, народ растерзает тебя на куски. Возможно, они даже станут штурмовать этот дом, чтобы добраться до тебя. Посмотри. — Бьюдаг поставила свечу, подвела его к окну и открыла ставни.

Старк увидел узкие петляющие улочки, круто спускавшиеся к мрачному морю. На берегу бухты лежали разбитые и затопленные корабли. За пределами бухты, словно мерцающие огоньки в красном тумане, виднелись другие корабли — флот Ранн.

— Вон там, — сказала Бьюдаг, — материк. Кром Дху соединяется с ним узкой скалистой грядой. Суша за ней находится в руках морских людей, но этот каменный мост мы можем удерживать до тех пор, пока живы. У нас достаточно воды, достаточно пищи из моря. Но в Кром Дху нет ни полей, ни дичи. Через некоторое время мы будем ходить совершенно голыми, потому что у нас нет ни кожи, ни льна; а без зерна и овощей начнется цинга. Мы потерпели поражение, если только боги не сотворят чудо. А потерпели поражение мы из-за того, что случилось в Фалге. Так что ты можешь представить себе, как настроен народ.

Старк посмотрел на темные улицы и безмолвные дома, лепящиеся на плечах друг у друга, на насмешливые огоньки, виднеющиеся сквозь туман.

— Да. Представляю.

— Кроме того, есть еще Фаолан. Я не знаю, верит ли он тому, что ты рассказал. Не знаю, имеет ли это для него значение.

Старк кивнул:

— А ты не ушла бы со мной?

Она резко отвернулась и снова взяла свечу.

— Ты идешь, Ромна?

Певец кивнул, перебросив арфу через плечо. Бьюдаг отвела в сторону полог, скрывавший маленький дверной проем. Старк прошел в него, и Ромна последовал за ним. Впереди шла Бьюдаг, освещая путь. Все молчали.

Они шагали по длинному проходу мимо кладовых и арсеналов. Один раз остановились, когда Старк выбирал себе нож.

Ромна прошептал:

— Подождите! — Он прислушался.

Старк и Бьюдаг тоже напрягли слух, но ничего не услышали. Ромна пожал плечами.

— Мне послышалось шарканье сандалий о камень, — сказал он.

Они пошли дальше.

Деревянная дверь заперла лаз — узкий проход без всяких боковых галерей или ответвлений, который резко уходил вниз и вел сквозь скалу. Несколько раз им приходилось спускаться по винтовым лестницам. Наконец проход закончился ровной площадкой невысоко над поверхностью бухточки, представлявшей собой небольшую пещеру в черной скале. Бьюдаг поставила свечу.

Здесь были два ялика из какого-то легкого металла, привязанные к кольцам на площадке. Два длинных весла стояли у стены пещеры. Они были сделаны из другого металла и как-то необычно выгнуты. Бьюдаг положила одно из них на банку* ближайшей шлюпки и повернулась к Старку. Ромна оставался в тени около выхода из туннеля.

Бьюдаг спокойно проговорила:

— Прощай, мужчина без имени.

— Мы должны проститься?

— Я теперь вождь, вместо Фаолана. И есть еще мой народ. — Пальцы девушки сжали кулаки Старка. — Если бы ты мог... — На мгновение в ее гла-

---

* Сиденье (скамья в виде поперечной доски) для гребцов и пассажиров на мелких беспалубных судах (лодках). (Здесь и далее примеч. пер.)

зах засветилась надежда. Потом она уронила голову. — Я все забываю, что ты не наш. Прощай.

— Прощай, Бьюдаг.

Старк обнял ее. Он нашел ее рот, почти насильно. Она крепко прижалась к нему и прикрыла глаза, словно засыпая. Руки Старка скользнули вверх, к горлу, и сомкнулись на нем.

Бьюдаг выгнулась назад, как стальной лук. Она посмотрела на Старка, в глазах ее вспыхнуло пламя, но лишь на одно мгновение. Его пальцы со знанием дела надавили на нервные центры. Голова Бьюдаг бессильно упала вперед.

И в этот миг Ромна кинулся Старку на спину, кольнув ножом в горло.

Старк перехватил его кулак и отвел лезвие. Кровь потекла по груди, но удар не задел артерию. Он бросился спиной на камни. Ромна не успел вовремя отскочить. От удара бард громко вскрикнул, хотя нож не выронил. Старк перевернулся. У маленького человечка не было никаких шансов. Старк, впрочем, помнил то время, когда Ромна не показался бы ему маленьким. Он ударил барда кулаком в челюсть. Ромна сильно стукнулся головой о камень, нож выпал. Бой для него, кажется, кончился.

Старк встал. Он вспотел и тяжело дышал, но не от борьбы. Его губы поблескивали от страстного желания, как у собаки. Мускулы вздулись, живот свело от возбуждения. В желтых глазах появилось странное выражение.

Он подошел к Бьюдаг.

Она лежала навзничь на черной скале. Свет свечи окрашивал матовым золотом ее коричневую кожу, подчеркивая острую глубокую впадину между грудей и под ребрами. Старк встал на колени возле распростертого тела девушки и прислушался к тяжелому дыханию. Он пристально смотрел на нее. Пот выступил у него на лице. Старк снова положил ладони ей на горло.

Он смотрел, как кровь прилила к ее щекам, и они потемнели. Он смотрел, как на лбу выступили вены. Он смотрел, как чернеют красные губы. Бьюдаг попыталась вырваться, но очень вяло, будто сквозь сон. Старк дышал хрипло, открытым ртом, как зверь.

Его руки застыли, не ослабляя хватку, но и не усиливая давления. Желтые глаза расширились. Он пытался рассмотреть лицо Бьюдаг, но ее будто окутывало плотное облако.

Сзади, в туннеле, раздалось легкое шуршание сандалий о неровный камень. Сандалии медленно приближались. Старк ничего не слышал. Где-то под ним во мгле мерцало лицо Бьюдаг, искаженное и почерневшее.

Руки Старка начали разжиматься.

Они разжимались медленно. Мышцы на запястьях и спине вздулись, как спутанные веревки, словно он поднимал огромную тяжесть. Губы застыли в оскале. Старк нагнул голову, и капельки пота упали у него с лица и засверкали на груди Бьюдаг.

Теперь Старк едва касался шеи Бьюдаг. Она снова начала дышать, и было видно, что это причиняет ей боль.

Старк рассмеялся. Это был невеселый смех.

— Ранн, — прошептал он, — Ранн, дьяволица.

Он отпрянул от Бьюдаг и встал, опираясь о стену. Его била дрожь.

— Ты не смогла заставить меня убить, используя твою ненависть, поэтому попыталась воспользоваться моей страстью.

Старк начал осыпать Ранн проклятиями, изрыгая ругательства громким свистящим шепотом. Еще никогда в своей нечестивой жизни он никого так не проклинал.

Где-то в глубине мозга Старк слышал отголоски смеха.

Старк обернулся. У входа в туннель стоял Фаолан Корабельный. Он склонил голову, прислуши-

ваясь и упершись глазами в Старка, как будто видел его.

Фаолан проговорил мягко:

— Я слышу тебя, Старк. Еще я слышу дыхание остальных, но они молчат.

— С ними все в порядке. Я не хотел...

Фаолан улыбнулся и ступил на узкую площадку. Он знал, куда идет, а его улыбка не предвещала ничего хорошего.

— Я слышал ваши шаги в проходе под моей комнатой. Я знал, что тебя ведет Бьюдаг, знал куда и почему. Я был бы здесь раньше, но во мраке приходится идти медленно.

У него на пути стояла свеча. Фаолан почувствовал ногой тепло, остановился, нащупал и погасил свечу. Стало темно. Очень темно, виднелись лишь какие-то неясные грязноватые отблески, исходившие от крохотной частицы океана у края площадки.

— Это не имеет значения, — сказал Фаолан, — поскольку я пришел вовремя.

Старк осторожно отступил в сторону:

— Фаолан...

— Мне хотелось встретиться с тобой один на один. Именно сегодня ночью я хотел встретиться с тобой один на один. Видишь ли, Конан, теперь вместо меня сражается Бьюдаг. Мое мужское достоинство требует подтверждения.

Старк, напрягая зрение, вглядывался в темноту, пытаясь оценить ширину площадки, отыскать место, где привязан ялик. Он не хотел драться с Фаоланом. На месте Фаолана он чувствовал бы то же самое. Старк прекрасно его понимал. Он не испытывал к Фаолану ненависти, но боялся власти Ранн над собой, когда эмоции брали верх над разумом. Если кто-то жаждет тебя убить, то невозможно противостоять этому, не испытывая никаких чувств. Но, черт возьми, Старк не собирался никого убивать в угоду Ранн!

Он бесшумно двинулся, пытаясь проскользнуть мимо Фаолана по внешнему краю и прыгнуть в шлюпку. Фаолан как будто бы не услышал его. Старк затаил дыхание. Его сандалии издавали не больше шума, чем падающий снег. Фаолан двигался прямо, не отклоняясь. Он пройдет мимо в футах от Старка.

Они поравнялись.

Фаолан выбросил руку и схватил Старка за длинные черные волосы. Слепец тихо засмеялся и рванул их на себя.

Старк, качнувшись, нанес удар снизу. Кончай как можно быстрее и сматывайся!.. Однако Фаолан оказался проворен. Его рывок был таким резким, что кулак Старка лишь скользя прошел по ребрам, не причинив никакого вреда. Фаолан был выше и тяжелее Старка, к тому же темнота ему не мешала.

Старк оскалился. Давай быстрее, браток, и удирай! А не то эта зеленоглазая кошка...

Мощный торс Фаолана пригнул его к полу. Рука нанесла сокрушительный удар по шее. Кулак врезался в живот, отбив все внутренности. Старку пришлось обороняться.

Ему доводилось драться в разных местах. Он учился этому искусству у кочегаров и бродяг, у обитателей Нижних Каналов на Марсе и красноглазых жителей канализации в Лхи. Старк не вынул нож. Он бил коленями, локтями, стопой, ребром ладони, кулаком. Фаолан был отличным бойцом, однако Старк знал больше приемов.

Еще разок, и противник вырубится... Старк отвел руку, но зацепился пяткой за лежащего Ромну и едва не упал, и Фаолан достал его чистым свинговым ударом. Старк стукнулся спиной и затылком о стену пещеры. В голове вспыхнул малиновый огонь, потом стал меркнуть и остывать. Набежала прозрачная серебристо-зеленая волна и накрыла его...

Он устал, бесконечно устал. Голова болела. Он хотел отдохнуть, но почувствовал, что сидит и делает то, что необходимо было сделать. Старк открыл глаза.

Он сидел на банке ялика. Длинное весло было вставлено в уключину, его лопасть находилась за кормой в Красном море, и там, где металл касался поверхности, кружились воронки серебряного огня и водовороты бриллиантовой пыли. Шлюпка быстро плыла сквозь густой туман, в кровавой мгле жаркой венецианской ночи.

Бьюдаг лежала на носу шлюпки лицом к Старку. Девушка была надежно связана полосами белой материи. На шее у нее виднелись темные кровоподтеки. Она следила за Старком напряженным, немигающим, совершенно бесстрастным взглядом тигрицы.

Старк опустил глаза, чтобы осмотреть себя. Его юбка была в крови, коричневые кровавые полосы покрывали грудь. Чужая кровь... Он медленно вытащил из чехла нож. Лезвие было покрыто коркой, еще слегка влажной

Старк посмотрел на Бьюдаг. Его губы одеревенели и распухли. Он облизнул их и хрипло спросил: — Что произошло?

Она, ничего не говоря и не отводя взгляда, покачала головой.

Старка захлестнула холодная черная ярость. Ранн!

Он встал и пошел вперед, чтобы развязать Бьюдаг руки, предоставив ялику плыть по воле волн.

Перед ними из красной мглы возник какой-то силуэт — корабль с двумя тяжелыми веслами, высекающими огонь за кормой, и носовой фигурой в виде изящной женщины. Женщины с аквамариновыми глазами и волосами. Корабль подплыл к ялику.

Вниз упала веревочная лестница. У поручней появились люди. Стройные люди с кожей, переливающейся белыми искрами, как снежная крупа.

Один из них сказал:

— Хью Старк, поднимись на борт.

Старк вернулся к веслу и, погрузив его в море, быстро отплыл от корабля Ранн.

Взвились абордажные крючья, зацепив ялик за банку и планшир*. У мужчин в руках появились отвратительного вида изогнутые луки с зазубренными стрелами на тетиве. Снова прозвучал вежливый голос:

— Поднимись на борт.

Хью Старк молча развязал Бьюдаг. Говорить, видимо, было не о чем. Он подождал, пока она забралась по лестнице на корабль, и последовал за ней.

Ялик оставили в море. Судно развернулось и поплыло, набирая скорость.

Старк спросил:

— Куда мы плывем?

Человек, говоривший с ним, улыбнулся:

— В Фалгу.

Старк кивнул. Вместе с Бьюдаг они спустились в каюту, где стояли мягкие диваны, накрытые серым шелком, а панели из черного дерева были покрыты красивыми росписями, изображавшими героические сцены из истории народа Ранн. Старк и Бьюдаг сели напротив друг друга. Они все еще не разговаривали.

Когда забрезжил опаловый рассвет, корабль достиг Фалги — цитадели, образованной базальтовыми скалами, что отвесно поднимались из пылающего моря. Длинная коса, как рука, охватывала бухту, полную кораблей. Там виднелись зеленющие поля, а дальше, укутанные вечными венецианскими туманами, вздымались Горы Белых Облаков. Старк подумал, что лучше бы он никогда не видел этих гор. Но, поглядев на свои руки,

---

* Брус, проходящий по верхнему краю бортов шлюпки или поверх фальшборта у больших судов.

изящные и сильные, спокойно лежащие на коленях, он засомневался. Старк вспомнил о Ранн, которая ждала его. Злость, волнение, настоящая буря чувств охватили Хью, и он начал нервно ходить по каюте.

Бьюдаг сидела тихо, с отрешенным видом ожидая своей участи.

Корабль миновал людные причалы и пришвартовался бортом к каменному молу. К судну бросились люди, чтобы закрепить канаты. Именно люди, такие же, как Бьюдаг и сам Старк. У них были переливающиеся серебристые волосы и белая кожа жителей равнин, правильные черты лица и пропорциональные тела. Голые, будто животные, эти люди носили только кожаные ошейники с металлическими шипами. Их тела были изможденными и сутулыми от тяжелой работы.

То тут, то там стояли другие люди — с голубовато-зелеными волосами, облаченные в великолепные доспехи, словно божества возвышавшаяся над копошащейся толпой.

Старк и Бьюдаг сошли на берег — то ли пленники, то ли почетные гости в сопровождении эскорта. От залива разбегались улочки, петляя и карабкаясь вверх по скалам. Дома лезли один на другой. Пошел дождь, дымящийся венецианский ливень, и влажный жаркий воздух наполнился удушающим зловонием людской толпы.

Старк и Бьюдаг поднимались вверх по щиколотку в воде, стекавшей по улицам, которые наполовину состояли из лестниц. Из домов, из узких переулков на них глазели тощие голые дети. Дважды они проходили через рыночные площади, где женщины с неподвижными лицами побежденных расступались у прилавков с грубой пищей, чтобы дать дорогу их отряду.

Что-то здесь было не так, и вскоре Старк понял: тишина. Среди всего этого человеческого стада никто не смеялся, не пел, не кричал. Даже дети говорили только шепотом. Старку стало как-то не по себе. У них были такие глаза...

Он посмотрел на Бьюдаг и отвел взгляд.

Выходящие на море улицы упирались в отвесную базальтовую стену, изрезанную галереями. Старк и сопровождавшие его люди вошли в них, продолжая подниматься. Они переходили с одного уровня на другой мимо огромных пещер, обращенных к морю. Здесь царили такие же толчея, вонь и тишина. В полумраке блестели глаза, крадучись переступали по камню босые ноги. Где-то тонким голосом заплакал ребенок, но крик тут же смолк.

Отряд вышел на чистый воздух, на вершину утеса, где располагался целый город. Широкие улицы, обсаженные деревьями, беспорядочно разбросанные низкие виллы из черного камня, окруженные огороженными садами — изумрудные виноградники, гигантские папоротники и цветы. В садах работали голые мужчины и женщины, они же катили по аллеям тележки с мусором или спешили с поручениями, опасливо перебегая через главные улицы.

Отряд повернул в противоположную от моря сторону, направляясь к эбеновому дворцу, словно корона венчавшему город. Проливной дождь хлестал голое тело Старка, и здесь, наверху, запах дождя чувствовался даже сквозь тяжелое благоухание цветов. Дождь пах Венерой — мускусом, примитивной и дикой жизнью, Венерой — плодотворной великаншей, сжимающей цветы в страстно раскинутых руках. Старк ступал мягко, как пантера, и глаза его горели янтарным блеском.

Они вошли во дворец Ранн.

Она приняла их в той же комнате, куда Старк попал после аварии. Через широкую арку он увидел высокую кровать, на которой лежало его старое тело, пока не рассталось с жизнью. Снаружи Красное море дымилось под дождем, ржавый туман нехотя вползал в открытую галерею.

Ранн лениво наблюдала за пришедшими с массивного ложа, утопленного в стене. Она небрежно

раскинула длинные искрящиеся ноги на черном шелковом покрывале. Сейчас на ней была бледно-желтая накидка. Ее глаза, по-прежнему прозрачные, глядели весело, загадочно и опасно.

Старк сказал:

— Что ж, в конце концов ты заставила меня сделать это.

— И поэтому ты злишься. — Ранн рассмеялась, обнажив белые и острые, как костяные иглы, зубы. Она в упор смотрела на Старка. В ее взгляде не было равнодушия. Ястребиные глаза Старка сделались желтыми, как раскаленное золото.

Бьюдаг стояла, словно бронзовое копье, скрестив руки под обнаженной грудью.

Старк начал приближаться к Ранн.

Ранн наблюдала, как он подходит. Когда он был на расстоянии вытянутой руки от нее, она сказала насмешливо:

— Хорошее тело, не так ли?

Старк несколько секунд смотрел на нее и вдруг рассмеялся. Он хохотал, закинув голову и ударяя себя кулаком по мощным мускулам живота. Потом твердо посмотрел в глаза Ранн и сказал:

— Я знаю тебя.

Она кивнула:

— Мы знаем друг друга. Сядь, Хью Старк. — Ранн передвинула длинные ноги, чтобы освободить для него место, и с любопытством взглянула на Бьюдаг. Он на Бьюдаг не посмотрел.

Ранн спросила:

— Теперь твои люди сдадутся?

Бьюдаг не двинулась, даже ее ресницы не дрогнули.

— Если Фаолан умер, то да.

— А если он жив?

Бьюдаг вся напряглась. Старк тоже.

— Тогда, — спокойно ответила Бьюдаг, — они повременят.

— Пока он умрет?

— Или пока они не вынуждены будут сдаться.

Ранн кивнула и приказала стражникам:

— Следите, чтобы эту женщину хорошо кормили и хорошо с ней обращались.

Бьюдаг и ее охрана повернулись, чтобы выйти, но Старк вдруг сказал:

— Подождите. — Стражники посмотрели на Ранн, она кивнула и вопросительно взглянула на Старка. Старк продолжал: — Фаолан мертв?

Ранн ответила не сразу. Потом она улыбнулась:

— Нет. У тебя, Старк, ужасно, прямо-таки невероятно неподатливый мозг. Твой удар был глубок, однако недостаточно глубок. Он, возможно, еще умрет, но... Нет, Фаолан жив. — Она обернулась к Бьюдаг и добавила с легкой насмешкой: — Тебе не следует держать зла на Старка. Это я должна злиться.

Ранн посмотрела на Старка, но в ее глазах не было злости.

Старк сказал:

— Я хотел бы спросить еще кое о чем. Конан — тот Конан, который был до Фалги...

— Конан, принадлежавший Бьюдаг?

— Да. Почему он предал свой народ?

Ранн изучающе глядела на него. Ее странные бледные губы изогнулись, острые белые зубы недобро блеснули колючим сарказмом. Она повернулась к Бьюдаг. Та по-прежнему стояла, как изваяние, но ее мышцы напряглись, и глаза не были похожи на глаза статуи.

— Неважно, Конан или Старк, — проговорила Ранн, — она-то все еще Бьюдаг, не так ли? Хорошо, я отвечу тебе. Конан предал свой народ, потому что я вложила это в его мозг. Он сопротивлялся мне. Сопротивлялся отчаянно. Но он не был таким неподатливым, как ты, Старк.

Наступила тишина. Впервые с тех пор как они вошли в комнату, Хью Старк посмотрел на Бьюдаг. Девушка вздохнула, подняла голову и слегка улыбнулась. Потом вышла из зала в сопровожде-

нии стражников, но походка у нее была легче и увереннее, чем у них.

— Так, — сказала Ранн, когда они ушли, — а что намерен делать ты, Хью Старк по имени Конан?

— А у меня есть выбор?

— Я всегда соблюдаю условия договора.

— Тогда верни мои деньги и дай мне уйти.

— Ты уверен, что хочешь именно этого?

— Да, именно этого.

— Знаешь, ты мог бы остаться на какое-то время...

— С тобой?

Ранн пожала морозно-белыми плечами:

— Я не обещаю половину моего царства или даже какую-то его часть. Но тебе жизнь здесь может показаться... забавной.

— У меня нет чувства юмора.

— И тебе даже не хочется увидеть, что случится с Кром Дху? И Бьюдаг?

— И Бьюдаг... — Он замолчал, уставившись на Ранн упрямыми желтыми глазами. — Что ты собираешься с ней сделать?

— Ничего.

— Так я и поверил.

— Повторяю: ничего. Что бы ни произошло, все сделает ее же народ.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что несколько дней малютка Кинжал В Ножнах отдохнет, за ней будут ухаживать, она немножко потолстеет. Затем я посажу ее на свой корабль и присоединюсь к флоту, который стоит у Кром Дху. Я со всеми удобствами размещу Бьюдаг на марсе*, откуда ее отлично будет видно жителям Кром Дху. Она останется там до тех пор, пока Скала не сдастся. И от ее

---

* Площадка на верху мачты (нижнего колена составной мачты), служащая для наблюдения над горизонтом, а на парусных судах, кроме того, для работ по управлению парусами.

народа будет зависеть, сколько времени Бьюдаг там проведет. Ей будут давать воду. Немного, однако достаточно.

Старк смотрел на Ранн во все глаза. Он глядел долго. Потом демонстративно плюнул на пол и произнес нарочито спокойно:

— Когда я смогу отсюда убраться?

Ранн усмехнулась.

— Люди, — сказала она, — такие чертовски странные. Мне кажется, что я никогда их не пойму. — Она протянула руку и ударила в гонг, стоявший в резной раме около ложа. В мягком, глубоком, вибрирующем звуке прозвучала какая-то тоска. Ранн снова легла на шелковистое покрывало и вздохнула:

— Прощай, Хью Старк.

Молчание. Она с грустью повторила:

— Прощай... Конан!

Вдоль кромки Красного моря они прошли очень быстро. Один из вельботов* Ранн доставил группу к оконечности Южного океана и высадил людей на узкой полоске берега под нависающими скалами. Они взобрались на прибрежные скалы и дальше пошли пешком — Хью Старк по имени Конан и четверо надменных сверкающих стражей Ранн. Они были вежливы и безропотно шли за ним, хотя Старк шагал так, будто черти кусали его за пятки. Между тем стражники были вооружены, а Старк нет.

Иногда, правда, очень слабо, Старк чувствовал, как разум Ранн касается его мозга — с бархатистой нежностью, будто кошачья лапка. Иногда он просыпался, отчетливо видя ее, улыбающуюся насмешливо и загадочно. Это ему не нравилось. Это ему совсем не нравилось.

---

* Длинная быстроходная гребная или парусная шлюпка с острым носом и острой кормой.

Но еще меньше Старку нравилось видение, преследовавшее его и во сне и наяву. То, на что он предпочел бы не смотреть. Образ высокой женщины с огненными волосами, рассыпавшимися по плечам, идущей легкой гордой поступью между двумя стражниками.

«Ей будут давать воду. Немного, однако достаточно».

Старк сжимал твердый прямоугольник металлической коробки, в которой лежал его миллион кредитов, и мили одна за одной выскакивали из-под подошв его сандалий.

На пятые сутки, сидя вечером у костра, один из людей Ранн тихо промолвил:

— Завтра мы будем у перевала.

Старк встал, в одиночестве побрел к краю скал, которые отвесно падали в пылающее море, и сел там. Красный туман окутал его, словно кровавая изморось. Он вспомнил кровь на груди Бьюдаг, когда в первый раз увидел девушку. Он вспомнил о засохшей корке крови на своем ноже. Подумал о дымящейся крови, пролитой жителями Кром Дху. Ему пришло в голову, что этот туман и должен быть красным. Из всех цветов Вселенной он должен быть именно красным. Красным, как волосы Бьюдаг.

Он поднял руки и посмотрел на них, потому что все еще ощущал на коже шелковистое тепло ее волос. Но сейчас там ничего не было, кроме белых шрамов, оставшихся после сражений другого мужчины.

Старк прижал кулаки к вискам, и ему захотелось снова очутиться в своем старом теле — стать шуплым низкорослым уродцем, царапавшимся, кусавшимся и сумевшим выжить исключительно благодаря силе собственного ума. «Невероятно неподатливый мозг», — сказала Ранн. Да. Ему пришлось стать неподатливым. Но так уж устроен его мозг. В нем не было эмоций. Он просто спокойно принимал решения и затем начинал действовать,

не задавая вопросов и полностью контролируя тело — не более чем убогий механизм, перемещавший мозг. Убогий. Да. Те немногие женщины, на которых Старк когда-то заглядывался, говорили ему это, — и он даже не слишком расстраивался. Старое тело не доставляло ему никаких хлопот.

А теперь их у него предостаточно.

Старк встал и пошел назад.

Завтра — перевал. Завтра Красное море останется позади. Во всем этом чертовом Поясе девять планет, на каждой из которых есть женщины. Всех форм, цветов и размеров; люди, полулюди и еще Бог знает кто. Парень с миллионом кредитов может купить половину из них, а с телом Конана можно купить и остальных. Что такое женщина, в конце концов? Всего лишь...

Вода. Ей будут давать воду. Немного, однако достаточно.

Конан вытянул руки и схватился за выступ скалы. Его мускулы вздулись, как узлы на веревке.

— О Господи, — прошептал он, — что же это со мной такое?

— Любовь.

Ему ответил не Господь. Это была Ранн. Он ясно увидел ее у себя в мозгу, услышал ее голос, похожий на серебряный колокольчик.

— Конан был мужчиной, Хью Старк. Он был цельным: тело, сердце и разум. Он знал, что такое любовь, и для него не было женщин, существовала лишь одна Женщина — и имя ее было Бьюдаг. Я сломила его, хотя это оказалось не просто. Тебя я сломить не могу.

Старк стоял долго, очень долго. Он не двигался, только вздрагивал. Потом отвязал от ремня коробку с миллионом кредитов и швырнул ее как можно дальше с обрыва. Красная мгла поглотила коробку, Старк не слышал, как она упала в море.

Возможно, в этом море вообще не было всплесков.

Старк повернул назад и пошел вдоль края скал, к тому месту, где, как он помнил, была расщелина, узкий проход, ведущий вниз. Четверо мужчин, облаченных в доспехи Ранн, бесшумно возникли в светлой ночи и окружили его. На остриях их мечей играли красные сполохи неба.

На Старке ничего не было, кроме юбки, сандалий да плотного шелкового плаща от дождя.

— Вас послала Ранн? — спросил он.

Мужчины кивнули.

— Чтобы убить меня?

Они кивнули опять. Кровь отхлынула от лица Старка, и оно сделалось серым и окаменевшим. Его рука потянулась к горлу, к золотой застежке плаща. Четверо мужчин приближались медленно, словно танцоры.

Старк сорвал с себя плащ и ударил им, как хлыстом, по лицам нападавших. Это на секунду озадачило противников — всего лишь на миг, не больше, однако и его оказалось достаточно. Пока двое высвобождали клинки из тяжелой материи, Старк отпрыгнул в сторону. Острый металл скользнул вдоль ребер, он нагнулся и обхватил кого-то за колени, используя поверженное тело как цепь.

Мужчина оказался до странности легким, будто его кости были невесомы.

Если бы Старк вступил в борьбу, они бы прикончили его за несколько секунд — это были воины, к тому же умелые. Но Старк не стал ждать. Получив мимолетное преимущество, он им воспользовался.

Они бежали за ним буквально по пятам, едва не касаясь его остриями мечей, и все-таки Старку удалось оторваться. Он мчался вдоль обрыва, потом по узкой косе, вдававшейся в море, а потом в никуда, как можно дальше в никуда, в красный туман и тусклый огонь, окутавшие его падающее тело.

«О Господи, — подумал он, — если я ошибся и там все-таки есть берег...»

У него перехватило дыхание, в ушах щелкнуло, и он перестал слышать. Старк закинул руки за голову, сцепив пальцы, выгнул шею, чтобы встретить чудовищный толчок. Он ударился о поверхность моря.

Всплеска не было.

Вокруг него бесконечно лениво плыл, кружась, бледный огонь и ласкал медленными колючими искорками. Старку стало легко, будто тело слилось воедино с огненным водоворотом. Ощущение удушья, впрочем, беспричинное, постепенно перешло в странную веселость. Не было ни толчка, ни удара, ни сокрушительного давления. Всего лишь сжатый воздух. Старк почувствовал, что крутится, вращается, как веретено... Вскоре это прекратилось, и он плавно достиг дна.

Или скорее верхних кристаллических отростков какого-то леса. Этот лес расстился по склону океанического дна, уходя вдаль и теряясь в красной дымке. На фантастических стройных стволах переплетались изящные блестящие ветви, лишенные листьев и плодов. Они были похожи на деревья, искусно сделанные из льда, прозрачные, улавливающие колышущийся, мерцающий огонь странного моря. Вряд ли они живые, подумал Старк; скорее напоминают кораллы или какие-то причудливые минеральные отложения. Тем не менее очень красивые. Иногда такое видишь во сне — прекрасное, безмолвное и мертвое.

Он не мог объяснить себе это ощущение безжизненности. Ничто не двигалось в красноватых клубах между стволами. И дело было не в самих деревьях. Он просто это чувствовал.

Старк начал передвигаться вдоль верхних ветвей, спускаясь по склону дна.

Плыл он очень легко, даже скорее летел. Сгущенный газ выталкивал его вверх, почти уравновешивая тяжесть тела, поэтому он хватался за

кристаллические ветки, используя их как опору для толчка вперед.

Старк уходил все глубже и глубже — в самое сердце запретного Южного океана. Волшебный лес безмолвно простирался вперед без конца и края. И Старку стало страшно.

Внезапно в его мозгу возникла Ранн. Старк ясно видел чрезвычайно насмешливое выражение ее лица.

— Мне хочется посмотреть, как ты умрешь, Хью Старк по имени Конан. Но прежде чем ты погибнешь, я тебе кое-что покажу. Смотри.

Лицо Ранн подернулось пеленой, и перед глазами Старка возник Кром Дху, мрачно поднимающийся к красным туманам. Гавань с разбитыми и затопленными ладьями и сверкающий круг флота Ранн.

Особенно четко был виден один корабль — флагманский. Старк как бы приблизился к нему, сосредоточившись на верхней площадке мачты. Там стояла женщина, обнаженная и стройная. Она была привязана к мачте тонкими безжалостными веревками.

Женщина с красными волосами, развевавшаяся на ветру, с голубыми глазами, которые она, как коршун, устремила на Кром Дху.

Бьюдаг.

Послышался смех Ранн, смывший видение будто струей ледяной воды.

— Было бы лучше, если б ты воспользовался сталью, когда я тебе предлагала.

Она исчезла, а мозг Старка сделался пустым и холодным, как у мертвеца. Он понял, что стоит на месте, вцепившись в ветку, запрокинув вверх лицо, словно повинуюсь некоему слепому инстинкту, и ничего не видит вокруг из-за слез.

Никогда раньше Старк не плакал и не молился.

Там, внизу, среди дымчатых теней на морском дне, времени не существовало. Поэтому могли

пройти всего минуты или целые часы до того, как Старк обнаружил, что за ним кто-то охотится.

Их было трое, они легко скользили между блестящими ветками. Размером с больших собак, бледно-золотистые, почти что фосфоресцирующие. На тонких острых мордах светились огромные глаза, похожие на самоцветы. Эти существа имели по четыре конечности, которые могли оказаться как руками, так и ногами; пока же они были сложены вдоль стреловидных тел. От головы к бокам шли золотистые перепонки; они двигались наподобие крыльев и уравнивали гладкие мощные хвосты.

Твари легко могли бы напасть на Старка, однако почему-то не торопились с этим. У Старка хватило здравого смысла не тратить зря силы, пытаясь убежать. Он продолжал свой путь, наблюдая за преследователями. Обнаружив, что кристаллические ветви ломаются, Старк выбрал себе одну с острым раздвоенным концом и сунул ее за пояс как меч. Он не надеялся, что это как-нибудь ему поможет, но почувствовал себя увереннее.

Странно, что с ним не спешат покончить. Твари были довольно-таки голодными, судя по тому, как скалили зубы. Они держались приблизительно на одном и том же расстоянии, расположившись крестообразно, и время от времени те, что плыли по бокам, делали резкий выпад в его сторону и отплывали, когда Старк уворачивался. Это напоминало не столько охоту, сколько...

Вдруг Старк почувствовал еще больший страх, чем прежде, хотя считал, что такое невозможно. Глаза его сузились.

Эти штуки вовсе не охотились на него. Они его пасли.

Но поделаться он ничего не мог. Старк пробовал останавливаться; тогда они приближались и бросались на него, действуя очень слаженно: когда он пытался ткнуть одну из них своим куцым оружи-

ем, другие норовили схватить его за пятки, как овчарки — строптивного барана.

Старк, подобно барану, склонился перед неизбежным и направился туда, куда его гнали. Золотистые псы скалили зубы в зверином смехе и жадно принюхивались к кровавому следу, который Старк оставлял за собой в клубах красного огня.

Вдруг послышалась музыка.

Похоже, играли на чем-то вроде арфы, но звуки необычно вибрировали. Ничего подобного прежде слышать ему не приходилось. Возможно, газ, из которого состоял океан, обладал исключительной звукопроводностью и одновременно служил диффузором, отчего музыка, казалось, лилась сразу отовсюду. Поначалу она слышалась будто бы сквозь сон, но, по мере приближения к ее источнику, превращалась в журчащий мелодический поток, обтекающий каждый нерв Старка и бросающий его в дрожь.

Золотистые собаки заволновались, расправили блестящие крылья, нетерпеливо побуждая свою добычу быстрее передвигаться среди кристаллических веток.

Старк ощущал, как у него внутри нарастает вибрация — каждый мускул вздрагивал от звуков неземной арфы. Он догадался, что большую часть музыки вообще не улавливает: она либо слишком высока, либо слишком низка для человеческого уха. Но он ее чувствовал телом.

Старк прибавил скорость, и не из-за собак, а потому что ему так хотелось — подгонял зуд во всем теле. Дышать стало труднее, отчасти благодаря усилившемуся возбуждению, а кроме того, химический состав окружающей смеси несколько опьянял его.

Ритмичное бряцание арфы било и хлестало Старка, будило в нем какую-то глубинную, темную музыку. И вдруг он ясно увидел Бьюдаг в мрачном зале дома Фаолана — полускрытую

накидкой, мистическую в мерцании свечи; мягкие изгибы бронзового тела и огненные волосы. Острая боль пронзила его. Старк выкрикнул ее имя... Звуки арфы подхватили его голос и унесли, и вдруг не стало больше ни музыки, ни леса, ничего, кроме холода, сковавшего сердце.

Он отчетливо видел каждую деталь, пока опускался от вершины последнего дерева на дно равнины. Сколько это длилось?.. Впрочем, какая разница. Это был один из тех моментов, когда время теряет смысл.

Край леса отступил, выгнувшись длинной дугой, и, сверкая, растаял в искрящемся море. Оттуда начиналась равнина — гладкая стеклянистая поверхность из черного обсидиана, выброс какого-то давно потухшего вулкана. Или не потухшего? Старку казалось, что свет здесь был краснее, интенсивнее, будто его источник находился ближе.

Дальше над равниной свет переходил в искрящуюся завесу, которая трепетала так же, как в полдень пляшут горячие потоки вдоль Сумеречного Пояса Меркурия. На какое-то мгновение он увидел сквозь эту завесу картину — город, черный, сверкающий, с фантастическими башнями, гигантское отражение сновидений Титанов. Но видение исчезло, и внимание Старка переключилось на поджидающие его опасности.

Он увидел стадо, которое пасли многочисленные золотистые псы, и пастуха, державшего умолкнувшую арфу.

Стадо, фосфоресцируя, медленно перемещалось.

Сто, двести безмолвных воинов, неуклюже плывущих в красноватой дымке... Мертвенно-бледные, они двигались по одному, парами, группами. Золотистые собаки лениво помахивали крыльями, загоняя их в потоки, которые текли к фантастическому эбеновому городу.

Пастух стоял, повернув бледное акулье лицо. Острые аквамариновые глаза нашли Старка. Серебристая рука поднялась, легла на струны, ударила

по ним. Послышался раскатистый звон, который охватил и сотряс Старка. Он выронил свой хрустальный кинжал.

Горячие языки огня взорвались у него перед глазами, в барабанных перепонках запрыгали, заплясали пузырьки. Старк потерял контроль над мышцами, уронил голову на черные волосы, покрывавшие его грудь; золотые глаза поблекли, стали бледно-желтыми, рот приоткрылся. Старку хотелось сопротивляться, но он не мог и шевельнуться. Этот пастух был одним из морских людей, к которым пришел Старк, и так или иначе он встретится с ним.

Темная кровь залила ему глаза. Старк чувствовал, как его кладут, пихают, передвигают то туда, то сюда. Мимо скользнул золотистый пес, подтолкнув к кровавому морскому потоку, который тек мимо пастуха, державшего свое единственное оружие — арфу.

Старка смутно беспокоил вопрос, были ли остальные воины в этом плывущем стаде мертвыми или живыми, как он сам. Но его ждал еще один сюрприз.

Все они были людьми Ранн. Жителями Фалги. Серебряные люди с пылающими волосами. Люди Ранн. Один мощный воин цвета толченой соли безвольно плыл в другом потоке, закрыв глаза. Видимо, он был мертв.

Что делали морские люди с мертвыми воинами Фалги? Что это за собаки и что за арфа у пастуха? Вопросы кружились в уставшей, поникшей голове Старка, как поднятый ил. Кружились и оседали.

Старк присоединился к процессии.

Псы ловкими взмахами крыльев загнали пленника в самую середину стада. Об него терлись тела. Холодные тела. Старку хотелось закричать. Жилы на шее свело, он беззвучно завопил:

— Вы живые, люди Фалги?

Ответа не было; лишь поток бледных тел, покрытых шрамами. Их глаза ничего не ведали. Они

позабыли Фалгу. Позабыли Ранн, за которую обнажали клинки. Языки, косневшие в их ртах, не просили ничего, кроме сна. И получали его.

Сто, двести тел... Они являли собой странную человеческую реку, струящуюся к стене гигантского города. Старк по имени Конан вместе со своими заклятыми врагами.

Боковым зрением Старк видел движущегося за ними пастуха. Он был похож на Ранн и ее народ, который много лет назад покинул море, чтобы жить на суше. Хотя пастух казался более холодным, более похожим на рыбу. Между тонкими пальцами, как и между ногами, у него были прозрачные перепонки. Узкие, будто шрамы, жабры по сторонам заостренного подбородка, сейчас закрытые, улавливали пищу из кроваво-красного моря.

Зазвучала арфа, и собаки насторожились; беспокойно зашевелились тела, как в потревоженном сне. Тройной аккорд ударил Старка, и пальцы его конвульсивно сжались.

— ...и мертвые снова будут ходить...

Еще один ироничный всплеск музыки.

— ...и люди Ранн снова поднимутся, на этот раз против нее...

Старк почувствовал мгновенный ужасный трепет во всем теле, поток подхватил его и понес вперед. С пьяными, бессмысленными криками, отпихивая Старка и перелезая через него, мертвые, бессильные воины Фалги куда-то рвались, все сразу...

Давным-давно Титан, обитавший в огромном море, мечтал об улицах, вымощенных черным камнем. Каждый камень — в три человеческих роста. Мечтал о стенах, поднимающихся высоко-высоко и пропадающих в алой мгле.

И еще морской Титан мечтал о бесконечных балюстрадах и зубчатых стенах, о башнях без бойниц, где правят существа с пытливыми и дерзкими очами, похожие на призраков с кожей из

радия и зелеными волосами. О женщинах с мерцающими телами, словно некий невероятный коралл, взлелеянных и живущих, каждая в своей арке, высоко над теми черными каменными улицами.

Старк остался один. Воины Фалги исчезли, скрылись в каком-то темном подземном лазе. Теперь слабые манящие звуки арфы и золотистые собаки сзади направляли его по проходу, который вывел в большую круглую каменную комнату, соединяющуюся с залом. Под эбеновым потолком плавали небольшие косяки рыб. Их яркое свечение освещало комнату. Они жили здесь тысячу лет, размножаясь, питаясь, умирая, давая свет, и еще тысячу лет будут размножаться и умирать.

Звуки арфы становились все слабее и слабее, пока не превратились в неясный шум.

Старк оправился. Силы вернулись к нему. Он уже мог хорошо различить человека в центре комнаты. Слишком хорошо.

Мужчина висел в огненном потоке. Бронзовые цепи сковывали его тонкие, лишенные плоти лодыжки, не давая возможности вырваться. Тело же пыталось всплыть вверх.

Он уже давно погиб. Разложившееся тело было наполнено газами и тянулось к поверхности Красного моря. Цепи удерживали его. Руки, как белые тряпки, болтались перед опухшим бледным лицом. Черные волосы шевелились.

Это был один из людей Фаолана. Один из Пиратов. Один из тех, кто погиб у Фалги из-за Конана.

Его звали Геил.

Старк помнил его.

Та его часть, которая была Конаном, помнила это имя.

Мертвые губы зашевелились:

— Конан. Какая невероятная удача! Конан... Добро пожаловать!

Жестокие слова, произнесенные бесформенными мертвыми губами. Старку показалось, что в этих запавших глазах таится горькая обида и застарелая ярость.

Губы снова шевельнулись:

— Я погиб под Фалгой за тебя и Ранн, Конан. Помнишь?

Часть Старка вспомнила и мучительно сжалась.

— Мы все здесь, Конан. Все до одного. Клев и Маннт, Брон и Эсур. Помнишь Эсура, который мог на своей спине гнуть металл, держа его пальцами? Эсур здесь, огромный, как чудовище морское, холодный и расслабленный, ждет в своей нише. Нас собрали морские пастыри. Собрали для одного забавного дельца. Погляди!

Пальцы без костей, словно от дуновения ветра, зашевелились, показывая в сторону.

Старк повернулся, и его сердце забилося неровно и сильно. Зубы стиснулись, и глаза заволокло пеленой. Та часть, которая была Конаном, вскрикнула. Конан был до такой степени Старком, а он — Конаном, что разделить их было невозможно. Они срослись вместе, как жемчужная ткань и песчинка, слой за слоем. Старк вскрикнул.

В зале, куда выходила эту круглая комната, стояли около тысячи человек.

Построившись плечом к плечу рядами по пятьдесят человек, мужчины из Кром Дху уставились на Старка невидящими глазами. Тут и там виднелись до жути знакомые лица. В памяти всплывали их имена.

Брон. Клев. Маннт. Эсур.

Разлагающиеся тела приподнимались над каменными плитами пола. Все они были прикованы, как Геил.

Геил прошептал:

— Мы заключили союз с людьми Фалги!

Старк отпрянул:

— Фалги?

— В смерти все люди равны. — Геил помолчал. Ему некуда было торопиться. Мертвецы на морском дне никогда не спешат. — Завтра мы выступаем против Кром Дху.

— Ты рехнулся! Кром Дху — твой дом! Это город Бьюдаг и Фаолана...

— И... — спокойно перебил его подвешенный труп, — Конана? Да? — Он рассмеялся. Гирлянда хрустальных пузырьков вырвалась вверх из дряблого рта. — В особенности — Конана. Конана, утопившего нас у Фалги...

Старк сделал быстрое движение. Никто не мешал ему. Мгновенно у него в руках оказался короткий клинок, висевший на поясе мертвеца. Старк всадил лезвие ему в грудь. Сталь вошла в тело, как вилка в масло.

Будто ничего не заметив, Геил холодно проговорил:

— Режь меня, кромсай. Меня мертвее уже не сделаешь. Руби меня. Поиграй в мясника!.. А я пока расскажу тебе наш план.

Старк с рычанием выдернул клинок. В слепой ярости он наносил трупам удары, и после каждого тот немного покачивался в красном облаке и говорил как ни в чем не бывало:

— Мы выйдем из моря к воротам Кром Дху. Ромна и другие посмотрят вниз, узнают нас и гостеприимно раскроют ворота, чтобы мы вошли. — Голова лениво наклонилась, губы широко усмехнулись, а потом снова сложились вместе, четко выговаривая слова: — Представь, какое будет ликование, Конан! В тот миг, когда я, Брон, Маннт и Эсур, и ты, да, даже ты, Конан, вернемся в Кром Дху!

Старк очень хорошо это представлял. Видел так ясно, будто эту сцену выткали на гобелене специально для него. Он отступил назад, раздувая ноздри и переводя дыхание, смотрел, что клинок сделал с телом Геила, и одновременно видел, как распахиваются огромные каменные ворота Кром Дху.

Освобождение. Счастье. Фаолан и Ромна радуются, видя возвращение старых друзей. Боевые товарищи, которых считали давно погибшими. Но они живы, они пришли на помощь! Да, вот это зрелище!

Тщательно примерившись, Старк размахнулся и наискось рубанул перед собой.

Голова Геила, отделившись от своего вялого тела, стала медленно, как бы нехотя, подниматься к потолку. По пути наверх, то поворачиваясь к Старку лицом, то показывая затылок, она закончила кошмарную речь:

— А уж когда мы войдем в ворота... Что же тогда, Конан? Догадываешься? Угадай, что мы тогда сделаем, Конан!

Старк уставился в пространство, меч дрожал у него в руке. Откуда-то издалека доносился голос Геила:

— ...мы убьем Фаолана в большом зале. Он умрет с выражением удивления на лице. Мы вспорем ему живот и засунем туда арфу Ромны. Струны заиграют под последними ударами его сердца. А что касается Бьюдаг...

В бессильном бешенстве Старк пытался отогнать эти мысли. От тела Геила почти ничего не осталось. Старк сделал с ним все, что только мог. Его лицо побелело и осунулось.

— Вы погубите свой же народ!

Голова Геила плавала под потолком, фосфоресцирующие рыбы освещали ее мертвенно-бледные черты.

— Наш народ? А у нас нет никакого народа. Мы теперь другая раса. Мертвецы. Мы выполняем приказания морских пастырей.

Старк выглянул в зал, потом посмотрел на круглую стену.

— Ладно, — сказал он бесцветным голосом, — выходи. Где ты там прячешься и чревоуважаешь? Выходи и поговорим в открытую.

В ответ целая секция стены отодвинулась назад. Старк увидел длинный и узкий стол из черного мрамора. За ним на высеченных из темного камня скамьях сидели шесть человек.

Все мужчины. На них не было одежды, кроме похожей на пленку повязки вокруг бедер. Они взирали на Старка без ненависти или любопытства. Один держал на коленях арфу — тот самый пастух, который провел Старка в ворота. Его пальцы, словно обвитые паутиной, лежали на струнах, время от времени извлекая из них чистые звуки.

Старк бросился вперед, но пастух аккордом остановил его.

Старк вспомнил, что у него в руке обнаженный клинок, и бросил оружие.

Пастух закончил рассказ:

— А потом? А потом мы двинем мертвых воинов Ранн прямо на Фалгу. Там народ Ранн, увидев их, просто обезумеет от счастья: вернулись их родственники и друзья! И они тоже пропустят мертвецов через заграждения Фалги. И к ним войдет смерть, переодетая в воскрешение.

Старк задумчиво кивнул, потер рукой щеку:

— Дома, на Земле, мы называем это психологией. Хорошей психологией. Вот только сможете ли вы провести Ранн?

— Ранн будет со своим флотом у Кром Дху. Покуда она отсутствует, наивное население с радостью впустит в город пропавших воинов.

Пастуху с веселыми зелеными глазами на вид было лет семнадцать. Обманчиво юный. Если Старк угадал правильно, этому мальчишке около двухсот лет. Вот, оказывается, каковы люди, живущие на дне Красного моря. Нечто в его составе сохраняло их молодыми.

Старк прикрыл желтые соколиные глаза и задумался.

— У вас все козыри. Вы выиграете. Но что такое для вас Кром Дху? Почему не ограничиться

Ранн? Она — одна из вас. Вы ненавидите ее больше, чем Пиратов. Ее предки вышли на сушу; вы никогда не переставали ненавидеть их за это...

Пастух пожал плечами:

— По сути, настоящей ненависти мы к Кром Дху не питаем. Разве что они по определению сухопутные люди, хоть и пиратствуют на судах и грабят. Однажды они могут попытаться счастья и напасть на наш город.

Старк вытянул руку:

— Мы тоже сражаемся с Ранн. Не забывайте, мы на вашей стороне!

— В то время как мы — ни на чьей, — парировал зеленоволосый юнец, — лишь на своей собственной. Добро пожаловать в армию, которая будет атаковать Кром Дху.

— Я? Во имя всех богов, только через мой труп!

— Это, — радостно сообщил юноша, — как раз то, что мы собираемся сделать. Мы трудились много лет, чтобы довести свой план до совершенства. Мы не очень-то хороши там, на суше. Нам необходимы тела, которые сделают за нас всю работу. Поэтому всякий раз, когда Фаолан или Ранн теряли корабль, мы были тут как тут, поджидали с золотистыми псами. Собирали. Копили. Ждали, пока у нас наберется достаточно воинов с каждой стороны. Они будут сражаться вместо нас. О, разумеется, недолго. Источник энергии даст им некое подобие жизни, краткосрочную способность ходить и драться, однако вне моря они продержатся не более получаса. И все-таки этого времени хватит, если ворота Кром Дху и Фалги будут открыты.

Старк сказал:

— Ранн найдет какой-нибудь способ раскусить вас. Лучше начните с нее. Нападите на Кром Дху на следующий день.

Юноша взвешивал его слова. Наконец сказал:

— Ты лукавишь. Но в этом есть смысл. Ранн важнее. Значит, сначала мы покорим Фалгу. У те-

бя будет немного времени, чтобы потешиться ложными надеждами.

Старку опять стало нехорошо. Комната поплыла перед глазами.

Очень тихо, очень легко Ранн вновь проникла в его мозг. Он почувствовал, как она скользнула в него — будто едва качнулись водоросли, тронутые приливом.

Старк закрыл мозг, но она уже успела зацепить обрывок мысли. В аквамариновых глазах Ранн светилось настойчивое любопытство.

— Хью Старк, ты у морских людей? И что же ты там замышляешь против Фалги?

Он ничего не ответил. Ни о чем не думал. Закрыл глаза.

Блеснули ее ногти, впиваясь ему в мозг.

— Говори!

Мысли Старка облеклись в металлический шар, который ничто не могло пробить.

Ранн неприятно засмеялась и подалась вперед, заполнив весь его череп своим мерцающим телом.

— Ладно. Я дала тебе тело Конана. А теперь отберу назад. — Она ударила его одновременно глазами, скривившимися губами и острыми, как иглы, зубами. — Возвращайся в старое тело, иди в прежнее тело, Хью Старк! — зашипела она. — Назад! Оставь Конана его идиотизму. Возвращайся в прежнее тело!

Старка обьял страх. Он упал лицом вниз, содрогаясь и корчась. С мужчиной можно сражаться мечом. А как бороться с врагом в собственном мозгу?

Он начал конвульсивно втягивать губами воздух. Он всхлипывал. Он плакал, не слыша себя. Голос Ранн заполнил весь мутный, красный внешний мир, уничтожая Старка.

— Хью Старк! Убирайся в свое прежнее тело!..

А оно было — мертвым...

Какая-то его часть взглянула сквозь красный туман.

Он лежал на горном плато; внизу виднелась бухта Фалги. Вокруг клубился и стлался красный туман. Жуткие огненные птицы кружили над ним и падали вниз, чтобы выклевывать открытые незрячие глаза.

Старое тело держало Старка.

Ноздри наполнил смрад тления. Плоть обвисла и липкими кусками сползала с костей. Хью опять почувствовал себя маленьким и уродливым. Пламенные птицы клевали, щипали, копошились между ребрами. Старка поглотила боль. Холод и пустота наполнили его. Опять в старом теле. Навсегда.

Он не хотел этого.

Исчезли плато и красная мгла. А с ними пламенные птицы.

Он снова лежал, скорчившись, на полу у морских пастухов.

— Это только начало, — проговорила Ранн. — В следующий раз я оставлю тебя на плато. А теперь ты расскажешь о планах морского народа? Тогда будешь жить в Конане. — Она ухмыльнулась: — Тебе же не хочется умирать.

Старку надо было все обдумать. Как бы он ни поступил, все оборачивалось плохо. Он хрипло выдохнул:

— Если я скажу, ты все равно убьешь Бьюдаг.

— Меняю ее жизнь на то, что тебе известно, Хью Старк.

Слишком торопливый ответ. В нем слышался призыв обмана. Старк не поверил. Надо умереть. Это все решит. По крайней мере, Ранн тоже умрет, когда морской народ осуществит свои замыслы. Хоть такая месть, на худой конец, будь оно все проклято.

И тут у него возникла идея.

Старк засмеялся, что было больше похоже на кашель, и, подняв ослабевшую голову, посмотрел на опешившего морского пастуха. Короткий диалог с Ранн занял всего секунд десять, но казалось,

что прошло столетие. Морской пастух шагнул вперед.

Старк попытался встать на ноги.

— Есть... есть предложение. Ты, с арфой!.. Ранн сейчас во мне. Если ты не гарантируешь неприкосновенность Кром Дху и Бьюдаг, то я расскажу ей такие вещи, которые ее могут заинтересовать!

Пастух вытащил нож.

Старк спокойно покачал головой:

— Убери это. Даже если ты меня прикончишь, я успею рассказать Ранн все, что вы замышляете.

Пастух опустил руку. Он был не дурак.

Ранн рвалась в мозг Старка.

— Скажи, скажи мне их план!

Старк чувствовал себя так, будто он попал во вращающуюся дверь. Ему с трудом удалось сфокусировать взгляд на морских жителях. Они были испуганы, сомневались и нервничали.

— Через минуту я буду мертв, — произнес Старк. — Пообещай мне неприкосновенность Кром Дху, и я умру, ни слова не сказав Ранн.

Морской пастух немного подумал и поднял ладонь вверх:

— Я обещаю, что мы не тронем Кром Дху.

Старк вздохнул. Он наклонился вперед и упал, ударившись головой об пол. Потом перевернулся и закрыл руками глаза.

— Договорились. Ребята, отделайте Ранн за меня как следует, ладно? Отделайте как следует!

Старк погрузился во тьму мозга, где Ранн уже поджидала его. Он очень слабо сказал ей:

— Хорошо, герцогиня. Ты убила бы меня, даже если бы я все рассказал. Я готов. Попробуйте, Ваше Негодяйство, запихнуть меня обратно в мое вонючее тело. Но я буду сопротивляться изо всех сил!

Ранн закричала. Это был довольно-таки растерянный крик. Затем наступила боль. В следующую минуту она изрядно поработала над его мозгом.

Та его часть, которая была Конаном, боролась так, как борется моллюск за свое драгоценное содержимое.

Вернулся запах разлагающейся плоти. Вернулась кровавая мгла. Пламенные птицы пикировали вниз по огненной спирали, чтобы терзать обнажившиеся ребра трупа.

Перед тем как чернота накрыла его, Старк проговорил последнее слово:

— Бьюдаг...

Старк не надеялся, что проснется.

Тем не менее он очнулся.

Вокруг было Красное море. Он лежал на какой-то каменной кровати, и юный морской пастух смотрел на него, осторожно улыбаясь.

Какое-то время Старк не решался двинуться. Он боялся, что голова может отделиться от тела и уплыть, словно большая рыба, вращая ушами как винтами.

— Господи, — произнес он, чуть поворачивая голову.

Морской житель насторожился.

— Ты победил. Ты сражался с Ранн и победил.

Старк застонал:

— Чувствую себя так, будто прошел через внутренности дикой кошки. Она ушла. Ранн ушла. — Старк засмеялся. — Мне от этого грустно. Кто-нибудь, развеселите меня. Ранн ушла. — Он ощутил свое большое, мускулистое тело. — Она блефовала. Пыталась свести меня с ума. Ранн понимала, что на самом деле не может снова запихнуть меня в старую оболочку, только не хотела, чтобы я это знал. Это был всего лишь кошмар ребенка перед рождением. А может, у вас вообще не такая память, как у меня. — Старк широко раскрыл глаза. — Как тебя зовут?

— Линнл, — ответил человек с арфой. — Ты не рассказал Ранн о наших замыслах?

— А сам-то ты как думаешь?

Линнл искренно улыбнулся:

— Я думаю, что ты мне нравишься, человек из Кром Дху. Я думаю, что мне нравится твоя ненависть к Ранн. Я думаю, что мне нравится, как ты провернул все это дело, как хотел убить Ранн и спасти Кром Дху, как был готов умереть, чтобы добиться своего.

— Ты очень много думаешь. Кстати, а как насчет того обещания, которое ты дал?

— Оно будет выполнено.

Старк протянул ему руку:

— Линнл, ты хороший парень. Если я когда-нибудь вернусь на Землю — а мне бы этого очень хотелось, — то больше никогда в жизни не наживлю крючок и не закину его в море.

Линнл не понял.

Старк не стал объяснять и продолжал смеяться. Он был на грани истерики. Какое облегчение! На протяжении многих дней тебя пинали ногами, люди входили, выходили и топтались в твоём мозгу, словно у прилавка дешевой лавочки, орали и дрались. Женщину, которую ты любишь, мучают голодом на мачте, и в довершение ко всему зеленоглазая стерва пытается нафаршировать тобой искалеченное в аварии тело. А теперь у тебя появился союзник.

И ты не можешь в это поверить.

Старк начинал смеяться и замолкал. Он закрыл глаза.

— Ты позволишь мне заняться Ранн, когда придет время?

Его пальцы жадно потянулись вверх, словно хватая воображаемую женщину, крепко сжались и хрустнули.

Линнл сказал:

— Она твоя. Мне бы тоже хотелось доставить себе это удовольствие, но у тебя столько же, если не больше, прав на месть. Вставай. Мы сейчас начинаем. Ты спал целый период.

Старк аккуратно слез с ложа. Ему не хотелось, чтобы отвалилась нога. Он чувствовал себя так,

будто рассыплется на куски, если до него кто-нибудь дотронется.

Старк отдался на волю течения и осторожно плыл за Линнлом по проходам, где им иногда попадались серебряные обитатели города.

Под ними в просторном квадратном зале показывались над полом воины Фалги. Все они, прикованные к полу, подняли вверх головы и смотрели на Старка и Линлла тусклыми холодными глазами. Стайки светящихся рыб, иногда выплывавшие из щелей в стенах, озаряли воинов неверными вспышками света. Рыбы светящейся лентой проплывали вокруг мертвецов, потом мгновенно исчезали, и зал снова погружался в морской красный свет.

Как будто их искупали в вине, подумал Старк без всякой насмешки. Он наклонился вперед:

— Люди Фалги!

Линнл тронул струны арфы.

— Да, — эхом отозвалась тысяча мертвых губ.

— Мы идем на цитадель Ранн!

— Ранн! — послышался приглушенный гром голосов.

Линнл заиграл другую мелодию, и появились золотистые собаки. Они прикасались к цепям. Люди Фалги, освободившись, кружились в красной морской субстанции.

Их согнали к створке, открывшейся в стене, и через нее мертвецы попали в огромный вулканический двор. За ними последовал и Старк. Он стал спускаться в черную щель, на дне которой находилась пламенеющая впадина.

Это был Источник Жизни Красного моря. Он возник тысячи лет назад. Здесь яростные циклоны огненной энергии и искр изрыгались вверх, сотрясая титанические черные стены садов. Образующиеся потоки и водовороты грозили все, что угодно, засосать и вышвырнуть на поверхность по катетерам мощного давления, капиллярам огненного тумана, желобам света, которые, казалось,

способны сжечь дотла, а на самом деле лишь оживляли и бодрили, вливали свежие силы и перерождали.

Старк уперся ногами, сопротивляясь всасыванию. Невероятный протуберанец огня с ревом и треском вырвался из расщелины.

Но люди Фалги не противились притяжению.

Они двигались вперед и повисали над этим пылающим жаром.

Жизненная сила источника вливалась в них. Сначала она касалась ног, обутых в сандалии, а затем постепенно пропитывала тела, поднимаясь по голеням, охватывая бедра, проникая во внутренности, обтекая кости, — так ползет вверх ртуть в термометре, когда растет температура. Ребра тысячи мужчин расширялись, словно посеребренные лапки паука, сжимались, потом снова расширялись. Спины мертвецов выпрямились, плечи расправились. Глаза, последними принимавшие в себя огонь, теперь светились и мерцали, будто свечи. Подбородки поднялись, кожа засверкала серебром.

Проплыв сквозь энергетическую бурю, подобно каким-то кошмарным обломкам и осколкам, мертвецы собирались на другом краю ущелья, уже похожие на расплавленный металл из доменной печи. Когда они задевали друг друга, то вспыхивали фиолетовые искры, перепрыгивая от руки к руке, от одной головы к другой.

Линн тронул плечо Старка:

— Твоя очередь.

— Нет, благодарю.

— Боишься? — засмеялся пастух-арфист. — Ты изнурен. Это вошьет в тебя жизнь. Твоя очередь.

Старк колебался всего лишь мгновение. Потом он дал потоку подхватить себя и помчаться вперед. Ему было страшно. Чертовски страшно. Посередине ущелья в него ударил огненный столб. Старка покрыла пелена исступленного восхищения. Бьюдаг прижалась к нему. Развевающиеся волосы

опутали обжигающей сетью. Ее тепло разливалось по телу, проникало в голову. Кто-то кричал от животного восторга и непереносимой страсти. Кто-то плясал, размахивая руки, и могучее тело наполнялось солнечным светом. Кто-то чувствовал, как испаряется вся усталость и приходит небывалое ощущение тепла и силы.

Этим «кем-то» был Старк.

Мужчины Фалги ждали на той стороне расщелины. Вдруг зазвучала будто бы тысяча арф, и едва Старк достиг другого края ущелья, арфы заиграли марш, и воины двинулись, повинаясь их зову. Они по-прежнему были мертвы, но об этом никто бы не догадался. Внутри их тел не было разума. Они включались извне. Однако это невозможно было заметить.

Войско вышло из города. Золотистые собаки и далекие арфы вели построенных в шеренги солдат к тому месту, где проходила излучина мощного прибрежного течения.

Воины вошли в поток, который понес их. Старк плыл рядом с Линнлом, перебиравшим струны. Внезапно он почувствовал, что его засасывает в какую-то пучину, где шевелились странного вида чудовища. Они глядели на Старка голодными глазами. Но звуки арфы снова вытащили его наверх.

Старк посмотрел на окружающих людей. Они не ведают, что творят, подумал он. Идут домой, чтобы убить своих родителей и детей, поджечь Фалгу, и не знают о том. Их оживленно-мертвые лица подняты, они смотрят только вверх, словно там им видится цитадель Ранн.

Ранн. Старк почувствовал, как в нем закипает бешенство. Он взял себя в руки, успокоился. Ранн не давала о себе знать вот уже много часов. Не прочитала ли она его мысли во время той кошмарной схватки? Знает ли она, какая участь готовится Фалге? Может, этим и объясняется ее теперешнее молчание?

Старк напряг мозг, совсем немного: Ранн, Ранн.

Единственным ответом было движение серебряных тел сквозь огненные глубины.

Перед самым рассветом войско приблизилось к поверхности моря.

Фалга дремала в окутанной красным туманом тишине. Улицы рабов были пустынные и покрыты росой. В вышине первый утренний свет облил сады Ранн. Цитадель сияла.

Линнл лежал на отмели рядом со Старком. У обоих губы застыли в жестокой улыбке. Они давно ждали этой минуты.

Линнл кивнул:

— Сегодня будет праздник. Возвратившимся воинам предложат фрукты, вино и любовь. На улицах будут плясать.

Вдали справа возвышалась гора. На срезанной вершине — Старк напряженно всматривался туда — покоилось тело маленького, тщедушного землянина, на котором застыли пламенные птицы. Потом он взберется на ту гору — когда все кончится и будет время.

— Что ты высматриваешь? — спросил Линнл.

— Одного знакомого.

Выбравшись на каменную набережную, в разваливающихся сандалиях, изъеденных временем, воины стояли чистые и блестящие. Старк вышагивал, как зверь в клетке, в самой их гуще, чтобы его смуглое тело не привлекло внимания.

Их заметили.

Охранники со сторожевых галерей на скале позади грязных рабских кварталов увидели войско и подняли шум. Они размахивали руками, которые в рассветных лучах казались покрытыми инеем. По проходам и галереям к ним спустились другие стражники, они жестикулировали, переговаривались.

Линнл, оставшийся в море около набережной, начал наигрывать мелодию. К нему присоединились

другие арфы. Дрожащая музыка поднималась из моря и мягко, но настойчиво заставляла мертвые ноги маршировать по причалам, подниматься по узким вонючим улочкам рабов навстречу стражникам.

Рабы устало выглядывали из своих убогих жилищ. Для них зрелище проходящего войска не было новым и не представляло интереса.

У этих солдат не было никакого оружия, что Старку весьма не нравилось. Хотя бы по обрывку цепи, думал он. У него заболели зубы от того, что он слишком долго изо всей силы сжимал челюсти. От нервного напряжения подрагивали мускулы рук.

У подножия скалы, где кончалось поселение рабов, путь войску преградили стражники. Обнажив мечи, они бежали вниз по галереям, чтобы пресечь продвижение предполагаемого врага.

Потом стража остановилась, ничего не понимая.

У Старка невольно вырвался смешок. Ведь это сон, сновидение, окутанное туманом сверху, снизу и со всех сторон. Все происходящее представлялось стражникам нереальным, они не верили своим глазам. Тем более происходящее не было реальным для мертвецов, стоящих вокруг. Живым был только он. И Старку не нравилось разгуливать с мертвяками.

Капитан стражников осторожно подошел поближе, подозрительно осматривая пришельцев зелеными глазами. Но вдруг подозрительность испарилась. Его лицо расплылось в улыбке. Вот уже много месяцев подряд, лежа на меховых шкурах, он все думал о сыне, погибшем за Фалгу.

А сейчас сын стоял перед ним. Живой.

Капитан забыл, что он командир. Он забыл обо всем на свете. Его сандалии застучали по каменным плитам. Было слышно, как тяжело он дышит, бормоча молитву.

— Сын мой! Во имя Ранн. Мне сообщили, что ты убит людьми Фаолана сто темнот назад. Сын-нок!

Где-то зазвенела струна.

Сын капитана, улыбаясь, сделал шаг вперед.

Они обнялись. Сын ничего не сказал. Он не мог говорить.

Это послужило сигналом для остальных. Стражники, потрясенные и удивленные, убрали мечи и кинулись искать старых друзей, братьев, отцов, дядей, сыновей!

Они поднялись по галереям — стража и возвратившиеся воины. Старк шел в самой их гуще. Взираясь на утес, переходя из одного прохода в другой, все говорили одновременно. Или, по крайней мере, так могло показаться. Говорили стражники. Никто из мертвых воинов не отвечал им; только казалось, будто они разговаривают. Старк отчетливо слышал повсюду громкую музыку.

Они достигли зеленых садов на вершине скалы. К этому времени уже проснулся весь город. Бежали плачущие женщины с обнаженной грудью, бросались в объятия своих возлюбленных, забрасывали их цветами.

— Вот она, война, — с грустью пробормотал Старк.

Войско остановилось в середине огромных садов. Толпа радостно волновалась, не замечая странного молчания своих мужчин. Они были слишком счастливы, чтобы обращать на это внимание.

— Сейчас! — крикнул Старк самому себе. — Время пришло. Сейчас!

И как бы ему в ответ с небес раздался страшный грохот арф.

Толпа перестала смеяться, только когда возвратившиеся воины Фалги шагнули вперед, подняв руки и что-то нащупывая перед собой...

Крики на улицах напоминали вой отдаленной сирены. Громкий лязг мечей прерывался тишиной, когда металл находил плоть, чтобы погрузиться в

нее. Жуткая пантомима завершилась в зеленых влажных садах.

Старк наблюдал за всем этим из опустевшей цитадели Ранн. Сквозь арки проносились рваные облака тумана. Начался ливень — налетел, как кровавый шквал, и поливал сад внизу до тех пор, когда невозможно стало отличить дождь от крови.

Возвратившиеся воины уже были вооружены мечами. Сначала они убили тех, кто стоял в праздничной толпе ближе к ним. Затем взяли оружие у своих жертв. Все было очень просто и очень неприятно.

Теперь и рабы присоединились к побоищу. Они пришли из рабских кварталов и, подобрав упавшие кинжалы и короткие мечи, окружили сады и вылавливали надменных воинов Ранн, которым удалось избежать смерти от рук оживленных мертвецов.

Мертвый отец убивал удивленного живого сына. Мертвый брат душил не верящего собственным глазам брата. Да, в Фалге царил настоящий карнавал смерти.

Старк увидел одиноко стоящего вооруженного старика. Молодой воин Фалги, подчиняясь арфе Линнла, спокойно подошел к старику. Тот вскрикнул.

— Сын! Что же это? — Он опустил клинок и хотел обнять своего мальчика.

Сын прикончил его одним движением и, не взглянув на тело, молча пошел дальше в поисках следующей жертвы.

Старк отвернулся, его мутило и бил озноб.

Он поджег черные шелковые занавесы. Те стали о чем-то шептаться и беседовать с огнем. От шагов Старка, обыскивающего комнату за комнатой, по анфиладам разносилось эхо. Ранн нигде не было. Она покинула крепость, вероятно, вчера. Это означало, что Кром Дху на грани падения. Жив ли Фаолан? Сдались ли, увидев страдания

Бьюдаг, жители Кром Дху? В гавани Фалги совершенно не было кораблей, если не считать маленьких рыбацких баркасов.

Когда Старк вернулся в сад, дождь омыл ему лицо. Все еще стоял туман.

Старк посмотрел на крепость Ранн, объятую огнем и окутанную дымом.

В саду была тишина. Побоище закончилось.

Воины Фалги, пока сохраняющие отблеск Источника Жизни, выронили мечи из немеющих рук. Свет стал блекнуть в их зеленых глазах, кожа казалась грязной и неживой.

Старк, не теряя времени, сбежал по галереям вниз, миновал город рабов и снова оказался на набережной.

Там его ждал Линнл, нежно поигрывая послушной арфой.

— Все кончено. То, что осталось, будет принадлежать рабам. Они станут нашими союзниками, поскольку мы их освободили.

Старк не слушал его. Он всматривался в Красное море.

Линнл все понял. Пастух тронул две струны, отозвавшиеся в голове Старка двумя самыми важными словами.

«Кром Дху».

— Если еще не поздно. — Старк подался вперед. — Если Фаолан жив. Если Бьюдаг все еще стоит на марсе.

Старк, как слепой, зашагал по набережной вперед, пока не упал в море.

Кром Дху был не в миллионе миль от Фалги. Это только казалось, будто город очень далеко. Течение подхватило Старка и Линнла прямо у Фалги и быстро понесло вдоль берега над хрустальными лесами. Старк проклинал каждую милю пути.

Он проклинал ту остановку, что им пришлось сделать в городе Титана, чтобы подобрать свежих

людей. Чтобы взять с собой Клева и Маннта, Эсура и Брона. Старк с нетерпением снова смотрел на драматическое оживление тел в огненном Источнике. На сей раз тела мужчин Кром Дху висели, как туши животных на медленно вращающихся вертелах, и их члены и внутренности пропитывались жизнью, кожа становилась бронзовой, в глазах вспыхивали искры. Затем арфы соткали каждому одежду, и эта одежда передвигала их тела.

Старк вернулся в базилику. За ним тянулись новые тела Клева и Эсура. Течение подняло их и протащило сквозь обсидиановое игольное ушко, словно шелковые нити.

Во всем этом была и забавная сторона. Мужчины Кром Дху, павшие у Фалги из-за предательства Конана, теперь возвращались под предводительством Конана, чтобы все исправить.

Довольно скоро они очутились около бухты Кром Дху. Над ними колебались какие-то тени — длинные темные тени, которые отбрасывали корабли Фалги, стоявшие в заливе. Тени, похожие на закинутые черные сети. Отряд мужчин прошел сквозь сети теней. Течение здесь кончалось, воинов закружило и подняло вверх.

Старк глядел на огромное серебряное дно фалганского корабля. Он почувствовал, как сдавило горло и окаменело лицо. Потом он согнул колени и вынырнул наружу; вокруг был темно-красный ночной воздух.

По всей бухте виднелись мерцающие факелы, установленные на бортах длинных кораблей. На перешейке, ведущем от Кром Дху к материку, раздавались звуки сражения. Сквозь завесы тумана оттуда доносились приглушенные крики и звон металла, будто отголоски давних сновидений.

Старк почувствовал, как Линнл вложил ему в ладонь какую-то связку — моток веревки, сплетенной из гибких зеленых волокон тростника, с привязанными на конце увесистыми крючками. Старк,

даже не спрашивая, знал, как ей пользоваться. Однако сейчас он предпочел бы нож, хотя и понимал, что с кинжалом в море быстро передвигаться почти невозможно.

В сотне ярдов от себя Старк увидел изящную носовую фигуру на лучшем корабле Ранн, по бортам которого пылали факелы цвета волос Бьюдаг.

Он поплыл к нему, стараясь дышать потише. Наконец над ним нависла серебристая носовая фигура с насмешливыми зелеными глазами, и Старк прикоснулся пальцами к белому прохладному металлу корабля.

Пахло дымом факелов. Слабые крики, доносившиеся со стороны суши, говорили о том, что предпринята новая атака на Ворота.

Сзади послышался всплеск, за ним — сотни всплесков. Воскрешенные люди Кром Дху пристально смотрели в сторону города. На какой-то миг Старка охватили мрачные предчувствия. Предположим, что Линнл затеял хитрую игру. Предположим, что, после того как эти люди выиграют битву, они нападут на Кром Дху, чтобы изломать арфу Ромны и прикончить слепца Фаолана?

Старк отогнал эту мысль. Всеу свое время.

По обеим сторонам от него возникли Клев и Маннт. Сомкнув губы, они смотрели на Кром Дху. Может, они видели орлиное гнездо Фаолана и слышали арфу, которая была лучше тех арф, что гнали их резать и бить, — инструмент барда Ромны, певшего сказания о пиратах и войнах тех далеких, живых дней... Их глаза смотрели и смотрели на Кром Дху, но не видели ничего.

Теперь появились и морские пастухи, сопровождавшие Линнла, каждый со своей арфой. Полилась музыка, но такая высокая, что ее не было слышно, — лишь чувствовалась напряженность в воздухе.

Бесшумно, с угрюмой уверенностью, мертвяки взяли в бронзовое кольцо корабль Ранн. Уже от

той тишины, с какой они окружали судно, у Старка мурашки поползли по коже и на щеках выступил холодный пот.

Веревки взвились вверх и опутали корпус корабля.

Старк метнул свою бечевку и почувствовал, как ее конец за что-то зацепился. И вот он, быстро перебирая шпагат, скользя и оступаясь, уже карабкался по серебристому борту.

Старк влез на марс.

Бьюдаг была там.

Он перебросил ногу через низкое ограждение, но остановился, засмотревшись на девушку.

Старк хорошо видел Бьюдаг в свете факела. Она по-прежнему стояла очень прямо; ее голова была привязана к мачте, глаза закрыты. Лицо осунулось и побледнело, однако Бьюдаг была жива. От свиста веревок и скрежета металлических крюков по палубе она очнулась после глубокого обморока.

Бьюдаг увидела Старка и разлепила губы. Она не отвела от него взгляда. Старк хрипло дышал.

Он замер, глядя на нее, и это едва не стоило ему жизни.

Сидевший в будке вахтенный, с кожей, переливающейся, как свежесвыпавший снег, натянул лук и выпустил стрелу. На палубе валялась цепь. К счастью, Старк наклонился подобрать ее. Рядом со Старком через поручни перелез Клев. Стрела попала ему в грудь. Клев погнался за стрелявшим человеком и мгновенно прикончил его.

Бьюдаг вскрикнула:

— Конан, сзади!

Конан! От волнения она назвала его старым именем.

Резко повернувшись, Старк увидел перед собой какого-то жилистого человека и жестоко, изо всей силы, ударил цепью по лицу, выхватил у пада-

ющего противника меч и добил. Потом подошел к нему, взял за подбородок и столкнул тело в море.

На корабле все проснулись. Большинство людей находились в трюме, отдыхая после сражения. Теперь они серебряным потоком лезли наверх. Их крики странно контрастировали с деловитым молчанием людей Кром Дху. У Старка прибавилось работы.

Конан был здоровым животным с огромным запасом сил. Сейчас его мышцы реагировали на каждый стимул и делали все, что от них требовалось. Старк прокладывал себе дорогу через палубу в поисках Ранн, но ее нигде не было видно. Он орудовал сначала двумя клинками, потом один сломался. Снова, как змеи, в воздух взвились веревки. На всех кораблях в бухте началась резня. Позади Старка через борт молча перелезали люди.

Перекрывая истошные вопли, раздался голос Бьюдаг, узнавшей сражавшихся мужчин:

— Клев! Маннт! Эсур!

Старк чувствовал себя богом: он мог сделать все, что пожелает. Человеческую голову? Пожалуйста. Надо было лишь с помощью ножа, кулака и броска действовать как гильотина. Вот так! Его глаза были похожи на дымчатый янтарь, а около губ появилась складка мрачного удовлетворения. Враг не может сражаться без рук. Какой-то человек, возникший перед Старком, не веря глазам, поднес к лицу обрубленные культи.

«Видишь, Фаолан? — закричал Старк про себя, рассыпая удары. — Смотри, Фаолан! Господи, нет, ты же слепой. Тогда слушай! Слушай звон стали о сталь. Ты чувствуешь запах теплой крови и разгоряченных тел? Если бы ты только мог все это видеть, Фаолан!.. Фалга будет забыта. Вот Конан, он уже не идиот, он вместе с этим парнем по имени Старк, который его передвигает и показывает, куда идти!»

На палубе стало небезопасно. Старк раньше этого как-то не замечал, но воинам Кром Дху

сейчас было все равно, на кого они нападают. Они начали кромсать друг друга. Слепо повинувшись сиюминутному приказу, мертвяки отрубали руки и ноги, расчленяли один другого. Это было неподходящее место для Бьюдаг и самого Старка.

Разрезав веревки, он освободил Бьюдаг и быстро перебежал с ней к борту.

Бьюдаг смеялась и никак не могла остановиться. По глазам было видно, что девушка потрясена. Она видела оживших мертвецов, размахивающих оружием, она голодала и стояла день и ночь, а теперь могла только смеяться.

Старк встряхнул ее.

Бьюдаг не прекратила смех.

— Бьюдаг! Все в порядке. Ты свободна.

Она уставилась в пустоту:

— Я... Я сейчас приду в себя.

Старку пришлось отразить удар одного из своих же людей. Он парировал выпад, затем прыгнул и толкнул человека с палубы в море. Это было единственное, что он мог сделать. Убить их было невозможно.

Бьюдаг смотрела вниз на упавшее тело.

— Где Ранн? — Глаза Старка сузились, внимательно оглядывая корабль.

— Она была здесь. — Бьюдаг задрожала.

Ее глазами смотрела Ранн. Сквозь оцепенение Бьюдаг чувствовала Ранн. Ранн где-то совсем близко.

Старк инстинктивно поднял глаза.

Ранн вдруг появилась на марсе, подобно снежному шквалу. Ее грудь с зелеными сосками вздымалась и опускалась от ярости. В глазах горела откровенная ненависть. Старк облизнул губы и крепче сжал меч.

Ранн бросила взгляд на Бьюдаг. На миг замерев, словно во сне, та подобрала с палубы кинжал и приставила к своей груди.

Старк окаменел.

Ранн удовлетворенно кивнула:

— Ну что, Старк? Что будем делать? Бросишься на меня и дашь Бьюдаг умереть? Или ты меня отпустишь?

У Старка вспотели ладони.

— Тебе некуда бежать. Фалга взята. Я не могу даровать тебе свободу. У тебя есть только один шанс — выброситься за борт, в море. Попробуй добраться до берега и до своих людей.

— Плыть? Когда там ждут эти морские звери? — Ранн сделала ударение на слове «звери». Она принадлежала к морским людям. А те, Линнл и его народ, были морскими зверями. — Нет, Хью Старк. Я воспользуюсь яликом. Пусть Бьюдаг стоит у борта, чтобы я все время видела ее. Если ты гарантируешь, что я и мои люди без помех достигнем берега, то Бьюдаг останется в живых.

Старк махнул мечом:

— Иди.

Ему не хотелось отпускать Ранн; на ее счет были другие планы, весьма занимательные. Старк прокричал Линнлу условия соглашения, и тот согласился, впрочем, очень неохотно.

Ранн в маленьком серебряном ялике плыла в сторону суши. Она сама правила лодкой и поминутно оглядывалась, чтобы посмотреть на Бьюдаг. Ялик миновал морских зверей и уткнулся в берег. Ранн подняла руку и резко опустила ее.

Старк, не замахиаваясь, сильно ударил Бьюдаг кулаком в челюсть. Острие кинжала уже начало входить в грудь. Бьюдаг, откинув голову, упала навзничь. Кулак достиг цели. Лязгнул выроненный клинок. Старк ногой отшвырнул его за борт. Потом он поднял Бьюдаг. Девушка была теплая, и ее было приятно держать. Лезвие лишь слегка прокололо ей грудь, и из ранки сочилась тоненькая струйка крови.

На берегу Ранн скрылась среди скал, спеша присоединиться к своим людям.

Музыка арф смолкла над бухтой. Воины Кром Дху внезапно прекратили сражение. Бронзовый блеск их кожи потускнел. Корабли стали тонуть.

Линнл плыл вниз, поглядывая на Старка. Старк в свою очередь посмотрел на пастуха и кивнул в сторону берега.

— Превосходно. Теперь давай поймаем эту дьяволицу, — сказал он.

Фаолан ждал, стоя на огромном каменном балконе, нависшем над Кром Дху. У него за спиной полыхало пламя в очагах, и шум огня, пожирающего дерево, наполнял звуками и ярким светом суровую колоннаду.

Фаолан оперся забинтованной грудью о балюстраду. Его незрячие глаза мерцали, напряженно вглядываясь во что-то далеко внизу, голову он слегка повернул, ловя каждый звук.

Рядом с ним был Ромна: снова и снова наполнял чашу, которую Фаолан жадно опорожнял, и рассказывал о том, что происходило. О людях, вынырнувших из моря, о Ранн, появившейся на скалистом берегу... Иногда Фаолан немного наклонялся к Ромне, чтобы лучше слышать его слова, иногда поворачивался, сам пытаясь разобраться, что же делается внизу за Воротами осажденного Кром Дху.

Арфа Ромны лежала в стороне. Бард не играл на ней. Она была ему не нужна. Снизу доносился рокот арф, более нежных, нежели его, и, словно водопад, растекался по городу, заставляя туман плакать красными слезами.

— Это арфы? — спросил Фаолан.

— Да, арфы!

— А это что было? — Фаолан прислушивался, тяжело дыша и вцепившись в балюстраду.

— Схватка, — ответил Ромна.

— Кто победил?

— Мы победили.

— А это что? — Фаолан так напрягал глаза, что они стали слезиться.

— Враг отступает от Ворот!

— Это что за звук? А это? — не переставая спрашивал Фаолан, все больше распаляясь, поворачиваясь то туда, то сюда. Его лицо дергалось, он ловил каждый шорох. Звон мечей, долетавший сквозь завесу тумана и человеческих тел, звучал для него той сложной музыкой, вариации которой он хорошо узнавал.

— Еще один враг упал! Я слышал, как он вскрикнул. И еще один из людей Ранн!

— Да, — подтвердил Ромна.

— А почему наши воины бьются так тихо? Из их губ не вырывается ни звука!

Ромна нахмурился:

— Тихо!.. Да — очень тихо.

— Откуда же они взялись? Ведь все наши люди в городе?

— Да. — Ромна пожал плечами. Он помолчал, прищурившись, почесал бульдожий подбородок. — Кроме тех, которые погибли... у Фалги.

Фаолан на минуту задумался. Потом схватил опустевшую чашу:

— Еще вина, бард. Еще вина!

Он снова повернул лицо в ту сторону, где продолжалось сражение.

— О боги! Если бы я мог это видеть! Если бы только я мог видеть!

Внизу раздался звенящий удар. Тишина. Крики, страшный шум.

— Ворота! — Фаолана охватил страх. — Мы проиграли! Мой меч!

— Подожди, Фаолан! — рассмеялся Ромна. Потом тяжело вздохнул. Это был вздох сомнения. — Во имя десяти тысяч всемогущих богов! Чтоб я ослеп или чтобы видел лучше!

Фаолан крепко схватил его за плечо:

— Что там? Говори!

— Клев! И Тлан! Конан! Брон! И Маннт! Стоят у Ворот как красные видения. У них в руках мечи!

Хватка Фаолана ослабла, но он тут же еще сильнее сжал руку:

— Назови их имена снова, только медленно. И не ври. — Он вздрагивал, как испуганный зверь. — Ты сказал... Клев? Маннт? Брон?

— И Тлан! И Конан! Вернулись из Фалги. Они открыли Ворота, битва выиграна! Все кончено, Фаолан. Сегодня ночью Кром Дху будет спать.

Фаолан отпустил его и зарыдал:

— Я напьюсь. Напьюсь сильнее, чем когда-либо в жизни. Грандиозно напьюсь! О боги, если бы только я мог все это видеть. Участвовать... Расскажи мне еще раз, Ромна...

Фаолан вернулся в огромный зал, сел в резное кресло и стал ждать.

Снаружи слышалось шарканье сандалий по камню, звон цепей.

Дверь широко распахнулась, в зал ворвался красный туман и вошли люди. Фаолан повернул лицо в их сторону.

— Клев? Маннт? Эсур?

Старк шагнул вперед. Он зажимал правой рукой глубокую рану на бедре.

— Нет, Фаолан. Это я и еще двое.

— Бьюдаг?

— Да. — И Бьюдаг быстрым шагом подошла к нему.

Фаолан прислушался.

— Кто еще? Ходит тихо: это женщина.

Старк кивнул:

— Ранн.

Фаолан медленно встал с кресла. Он обдумывал услышанное. Потом взял короткий меч, лежавший рядом с креслом, и пошел к Старку.

— Ты привел ко мне живую Ранн?

Старк дернул цепь, сковывавшую Ранн. Она сделала несколько быстрых мелких шажков впе-

ред. Ее белое лицо было опущено, в глазах пылала звериная ярость.

— Фаолан слеп, — проговорил Старк. — Я оставил тебя в живых, черт возьми, лишь по одной-единственной причине, Ранн. Так что приступай.

Фаолан остановился, на его лице читалось любопытство. Он ждал.

Ранн не двигалась.

Старк взял руку Ранн и заломил ее.

— Я сказал «приступай». Может, ты не слышала?

— Сейчас. — Она судорожно глотнула воздух.

Старк отпустил руку:

— Говори мне, что происходит, Фаолан.

Ранн очень пристально смотрела на высокую, ярко освещенную фигуру Фаолана.

Вдруг Фаолан резко закрыл глаза ладонями, задохнувшись от волнения.

Бьюдаг вскрикнула, схватила его за руку.

— Я вижу! — Фаолан пошатнулся, словно от удара. — Я вижу! — сначала закричал, а потом прошептал он. — Я вижу.

Глаза Старка вспыхнули. Свистящим шепотом он сказал Ранн:

— Пусть он увидит это, Ранн, или ты сейчас же умрешь. Пусть он увидит это! — И спросил, повернувшись к Фаолану: — Что ты видишь?

Фаолан молился. Он вытянул вперед руки, чтобы яснее видеть.

— Я... Я вижу Кром Дху. Вижу отчетливо, вижу корабли Ранн. Они тонут! — Он разразился прерывистым смехом. — Я... вижу сражение возле Ворот!

В зале воцарилось безмолвие.

В нависшей тишине слышался только гипнотический голос Фаолана. Он выставил вперед огромные кулаки, потряс ими, раскрыл ладони.

— Я вижу Маннта, и Эсура, и Клева! Они сражаются, как прежде. Вижу Конана, каким он был всегда. Вижу Бьюдаг на берегу, она снова

держит в руках меч! Я вижу, как умирают враги! Вижу, как из моря выходят люди с коричневой кожей и черными волосами. Люди, которых я знал много темнот тому назад. Люди, с которыми мы грабили на море. Я вижу, как схватили Ранн! — Он начал всхлипывать, не в силах совладать с чувствами. Слезы полились из его пустых, сияющих глаз. — Я вижу Кром Дху таким, каким он был, и каков есть, и каким будет! Я вижу, я вижу, я вижу!

У Старка по спине пробежал озноб.

— Я вижу плененную Ранн, а вокруг ее людей, убитых перед Воротами. Вот Ворота распахнулись... — Фаолан замолчал и повернулся к Старку. — А где Клев и Маннт? Где Брон и Эсур?

Старк медлил с ответом. Потом наконец сказал:

— Они ушли обратно в море, Фаолан.

Фаолан уронил руки.

— Да, — проговорил он печально, — они должны были уйти, правда? Они ведь не могли остаться? Даже на одну ночь, чтобы провести ее за столом с яствами и вином, с женщинами на теплых шкурах перед очагом. Даже чтобы поднять один кубок. — Он обернулся. — Ромна, вина! Налей всем вина!

Ромна подал ему полную чашу. Фаолан принял ее, но тут же выронил, упал на колени, схватившись за грудь:

— Сердце!

— Ранн, дьяволица!

Старк мгновенно схватил женщину за горло и нажал на бешено бьющиеся пульсики на белоснежной шее.

— Отпусти его, Ранн! — Старк сильнее сдавил горло. — Отпусти его!

Фаолан замычал. Старк сжимал шею Ранн, пока ее белое лицо не покрылось смертельным грязно-серым налетом.

Казалось, он целый час не разжимал рук. Наконец Старк отпустил Ранн, та мягко упала и больше не двигалась.

Старк медленно повернулся и поглядел на Фаолана:

— Ты ведь все видел, правда?

Фаолан слабо кивнул. Он на ощупь поднялся с пола.

— Я видел. На мгновение я видел все. О боги! Это было прекрасное зрелище! Хью Старк по имени Конан, ты дал мне то, на что я теперь смогу опереться.

На другой день Бьюдаг и Старк взобрались на гору возле Фалги. Старк шел немного впереди, и с его приближением пламенные птицы вспорхнули и скрылись из виду.

Он вырыл неглубокую ямку и сделал все, что положено, с телом, которое нашел там. Затем, положив на могилу большие серые камни, вернулся к Бьюдаг. Они вместе постояли над могильным холмиком. Старку никогда и в голову не приходило, что он будет хоронить частицу себя, однако же вот, он стоит здесь, и Бьюдаг сжимает его руку.

Старк вспоминал Землю и Пояс Юпитера, улицы развлечений в Нижних Каналах Марса. Он размышлял о космосе и о мчащихся в нем кораблях. Он думал о миллионе кредитов, которые взял во время последнего дела. Казалось, что ему тысяча лет.

Старк весело рассмеялся:

— Завтра я попрошу морских существ найти маленький металлический ящик, набитый кредитами. — Он с сожалением кивнул на могилу. — Ему хотелось их иметь. По крайней мере ему так казалось. В погоне за ними он убил себя. Так что, если морские люди найдут коробку, я отнесу ее на гору и похороню под камнями, вложив ему в руки. Мне кажется, это самое лучшее место.

Бьюдаг отвела Старка от могилы, и они начали спускаться к заливу Фалги, где ждал корабль. Старк шел, подняв лицо. Бьюдаг с ним, корабль поднимает паруса, ловя ветер, и Красное море ждет. Что находится там, на дальних берегах? Это предстояло открыть Бьюдаг и Фаолану Корабельному, Ромне и Хью Старку по имени Конан. Старк уверенно шел вперед, прижимая к себе Бьюдаг.

Корабль отплыл, а на горе пламенные птицы судорожно били клювами по могильным камням, но, отчаявшись, с пронзительными траурными криками улетели прочь.

СТОЛП ОГНЕННЫЙ

МАЯТНИК

- Я считаю, — пронзительно прокричал Эрджас, — что ничего удивительнее мы не видели ни на одном из миров, которые посетили!

Трепетали широкие, мерцающие зеленым крылышки, блестящие птичьи глаза сверкали от возбуждения. Спутники Эрджаса согласно закивали головами, золотисто-зеленый мех на стройных шеях слегка взъерошился. Они расположились на том, что когда-то было движущейся пешеходной лентой, а теперь превратилось в искореженную полосу полуистлевшей резины — вокруг раскинулись развалины огромного города.

— Да, — продолжал Эрджас, — непостижимо, фантастично! Этого просто не может быть! — Он без всякой надобности показал на заинтересовавший их предмет, лежавший на каменной площади неподалеку. — Вы поглядите! Обычный громадный полый маятник, на высоком каркасе! А механика, зубчатые передачи, когда-то приводившие его в движение... Я специально слетал, чтобы рассмотреть механизм, но он безнадежно проржавел.

The Pendulum

Copyright © 1941 by Ray Bradbury and Herman Hasse

Маятник

© В. Гольдич, И. Оганесова, перевод, 1997

— А конец маятника!.. — с благоговением проговорило другое птицеобразное существо. — Пустое прозрачное помещение — и ужасное существо, которое взирает на нас оттуда...

Прислонившись к внутренней оболочке капсулы, полусидел одинокий, побелевший от времени человеческий скелет. Казалось, он смотрит на унылый, разрушенный город, словно удивляется тому, что здания превратились в прах, а металлические конструкции, похожие на застывших огромных пауков, изготовившихся к прыжку, давно погнулись и проржавели.

— Любого проберет дрожь — стоит только обратить внимание, как мерзкое существо ухмыляется! Словно...

— Его усмешка ничего не значит! — раздраженно вмешался Эрджас. — Перед нами всего лишь останки млекопитающего; ему подобные, несомненно, когда-то населяли этот мир. — Он нервно перенес свой вес с одной длинной и тонкой ноги на другую, не сводя взгляда с черепа. — Однако создается впечатление, что он торжествует! И почему больше нигде не видно его сородичей? Почему он остался один... и почему заключен в этот фантастический маятник?

— Скоро узнаем, — негромко прочирикало другое птицеобразное создание, бросив взгляд на космический корабль, приземлившийся среди руин. — Орфли пытается расшифровать записи из книги, которую мы нашли в полой части маятника. Не следует ему мешать.

— Как ему удалось вытащить книгу? Прозрачное помещение внутри маятника кажется герметичным.

— Длинное плечо маятника оказалось пустым — очевидно, для того, чтобы производить вентиляцию внутреннего помещения. Книга начала рассыпаться, как только Орфли ее коснулся, но он все-таки сумел спасти большую часть.

— Я бы хотел, чтобы он поторопился! Почему нужно...

— Ш-ш-ш! Дайте ему время. Орфли расшифрует записи; он настоящий гений по части чужих языков.

— Да. Я помню металлические таблички на той маленькой планете в созвездии...

— А вот и он!

— Он уже закончил!

— Скоро мы все узнаем...

Птицеобразные существа дрожали от нетерпения, когда из космического корабля появился Орфли, бережно держа пожелтевшие страницы. Он помахал им, а потом распростер крылья и полетел вниз, а через несколько мгновений уже устроился рядом со своими соплеменниками на узкой жердочке.

— Язык достаточно прост, — сообщил Орфли, — но история весьма печальна. Я прочитаю ее вам, а потом нам следует улететь отсюда, поскольку мы ничего не можем сделать для этого мира.

Соплеменники сгрудились вокруг Орфли, с нетерпением дожидаясь, когда он начнет читать. Маятник висел неподвижно в этом лишенном ветра мире, прозрачный его конец находился всего в нескольких футах над поверхностью площади. Ухмыляющийся череп продолжал выглядывать наружу, словно что-то забавляло его или доставляло несказанное удовлетворение. Орфли бросил на него еще один взгляд... а потом открыл древнюю тетрадь и начал читать.

«Меня зовут Джон Лэйвиль. Все знают меня как “Пленника Времени”. Люди, туристы со всего мира, приходят посмотреть на мой качающийся маятник. Школьники, стоящие на движущейся вокруг площади ленте, разглядывают меня с детским страхом и благоговением. Ученые изучают, наводят свои инструменты на непрерывно пере-

мещающийся маятник. О да, они могут остановить его, могут подарить мне свободу — но я знаю, что этого никогда не произойдет. Началось с того, что меня хотели наказать, но постепенно я превратился в настоящую загадку для науки. Создается впечатление, что я бессмертен. Какая ирония.

Наказание! Сквозь туман времени моя память устремляется к тому дню, когда все это началось. Я помню, как мне удалось навести мосты через провалы во времени, чтобы совершить путешествие в будущее. Помню машину времени, которую я построил. Нет, она ни в коей мере не напоминала этот маятник; мое устройство представляло собой здоровенную коробку, сделанную из специально обработанного металла и глассита с электрическими роторами моего собственного изобретения, создающими взаимодействующие стабильные силовые поля. Я трижды успешно проводил испытания, однако никто из Совета Ученых мне не верил. Они смеялись. И Леске тоже. Особенно Леске, потому что он всегда меня ненавидел.

Я предложил провести публичные испытания, чтобы доказать свою правоту. Попросил Совет пригласить зрителей — весь цвет научной мысли. Ожидая, что их ждет хорошая возможность посмеяться на мой счет, они согласились.

Я никогда не забуду тот вечер, когда сто величайших ученых мира собралось в главной лаборатории Совета. Однако они пришли, чтобы повеселиться, а не поздравить меня с величайшим открытием. Мне было все равно, когда я стоял на платформе рядом с моей громоздкой машиной и прислушивался к рокоту голосов. Не слишком интересовало меня и то, что миллионы неверящих глаз наблюдали за ходом эксперимента по телевидению. Леске развернул широкую кампанию насмешек над самой возможностью путешествия во времени. Я не возражал, потому что через несколько минут кампания Леске должна

была обернуться для меня грандиозной победой. Я запущу роторы, поверну рубильник — и моя машина перейдет в другие измерения, а потом вернется назад, как это уже происходило трижды. Позднее мы пошлем вместе с машиной человека.

Время настало. Однако судьба распорядилась иначе. Что-то вышло из-под контроля — даже сейчас я не знаю, как и почему. Возможно, большое количество телевизионных камер повлияло на временные поля, которые создавали роторы. Последнее, что я помню, когда моя рука потянулась к рубильнику, были длинные ряды улыбающихся лиц важных персон, сидевших в лаборатории. Я коснулся рубильника...

Даже сейчас я содрогаюсь, вспоминая ужас того чудовищного момента. Колоссальный электрический разряд, пульсирующий, зеленый, метался по лаборатории от стены к стене, превращая в пепел все на своем пути!

На глазах миллионов свидетелей я уничтожил всех лучших ученых мира!

Нет, не всех. Леске, я и еще несколько человек, стоявших позади машины, отделались тяжелыми ожогами. Я пострадал меньше всех, что еще больше усилило возмущение населения.

Следствие завершилось в рекордно короткие сроки, под аккомпанемент негодующих воплей и требований смертной казни.

“Уничтожить машину времени, — было их лозунгом, — и вместе с ней гнусного убийцу!”

Убийца!.. Я лишь стремился помочь человечеству. Тщетно пытался я объяснить, что это был несчастный случай — с общественным мнением спорить бессмысленно.

Однажды, несколько недель спустя, меня забрали из тайной тюрьмы и под мощной охраной отвезли в больницу, где лежал Леске. Он приподнялся на локте, и его обжигающие глаза уставились на меня. Больше я ничего не видел, только

глаза; все остальное было скрыто под бинтами. Некоторое время он молча смотрел на меня... Вот тогда-то я понял, что такое настоящее безумие, полное хитрости и коварства.

Наконец Леске с усилием поднял забинтованную руку.

— Не нужно его казнить, — пробормотал он, обращаясь к собравшимся вокруг нас представителям властей. — Машину следует уничтожить, да, но ее части необходимо сохранить. У меня есть план наказания, которое куда больше подходит для этого человека, так безжалостно расправившегося с лучшими учеными Земли.

Я вспомнил о том, что Леске всегда меня ненавидел, и содрогнулся.

В последующие недели один из моих охранников со злобным удовлетворением рассказал мне о том, как разбирается на части моя машина и что ведутся какие-то секретные работы. Леске, не вставая с постели, руководил ими.

Наконец настал день, когда меня вывели из тюрьмы и я впервые увидел огромный маятник. И, глядя на него, я постепенно понял, в чем состоял коварный замысел Леске. Его безумная месть. Современные люди оказались не менее жестокими, чем древние римляне, приветствующие бой гладиаторов. Меня охватил панический ужас, я отчаянно закричал и попытался убежать.

Это только позабавило собравшихся на площади зрителей. Они смеялись и презрительно показывали на меня пальцами.

Стражники втолкнули меня в прозрачный купол маятника, и я, дрожа, лежал на полу, только сейчас осознав иронию судьбы. Маятник был построен из уникального металла и глассита, которые я использовал для создания своей машины времени! Из них возвели памятник моему уничтожению.

Толпа взревела от восторга, проклиная меня.

Послышался щелчок, и моя стеклянная тюрьма сдвинулась с места. Постепенно скорость нарастала. С каждым тактом дуга движения маятника увеличивалась. Помню, как я стучал в стекло и тщетно звал на помощь, как текла кровь из-под ногтей. Помню, как ряды белых лиц превратились в цепочку светлых пятен...

Вопреки моим ожиданиям, я не лишился рассудка. Сначала я даже не возражал против этого — той, первой ночью. Спать я не мог, хотя особых неудобств не испытывал. Огни города были похожи на кометы с огненными хвостами, мечущиеся по небу, словно сполохи фейерверка. Однако вскоре я почувствовал резь в животе, а потом мне стало очень плохо. На следующий день ничего не изменилось, и я совсем не мог есть.

Прошло несколько дней — маятник не остановили. Ни разу. Пищу мне сбрасывали через специальные отверстия в небольших круглых паке-тах, которые падали у моих ног. Первый раз, когда я попробовал съесть что-нибудь, меня постигла неудача; еда не желала оставаться в желудке. В отчаянии я колотил по холодному стеклу кулаками, пока снова не разбил в кровь руки. Я кричал, но мои слабые вопли лишь глухо отдавались у меня в ушах.

После бесконечного числа попыток я начал есть и даже спать, а маятник продолжал свое движение туда, сюда... Для меня сделали маленькие стеклянные петли, чтобы я мог пристегиваться на ночь и спать в беззвучной пустоте, оставаясь на одном месте. Я даже начал проявлять интерес к миру снаружи, наблюдая за мерно поднимающейся и опускающейся картиной до тех пор, пока не начинала кружиться голова. Монотонные движения никогда не менялись. Маятник был таким огромным, что за каждый взмах он преодолевал расстояние более ста футов.

Я прикинул, что один такт занимает четыре или пять секунд.

Туда и обратно — как долго это будет продолжаться? Я не осмеливался об этом думать.

День за днем я изучал лица снаружи — люди с любопытством смотрели на меня. Они произносили слова, которых я не слышал, смеялись, показывали на меня пальцами — пленник времени, отправившийся в бесконечное путешествие без цели. Потом, через некоторое время — прошли недели, месяцы или годы? — местные жители перестали приходить; теперь меня навещали лишь туристы...

Пробил час, когда я понял, что обречен навсегда оставаться в своей тюрьме. И мне пришла в голову мысль написать отчет о моем пребывании внутри маятника. Постепенно эта идея настолько завладела мной, что я не мог думать ни о чем другом.

Я заметил, что раз в день служащий забирается на верхушку маятника, чтобы сбросить мне очередную порцию пищи. Тогда я начал выстукивать кодовые сигналы по трубе — я просил бумагу и письменные принадлежности. Долгие дни, недели и месяцы не было никакого ответа. Мною овладела ярость, но я упорно добивался своего.

Наконец, после того как прошло много времени, мне сбросили по трубе не только пищу, но и тяжелую тетрадь вместе с ручками! Наверное, служащий обратил внимание на мои сигналы!.. Я был вне себя от счастья, став обладателем столь замечательных вещей.

Последние несколько дней я провел, вспоминая свою историю — я старался изложить ее с максимальной точностью, без всяких преувеличений. Теперь писать мне надоело, однако периодически я буду продолжать — в настоящем времени, а не в прошедшем.

Мой маятник продолжает раскачиваться с неизменной амплитудой. Я уверен: прошли не меся-

цы, а годы! Я уже привык. Мне кажется, что, если маятник неожиданно остановится, я сойду с ума из-за неподвижности!

(Позднее): Возникло необычное оживление на движущихся вокруг площади пешеходных дорожках. Прибывают все новые люди, ученые, устанавливают неизвестные мне инструменты для наблюдения. По-моему, я знаю причину. Разгадка пришла мне в голову уже довольно давно. Я не пытался уследить за числом прожитых лет, но подозреваю, что Леске и его приятели давно мертвы! У меня появилась короткая борода, которая неожиданно перестала расти, и я почувствовал прилив сил. Не удивлюсь, если мне удастся пережить всех! Я не могу найти этому объяснения, как и ученые, которые так старательно меня рассматривают. Они не осмеливаются остановить маятник, мой маленький мирок, не знают, как это повлияет на меня!

(Еще позднее): Эти людишки бросили мне микрофон! Они наконец-то вспомнили, что когда-то, перед жестоким заключением, я был замечательным ученым. Тщетно пытаются они понять причины моего долголетия; теперь они хотят, чтобы я говорил с ними, рассказывал о своих ощущениях, реакциях и предположениях! Они смущены, но не теряют надежды овладеть секретом вечной жизни, получив от меня ключ к решению задачи. Они сказали, что я провел здесь уже двести лет; это пятое поколение.

Сначала я молчал, не обращая ни малейшего внимания на микрофон. Некоторое время я слушал их бредни и мольбы, потом они мне надоели. Тогда я схватил микрофон, посмотрел вверх и увидел напряженные, нетерпеливые лица — все ждали, что я скажу.

— Трудно забыть и простить несправедливость, жертвой которой я стал! — воскликнул я. — Не

думаю, что в ближайшие пять поколений я захочу говорить с вами.

А потом я рассмеялся. О, как я смеялся!

— Он безумен! — раздались слова одного из них. — Секрет бессмертия каким-то образом связан с ним, но я чувствую, что нам никогда его не узнать; а если мы осмелимся остановить маятник, это может нарушить хронополе, или что там еще держит его в плену...

(Много позднее): Прошло столько времени после моих последних записей, что я даже не в состоянии оценить его течение. Годы... мне не дано узнать сколько. Я уже почти забыл, как нужно держать карандаш, и разучился писать.

Произошли разные события и перемены в окружающем меня безумном мире.

Однажды я видел, как летели и летели бесконечные эскадрильи самолетов, от которых потемнело небо. Они мчались в сторону океана и к городу; и невероятное количество истребителей поднялось им навстречу; и началась короткая, но жестокая битва; и падали на землю самолеты, словно осенние листья на ветру; а другие с триумфом вернулись на свои базы — я не знаю какие...

Но все это случилось много лет назад и не имеет для меня ни малейшего значения. Ежедневные пакеты с едой продолжают поступать с прежней регулярностью; подозреваю, что это стало неким ритуалом — обитатели города, кем бы они ни были, давным-давно позабыли, почему я заточен в маятник. Мой маленький мир продолжает раскачиваться, а я, как и прежде, наблюдаю за жалкими существами, которым отпущен такой короткий срок.

Я уже пережил многие поколения! Мне хотелось пережить всех! Так и будет!

...И еще я заметил: теперь ежедневную порцию еды мне приносят роботы! Прямоугольные фор-

мы, неуклюжие движения — металлические существа, лишь смутно напоминающие своим внешним видом человека.

Постепенно в городе становится все больше и больше роботов. О да, людей я тоже вижу — но они появляются только как туристы; люди живут в роскоши в высоких зданиях, а на нижних уровнях копошатся многочисленные металлические слуги, которые и выполняют механическую работу, необходимую для поддержания нормальной жизни города. Видимо, именно так понимают прогресс эти эгоцентричные существа.

Роботы становятся все более сложными и похожими на человека... их все больше... забавно... у меня появилось предчувствие...

(Позднее): Это случилось! Я знал! В городе волнения... люди, ставшие слабыми за долгие столетия безделья и роскоши, не в состоянии спастись... те из них, кто предпринимает попытки ускользнуть на ракетных летательных аппаратах, сбиты бледно-розовыми электронными лучами роботов... другие, более смелые или окончательно отчаявшиеся, пытаются атаковать центральную базу роботов на бреющем полете и сбросить на нее термитные бомбы — но роботы активировали электронный барьер, отбросивший бомбы назад; вскоре от атакующих самолетов ничего не осталось...

Восстание было коротким, и ему сопутствовал неизбежный успех. Подозреваю, что все люди, кроме меня, стерты с лица Земли. Теперь ясно: роботы проявили завидную хитрость, чтобы добиться своего.

Люди слепо стремились к созданию своей Утопии; с каждым поколением механизмы становились все более сложными и совершенными — пока не настал день, когда появилась возможность предоставить им все управление городом — под

надзором одного или нескольких людей. И тут у какого-то робота вспыхнула искорка разума; и он начал думать, медленно, но с абсолютной точностью, начал себя совершенствовать. Скорее всего он делал это в тайне от людей. И так продолжалось до тех пор, пока он не превратился в весьма эффективную, самостоятельную машину — обладающую мозгом. Он-то и спланировал восстание.

Во всяком случае, я это представляю себе именно так. Теперь остались только роботы — однако они очень умны.

Группа роботов подошла и долго стояла перед маятником, о чем-то между собой совещаясь. Несомненно, они понимают, что я человек — последний оставшийся в живых. Может быть, они хотят избавиться и от меня тоже?

Нет. Видимо, даже для роботов я превратился в легенду. Мой маятник продолжает движение. Они закрыли механизм прозрачным гласситовым куполом. Затем построили автоматическое устройство, которое ежедневно снабжает меня едой. Больше они не подходят к маятнику; создается впечатление, что обо мне попросту позабыли.

Это приводит меня в ярость! Что ж, настанет день, и я переживу и их тоже! В конце концов, они всего лишь продукт человеческого мозга... Я переживу все, что создано человеком! Клянусь!

(Много позднее): Конец?.. Я видел, как закончилась эра роботов! Вчера, когда солнце окрасило запад в алые тона, орды существ появились из космоса, небеса были полны ими... Чуждые создания спустились на землю, и очень скоро все оказалось под толстым слоем черной, желатиновой массы.

Я видел, как реактивные самолеты роботов носились по небу, атакуя черную массу электронными лучами — но чужаки попросту не обращали на них внимания! Неотвратно приближались они к

земле, и вскоре роботы начали спасаться бегством.

Напрасно. Серебристые самолеты падали на землю, разбивались, останки роботов, словно капельки ртути, рассыпались по каменным плитам...

А черная, желатиновая масса опускалась все ниже, чтобы накрыть землю, уничтожить город и разьесть оставшийся на поверхности металл.

За исключением моего маятника. Темная масса расплзлась по гласситовому куполу, защищающему безупречно работающий механизм. Город лежит в руинах, роботы уничтожены, но мой маятник продолжает колебаться — единственное, что еще движется в этом мире... и я знаю, что этот факт изумляет чуждые создания — они не успокоятся, пока не остановят и его движение.

Все эти события произошли вчера. Сейчас я лежу в полнейшей неподвижности и наблюдаю за ними. Большинство собирается среди развалин города, готовясь к отбытию — за исключением нескольких черных трепещущих созданий, которые продолжают висеть на моем маятнике, почти полностью закрывая солнечный свет; еще несколько штук забралось на самый верх механизма, они испускают эманации, прикончившие роботов. Твари намерены довести дело до конца. Я знаю, что через несколько минут гласситовый купол не выдержит. И буду писать до тех пор, пока маятник не остановится.

...Вот сейчас. Я слышу странный скрежет и скрип механизма у меня над головой. Скоро мой крошечный мир прекратит свои колебания.

Меня охватывает бешеное возбуждение: ведь в конечном счете наступил день моего торжества! Я победил людей, которые придумали для меня это наказание, я пережил бесчисленные поколения, даже роботы закончили свое существование на моих глазах! И теперь я жажду только одного — забвения. Не сомневаюсь, что оно придет, как

только маятник прекратит движение, и для меня наступит непереносимый покой...

Этот миг приближается. Черные желатиновые создания, сидевшие наверху, спускаются вниз, чтобы присоединиться к своим спутникам. Механизм пронзительно скрипит. Колебания становятся все короче... короче... короче...

Я чувствую себя... так странно...»

ПОСЛЕДНЯЯ ЖЕРТВА

1

Человек в скафандре отчаянно карабкался по склону астероидного хребта. Перевалив через рваную вершину, он повалился, измотанный долгим подъемом, едва переводя дыхание. Его бледное лицо под шлемом исказилось, когда внизу на равнине он вдруг обнаружил крохотный патрульный катер. Все, теперь не добратся! Он в западне.

Молодой человек встал на ноги и поглядел вниз на глубокое ущелье, которое он только что пересек. Увидел тяжелую неторопливую фигуру патрульного, поднимавшегося к нему; в походке патрульного чувствовалась какая-то пугающая неумолимость. Юноша заметил матовый блеск металла и понял, что патрульный достал атомбластер.

«Если б я только не потерял там, внизу, свой пистолет!» — подумал он. И горько рассмеялся, поскольку знал, что никогда бы не применил оружие.

Молодой человек сделал шаг вперед и поднял руки в общепринятом жесте «сдаюсь». В голове роились невеселые мысли. Он никогда в жизни никого не убивал! Однако Патруль считал его убийцей, и сейчас только это имело значение. Юноша был рад, что все кончилось. Он сдастся и предстанет перед судом, хотя все улики были против него.

Здоровенный патрульный теперь угрожающе возвышался всего ярдах в десяти от молодого человека, который поднял руки еще выше.

Патрульный все прекрасно разглядел. Под криститовым шлемом было видно, как его губы раздвинулись в широкой ухмылке. Он поднял большую руку, сжимавшую поблескивающий металл, и тщательно прицелился в юношу, которого отлично видел на фоне кобальтового неба.

В усмешке патрульного было нечто очень странное и неправильное. Молодой человек из всех сил замахал поднятыми руками, в ужасе выкрикивая какие-то слова, которые лишь эхом отдавались внутри его шлема и звенели в ушах. Это безумие! Этого не может быть! Кодекс Патруля запрещает хладнокровное убийство...

Его мысли вдруг оборвались. Шлем вдавился внутрь, превратив лицо юноши в кровавую маску. Он было закричал, но захлебнулся булькающим стоном, немеющими пальцами пытаясь сорвать с головы шлем, впившийся в мозг. Молодой человек упал на колени, перевалился через край обрыва и успел несколько раз конвульсивно перевернуться, пока гравитационные пластины увлекали его к скале в восьмидесяти футах ниже.

Джим Скил, патрульный, продолжал усмехаться.

— Четырнадцатый, — проговорил он и убрал в кобуру пистолет.

Джим Скил торжественно спустился к подножию хребта. Каждая клеточка его большого, обож-

женного солнцем тела ликовала. Ладони немного вспотели, и он сжимал и разжимал кулаки. Какая-то странная дрожь пробежала по телу, когда он увидел труп. Снова в голове горячо, неистово застучала кровь.

Скил зажмурился и прижал кулаки к вискам. Он довольно долго стоял так, охваченный дрожью, однако жуткие воспоминания не уходили. Перед глазами проплывала чудовищная сцена, преследовавшая его уже много лет. Опять электропистолеты кромсали измученный мозг, и он видел вокруг себя умирающих беззащитных людей, слышал их предсмертные вопли...

Джим подождал, пока прекратится дрожь и уйдет то странное ощущение. Потом пнул носком ботинка тело молодого человека. Оно перевернулось, и бледное, словно прокаженное, солнце осветило окровавленное лицо.

— Очень даже неплохой выстрел, — проворчал Скил. Потом нагнулся и обыскал мертвеца, забрав удостоверение личности.

Внезапно темная тень покрыла все вокруг. Скил удивленно огляделся и тут же понял, в чем дело. Без всякого предупреждения наступила ночь, как это обычно и бывает вот на таких медленно вращающихся астероидах. Около пещер и расщелин у подножия хребта виднелись смутные очертания кошмарных тварей, бледных, извивающихся, с чуткими амебообразными щупальцами вместо глаз. Доносился странный шипящий свист этих существ, не терпящих света, но любящих тьму и обожающих кровь, которая доставалась им так редко.

Скил проворно вскочил на ноги и поспешил к патрульному катеру, стоявшему рядом. Он оглянулся лишь раз и увидел десятки призрачных чудовищных тел, как черви копошащихся над распростертым в тени скалы человеком.

Вернувшись в штаб Федерального патрульного Управления на Базе Цереры*, Скил привычно завел одноместный катер под стеклитовый купол. Никто из присутствовавших не сказал ему ни слова. Они даже старались не смотреть на него. Но даже если Джим Скил и заметил это, то вида не подал. Он ленивой походкой подошел к двери с надписью «КОМАНДУЮЩИЙ» и вошел, не постучав.

Командор Андерс поднял глаза от письменного стола. При виде Скила его подбородок несколько напрягся. В серых стальных глазах загорелась неприязнь.

— Докладываю, сэр, — сказал Скил. Он аккуратно, даже чересчур аккуратно, разложил на столе документы, которые вынул из карманов беглеца.

Андерс медленно встал, положил кулаки на стол и тяжело оперся на них, отчего костяшки пальцев побелели.

— Ты не задержал парня? — Андерс говорил монотонным голосом, словно задавал этот вопрос уже не впервые.

— Сожалею, сэр. Он мертв.

— Мертв. — Андерс как будто не был удивлен. Вдруг его серые глаза и голос одновременно стали жесткими. — Ты убил его?

— Убил, сэр? — Скил удивленно поднял брови. — Никак нет, сэр. Мне пришлось преследовать его аж до астероида № 78 в скоплении Ланисара, и там он упал со скалы. У меня оставалось времени, только чтобы забрать его удостоверение личности и улететь, до того как выползли ночные твари. Я очень сожалею...

---

* Церера — первая по времени открытия и самая крупная малая планета. (Здесь и далее примеч. пер.)

Андерс пнул кресло назад к стене и выскочил из-за стола. У него побелело лицо.

— Сожалею! Ни о чем ты не сожалеешь, Скил! Уму непостижимо, черт возьми, как только у тебя хватает наглости снова и снова возвращаться сюда? Как ты можешь смотреть мне в лицо... Да что там! Как тебя совесть-то не мучит? Не понимаю, что творится в твоей тупой башке, вот за этой дурацкой ухмылкой! — Командор замолчал, чтобы перевести дыхание. — Что заставляет тебя убивать, Скил? Это уже который — одиннадцатый? Двенадцатый?

Скил вздохнул и преувеличенно сокрушенно развел руками:

— Вы всегда были велеречивым занудой, сэр. Вот бумаги Миллера. И я его не убивал. Он сорвался со скалы. Это все, сэр?

— Нет! Это не все! — Андерс еще ближе подошел к Скилу, который, как башня, возвышался над ним, и свирепо выпучил глаза. — Скил, ты давно служишь в Патруле. К счастью, а правильнее сказать, к несчастью, твой предыдущий отличный послужной список и стаж позволяют тебе выкручиваться — до тех пор, пока мы не сможем что-нибудь доказать. Но в один прекрасный день ты оступишься, и мы сумеем найти доказательства. Я молю Бога, чтобы этот день поскорее наступил!

Теперь уже в глазах Скила, в которых до того момента прыгали веселые искорки, вспыхнула злость, и он сказал совершенно другим голосом:

— Коль скоро вы подняли вопрос о моем стаже, то позвольте напомнить вам, что он позволяет мне занять ваше место здесь, если я этого захочу. Но я не хочу — пока. Что же касается ваших фантазий на мой счет, то могу рассказать вам историю, сэр. Историю о том... — Он внезапно замолчал, потому что кровь снова прихлынула и застучала в висках.

— Ну давай, парень, продолжай! Ты собирался рассказать, почему убиваешь. — Андерс подождал. — Разве нет?

— Никак нет, сэр, — ответил Скил шепотом, уже взяв себя в руки.

— Я ведь знаю, у тебя должна быть какая-то причина. Какая-то дьявольская причина!.. Но какой бы она ни была, это оскорбляет все принципы Федерального патруля! Хорошо, Скил, я скажу тебе кое-что об этом мальчишке Миллере, твоей последней жертве. Он был невиновен, ты слышишь? Невиновен! С него сняты все подозрения! Я получил эти сведения час назад!

— Вы получили сведения... здесь? Каким образом?

— Неважно как. Они совершенно достоверны!

На лице Скила не дрогнул ни один мускул, он лишь немного побледнел, и глаза на мгновение расширились. И снова его лицо стало бесстрастной маской.

— Вот видишь, Скил? — Андерс едва мог сдерживать клокотавшую внутри ярость. — Любой нормальный человек локти бы кусал от отчаяния, услышав то, что я сейчас сказал! Всякий порядочный человек с ума бы сошел от мысли, какой омерзительный поступок он совершил! Но только не ты, Скил! Ты — нет, потому что ты перестал быть порядочным и нормальным! Ты отдался мании, а теперь это превратилось в садистское наслаждение... это... эти убийства... — Андерс поперхнулся и не мог продолжать.

— У вас все, сэр?

— Да, черт побери, все! Этого недостаточно? Вон отсюда! Чтобы духа твоего здесь не было, а не то я из твоей мерзкой рожи котлету сделаю!

Губы Скила сжались в поперечную черту на квадратном лице. Он повернулся на каблуках и твердым шагом вышел из комнаты.

Командор большим усилием воли подавил душившую его злость, пересек комнату и подошел к

противоположной двери, которая была слегка приоткрыта. Он распахнул ее.

Девушка, сидевшая в соседней комнате, подняла глаза, но, казалось, она смотрит не на Андерса, а сквозь него. Ее стройная фигурка в униформе как будто окаменела, а руками она так крепко вцепилась в подлокотники, что костяшки пальцев побелели. Глаза девушки, невероятно голубые, были затуманены ужасом. Она даже не откинула светлый локон, упавший на бледную щеку.

— Вы слышали, мисс Миллер? — тихо спросил Андерс.

У нее перехватило дыхание, и несколько секунд она не могла ничего сказать. Когда же наконец заговорила, голос ее был совершенно безжизненным.

— Да, слышала... вполне достаточно, командор. Благодарю.

— Я искренно сожалею, что вам пришлось обо всем узнать вот таким образом! Но мне хотелось показать вам человека, убившего вашего брата. В противном случае вы бы мне не поверили.

— Мне... все еще немного трудно поверить... и понять. — Она очень медленно поднялась с кресла и стояла перед ним. В ее голосе зазвучало презрение. — Патруль никогда не убивает! Вот чему мы привыкли верить. Вот что стало поговоркой на трех планетах. Патруль, благородный Патруль, стражи космических трасс! Что за насмешка! Командор, почему убит мой брат? Почему такому чудовищу, как Скил, позволяют...

— Пожалуйста, мисс Миллер. Я знаю, что вам, как и любому постороннему человеку, трудно понять, но вы постарайтесь. Скил был одним из лучших наших патрульных. Его репутация была чиста, как хрусталь, впрочем, по документам она такой и остается. У очень немногих стаж больше, чем у него, а в Патруле это главное, потому что...

— Вот что главное, да? Я привожу на Цереру с Марса документы, оправдывающие брата, и узнаю,

что вы натравили на него этого Скила, и притом все время знали...

Андерс вздохнул и беспомощно развел руками:

— Я вижу, вы еще не поняли. Но прошу вас, поверьте мне: если бы я знал, что ваш брат невиновен, я бы ни за что не позволил Скилу взять это задание. Ни за что, даже если бы мне пришлось пристрелить его и предстать за это перед трибуналом! Скил мог взять это дело, если хотел. Это его прерогатива — принимать задание или отказаться: Только он никогда не отказывается. Кроме того, мисс Миллер, надеюсь, вот еще что будет вам небезразлично: в Патруле, пожалуй, не найдется ни одного сотрудника, который бы не догадывался, кто такой Скил на самом деле; однако я сомневаюсь, что кто-нибудь из них, даже если представится такой случай, смог бы хладнокровно уничтожить Скила. Кодекс, видите ли, слишком глубоко сидит в патрульных. Во всяком случае, пока нет прямых доказательств, что Скил убийца.

— Вы очень много говорите о доказательствах, — насмешливо заметила девушка. — Почему бы вам тогда не добыть доказательства?

— Это я и собираюсь сделать! Лично. Но единственный путь — что-то подстроить. Впрочем, это будет трудно сделать, поскольку Джим Скил всегда работает в одиночку.

— Ну да, а потом, Кодекс всегда против вас. Что ж, командор, меня не стесняет никакой Кодекс, поэтому я намерена отомстить за брата! — Лицо Нади Миллер, обыкновенно весьма привлекательное, утратило свою миловидность. — У меня есть план. Мне бы не помешало ваше содействие, однако независимо от того, будете вы мне помогать или нет, я собираюсь его осуществить. Единственно, что мне нужно, — это заманить Скила обратно на те скалы — одного.

Андерс понимающе улыбнулся:

— Это будет опасное предприятие, особенно для молодой девушки. Скил — хладнокровный убийца, превосходный стрелок. А вам придется полагаться только на себя. Патруль не может санкционировать такого рода операцию.

— Естественно, командор. Не могли бы вы пять минут послушать меня? Я скажу, как Патрулю отделаться от этого человека, прежде чем он убьет еще кого-нибудь, чья вина состоит только в минутном душевном расстройстве. — На лице девушки отразилась боль, когда Надя вспомнила о брате.

Андерс внимательно слушал ее предложение. Когда он снова заговорил, в его голосе было меньше сомнения, а в глазах читалось уважительное восхищение.

— Мисс Миллер, мне нравится ваш план, и я согласен с ним хотя бы потому, что в нем есть одно преимущество. Скил сейчас относится ко мне с подозрением и будет тщательно следить за тем, чтобы в будущих заданиях комар носа не подточил. Но ваша идея может обратить эту осторожность против него самого.

— Я на это и рассчитываю. А обо мне беспокоиться не следует. Большинство из этих крупных скал в поясе астероидов я знаю достаточно хорошо.

— Хорошо. По крайней мере, я могу расставить для вас декорации. — Андерс вдруг посмотрел на девушку другими глазами, отдавая должное ее твердо очерченному подбородку, ладно сидящей космической униформе, открытой смелости голубого взгляда, который, как ему подумалось, легко мог бы стать нежным в менее драматической ситуации. Но он заставил себя вернуться к действительности. — На все это потребуется никак не меньше недели. Церера — неподходящее место для девушки, но раз уж вы здесь, то я посоветовал бы вам отправиться в Церера-Сити, шахтерский городок на другой стороне нашей маленькой планеты.

Я буду поддерживать с вами связь и дам знать, когда и где будет ждать одноместный катер. Договорились? А теперь — до свидания... и желаю удачи!

Три дня подряд Андерс почти не вылезал из гелиобашни, терпеливо посылая в направлении Ганимеда*, который в этот период был ближайшим спутником Юпитера, потоки сигналов. Весь их план зависел от того, как скоро База Ганимеда их получит. Иногда атмосферные условия бывали неблагоприятными, и на передачу сообщения уходило несколько дней.

Андерсу повезло. На третий день лампочка на передатчике замигала, показывая, что сигнал принят. Командор быстро проверил орбитальное положение обеих планет, потом навел огромные серебристые экраны и тщательно зафиксировал их. Быстро манипулируя жалюзи, Андерс начал передавать:

— ПРИВЕТ, ГАНИМЕД. ВЫЗЫВАЕТ БАЗА ЦЕРЕРЫ. ОТВЕЧАЙТЕ!

Через несколько минут пришел ответ:

— УСЛОВИЯ НОРМАЛЬНЫЕ. ОТВЕЧАЕТ БАЗА ГАНИМЕДА. НАЧИНАЙ, ЦЕРЕРА.

Пальцы Андерса так и летали по клавишам управления жалюзи солнечных экранов. Он старался быть кратким, поскольку времени терять было нельзя, а на то, чтобы сообщение покрыло столь большие расстояния, уходили целые минуты.

— САМОЕ ГЛАВНОЕ. НЕОБХОДИМЫ ЛЮБЫЕ ИМЕЮЩИЕСЯ СВЕДЕНИЯ ОБ ОДИНОЧКЕ. ЕГО ПОСЛЕДНЕЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ, КООРДИНАТЫ, ДЕЙСТВИЯ. АНДЕРС.

Пальцы Андерса порхали по кнопкам, контролирующим напряжение. Обычно для работы с

---

* Ганимед — один из четырех крупных спутников Юпитера, наибольший по размерам, четвертый по расстоянию от планеты.

заслонками требовалась команда из двух человек. В ожидании ответа Андерс нервно курил сигарету.

Через несколько минут на экране появились электрические вспышки:

— ЧТО ПРОИСХОДИТ? ЭТОТ ПИРАТ — НАШ КЛИЕНТ, ТАК ЧТО РУКИ ПРОЧЬ. ДВЕ НЕДЕЛИ НАЗАД ВЫРВАЛСЯ ИЗ ЛОВУШКИ. ПРЕДПОЛАГАЕМ, ЧТО СЕЙЧАС ВЕДЕТ ОПЕРАЦИИ С ПОДПОЛЬНОЙ БАЗЫ НА КАЛЛИСТО*. ОН НАШ! СПЭРЛИН.

Андерс прилип к клавишам и отстучал следующее:

— ЧЕРЕЗ ТРИ ДНЯ ПЕРЕДАЙТЕ СЮДА СООБЩЕНИЕ, ЧТО ОДИНОЧКА ЛЕТИТ В НАПРАВЛЕНИИ ПОЯСА. ДОЛЖНО ЗВУЧАТЬ УБЕДИТЕЛЬНО, НО НЕ ПЕРЕДАВАЙТЕ ЭТО В ШТАБ НА ЗЕМЛЕ. ЛИЧНОЕ ОДОЛЖЕНИЕ. ОБЪЯСНЮ ПОЗЖЕ.

Ответ был такой:

— ХОРОШО, АНДЕРС, ТЫ ПОЛУЧИШЬ ЭТО СООБЩЕНИЕ, НО Я НАДЕЮСЬ, ТЫ ЗНАЕШЬ, ЧТО ДЕЛАЕШЬ, И Я БЫ ХОТЕЛ ПОЛУЧИТЬ ОБЪЯСНЕНИЯ. КСТАТИ, ТЫ СЛЫШАЛ АНЕКДОТ, КАК ОДИН...

Маленькие лампочки на табло продолжали мигать, но Андерс не стал ждать конца связи. Он сбежал по лестнице вниз и разыскал в казарме Лохсса, дежурного по гелиобашне.

— Все в порядке. — Андерс соврал ему, будто проводил текущую проверку оборудования. Он хотел, чтобы, когда придет сообщение об Одиночке, оно явилось для всех полной неожиданностью.

Так и произошло. Известие получили через три с половиной дня. Возбужденный Лохсс ворвался в кабинет Андерса, размахивая официальным бланком гелиограммы.

---

* Каллисто — один из четырех ярких спутников планеты Юпитер.

— Командор, вам необходимо срочно ознакомиться!

Андерс прочитал послание:

«БАЗА ЦЕРЕРЫ, ВНИМАНИЕ! ГРУЗОВОЙ КОРАБЛЬ, СЛЕДОВАВШИЙ К МАРСУ С ШАХТ ГАНИМЕДА, ПРОТАРАНЕН И ОГРАБЛЕН. ПОЧЕРК ОДИНОЧКИ. ПРЕСТУПНИК НАПРАВЛЯЕТСЯ В СТОРОНУ АСТЕРОИДОВ. КАК ОБЫЧНО, ЧЕРНЫЙ ОДНОМЕСТНЫЙ КАТЕР. ПОЛНОЕ ВООРУЖЕНИЕ. ПРИНИМАЙТЕСЬ ЗА ДЕЛО. ЖЕЛАЕМ УДАЧИ!»

Андерс внутренне улыбнулся и поблагодарил Спэрлина за четкость.

Новость мгновенно разнеслась по Базе Цереры. Каждый патрульный спал и видел, что однажды ему дадут задание взять Одиночку. Поимка знаменитого пирата означала бы не только славу, но и немедленное повышение. Естественно, люди начали недовольно ворчать, увидев, что Джим Скил нахально прошагал в кабинет командора Андерса.

— Доброе утро, сэр. Вызывали?

— Да, Скил. Думаю, ты уже слышал новости про Одиночку. Хочешь попробовать? Работенка как раз для тебя. — Презрительная интонация Андерса не осталась незамеченной.

Так же, как и лукавство во взгляде, которое он не смог скрыть. Скил ответил:

— Вы раньше никогда не горели желанием посылать меня на задания, командор. Или, может быть, придумали какой-то способ избавиться от меня? — Он слегка улыбнулся, но это была невеселая улыбка.

— На сей раз это не имеет значения, Скил. Есть приказ взять Одиночку живым или мертвым. Хотя, могу сказать тебе откровенно, это тот самый случай, которого я давно ждал! Ты убийца, вроде Одиночки. Я буду молиться, чтобы он пер-

вым шлепнул тебя. Тогда Патруль освободится от такого мерзавца, как ты.

Скил прищурился:

— Когда вылетать?

— Как только подготовишь катер. Уверен, что справишься? Можешь подобрать группу — до шести человек.

Скил громко расхохотался:

— Неужели вы думаете, будто кто-то из них полетит со мной? Не беспокойтесь, Андерс, я доставлю сюда Одиночку. Живого.

— Скил, передо мной тебе притворяться не надо.

— Прекрасно, сэр. До свидания.

— До свидания... но не желаю удачи.

Андерс проигнорировал протянутую руку. Скил весь напряжился, потом повернулся, шагнул к двери и быстро вышел.

Андерс развалился в кресле, выудил из пачки сигарету и закурил. Его начали одолевать сомнения. Надя Миллер была потрясена и пылала жадной мщенья. Предположим, она действительно знала астероиды как свои пять пальцев. Ну и что? Скил тоже их отлично знает, к тому же безжалостен и хитер. У нее самый быстроходный катер по эту сторону Марса? Зато Скил считался лучшим навигатором в Патруле.

Андерс злобно загасил сигарету. Он опять подумал о напряженном, но таком милом лице Нади Миллер, ее стройной фигуре, блестящих волосах и жестких синих глазах, которые ему хотелось бы увидеть нежными. Если что-нибудь случится с этой девушкой...

Но теперь он уже ничего не мог поделать. Оставалось только мучиться и ждать.

3

Джим Скил прильнул к приборной панели. На видеозэкране возникла крохотная огненная точка, прожегшая черноту космоса. Должно быть, опять

Одиночка! Скил лихорадочно изменил курс, прочертив острую параболу в направлении ракетных выхлопов далеко впереди. На сей раз он будет держать этот корабль в пределах видимости!

Дотянувшись до панели, Скил повертел диск увеличения. Маленькие оранжевые огоньки ракеты приблизились. Он долго всматривался, пытаясь разобрать очертания корабля, и наконец удовлетворенно хмыкнул. Совершенно черный одноместный катер, тот самый. Абсолютно никаких опознавательных знаков, что категорически запрещалось Космическим Кодексом.

Скил устало усмехнулся. Больше двадцати часов подряд он играл в прятки с неуловимым черным катером. Никак не удавалось приблизиться на расстояние действия луча, а временами беглец совершенно пропадал с видеозэкрана. Один раз черный катер завел Скила прямо в астероидное скопление Кеннисона — огромное количество предательских скал носились по диким эксцентрическим орбитам. Это было сущим самоубийством для таких крошечных катеров, как у них, к тому же не оснащенных отталкивающими экранами. Скил, которого от ужаса бросило в холодный пот, в конце концов прекратил погоню. Он терпеливо кружил у скопления Кеннисона и теперь...

Теперь он снова сел на хвост Одиночке! Поняв, что черный катер пролетел насквозь все скопление Кеннисона, Скил почувствовал восхищение. Ладно, больше он этот катер уже не потеряет. Пират все еще находился вне радиуса действия луча, но удержать его на своем видеозэкране Скил сумеет.

Скил потянул рычаг, давая двигателям полную нагрузку. Корабль рванулся вперед, и Скила охватило радостное возбуждение. Однако на этот раз Одиночка не пытался уйти! Черный катер становился все ближе и ближе. Глаза Скила сузились.

Ведь у пирата, судя по всему, корабль намного мощнее. Может, это какая-нибудь хитрость?

Джим опять покрутил диск увеличения, чтобы получше разглядеть беглеца... И рассмеялся вслух, расхохотался от души, когда понял, почему корабль шел на такой маленькой скорости. Черный катер ковылял лишь на четырех ракетных двигателях! Два других с правого борта были помяты и безнадежно искалечены. Значит, пират все-таки не прошел сквозь астероидный рой без повреждений!

Это был шанс, которого Скил дожидался. Он спокойно и убийственно точно нацелил передние электропушки. Пальцы легли на дальномер и установили максимальную мощность заряда. Послышался нарастающий вой индукционных катушек.

Скил продолжал напряженно вглядываться в видеозэкран, следя за стремительно уменьшающимся расстоянием. Двести миль. Сто. Пятьдесят. Пора! На такой дистанции электролучи бьют насмерть. Он проверил прицел, убедился, что все в полном порядке... и нажал кнопку.

Ослепительный голубой луч с треском сорвался с носа судна и, словно нить, ушел в пространство на многие мили. Одновременно от кормы пиратского катера отделился цветной пузырек. Со скоростью света он разросся в огромный малиновый шар. Электролуч Скила ударил в этот шар, который взорвался мириадами бушующих искр, облепивших луч и жадно пожравших его.

Рука Скила дернулась, чтобы перекрыть энергию, но было уже поздно. Индукционные катушки электропушек выбило из гнезд, и они рассыпались на кусочки металла и проводов, наполнив корабль сильным запахом озона. Скил скорчился от боли, зажимая ладонью то место на руке, куда ударил раскаленный добела обрывок провода.

— Ах вот оно что, — заскрежетал зубами патрульный. — Ладно, для тинитовых бомб расстояние еще слишком велико.

Теперь ничего не оставалось, как только возобновить погоню, и Скил видел, что долго она не продлится. Несколько в стороне впереди сияла яркая точка солнечного света, которая могла оказаться довольно большим астероидом. Пиратский корабль, виляя, ковылял на изувеченных двигателях как раз в том направлении. Скил последовал за ним, быстро сближаясь. Сейчас он уже был уверен, что добыча от него не уйдет. Когда дело доходило до ближнего боя в этих скалах, Скил не имел себе равных.

Стали видны очертания астероида. Он действительно оказался большим, около двадцати миль в диаметре, с опасными плато и отвратительными вздымающимися зубчатыми хребтами. Пират, видно, был в полнейшей панике. Черный корабль подлетел к астероиду на опасно близкое расстояние, сделал один виток и приземлился на крохотном плато с таким разворотом, что у него, должно быть, срезало всю нижнюю часть фюзеляжа. Скил мягко посадил свой катер в нескольких сотнях ярдов от пирата.

Прикрепляя гравитационные пластины и надевая шлем, Скил увидел, как из черного катера выпрыгнул и побежал человек в скафандре. Скил быстро вышел, достал электропистолет и тщательно прицелился. Выстрелил.

Все-таки беглец был далековато. Луч ушел вниз, прорезав в камне неглубокий желобок сразу же позади бегущей фигурки. Пират оглянулся, не переставая бежать. Скил усмехнулся и пошел за ним длинными размашистыми шагами. Теперь он был совершенно спокоен и уверен в себе. Все это так знакомо...

Знакомо? Слишком уж знакомо, черт возьми! Скил остановился и прикрыл глаза от отраженного поверхностью солнечного света. Он поглядел на низкий силуэт хребта, к которому бежал человек. В мозгу Скила, казалось, зазвенел какой-то странный, настойчивый колокольчик. И тут, ощу-

тив легкое удивление, он вспомнил! Это был тот самый астероид, где он преследовал своего последнего беглеца, к тому же при весьма похожих обстоятельствах! Может, и хребет тот самый, где он убил молодца... как же его звали? Неважно.

Скил снова зашагал вперед. Секунду-другую он видел пирата, но тот вдруг растворился в солнечном свете и исчез. Это озадачило Скила, однако подойдя ближе, он увидел небольшое отверстие пещеры у самого основания хребта. Именно там и спрятался беглец. Скил хохотнул и вытащил из-за пояса пистолет. Дело сделано. Раз он так близко подобрался к дичи, то уже не упустит ее.

Скил стоял прямо у входа в темную пещеру, прислушиваясь, сжимая в пораненной руке пистолет. Узкий проход вел куда-то вниз. Далеко в глубине пещеры Скил разглядел смутное мерцание, которое не было солнечным светом.

Он осторожно двинулся в направлении этого странного явления и вскоре заметил, что каменные стены покрыты маленькими плоскими существами величиной с серебряный доллар*. Они оказались миниатюрными маячками, излучавшими свет через тонкую, прозрачную поверхность!

Впрочем, данное явление не было фосфоресценцией. Скил остановился, чтобы внимательно рассмотреть одно из этих существ. Их блеск больше всего походил на настоящий солнечный свет, но никакого тепла при этом не было. Когда Скил осторожно прикоснулся к одному из них, свет мгновенно погас, и существо стало точно такого же серого цвета, как камень, к которому оно прилепилось.

Скил двинулся дальше. Там стены пещеры оказались сплошь покрытыми сияющими тварями. Но когда он пробежал мимо, вибрация от свинцовых ботинок, видимо, пугала их, и они гасли,

---

* Около 3,5 см в диаметре. Чеканка серебряных долларов США была прекращена в 1935 г.

оставаясь серыми и неподвижными, пока Скил не удалялся. Потом они вновь зажигались, и получалось, что Скил движется в постоянном пятне темноты; впереди и позади него было светло, но темно там, где вибрация от топающих ног пугала пуговично-лишайниковых тварей.

Туннель поворачивал и петлял, от него ответвлялось несколько других больших ходов. Скил больше не видел беглеца и вскоре замедлил шаги. Он включил шлемофоны, но звука удаляющихся шагов не услышал. Тем не менее пират был здесь всего несколько минут назад, потому что светящиеся существа впереди вяло мерцали, вновь разгораясь. Сурово сжав губы, держа оружие наготове, Скил медленно прошел еще немного вперед и замер, прислушиваясь.

Он остановился в небольшом полутемном гроте, в который выходили три туннеля. Немного поколебавшись, Скил выбрал левую пещеру и с величайшей осторожностью вошел в нее. Однако никаких признаков того, что пират выбрал этот путь, не было. Скил вдруг понял, что действовал с глупой и опрометчивой самоуверенностью. Ведь это могла быть ловушка! Он стал поворачиваться, чтобы идти обратно.

— Стоять на месте!

Голос громыхнул в шлемофонах, больно отдаваясь в ушах. Что-то ткнулось Скилу в ребра так резко и грубо, что он поперхнулся.

Скил медленно поднял руки, но голос снова резанул барабанные перепонки:

— Не поднимай руки! Опусти. Медленно!.. Вот так. Теперь брось пистолет.

Скил так и сделал. Человек позади него нагнулся и поднял оружие.

— Можешь повернуться.

Скил подчинился. И сумел выговорить лишь три слова:

— Черт возьми! Женщина!

— Точно. Только пусть это не вводит тебя в заблуждение. — Она сделала шаг назад, продолжая держать патрульного под прицелом двух пистолетов.

— Подставка! — проревел Скил. — Работа Андерса. Я должен был догадаться!

— Нет. Это моя работа. — Ее голос в наушниках звучал мягко, но улыбку под шлемом вряд ли можно было назвать улыбкой; девушка обнажила зубы, однако добродушия в этом заключалось не больше, чем в ледяном блеске голубых глаз. — Моя работа, — повторила она, — и теперь, когда ты знаешь, что я не Одиночка, скажу тебе, кто я на самом деле. Меня зовут Надя Миллер.

По глазам Скила она увидела, что он начал понимать.

— Миллер, — снова медленно произнесла она, смакуя это слово. — Моего брата звали Арнольд Миллер, — ты убил его.

— Смотрите, мисс Миллер, мне кажется, вы что-то напутали. Я, конечно, знал вашего брата. Я ловил его. Но я не убивал, он сорвался со...

— Он упал со скалы. Не сомневаюсь. После того, как ты его прикончил. — Девушка махнула пистолетом, который держала в правой руке. — Ладно, иди впереди меня. Двигайся!

Скил пожал плечами и подчинился, наблюдая, как гроздья светящихся существ гаснут от вибрации шагов. Минут пять они шли молча в постоянном пятне темноты. После нескольких поворотов туннель резко направился вниз, и Скил наконец спросил:

— Куда ты меня ведешь?

— К твоему патрульному катеру. Там ты напишешь подробное признание. Или я убью тебя. Вообще-то я даже надеюсь, что ты откажешься подписать его.

— Такими темпами нам отсюда не выбраться! Боюсь, вон там ты неправильно повернула влево.

— Не думаю. Давай двигайся, а то, если я наткнусь на тебя, один из пистолетов может случайно выстрелить.

Скил выругался, но продолжал идти, поскольку слова Нади звучали вполне серьезно.

— А это была тонкая уловка, — сказал Скил, — пройти насквозь через то чертово скопление астероидов.

— Мне тоже так казалось. Я, конечно, надеялась, что ты полезешь за мной и уже никогда оттуда не выберешься.

— Ты очень рисковала.

— Игра стоила свеч... даже если ничего не получилось.

— Сдается мне, что и сейчас ничего не получится. Мы идем не туда: возвращаемся внутрь хребта, вместо того чтобы выбираться наружу.

— Давай-давай, топай.

Они шли дальше.

Около следующего пересечения, где гораздо более узкий проход под острым углом сливался с тем, по которому они двигались, Надя приказала остановиться. Девушка поглядела вокруг и заколебалась.

— Я говорил тебе, — Скил хихикнул. — Ты заблудилась. Ты дважды неправильно повернула, но, к счастью, я это заметил. Хочешь, я вернусь и покажу тебе дорогу?

— Нет! Продолжай идти вперед. — Голос ее звучал не очень уверенно.

На этот раз Скил не пошевелился.

— Послушай, — мрачно сказал он. — Ты хоть понимаешь, что снаружи скоро наступит ночь? Может, уже наступила!

— Ну и что?

— Ну и что! — повторил пораженный Скил и повернулся к ней. — Уж не хочешь ли ты сказать, будто не знаешь, что такое ночь на астероиде? Особенно на одиночном вот таких размеров?

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что когда на таких здоровенных каменных обломках настает ночь, то странные штуки выходят поприветствовать ее. Из щелей выползают свистящие существа, очень опасные твари со щупальцами, которые ненавидят свет, но бродят в темноте! Теневая сторона астероидов прямо кишит ими.

— Тебе не удастся запугать меня. — Однако прерывистое дыхание Нади было красноречивее слов. — Так или иначе, я приняла решение. Мы подождем до утра.

Услышав такое, Скил рассмеялся:

— До утра? Да оно наступит только через десять часов. У этой планеты очень медленное осевое вращение. Знаешь, сколько кислорода у нас осталось в баллонах? Примерно на четыре часа. Так что стоять здесь и беседовать времени нет. Я собираюсь попробовать добраться до катера. А ты — как знаешь.

Не обращая внимания на оружие в руках Нади, Скил протиснулся мимо девушки. На какую-то долю секунды она растерялась, но тут же пошла следом. Надя понимала, что патрульный совершенно прав, говоря о кислороде, но сомневалась, не сочинил ли Скил все остальное, чтобы обмануть ее. В любом случае, до тех пор пока у нее в руках оружие...

Скил не ошибся. Он сделал несколько поворотов, и они начали подниматься. Надя чувствовала себя глупо из-за того, что заблудилась. Наконец Скил проговорил:

— Ну вот и пришли!

Глянув ему через плечо, Надя увидела маленький кружочек света — выход из пещеры. Скил бросился вперед, девушка поспешила следом.

Добежав до выхода, они резко остановились. Между ними и отверстием лежал темный участок туннеля. Дальше Скил и Надя ясно видели каменное пространство и голубовато-серебристый патрульный катер, поблескивающий в лучах захо-

дящего Солнца. Наступала ночь. Медленно выползала эбеновая тень хребта, все поглощая на своем пути. Она уже почти достигла катера.

— Опоздали, — простонал Скил. — Теперь мы тут заперты!

Вдруг Надя поняла, что никакого подвоха в словах Скила нет.

— Бежим! Еще успеем!

— Нет!.. — Скил машинально протянул руку, чтобы удержать ее. Но Надя уже выбегала из пещеры.

Он медленно пошел за ней, зная, что далеко она не уйдет. Его острый взгляд уже уловил то, чего девушка еще не видела: бесформенную, копошащуюся массу, ползущую в темноте по направлению к людям.

Скил был как раз позади Нади, когда она вдруг вскрикнула. Несколько отвратительных тварей поднялись и слепо шарили шупальцами по ее шлему. Надя заорала, отшатнулась назад, подняв руку с электропистолетом, и натолкнулась на Скила. Но прежде чем она успела выстрелить, ее ноги как будто сделались резиновыми, и девушка упала в обморок.

— Так я и знал, — усмехнулся Скил. — На одних нервах далеко не убежишь.

Он оттащил Надю на несколько ярдов назад, где был искусственный свет. Ее руки все еще крепко сжимали пистолеты. Скил грустно улыбнулся и взял оружие.

Когда Надя вынырнула из моря мрака, у нее от света заболели глаза. Сев, она увидела, что находится в пещере, там, где пуговично-светящихся существ было больше всего.

Невдалеке, у самой границы света и тьмы, Скил, прикинув к полу пещеры, что-то высматривал. Потом он вернулся к ней:

— Привет, Миллер. Я рассматривал наших милых зверушек. Их здесь видимо-невидимо. Но не волнуйся, слишком близко к свету они не подбираются.

Надя быстро встала, бросив взгляд на оба пистолета за поясом у Скила.

— Не сомневалась, что ты обязательно воспользуешься...

— А как же иначе? Я не могу позволить, чтобы меня гоняла по астероиду вооруженная женщина.

Надя посмотрела мимо него в темноту:

— Похоже, нам больше не придется друг за другом гоняться.

— Похоже на то. Дела обстоят довольно скверно. — Он вытащил один из пистолетов. — Так что можете это взять себе. — Скил бросил пистолет, и девушка ловко его поймала.

— Благодарю, — сухо произнесла она. — А с чего ты взял, что я сейчас не убью тебя? Я здесь как раз с этой целью, знаешь ли.

— Знаю-знаю. Но не убьешь. Сказать почему? Вибрация от луча погасит весь свет в пещере, и ночные штучки тут же бросятся сюда.

Надя кивнула, понимая, что он совершенно прав.

— Ну что? Тупик? Ладно, Джим Скил. Только имей в виду: если мы когда-нибудь выберемся отсюда, в самый последний момент я тебя убью. Нипочем не позволю этому ночному зверю лишить меня такого удовольствия.

Скил усмехнулся. Девушка начинала приходить в себя! Чем больше он за ней наблюдал, тем больше она ему нравилась. Ему нравился упрямый очерк ее бледного, как орхидея, подбородка, твердый разрез губ и смелость, светившаяся за фальшивой жестокостью глаз.

Он пожал плечами:

— Кислорода еще на четыре часа. Советую на треть уменьшить подачу и дышать неглубоко. Это даст тебе еще несколько часов.

— Нет. Если я не найду отсюда выхода за четыре часа... Во всяком случае, я не собираюсь сидеть здесь и дожидаться конца. Я иду обследовать пещеру. Пойдешь со мной?

— Пожалуй, — согласился Скил. — Хотя не думаю, что мы отыщем другой выход. Но когда хожу, я лучше соображаю.

4

Они шли молча бок о бок, заглядывая в соседние туннели и прилегающие пещеры, однако при этом внимательно запоминали обратный путь. Повсюду на стенах светились пуговичные создания, и тем не менее другого выхода нигде не было. Впрочем, ничего хорошего он им все равно не сулил. Ночные чудовища снаружи были повсюду.

— Ты говорил, что на ходу лучше соображаешь, — уныло произнесла Надя. — Приходит что-нибудь в голову?

— Да.

— Что именно?

Скил остановился и внезапно повернулся к девушке. Надю удивило незнакомое, растерянное выражение его лица.

— Я вот обдумывал все с самого начала, — сердито сказал Скил. — Ты говорила, будто прилетела сюда, чтобы убить меня. Ведь у тебя было множество возможностей.

— Но я этого не сделала, и ты не можешь понять почему. В конце концов существует Кодекс. Теперь мне ясно, что имел в виду командор Андерс.

Она говорила тихо, будто сама с собой. С минуту они шли, не произнося ни слова. Потом, словно продолжая разговор, Надя сказала:

— У тебя тоже был шанс. Там, когда я потеряла сознание...

— Неужели ты думаешь, — чуть ли не зарычал Скил, — что я бы выстрелил электролучом здесь, в пещерах, где эти светящиеся создания означают для нас жизнь?

— Существуют и другие способы. — Надя твердо посмотрела на него. — Мог открыть мои кислородные баллоны.

— Не мели вздора. — Скил резко отвернулся. — И не приставай ко мне. Я все еще пытаюсь думать.

— Еще будет время подумать. — Она была настойчива. — Скажи мне вот что, Скил. Почему ты стал убийцей? Ведь когда-то у тебя был лучший послужной список в Патруле!

— А я и сейчас самый лучший патрульный!

— Нет, Скил, это не так.

— Черт тебя возьми, я... — Он замолчал. И добавил едва слышно: — У меня есть причина. Я никогда никому об этом не рассказывал.

— Ты почти что рассказал Андерсу. Я в тот день сидела у него в кабинете.

— Андерс — дурак!

— Расскажи мне. — В том, как Надя попросила, в интонации ее голоса чувствовалась какая-то теплота. Может, даже намек на понимание.

И вдруг Скил начал говорить, быстро, комкая слова, как будто хотел закончить свой рассказ до того, как снова вернется ужасная пульсирующая боль.

— Это случилось давно, еще в те дни, когда на Марсе только открывались шахты. Патруль получил сообщение, что всего в нескольких часах хода от Земли ограблено грузовое судно. Мы прибыли туда быстро... слишком быстро. Шестнадцать человек. Пираты еще не успели покинуть дрейфующий корабль. Мы попали в засаду, и нам ничего не оставалось, как сдаться без боя. Бандиты нас разоружили, а потом без предупреждения начали жечь электролучом. Я упал и притворился мертвым, а повсюду вокруг мои товарищи действительно гибли!

Все было кончено за несколько секунд, но я даже и сейчас слышу их предсмертные крики и шипение электропистолетов. Наверно, у меня внутри

что-то сломалось. Некоторое время я провел в психиатрической клинике. А когда вышел оттуда, то дал себе чудовищную клятву. Я поклялся отомстить за своих пятнадцать друзей, за всех до последнего! Для этой цели подойдет любой преступник. Во мне сидела такая лютая ненависть!.. Наверное, остальное ты знаешь. С тех пор я всегда работал в одиночку, и никакому преступнику от меня пощады не было. Да, я убивал. Четырнадцать раз. И почти достиг цели!

Скил замолчал. Надя не сводила с него глаз.

— Но ты остановишься на этом, Джим Скил?

Он не ответил.

— Я помню, что в тот день сказал Андерс...

— Я тоже это помню! — прошептал патрульный. — Бог свидетель, я помню его слова, и они с тех пор не дают мне покоя. Он сказал, что любой нормальный человек сошел бы с ума от отчаяния, если бы сделал то, что я! Твой брат, мисс Миллер, — он был невиновен, — но, Боже правый, я не чувствую никакого раскаяния! И впервые это пугает меня!

Он ждал, что Надя ответит ему, скажет хоть что-нибудь — все равно что, — однако девушка молчала. Скил долго, не двигаясь, сидел на полу пещеры, крепко прижав кулаки к шлему.

Надя подняла глаза на маленький циферблат кислородного датчика внутри шлема.

— Теперь уже меньше трех часов...

Скил встал на ноги.

— Пошли, — спокойно сказал он. — Я нашел выход.

— Из пещер, ты хочешь сказать? — Надя снова твердо посмотрела на него синими глазами, в которых уже не было прежней жестокости.

Скил отвел взгляд.

— Да, — ответил он, — я это и имею в виду.

Они вернулись ко входу в пещеру, где начиналась тьма. Но Скил остановился, немного не доходя до границы света. Приблизившись к стене,

он дотронулся до светящейся «пуговицы». Существо мгновенно погасло. Медленно и аккуратно Скил оторвал его от стенки. Оно было желеобразным, с крохотными, едва различимыми чашечками присосок. Держа в руке сероватую штуковину, Скил подошел к Наде и протянул руку к ее скафандру. Девушка отпрянула назад, содрогнувшись от отвращения.

— Стой спокойно! — потребовал Скил. — Оно ничего тебе не сделает, а жизнь, может, спасет!

Скил положил существо Наде на плечо, и оно не подавало признаков жизни секунд десять. Потом снова превратилось в небольшой светящийся диск, похожий на миниатюрный маяк.

— Видишь, сработало! Следовало додуматься до этого раньше. Ну-ка пройдишь. Своим нормальным шагом.

Надя пошла, но при первом же шаге штуковина погасла. Подождав, когда «пуговица» снова зажжется, Надя осторожно прошла по пещере на цыпочках. На этот раз существо продолжало светить.

Скил кивнул:

— Не очень-то приятно, однако другого выхода нет! Нам нужно облепить друг друга этими штуками, пока мы не станем ходячими столпами огненными! Потом на цыпочках прокрадемся через темноту среди этих кошмарных ночных тварей к моему катеру. Это будет мукой, настоящей пыткой. Миллер, как думаешь, ты выдержишь?

Она утвердительно покачала головой, подавив желание поежиться от мысли о желеобразных нащепках, покрывающих тело.

— Хорошо, — сказал Скил. — Сначала ты облепишь меня. Прикрепляй их к рукам, плечам, груди и спине. Только покрывай каждый дюйм! Чем сильнее мы будем светиться, тем легче нам будет пройти через этот зверинец.

Надя принялась за работу, кусая губы каждый раз, когда дотрагивалась до одного из светящихся

существ; впрочем, отвращение она преодолела прежде, чем закончила дело. Вскоре Скил купался в сияющем ореоле с головы до пояса.

— Мне кажется, я понял секрет «светлячков», — сказал Скил, теперь уже украшая Надю. — Должно быть, они выбираются на поверхность, когда светит солнце, и запасают достаточно световой энергии, чтобы хватило на ночь. Тепловую энергию они каким-то образом потребляют. Ведь это холодный свет. — В качестве завершающего штриха Скил посадил несколько существ вокруг Надиного шлема, как светящуюся корону.

— Ну а теперь настоящая проверка, — сурово проговорил он. — Мы пойдем рядом. Не нервничай, Миллер, а самое главное — двигайся медленно, крадучись. Если эти штуковины погаснут, нам конец!

Словно в замедленной съемке, они выходили из пещеры наружу, во тьму. И сразу же поняли, что их ожидает мучительный кошмар. Стена ночи, казалось, затрепетала перед ними и отступила. Вместе с темнотой отступили и едва видимые сероватые очертания около земли. Но за спиной и повсюду вокруг них снова сомкнулась тьма. Ночные существа тоже приблизились, держась у самой границы маленького светлого кружка.

Щупальца тварей были длинными и чувствительными. Они стлались по земле, куда свет едва попадал, и тянулись к ногам. Одно из них обвило лодыжки Скила, и он сразу ощутил его силу. Скил услышал Надин сдавленный вскрик и понял, что с ней произошло то же самое. Тем не менее они не прервали своего медленного, плавного продвижения.

— Держись! — сказал Скил. — Может, там, снаружи, их будет поменьше.

Через несколько минут, которые показались часами, они выбрались наружу и увидели мерцание звезд на кобальтовом небе. Скил и Надя остановились передохнуть. Глаза уже начали при-

выкать к темноте и различали несметные массы сероватых ночных тварей, ползущих к ним.

— Боюсь, что я ошибся, — пробормотал Скил. — Здесь еще хуже.

— Пока они держатся на расстоянии. — Надю передернуло. — Если они подберутся ближе, я... я могу запаниковать и побежать к катеру.

— Тебе до него не добраться, — предупредил Скил.

Они шли вперед, осторожно, шаг за шагом, отодвигая темноту. На полпути к катеру заболевшие мышцы вынудили их снова отдохнуть. Извивающиеся тени как будто становились смелее. Скил теперь чувствовал их повсюду вокруг ног. Ему приходилось бороться с острым желанием бежать, пинать их ногами, делать хоть что-нибудь, чтобы отогнать тварей. Вместо этого Скил осторожно нагнулся, шаря перед собой светящимися руками. Тени моментально отступили.

— Думаю, нам лучше прервать отдых. Пошли, давай попробуем на этот раз добраться до катера.

Силуэт корабля смутно виднелся в сотне ярдов, но казалось, что до него сто миль.

Левая рука Скила коснулась Нади. Все «светлячки» с этой стороны тут же погасли. Скил замер, и секунд через десять они снова зажглись. Он немного отодвинулся, повернул голову и посмотрел на девушку. Она глядела прямо перед собой. Скил хорошо видел ее профиль, освещенный ореолом вокруг шлема. Этот свет подчеркивал каждый мускул Надиного лица, и Скил вдруг понял, что такому лицу совершенно не идет столь напряженное, хмурое выражение. Надя опять держалась исключительно на нервах. Скил от восхищения даже ругнулся шепотом.

И еще было странно, насколько быстро и четко он мог думать посреди всей этой кошмарной тьмы и замедленности. Никогда раньше вещи не представлялись ему в таком ясном свете. Ни разу...

Мысли Скила внезапно вернулись к реальности, когда что-то оплело ему щиколотки. Казалось, ноги запутались в клубке хлещущих шипами щупалец! Медленно, с усилием ему удалось освободиться. Скил сделал еще шаг вперед. Нога опустилась на что-то мягкое и извивающееся, стгнувшее его. Скил опрометчиво шагнул назад, потерял равновесие и навзничь рухнул в кромешную тьму, поскольку все светящиеся «пуговицы» на нем потухли.

На мгновение Надя замерла от ужаса и не шевелилась, хотя щупальца опутали ноги и ей.

— Не останавливайся! — заскрипел зубами из темноты Скил. — Теперь ты сможешь дойти. Не думай обо мне!

Однако Надя не двинулась с места, а только наклонилась в сторону Скила. Она медленно нагнулась так, что все ее светящееся тело почти накрыло Скила. Все «светлячки» на ее правой руке погасли, когда она коснулась земли. Надя молилась, чтобы биение сердца не вспугнуло остальных! Напрягая все силы, девушка стояла, опираясь на руку и затаив дыхание, и глядела на смутных копошащихся чудовищ.

Из одного тела у них росло с десятков щупалец. На конце каждого щупальца был нарост с гибкой вибрирующей антенной, а под ней располагались открывающиеся и закрывающиеся щели, которые вполне могли быть губами.

Испытывая тошнотворный ужас, Надя увидела, как несколько таких наростов бьются о шлем Скила. Другие пытались прорвать его скафандр. Девушка медленно переместила свой вес, подняла левую руку и придвинула ее к тварям. Те отпрянули от света. Через несколько секунд начали загораться «пуговицы» Скила, и он осторожно поднялся на ноги.

Скил, смертельно бледный, стоял неподвижно и смотрел на девушку.

— Это решает дело, — пробормотал он, однако Надя не поняла, что он имеет в виду. Теперь она чрезвычайно осторожно шла впереди. Скил держался немного сзади и продвигался даже еще медленнее, все больше отставая.

Катер был меньше чем в пятидесяти футах перед ними, и Надя уже почти добралась до него. Скил знал: сейчас или никогда. Она овладеет катером и вылетит на Базу Цереры. Он рассказал свою историю, признался в убийстве — убийстве четырнадцати человек! Надя сообщит об этом, и ей поверят. Можно было сделать лишь одно.

В этот момент раздался ее голос:

— Быстрее! Думаю, ты уже можешь побежать и успеть!

— Нет, торопиться некуда. Не сейчас, Миллер.

Видимо, она уловила в его голосе некую странную интонацию. Надя оглянулась и увидела, как он вытаскивает из-за пояса электропистолет. Скил медленно поднял вытянутую руку.

Он увидел Надин недоуменный взгляд, вдруг побледневшее лицо. Он видел, как она открыла рот, но не дал ей ничего сказать.

— Полагаю, что это конец, Миллер! Номер пятнадцать! — Скил нажал на спусковой крючок, и из электропистолета вылетел луч.

Сотрудники Базы Цереры толпились маленькими взволнованными группками около воздушного шлюза купола. Все взоры были прикованы к гигантскому видеоэкрану, где виднелась крошечная точка, которая далеко в космосе по дуге направлялась к ним. Да, это был одноместный катер — вот только чей? Тот черный, на котором улетела девушка? Или это Скил возвращался после очередного убийства? Теперь на Базе уже каждый знал о заговоре.

Андерс тоже стоял здесь, и на лице его отражались противоречивые чувства. Сколько раз он

казнил себя за то, что позволил Наде Миллер участвовать в безумной затее! Ожидая ее возвращения, он мучился и не находил себе места.

Точка на экране выросла и превратилась наконец в серебристо-голубой катер Космического Патруля. Лицо Андерса вдруг побелело. Его бросило в жар и затрясло от ярости. Если это Скил... Если Надя не вернется...

Через несколько минут патрульный катер приблизился к куполу. Шлюз автоматически открылся. Катер грациозно скользнул внутрь, и мощные магнитные якоря остановили его. Из кабины выбрался человек и усталой походкой направился к поджидающим людям.

— Надя! — закричал Андерс и бросился навстречу девушке, чтобы помочь вылезти из скафандра. — С тобой все в порядке? А где Скил?

Надя улыбнулась Андерсу:

— Джим Скил не вернется. — Она быстро рассказала о пещерах, о светящихся «пуговицах» и о мучительном пути к катеру сквозь скопление ночных тварей. — В те последние минуты Скил был абсолютно другим человеком, — объяснила она. — Он, наверно, знал, что собирается сделать... Что должен сделать. Это был совершенно сознательный поступок. Я уже почти добралась до катера, даже не подозревая, что Скил так отстал от меня. Я обернулась как раз в тот момент, когда он поднимал оружие. Он крикнул: «Номер пятнадцатый!», а потом выстрелил.

— Выстрелил в тебя? — озадаченно спросил Андерс.

— Нет. Я подумала было, что именно это он и собирается сделать. Но луч ударил больше чем в двадцати футах от меня. Он просто выстрелил наугад, и моментально все эти светящиеся штуки на нем погасли. И тогда я... Я увидела, как кошмарные существа набросились... со всех сторон... Это была настоящая лавина... — Девушка закрыла лицо руками, стараясь отогнать воспоминания.

— Электроруч, — задумчиво проговорил Андерс. — Да, так и должно было случиться. Когда стреляешь из пистолета, особенно при полной мощности, то получаешь слабый электрический удар. Но Скил наверняка это знал! Зачем он так поступил? Если бы для того, чтобы спасти тебя, то я бы еще мог понять; но ты говоришь, что уже дошла до корабля...

— Спасти меня? — пробормотала Надя. — Нет. Мне кажется, он хотел спасти себя.

Андерс все еще не понимал.

— А как насчет твоего брата? Скил в чем-нибудь признался?

Надя посмотрела на него. Глаза ее блестели, но она не плакала. Она ощущала великое, поющее в душе умиротворение, слишком глубокое для слез.

— Мой брат, командор? Когда будете писать отчет по этому делу, то можете сказать... Вы можете сказать, командор, что мой брат погиб, сорвавшись со скалы.

ПОИГРАЕМ В «ОТРАВУ»

— **М**ы тебя ненавидим! — кричали шестнадцать мальчиков и девочек, окруживших Майкла. Дела его были плохи. Перемена уже кончилась, а мистер Ховард еще не появлялся.

— Мы тебя ненавидим!

Спасаясь от них, Майкл вскочил на подоконник. Дети открыли окно и начали сталкивать его вниз. В этот момент в класс вошел мистер Ховард.

— Что вы делаете! Остановитесь! — закричал он, бросаясь на помощь Майклу, но было уже поздно.

До мостовой было три этажа.

Майкл пролетел их и умер, не приходя в сознание.

Следователь беспомощно развел руками. Это же дети. Им всего восемь-девять лет. Они же не понимают, что делают.

На следующий день мистер Ховард уволился из школы.

— Но почему? — спрашивали его коллеги.

Let's Play Poison
Copyright © 1946 by Ray Bradbury
Поиграем в «отраву»
© К. Шиндер, перевод, 1991

Он не отвечал, и только мрачный огонек вспыхивал у него в глазах. Он думал, что, если скажет правду, они решат, что он совсем свихнулся.

Мистер Ховард уехал из Мэдисон-сити и поселился неподалеку, в маленьком городке Грин-бэй.

Семь лет он жил, зарабатывая рассказами, которые охотно печатали местные журналы.

Он так и не женился. У всех его знакомых женщин было нечто общее — желание иметь детей.

На восьмой год его уединенной жизни, осенью, заболел один приятель мистера Ховарда, учитель. Заменить его было нечем, и мистера Ховарда уговорили взять его класс.

Речь шла о замещении на несколько недель, и, скрепя сердце, он согласился.

Хмурым сентябрьским утром он пришел в школу.

— Иногда мне кажется, — сказал мистер Ховард, — что дети — это захватчики, явившиеся из другого мира.

Он остановился, и его взгляд испытующе заскользил по лицам маленьких слушателей. Одну руку он заложил за спину, а другая, как юркий зверек, перебегала от лацкана пиджака к роговой оправе очков.

— Иногда, — продолжал он, глядя на Уильяма Арнольда, Рассела Новеля, Дональда Боуэра и Чарли Хэнкупа, — иногда мне кажется, что дети — это чудовища, которых дьявол вышвыривает из преисподней, потому что не может совладать с ними. И я твердо верю, что все должно быть сделано для того, чтобы исправить их грубые примитивные мозги.

Большая часть его слов, влетавших в мытые-перемытые уши Арнольда, Новеля, Боуэра и компании, оставалась непонятой. Но тон был устрашающим — все уставились на мистера Ховарда.

— Вы принадлежите к совершенно другой расе. Отсюда ваши интересы, ваши принципы, ваше непослушание, — продолжал свою вступительную речь мистер Ховард. — Вы не люди, вы — дети. И пока вы не станете взрослыми, у вас не должно быть никаких прав и привилегий.

Он сделал паузу и опустился на мягкий стул, стоявший у вытертого до блеска учительского стола.

— Вы, кажется, живете в мире фантазий, — сказал он, мрачно усмехнувшись. — Чтобы никаких фантазий у меня в классе! Вы у меня поймете, что, когда получаешь линейкой по рукам, это не фантазия, не волшебная сказка и не рождественский подарок! — Он фыркнул, довольный своей шуткой. — Ну, напугал я вас? То-то! Вы этого заслуживаете. Я хочу, чтобы вы не забывали, где находитесь. И запомните — я вас не боюсь. Я вас не боюсь!

Он, довольный, откинулся на спинку стула. Взгляды мальчиков были прикованы к нему.

— Эй! А вы о чем там шепчетесь? О черной магии?

Одна девочка подняла руку:

— А что такое «черная магия»?

— Мы обсудим это, когда два наших юных друга расскажут, о чем они беседовали. Ну, молодые люди, я жду!

Поднялся Дональд Боуэр:

— Вы нам не нравитесь. Вот о чем мы говорили.

Он сел на место.

Мистер Ховард сдвинул брови:

— Я люблю правду. Спасибо тебе за честность. Но я не терплю дерзостей. Ты останешься сегодня после уроков и вымоешь все парты в классе.

Возвращаясь домой из школы, мистер Ховард наткнулся на четырех учеников из своего класса. Чиркнув своей тростью по тротуару, он остановился около них.

— Что вы здесь делаете?

Два мальчика и две девочки бросились врассыпную, как будто трость мистера Ховарда прошла по их спинам.

— А ну, — потребовал он. — Подойдите сюда и объясните, чем вы занимались, когда я подошел.

— Играли в «отраву», — сказал Уильям Арнольд.

— В «отраву»? Так-так, — мистер Ховард язвительно улыбнулся. — Ну и что же это за игра?

Уильям Арнольд прыгнул в сторону.

— А ну вернись сейчас же! — заорал мистер Ховард.

— Я же показываю вам, — сказал мальчик, перепрыгнув через цементную плиту тротуара, — как играют в отраву: если мы подходим к покойнику, мы через него перепрыгиваем.

— Что-что? — не понял мистер Ховард.

— Если вы наступите на могилу покойника, то вы отравлены, падаете и умираете, — вежливо пояснила Изабелла Скелтон.

— Покойники, могила, «отрава», — передразнил ее мистер Ховард. — Откуда вы все это взяли?

— Видите? — Клара Пэррис указала портфелем на тротуар. — Вот на той плите указаны имена двух покойников.

— Это просто смешно, — сказал мистер Ховард, посмотрев на плиту. — Здесь написаны имена подрядчиков, которые делали плиты для этого тротуара.

Изабелла и Клара обменялись взглядами и возмущенно уставились на обоих мальчиков.

— Вы же говорили, что это могилы! — почти одновременно закричали они.

Уильям Арнольд смотрел на носки своих ботинок:

— Да, в общем-то... я хотел сказать... — Он поднял голову. — Ой! Уже поздно. Я пойду домой. Пока!

Клара Пэррис смотрела на два имени, вырезанных в плите.

— Мистер Келли и мистер Террил, — прочитала она. — Так это не могила? Они не похоронены здесь? Видишь, Изабелла, я же тебе говорила...

— Ничего ты не говорила, — надулась Изабелла.

— Чистейшая ложь, — стукнул тростью мистер Ховард. — Самая примитивная фальсификация. Чтобы этого больше не было. Арнольд и Боуэр, вам понятно?

— Да, сэр, — пробормотали мальчики неуверенно.

— Говорите громко и ясно! — приказал мистер Ховард.

— Да, сэр! — дружно ответили они.

— То-то же, — мистер Ховард двинулся вперед.

Уильям Арнольд подождал, пока он скрылся из виду, и сказал:

— Хоть бы какая-нибудь птичка накакала ему на нос.

— Давай, Клара, сыграем в «отраву», — нерешительно предложила Изабелла.

— Он все испортил, — хмуро сказала Клара. — Я иду домой.

— Ой, я «отравился», — закричал Дональд Боуэр, падая на тротуар. — Смотрите! Я отравился! Умираю!

— Да ну тебя, — зло сказала Клара и побежала домой.

В субботу утром мистер Ховард выглянул в окно и выругался. Изабелла Скелтон что-то чертила мелом на мостовой прямо перед его окном и прыгала, монотонно напевая себе под нос. Негодование мистера Ховарда было так велико, что он тут же вылетел на улицу с криком «А ну, прекрати!», чуть не сбив девочку с ног. Он схватил ее за плечи и хорошенько потряс.

— Я только играла в классы, — заскулила Изабелла, размазывая слезы грязными кулаками.

— Кто тебе разрешил здесь играть? — Он наклонился и носовым платком стер линии, которые она нарисовала мелом. — Маленькая ведьма. Тоже мне придумала, классы, песенки, заклинания. А все выглядит так невинно! У-у, злодейка! — Он размахнулся, чтобы ударить ее, но передумал.

Изабелла, всхлипывая, отскочила в сторону.

— Проваливай отсюда. И скажи всей своей банде, что им со мной не справиться. Пусть только попробуют сунуть сюда нос!

Он вернулся в комнату, налил полстакана бренди и выпил залпом. Потом весь день он слышал, как дети играли в пятнашки, прятки, колдуны. И каждый крик этих маленьких монстров болью отзывался в его сердце. «Еще неделя — и я сойду с ума, — подумал он. — Господи, почему ты не сделаешь так, чтобы все сразу рождались взрослыми?!»

Прошла неделя. Между ним и детьми быстро росла взаимная ненависть. Ненависть и страх, нервозность, внезапные вспышки безудержной ярости и потом молчаливое выжидание, затишье перед бурей.

Меланхолический аромат поздней осени окутал город. Дни стали короче, быстро темнело.

«Они меня не тронут, не посмеют тронуть, — думал мистер Ховард, потягивая одну рюмку бренди за другой. — Глупости все это. Скоро я уеду отсюда, уеду от них. Скоро я...»

Что-то стукнуло в окно. Он поднял глаза и увидел белый череп.

Дело было в пятницу, в восемь вечера. Позади была долгая, трудная неделя в школе. А тут еще перед домом вырыли котлован — надумали менять водопроводные трубы. И ему всю неделю пришлось гонять из котлована этих сорванцов — ведь они так любят торчать в таких местах, прятаться,

лазить туда-сюда, играть в свои дурацкие игры. Но, слава Богу, трубы уложены. Завтра рабочие зароят котлован и сделают новую цементную мостовую. Плиты уже привезли. Тогда эти чудовища найдут себе другое место для игр.

Но вот сейчас... за окном белел череп.

Не было сомнения, что чья-то маленькая рука двигала его и постукивала им по стеклу. За окошком слышалось приглушенное хихиканье.

Мистер Ховард выскочил на улицу и увидел трех убегающих мальчишек. Ругаясь на чем свет стоит, он бросился за ними в сторону котлована. Уже стемнело, но он очень четко различал их силуэты. Мистеру Ховарду показалось, что мальчишки остановились и перешагнули через что-то невидимое. Не успев обдумать увиденное, он ускорил бег, но тут нога его за что-то зацепилась и он рухнул в котлован.

«Веревка...» — пронеслось у него в сознании, прежде чем он со страшной силой ударился головой о трубу. Теряя сознание, он почувствовал, как лавина грязи обрушилась на его ботинки, брюки, пиджак, шею, голову, заполнила рот, уши, глаза, ноздри...

Утром, как обычно, хозяйка постучала в дверь мистера Ховарда, держа в руках поднос с кофе и румяными булочками. Она постучала несколько раз и, не дождавшись ответа, вошла в комнату.

— Странное дело, — сказала она, оглядевшись. — Куда мог подеваться мистер Ховард?

Этот вопрос она неоднократно задавала себе в течение многих лет...

Взрослые — люди ненаблюдательные. Они не обращают внимания на детей, которые в погожие дни играют в «отраву» на Оук-Бэй-стрит. Иногда кто-нибудь из детей останавливается перед цементной плитой, на которой неровными буквами выдвлено «М. Ховард».

— Вилли, а кто это «мистер Ховард»?

— Не знаю, наверное, тот человек, который делал эту плиту.

— А почему так неровно написано?

— Откуда я знаю. Ты «отравился»! Ты наступил!

— А ну-ка, дети, дайте пройти! Вечно устроят игру на дороге...

ЛУЧЕЗАРНЫЙ ФЕНИКС

Однажды в апреле две тысячи двадцать второго тяжелая дверь библиотеки оглушительно хлопнула. Грянул гром.

«Ну вот», — подумал я.

У подножия лестницы, подняв свирепые глаза к моему столу, в мундире Объединенного легиона (мундир теперь сидел на нем отнюдь не так ловко, как двадцать лет назад) возник Джонатан Барнс.

Хоть он и храбрился, но мгновение помешкал, и я вспомнил десять тысяч речей, которые он извергал, как фонтан, на митингах ветеранов, и несчетные парады под развернутыми знаменами, где он гонял нас до седьмого пота, и патриотические обеды с застывшими в жиру цыплятами под зеленым горошком — обеды, которые он поистине сам стряпал, — все мертворожденные кампании, которые затевал сей рьяный политикан.

И вот Джонатан Барнс топает вверх по парадной лестнице и до скрипа давит на каждую ступеньку всем своим весом, всей мощью и только что обретенной властью. Но, должно быть, эхо тяжелых шагов, отброшенное высокими сводами,

ошеломило даже его самого и напомнило о кое-каких правилах приличия, ибо, подойдя к моему столу и жарко дохнув мне в лицо перегаром, заговорил он все же шепотом:

— Я пришел за книгами, Том.

Я небрежно повернулся, заглянул в картотеку.

— Когда они будут готовы, мы вас известим.

— Погоди, — сказал он. — Постой...

— Ты хочешь забрать книги, пожертвованные в Фонд ветеранов для раздачи в госпитале?

— Нет-нет! — крикнул он. — Я заберу *все* книги.

Я посмотрел на него в упор.

— Ну, *почти* все, — поправился он.

— Почти все? — Я мельком глянул на него, наклонился и стал перебирать карточки. — В одни руки за один раз выдается не больше десяти. Сейчас посмотрим. А, вот. Позволь, да ведь срок твоего абонемента истек тридцать лет назад, ты его не возобновлял с тех пор, как тебе минуло двадцать. Видишь? — Я поднял карточку и показал ему.

Барнс оперся обеими руками о мой стол и навис над ним всей своей громадой.

— Я вижу, ты оказываешь сопротивление! — Лицо его наливалось кровью, дыхание становилось шумным и хриплым. — *Мне для моей работы никакие карточки не нужны!*

Он прохрипел это так громко, что мириады белых страниц перестали трепетать мотыльковыми крыльями под зелеными абажурами в просторных мраморных залах. Несколько книг еле слышно захлопнулись.

Читатели подняли головы, обратили к нам отрешенные лица. Таково было время и самый здешний воздух, что все смотрели глазами антилопы, молящей, чтобы вернулась тишина, ведь она непременно возвращается, когда тигр приходит напиться к роднику и вновь уходит, а здесь, конечно же, утоляли жажду у излюбленного родника. Я смотрел на поднятые от книг кроткие лица и думал

про все сорок лет, что я жил, работал, даже спал здесь, среди потаенных жизней и хранимых бумажными листами безмолвных людей, созданных воображением. Сейчас, как всегда, моя библиотека мне казалась прохладной пещерой, а быть может, — вечно молодым и растущим лесом, где укрываешься на час от дневного зноя и лихорадочной суеты, чтобы освежиться телом и омыться духом при свете, смягченном зелеными, как трава, абажурами, под шорох ветерков, возникающих, когда опять и опять листаются светлые нежные страницы. Тогда мысли вновь становятся ясней и отчетливей, тело раскованней и снова находишь силы выйти в пекло действительности, в полуденный зной, навстречу уличной сутолоке, неправдоподобной старости, неизбежной смерти. У меня на глазах тысячи изголодавшихся еле добирались сюда в изнеможении и уходили насыщаться. Я видел, как те, кто себя потерял, вновь обретали себя. Я знал трезвых реалистов, которые здесь предавались мечтам, и мечтателей, что пробуждались в этом мраморном убежище, где закладкой в каждой книге была тишина.

— Да, — сказал я наконец. — Но записаться заново — минутное дело. Вот, заполни новую карточку. Найди двух надежных поручителей...

— Чтоб жечь книги, мне поручители ни к чему! — сказал Барнс.

— Напротив, — сказал я, — для этого тебе еще много чего нужно.

— Мои люди — вот мои поручители. Они ждут книг на улице. Они опасны.

— Такие люди всегда опасны.

— Да нет же, болван, я про книги. Книги — вот что опасно. Каждая дудит в свою дуду. Путаница, разнбой, ни черта не поймешь. Сплошной треп и сопли-вопли. Нет, мы это все обстрогаем. Чтоб все просто и ясно и никаких загогулин. Нам надо...

— Надо это обсудить, — сказал я и прихватил под мышку томик Демосфена. — Мне пора обедать. Будь добр, составь компанию...

Я был уже на полпути к двери, но тут Барнс, который сперва только вытаращил глаза, вдруг вспомнил про серебряный свисток, висевший у него на груди, ткнул его в свой слюнявый рот и пронзительно свистнул.

Двери с улицы распахнулись настежь. Вверх по лестнице громыхающим потоком хлынули люди в угольно-черной форме.

Я негромко их окликнул.

Они удивленно остановились.

— Тише, — сказал я.

Барнс схватил меня за плечо:

— Ты что, сопротивляешься закону?

— Нет, — сказал я. — Я даже не стану спрашивать у тебя ордер на это вторжение. Я хочу только, чтобы вы соблюдали тишину.

Услышав грохот шагов, читатели вскочили. Я слегка помахал рукой. Все опять уселись и уже не поднимали глаз, зато люди, втиснутые в черную, перепачканную сажей форму, пялили на меня глаза, словно не могли поверить моим предупреждениям. Барнс кивнул. И они тихонько, на цыпочках двинулись по просторным залам библиотеки. С величайшей осторожностью, всячески стараясь не шуметь, подняли оконные рамы. Неслышно ступая, переговариваясь шепотом, снимали книги с полок и швыряли вниз, в вечереющий двор. То и дело они злобно косились на тех, кто по-прежнему невозмутимо перелистывал страницы, однако не пытались вырвать книги у них из рук и лишь продолжали опустошать полки.

— Хорошо, — сказал я.

— Хорошо? — переспросил Барнс.

— Твои люди справляются и без тебя. Можешь позволить себе маленькую передышку.

И я вышел в сумерки таким быстрым шагом, что Барнсу, которого распирало от незаданных

вопросов, оставалось только поспевать за мной. Мы пересекли зеленую лужайку, здесь уже разинула жадную пасть огромная походная Адская топка — приземистая, обмазанная смолой черная печь, из которой рвались красно-рыжие и пронзительно синие языки огня; а из окон библиотеки неслись драгоценные стаи вольных птиц, наши дикие голуби взмывали в безумном полете и падали наземь с перебитыми крыльями; люди Барнса обливали их керосином, сгребали лопатами и совали в алчное жерло. Мы прошли мимо этой разрушительной, хоть и красочной техники, и Джонатан Барнс озадаченно заметил:

— Забавно. Такое дело, должен бы собраться народ... А народу нет. Отчего это, по-твоему?

Я пошел прочь. Ему пришлось догонять меня бегом.

В маленьком кафе через дорогу мы заняли столик, и Джонатан Барнс (он и сам не мог бы объяснить, почему злится) закричал:

— Поживей там! Меня ждет работа!

Подошел Уолтер, хозяин, с потрепанным меню в руках. Поглядел на меня. Я ему подмигнул.

Уолтер поглядел на Барнса.

— «Приди ко мне, о мой любимый, с тобой все радости вкусим мы», — сказал Уолтер.

Барнс захлопал глазами:

— Что такое?

— «Зови меня Измаилом», — сказал Уолтер.

— Для начала дай нам кофе, Измаил, — сказал я.

Уолтер пошел и принес кофе.

— «Тигр, о тигр, светло горящий в глубине полночной чаши!» — сказал он и преспокойно пошел прочь.

Барнс круглыми глазами посмотрел ему вслед.

— Чего это он? Чокнутый, что ли?

— Нет, — сказал я. — Так ты договори, что начал в библиотеке. Объясни.

— Объяснить? — повторил Барнс. — До чего ж вы все обожаете рассуждать. Ладно, объясню. Это грандиозный эксперимент. Взяли город на пробу. Если удастся сжечь здесь, так удастся повсюду. И мы не все подряд жжем, ничего подобного. Ты заметил? Мои люди очищают только некоторые полки, некоторые отделы. Мы выпотрошим примерно сорок девять процентов и две десятых. И потом доложим о наших успехах Высшей правительственной комиссии...

— Великолепно, — сказал я.

Барнс уставился на меня:

— С чего это ты радуешься?

— Для всякой библиотеки головоломная задача — где разместить книги, — сказал я. — А ты мне помог ее решить.

— Я думал, ты... испугаешься.

— Я весь век прожил среди Мусорщиков.

— Как ты сказал?!

— Жечь — значит жечь. Кто этим занимается, тот Мусорщик.

— Я Главный Блюститель города Гринтауна, штат Иллинойс, черт подери!

Появилось новое лицо — официант с дымящимся кофейником.

— Привет, Китс, — сказал я.

— «Пора туманов, зрелости полей», — отозвался официант.

— Китс? — переспросил Главный Блюститель. — Его фамилия не Китс.

— Как глупо с моей стороны, — сказал я. — Это же греческий ресторан. Верно, Платон?

Официант налил мне еще кофе.

— «У народов всегда находится какой-нибудь герой, которого они поднимают над собою и возводят в великие... Таков единственный корень, из коего произрастает тиран; вначале же он предстает как защитник».

Барнс подался вперед и подозрительно поглядел на официанта, но тот не шелохнулся. Тогда Барнс принялся усердно дуть на кофе.

— Я так считаю, наш план прост, как дважды два, — сказал он.

— Я еще не встречал математика, способного рассуждать здраво, — промолвил официант.

— К чертям! — Со стуком Барнс отставил чашку. — Никакого покоя нет! Убирайся отсюда, пока мы не поели, ты, как тебя — Китс, Платон, Холдридж... Ага, вспомнил! Холдридж, вот как твоя фамилия!.. А что еще он тут болтал?

— Так, — сказал я. — Фантазия. Просто выдумки.

— К чертям фантазию, к дьяволу выдумки, можешь есть один, я ухожу, хватит с меня этого сумасшедшего дома!

И он залпом допил кофе, официант и хозяин смотрели, как он пьет, и я тоже смотрел, а напротив, через дорогу, в чреве чудовищной топки полыхало неистовое пламя. Мы молчали, только смотрели, и под нашими взглядами Барнс наконец застыл с чашкой в руке, по его подбородку стекали капли кофе.

— Ну чего вы? Почему не подняли крик? Почему не деретесь со мной?

— А я дерусь, — сказал я и вытащил томик Демосфена. Вырвал страницу, показал Барнсу имя автора, свернул листок наподобие лучшей гаванской сигары, зажег, пустил струю дыма и сказал: «Если даже человек избегнул всех других опасностей, никогда ему не избежать всецело людей, которые не желают, чтобы жили на свете подобные ему».

Барнс с воплем вскочил, и вот в мгновение ока сигара выхвачена у меня изо рта и растоптана, и Главный Блюститель уже за дверью.

Мне оставалось только последовать за ним.

На тротуаре он столкнулся со стариком, который собирался войти в кафе. Старик едва не упал. Я поддержал его под руку.

— Здравствуйте, профессор Эйнштейн, — сказал я.

— Здравствуйте, мистер Шекспир, — отозвался он.

Барнс сбежал.

Я нашел его на лужайке подле старинного прекрасного здания нашей библиотеки: черные люди, от которых при каждом движении исходил керосиновый дух, все еще собирали здесь обильную жатву: лужайку устилали подстреленные на лету книги-голуби, умирающие книги-фазаны, щедрое осеннее золото и серебро, осыпавшееся с высоких окон. Но... их собирали без шума. И пока длилась эта тихая, почти безмятежная пантомима, Барнс исходил беззвучным воплем; он стиснул этот вопль зубами, зажал губами, языком, затолкал за щеки, вбил себе поглубже в глотку, чтобы никто не услышал. Но вопль рвался вспышками из его бешеных глаз, копился в узловатых кулаках — дадут ли наконец разрядиться? — прорывался краской в лицо, и оно поминутно бледнело и вновь багровело, когда он бросал свирепые взгляды то на меня, то на кафе, на проклятого хозяина и наводящего ужас официанта, который в ответ приветливо махнул ему рукой. Огненное идолище, урча, пожирало свою пищу и пятнало гаснущими искрами лужайку. Барнс, не мигая, глядел прямо в это слепое желто-красное солнце, в ненасытную утробу чудовища.

— Послушайте, вы! — непринужденно окликнул я, и люди в черном приостановились. — По распоряжению муниципалитета библиотека закрывается ровно в девять. Попрошу к этому времени кончить. Мне не хотелось бы нарушать закон... Добрый вечер, мистер Линкольн.

— «Восемьдесят семь лет...»* — сказал, проходя, тот, к кому я обращался.

— Линкольн? — Главный Блюститель медленно обернулся. — Это Боумен, Чарли Боумен. Я тебя знаю. Чарли, поди сюда! Чарли! Чак!

Но тот уже скрылся из виду; в печи пылали все новые книги; мимо проезжали машины, порой кто-нибудь меня окликал, и я отзывался; и звучало ли «Мистер По!», или просто «Привет!», или какой-нибудь хмурый маленький иностранец обращивался, к примеру, на имя «Фрейд», — всякий раз, как я весело окликал их и они отвечали, Барнса передергивало, будто еще одна стрела глубоко вонзалась в эту трясущуюся тушу и он медленно умирал, втайне истекая огнем и безысходной яростью. А толпа так и не собралась, никого не привлекла необычная суматоха.

Внезапно, без всякой видимой причины, Барнс крепко зажмурился, разинул рот, набрал побольше воздуха и заорал:

— Стойте!

Люди в черном перестали швырять книги из окна.

— Но ведь закрывать еще рано, — сказал я.

— Пора закрывать! Выходите все!

Глаза Джонатана Барнса зияли пустотой. Зрачки стали словно бездонные ямы. Он хватал руками воздух. Судорожно дернул ими книзу. И все оконные рамы со стуком опустились, точно нож гильотины, только стекла зазвенели.

Черные люди в совершенном недоумении вышли из библиотеки.

— Вот, Главный Блюститель, — сказал я и протянул ему ключ; он не хотел брать, и я насильно сунул ключ ему в руку. — Приходите опять завтра

---

* Из речи А. Линкольна в Геттисберге 19 ноября 1863 года: «Восемьдесят семь лет тому назад наши отцы основали на этом континенте новое государство, рожденное свободным и опирающимся на убеждение, что все люди созданы равными...» (Здесь и далее *примеч. пер.*)

с утра, соблюдайте тишину и заканчивайте свое дело.

Глаза Главного Блюстителя, пустые, словно пробитые пулями дыры, шарили вокруг и не видели меня.

— И давно... давно это тянется?

— Что *это*?

— Это... и все... и *они*.

Он тщетно пытался кивком показать на кафе, на скользящие мимо автомобили, на спокойных читателей, которые уже выходили из теплых залов библиотеки, и кивали мне на прощание, и скрывались в холодном вечернем сумраке, все до единого — друзья. Его пустой взгляд, взгляд слепца, незряче пронизывал меня. С трудом зашевелился окоченелый язык:

— Может, вы все надеетесь меня провести? Меня? Меня?!

Я не ответил.

— Почему ты знаешь, — продолжал он, — может, я и людей стану жечь, не одни книги?

Я не ответил.

Я ушел и оставил его в темноте.

В зале я стал принимать последние книги у читателей, они уже расходились, ведь наступил вечер и всюду сгустились тени; огромный механический идол изрыгал клубы дыма, огонь его угадал в весенней траве, а Главный Блюститель стоял рядом, точно истукан из цемента, и не замечал, как отъезжают его люди. Внезапно он вскинул кулак. Что-то блеснуло, взлетело вверх, со звоном треснуло стекло входной двери. Барнс повернулся и зашагал вслед за походной печью, она уже тяжело катила прочь — приземистая черная погребальная урна, что тянула за собою длинные развевающиеся ленты плотного черного дыма, полосы быстро тающего траурного крепа.

Я сидел и слушал.

В дальних комнатах, налитых мягким зеленым светом, точно лесная чаща, так славно, по-осеннему

шуршат листья, пронесется еле слышный вздох, мелькнет еле уловимая усмешка, слабое движение руки, блеснет кольцо, понимающе, по-беличьему зорко глянет чей-то глаз. Меж наполовину опустевших полок пройдет запоздалый путник. В невозмутимой фарфоровой белизне туалетной комнаты потекут воды к далекому тихому морю. Мои люди, мои друзья один за другим уходят из прохладных мраморных стен, от зеленых прогалин, в ночь — и эта ночь много лучше, чем мы могли надеяться. —

В девять я вышел из библиотеки и подобрал брошенный ключ. Со мною вышел последний читатель, старый человек; пока я запираю дверь, он глубоко вдохнул вечернюю свежесть, посмотрел на город, на почерневшую пятнами от погасших искр лужайку и спросил:

— Могут они прийти опять?

— Пускай приходят. Мы к этому готовы, не так ли?

Старик взял меня за руку.

— «Тогда волк будет жить вместе с ягненок, и барс будет лежать вместе с козленком, и теленок и молодой лев и вол будут вместе...»*

Мы спустились с крыльца.

— Добрый вечер, Исая, — сказал я.

— Спокойной ночи, мистер Сократ, — сказал он.

И в темноте каждый пошел своей дорогой.

---

* Ветхий завет, Кн. пророка Исая, гл. II, ст. 6.

СТОЛП ОГНЕННЫЙ

1

Он вышел из могильного плена, все ненавидя. Ненависть была его отцом, ненависть была его матерью.

До чего же здорово снова встать на ноги, выбраться из-под земли, стряхнуть ее груз с плеч, свободно взмахнуть затекшими руками и глубоко глотнуть воздух!

Он попытался это сделать, он даже крикнул.

И понял, что не может дышать. Сжав ладонями голову, он повторил попытку. Все напрасно. Он может ходить по земле, он более не ее пленник, но он по-прежнему мертв, потому что не может дышать! Надо посильнее втянуть в себя воздух, послать его в пересохшую гортань, заставить давно увядшие мышцы сокращаться, работать, работать! Этот глоток кислорода поможет ему закричать во все горло, заплакать навзрыд! Как ему нужна сейчас живительная влага слез! Но их нет, глаза его сухи. Все, что он может, — это стоять навывтяжку. А в остальном он мертв, ему не сле-

лать ни шагу! Он не дышит. Но он все же может стоять!

Вокруг него был мир, полный запахов и звуков. В отчаянии он попытался вдохнуть знакомые ароматы осени. А она повсюду разложила свои костры, чтобы сжечь последние приметы лета. Везде он видел руины. Последним багровым огнем догорали леса, роняя на землю мертвую древесину и сухие сучья. Сизый остропахнувший, почти незаметный глазу дым лесных пожарищ стлался по земле.

Он стоял среди разрытых могил и испытывал лютую ненависть к тому, что видел. Неужели он вошел в этот мир для того, чтобы не чувствовать ни его запахов, ни вкуса? Однако, кажется, он способен слышать! Да, это так! Вой ветра неожиданно-негаданно ворвался в его открывшиеся уши. Но все же он продолжал оставаться мертвецом. Даже сделав первые шаги, он знал, что мертв, и понимал, как мало может полагаться на себя, да и на этот ненавистный ему мир живых.

Он коснулся рукой надгробного камня над своей пустой могилой. Теперь он знает, как его зовут. Неплохая работа резчика по камню.

«УИЛЬЯМ ЛЭНТРИ»

Вот что было высечено на граните.

Его поддрагивающие пальцы, погладив прохладную поверхность камня, скользнули ниже:

«1898—1933»

Выходит, он заново родился?

Какой же год сейчас? Запрокинув голову, он посмотрел на хороводы осенних звезд на темном полуночном небе. Он силился прочесть в них минувшую историю столетий. Он нашел созвездие Ориона, нашел Аурегу. А где же Торо? Вот и он!

Прищурившись, он подсчитывал в уме, сколько же веков могло пройти, и наконец воскликнул:

— 2349 год!

Что за странная цифра! Скорее похожа на сумму чего-то в школьном учебнике. Ведь когда-то казалось, что любая цифра более ста воспринимается человеком как некая абстракция, и бессмысленно подсчитывать такие цифры в уме. И все же он сделал это и узнал, что на дворе 2349 год. Цифра, сумма. И есть еще он, человек, пролежавший в темноте могилы, ненавидя тех, кто похоронил его, и всех, кто не в земле, а наверху, кто продолжал жить, жить, жить! Сколько минуло веков до этого дня, когда силой ненависти он вновь родился на свет и, извлеченный из могилы, тщетно пытается вдохнуть в себя влажный запах разрытой земли?

— Я, — промолвил он, обращаясь к тополю, ветви которого безжалостно трепал ветер, — ...увы, всего лишь анахронизм, ошибка против хронологии.

Он горько улыбнулся.

Он окинул взглядом кладбище, пустое и холодное. Все надгробия были сняты и свалены друг на друга, как кирпичи в дальнем углу у кладбищенской ограды. Это длилось уже две бесконечные недели. Под землей, в своем гробу, он слышал шум странной и жестокой деятельности человека. Безжалостные лопаты вгрызались в землю и на поверхность извлекались гробы. Вскрыв их, какие-то люди тут же уносили древние останки для нового захоронения. Он корчился от страха, ожидая своей очереди.

Сегодня они пришли за ним. Оставалось всего дюйм до крышки его гроба, как бой часов известил об окончании рабочего дня. Пять часов, пора домой, ужинать. Все ушли. Завтра закончим начатое, переговаривались они между собой, натягивая куртки.

На кладбище опустилась предвечерняя тишина.

Осторожно, бесшумно поднимал он крышку гроба, прислушиваясь, как с мягким шуршанием скатываются с нее комья земли.

И теперь рядом с разрытой могилой и пустым гробом на, возможно, последнем кладбище на планете Земля стоял он, Уильям Лэнтри, дрожащий и напуганный.

— Помнишь? — спрашивал он у себя, глядя на развороченную могилу. — Помнишь рассказы о последнем человеке на Земле? Об одиноких скитальцах среди руин? Что ж, теперь ты, Уильям Лэнтри, стал героем одного из таких рассказов. Знаешь ли ты это? Ты — последний мертвый человек в этом мире.

Здесь более нет тел умерших людей. Ни единого. Кажется невозможным. Осознав это, Лэнтри даже не улыбнулся. В глупом, пустом, лишенном воображения, стерильно чистом мире эпохи научных изысканий и открытий нет ничего невозможного. Люди смертны, видит Бог, они умирают. Куда же деваются их мертвые тела? А вот таковых больше нет.

Где же они? Что с ними происходит?

Кладбище было на холме над городом. Лэнтри брел в темноте осенней ночи, пока не кончились могилы. Остановившись, он посмотрел вниз, на новый город Сэлем, залитый разноцветными огнями. На небе то и дело оставляли свой огненный след ракеты, беря курс во все концы земного шара.

Будь он в могиле, новая волна ненависти, охватившей его, понемногу улеглась бы, окатив его и впитавшись, как вода в песок. Он испытывал это уже не раз, после того, как впервые познал, что такое ненависть мертвого к живому.

Но главное он все же узнал: как эти глупцы избавляются от мертвых.

Он смотрел на город, туда, где в центре высилась массивная стена триста футов высотой и пятьдесят — в обхвате. Она напоминала каменный

перст, указующий в небо. Широкие ворота к ней были распахнуты, к ним вела подъездная аллея.

Теоретически в городе должны умирать люди, размышлял Уильям Лэнтри. В любое мгновение может умереть и он. Что же тогда произойдет? Не успеет у него исчезнуть пульс, как уже будет готово свидетельство о смерти, его близкие тут же уложат его в похожий на жука блестящий автомобиль и помчат... Куда?

— В Крематорий!

В этот удобный перст, указующий в небо, в этот Столп Огненный, а проще, в пылающую печь. Какое странное назначение! Но такова правда в этом будущем мире.

Как щепку для растопки швырнут в печь вашего Дорогого Покойника.

Готов!

Уильям Лэнтри отыскал взглядом конец дула гигантского пистолета, нацеленного в звезды. Из него курился дымок.

Вот куда попадают дорогие и близкие вам люди.

— Берегись, Уильям Лэнтри, — сказал он себе. — Ты последний из мертвых на этой земле, ты реликт. Кроме твоего кладбища, других уже нет, все превращено в пепел. Это было последнее, а ты — последний из его мертвецов. Новое поколение людей не хоронит своих мертвых, и тем более не потерпит, чтобы кто-то из них шатался по городу. Все, что мешает, сгорает как спичка. В том числе суеверия и предрассудки!

Он снова посмотрел на город. Ладно, подумал он почти миролюбиво. Я ненавижу вас, а вы — меня, особенно если узнаете, что я существую и нахожусь среди вас. Вы не верите ни в вампиров, ни в привидения. Всего лишь ярлыки, лишённые всякой сути, заявляете вы. Вы презрительно фыркаете, услышав о них. Что ж, продолжайте! Я тоже не верю в вас, если быть честным! Более того, я не люблю вас! Вас и ваш Столп Огненный!

Вдруг его проняла дрожь. Как близок был его конец! День за днем вскрывались могилы и вывозились останки, чтобы быть брошенными в Большую печь, вспыхнуть в ней как сухие щепки и сгореть дотла. Такой приказ был отдан по всем городам и весям на планете Земля. Об этом говорили могильщики и он их слышал:

«— Неплохая мысль, почистить эти места, — говорил один.

— Да, неплохая, — соглашался другой. — Варварский обычай. Представляешь, быть закопанным в землю! Антисанитария, микробы...

— В этом есть что-то недостойное человека. Хотя есть и своя доля романтики. Я говорю о кладбище. Одно-единственное в мире и сохранилось столько столетий. Ты не помнишь, когда убрали с Земли все кладбища, Джим?

— Кажется, в 2260 году. Да, точно, в 2260 году. Почти сто лет назад. Но совет города Сэлема встал тогда на дыбы. “Послушайтесь нас, — сказали они, — давайте оставим хотя бы одно кладбище, чтобы оно напоминало нам об обычаях наших предков-варваров”. В правительстве почесали затылки и разрешили: “Ладно. Пусть останется одно кладбище в городе Сэлеме. Все остальные убрать. Понятно?”

— Их убрали, — подтвердил Джим.

— Их сожгли, снесли экскаваторами, очистили ракетными пылесосами. Если становилось известным, что кто-то был похоронен у себя на пашне, добирались и до него. Полная эвакуация. Чересчур жестокая, я бы сказал.

— Не то чтобы я был чувствительным и старых взглядов, но вспомни, сколько туристов наведывалось к нам каждый год только поглядеть на наше кладбище.

— Что верно, то верно. Почти миллион их перебывало за три последних года. Неплохой источник доходов для города. Но приказ есть приказ. Правительство знает, что делает. На Земле не

должно быть никаких страшилок и чертовщины, пугающей людей. С этим все будет покончено. Вот нас с тобой и послали сюда. Подай-ка мне лопату, Билл».

Уильям Лэнтри стоял на холме, подставив ветру лицо. Как славно снова ходить по земле, чувствовать, как дует в лицо ветер, и прислушиваться к мышиному шелесту сухой листвы, гонимой им по шоссе. Как прекрасно видеть небо, а на нем холодные осенние звезды. Их того и гляди сдует разбушевавшимся ветром.

Он был даже рад, когда понял, что снова испытывает страх.

А он овладевал им, и Лэнтри уже не мог этого скрывать. Тот факт, что он мертвец и способен ходить, делает его всеобщим врагом. Во всем мире у него нет ни единого друга, такого же восставшего из гроба, к кому он мог бы обратиться за помощью и утешением. Теперь все будет развиваться по законам мелодрамы, где все герои делятся на добродетельных и злодеев. Весь мир восстанет против одного человека, Уильяма Лэнтри. Мир, не верящий в вампиров, не хоронящий своих мертвецов, а сжигающий их, мир, который стирает кладбища с лица земли, а с ними и память об усопших, — против человека в темном костюме, который в эту ветреную осеннюю ночь стоит один-одинешенек на вершине холма.

Лэнтри вытянул перед собой бледные холодные руки, словно ждал, что огни города согреют их. Вы сняли надгробия с могил, думал он, вы вытаскивали их из земли так легко и просто, как стоматолог вынимает гнилой зуб. Я же постараюсь превратить ваши крематории в развалины. Я сделаю так, что у вас снова будут мертвые тела, и я найду себе среди них друзей. Я не останусь одиноким. Мне нужны друзья и как можно скорее. Сегодня же.

— Война объявлена, — сказал он и засмеялся. Это была нелепость — один человек объявляет войну всему миру.

Он не получил ответа, лишь еще одна ракета на крыльях пламени взметнула в небо, словно сорвавшийся с фундамента Крематорий.

Послышались чьи-то шаги. Лэнтри поспешил укрыться в кладбищенской тени. Неужели могильщики решили закончить всю работу сегодня же? Нет. Это всего лишь одинокий прохожий.

Когда человек приблизился к воротам кладбища, Лэнтри вышел ему навстречу.

— Добрый вечер, — поздоровался прохожий, приветливо улыбнувшись.

Лэнтри, не колеблясь, ударил его. Человек упал. Нагнувшись, Лэнтри ребром ладони нанес жертве роковой удар по шее.

Оттащив тело подальше в тень деревьев, он снял с убитого одежду и переделал его в свою. Негоже входить в мир будущего в одежде прошлого. В платье убитого он нашел карманный нож. Не Бог вещь какое оружие, но пригодится, если уметь им пользоваться. А Лэнтри в этом не был новичком.

Тело он сбросил в одну из открытых и пустых могил. На то, чтобы прикрыть его землей, ушло не более минуты. Едва ли его сразу обнаружат. Никому не придет в голову еще раз заглянуть в уже опустошенную могилу.

Лэнтри обрядился в свой новый костюм из какой-то металлического отлива ткани. Немного просторен и висит на нем, ну а в остальном все отлично. Отлично.

Переполненный ненавистью Уильям Лэнтри вошел в город, чтобы начать войну с Землей.

Крематорий был открыт. Собственно, двери его никогда не закрывались. Кроме широко распахну-

тых дверей и подсветки невидимыми прожекторами, Лэнтри еще поразила площадка для вертолетов и широкий пандус для въезда автомашин. Огни города постепенно гасли и вскоре единственным ярко освещенным местом стал Крематорий. Какое удобное, привычное для слуха название, в котором к тому же нет ничего романтического!

Уильям Лэнтри прошел в широкие, ярко освещенные двери. Собственно дверей как таковых не было. Вход сюда был открыт для всех. Каждый мог свободно войти и так же свободно выйти. Летом ли зимой, внутри всегда было тепло от огня, который с тихим шелестом горел в жаровой трубе, через которую мощные вентиляторы направляли пепел в его последний путь.

Здесь было жарко как в пекарне. Резиновый паркет делал шаги бесшумными, любой звук терлся. При всем желании здесь не могло быть посторонних шумов, кроме приглушенных звуков музыки, долетавших неведомо откуда. Это не были похоронные марши. Наоборот, музыка напоминала о жизни, будто само солнце поселилось в Крематории. Поэтому жадное пламя, гудевшее за толстой кирпичной кладкой, не беспокоило слух сюда входящего.

Уильяму Лэнтри удалось спуститься по пандусу вниз, как вдруг послышались голоса снаружи, и, повернувшись, он увидел подъехавшую машину. Зазвенел звонок, музыка мгновенно стала громкой, в ней, нарастая, звучали уже радостные ноты, переходящие в экстаз.

Задние дверцы похожей на жука машины открылись и служители вынесли золотой ящик футов шесть длиной, украшенный символами солнца. Из подъехавшей следом машины вышли родственники покойного. Процессия проследовала в зал церемоний, где в центре было подобие алтаря. На нем Лэнтри удалось прочесть слова: «Рожденные Солнцем к нему возвратятся». Здесь золотой

гроб был поставлен для церемонии прощания. Музыка становилась все громче. После того как Главный смотритель произнес несколько слов, гроб был перенесен к прозрачной стене с таким же прозрачным, но надежным замком. Один из служителей открыл его нажатием какой-то кнопки. Стена поднялась, образуя щель, в которую легко прошел золотой ящик. Далее автоматически открылся еще один замок, и ящик тут же был втянут в жаровую трубу и мигом исчез в пламени.

Ушли служители, за ними безмолвно отбыли родственники. Музыка продолжала играть.

Уильям Лэнтри приблизился к прозрачной стене. Он пристально вглядывался сквозь нее в огромное, горящее, неутомимое сердце Крематория. Огонь горел ровно, не мигая, и что-то мирно напевал про себя. Он казался сплошной тугой массой, похожей на золотую реку, но только текущую вспять, — снизу вверх, с Земли в небо. И все, что попадало в нее, бесследно исчезало.

Лэнтри почувствовал, как его снова охватила безотчетная лютая ненависть к этому чудовищному очистительному огню.

Рядом с ним кто-то остановился. Он локтем почувствовал это.

— Могу я чем-либо помочь вам, сэр?

— Что? — Лэнтри резко обернулся. — Что вы сказали?

— Могу я чем-то быть вам полезен?

— Я... собственно говоря... — Лэнтри бросил быстрый взгляд на пандус и выход из Крематория. Руки его дрожали. — Я никогда прежде здесь не был, — вдруг произнес он.

— Никогда? — удивился Смотритель.

Лэнтри понял, что допустил ошибку: ему не следовало говорить, что он впервые здесь. Однако он это сделал.

— Я хотел сказать... — попробовал он исправить промах. — Не то чтобы я не был здесь со-

всем, но ребенком как-то на многое не обращаешь внимания. Сегодня вечером я вдруг понял, что по сути не знаю, как работает Крематорий.

Смотритель улыбнулся:

— Мы многого не знаем, не так ли? Буду рад вам все показать.

— О, спасибо, нет. Не беспокойтесь. Это удивительное место.

— Да, это верно, — согласился Смотритель, испытывая явную гордость. — Лучший в мире, я думаю.

— Я... — Лэнтри понял, что должен все же объяснить свое присутствие здесь. — Видите ли, у меня не так много родственников умерло за это время. По сути, ни один. Поэтому я уже много лет не бывал в Крематории.

— Понимаю. — Лицо Смотрителя помрачнело.

«Опять я что-то сказал неважно, — испугался Лэнтри. — Черт побери, что же такого я сделал? Если я не остерегусь, то чего доброго сам угожу в эту огненную пасть. Что происходит с лицом этого типа? Кажется, он собирается учинить мне допрос?»

— Вы случайно не один из тех ребят, что только что вернулись с Марса? — поинтересовался Смотритель.

— Нет. А почему вы спрашиваете?

— Не обращайтесь внимания. — Смотритель явно намеревался поскорее уйти. — Если вам что-нибудь нужно, я к вашим услугам.

— Всего лишь один пустячок, — сказал Лэнтри.

— Какой?

— Вот этот.

Лэнтри нанес ему сокрушительный удар по щеке.

Он внимательно следил за действиями служителей во время кремации. Поэтому, имея на руках бездыханное тело, он, не раздумывая, нажал кнопку,

сунул тело в открывшуюся щель, услышал музыку, затем убедился, что автоматически открылся следующий замок. Еще мгновение — и тело исчезло в огненной реке. Лэнтри подождал, когда затихнет музыка.

— Молодец, Лэнтри, хорошо сработано.

Не прошло и мгновения, как в зале появился еще один Смотритель. Лэнтри испугало выражение радостного возбуждения на его лице. Смотритель будто рассчитывал кого-то здесь найти. Увидев Лэнтри, он направился к нему:

— Чем могу быть полезен?

— Я просто смотрю.

— Довольно поздно для экскурсий, — заметил Смотритель.

— У меня бессонница.

Он понял, что опять не то сказал. В этом правильном мире по ночам все спят, никто здесь не страдает от бессонницы. А если такое случилось, на помощь приходили гипнолучи и через минуту раздавался богатырский храп. Господи, почему он все время отвечает невпопад? В разговоре с первым Смотрителем он допустил роковую оплошность, сказав, что никогда не был в Крематории, хотя знал, что всех детей ежегодно, начиная с четырехлетнего возраста, приводят сюда на экскурсию, чтобы внушить им на всю жизнь одну истину: огонь Крематория чист и ярок, смерть — это тепло и яркий свет солнца. В ней нет ничего темного и неприятного. Это было одной из главных задач воспитания нового поколения. А он, Лэнтри, безмозглый дурак с подозрительно бледным лицом, показав свое невежество, выдал себя.

Ах, эта проклятая бледность! Только сейчас, разглядывая свои бескровные руки, он с испугом понял, что в этом новом мире нет бледных людей.

Первый Смотритель неспроста спросил его, не с Марса ли он вернулся.

Его коллега сияет как новехонькая медная монета, щеки его рдеют румянцем здоровья, и энергии хоть отбавляй. Лэнтри поспешно спрятал в карман свои предательски бледные руки. Он чувствовал на себе пристальный, изучающий взгляд Смотрителя.

— Я хотел сказать... — попытался хоть как-то исправить положение Лэнтри, — ...что мне просто захотелось поразмышлять.

— Не заметили, было ли здесь только что кремление? — неожиданно спросил Смотритель, оглядываясь вокруг.

— Не знаю, я только что вошел.

— Мне показалось, что я слышал, как открывалась и закрывалась печь.

— Я ничего не слышал, — сказал Лэнтри.

Смотритель нажал на стене кнопку переговорного устройства.

— Андерсон?

— Я вас слушаю, — ответил голос.

— Найдите мне Сола, пожалуйста.

— Я позвоню в верхние коридоры. — Наступила короткая пауза. — Его нигде нет, — последовал ответ.

— Спасибо. — Смотритель был явно озадачен и вдруг странно зашмыгал носом, словно к чему-то принюхивался. — Вы ничего не чувствуете? Здесь странно пахнет.

Лэнтри тоже принюхался:

— Я ничего не чувствую. В чем дело?

— Здесь странный запах.

Лэнтри сжал в кармане нож. Он выжидал.

— Помню, когда я был еще мальчишкой, — задумчиво промолвил Смотритель, — мы как-то нашли в поле сдохшую корову. Она пролежала там дня два под жарким солнцем. Вот тогда был точно такой же запах. Откуда он здесь?

— Я знаю, — тихо ответил Лэнтри и вытянул руку вперед. — Вот.

— Что?

— Я.

— Вы?

— Да, я мертв. Умер несколько сотен лет назад.

— Странные у вас шутки, однако, — искренне удивился Смотритель.

— Согласен, странные. — Лэнтри вынул из кармана нож. — Вы знаете, что это?

— Нож?

— Вы когда-нибудь используете его друг против друга?

— Что вы хотите сказать?

— Ну, например, вы пытались убивать с помощью ножа, пистолета или же яда?

— Ну и шуточки у вас. — Смотритель растерянно хихикнул.

— Я собираюсь убить вас, — сказал Лэнтри.

— Сейчас никто этого не делает, — недоуменно возразил Смотритель.

— Сейчас нет, а вот когда-то давно люди убивали друг друга, не так ли?

— Да, я знаю.

— В таком случае это будет первое убийство за последние триста лет. Я только что убил вашего друга. А затем сунул его в печь.

Наконец его слова произвели нужное впечатление. Смотритель буквально оцепенел от абсурдности подобного заявления, что позволило Лэнтри сделать решающий шаг в его сторону и приставить нож к его груди.

— Я убью вас.

— Это глупо, — окончательно растерявшись, пробормотал Смотритель. — Я вам сказал, что теперь этого никто не делает.

— А я сделаю, — сказал Лэнтри. — Хотите посмотреть?

Он вонзил нож в жертву. Угасающим взором бедняга еще успел увидеть нож, торчащий в его груди. Лэнтри подхватил падающее тело.

В шесть утра мощный взрыв потряс сэлемский Крематорий. Его огромная труба разлетелась на тысячи осколков, упавших на землю, взлетевших под небеса, чтобы оттуда обрушиться каменным дождем на дома еще спящего города. Неистовству огня могла бы позавидовать владычица-осень, продолжавшая зажигать свои костры высоко в лесистых горах.

В момент взрыва Лэнтри был уже в пяти милях от города. Он увидел, как устроенная им гигантская кремация, подобно факелу, осветила город. Лэнтри, покачав головой, немного посмеялся и поаплодировал себе, довольный.

Все оказалось относительно просто. Можно было ходить по городу и беспрепятственно убивать людей, которые никак не могли поверить в убийства, потому что никогда не знали их, а только слышали, да и то что-то неопределенное о странном обычае своих предков-варваров. Можно было спокойно войти в помещение контрольного пункта Крематория и с невинным видом спросить:

— Как работает Печь? — Контролер тут же охотно пустился объяснять, потому что в этом будущем мире все говорили только правду, никто не лгал, ибо для лжи не было причин, а главное, никто не боялся говорить правду. В их мире существовал лишь один преступник, но никто пока не знал, что ОН действительно существует!

О, это была чертовски дерзкая игра. Дежурный механик рассказал ему, как работает Крематорий, как поддерживается пламя в печи, что повернуть, где нажать, какой рубильник включить. Лэнтри и механик славно побеседовали. Разговор был доверительный, беседа текла непринужденно. Это был спокойный и свободный мир. Здесь люди доверяли друг другу.

Улучив момент, Лэнтри пустил в ход нож, а потом сделал все, чтобы внести хаос в систему управления. Через час Крематорий взлетел в воздух, взорвавшись от перегрузки. Когда Лэнтри уходил, петляя по коридорам, он весело насвистывал: «Небо почернело от клубов дыма».

— Это лишь первый из них, — вслух сказал Лэнтри, подняв голову и глядя на дым. — Думаю, что скоро я снесу их все, прежде чем они узнают, что есть такой лишенный этики и морали человек, и он на свободе. Им не под силу предвидеть его действия. Я для них непостижим, непонятен и вообще нереален. Бог мой, ведь я могу убивать их сотнями и тысячами, пока они наконец поймут, что убийства снова стали реальностью их жизни. Я могу каждый раз обставлять это как несчастный случай. Грандиозная идея, просто невероятная!

Огонь перекинулся на город. Лэнтри сидел под деревом, до самого утра глядя на пожар, а потом, найдя в горах пещеру, уснул.

Он проснулся, когда солнце клонилось к закату, и вспомнил, что ему снился огонь. Кто-то силился сунуть его в печь, его собирались четвертовать и сжечь, превратив в кучу золы. Сидя на каменном полу пещеры, он подтрунивал сам над собой. В голову пришла неплохая мысль.

Лэнтри вернулся в город и вошел в первую телефонную будку. Набрав код телефонной станции, он попросил соединить его с Департаментом полиции.

— Простите, сэр, — ответила, не поняв его, телефонистка.

Лэнтри перезвонил еще раз:

— Дайте мне Силы порядка.

— Соединяю вас с Силами мира, — наконец приняла самостоятельное решение девушка-оператор.

Это немного напугало его. Страх поселился в нем как нечто обособленное, некий часовой механизм, не поддающийся его воле. Когда он попросил соединить его с Департаментом полиции, девушка не могла понять его, ибо здесь нет полиции и это слово было анахронизмом. Что, если она сообщит о странном звонке, укажет, откуда он был, и начнется расследование? Нет, она не делает этого. Она ничего не заподозрит. В этой цивилизации не бывает параноиков.

— Хорошо, давайте Силы мира, — согласился Лэнтри.

— Силы мира, — услышал он мужской голос. — Стивенс слушает.

— Соедините меня с Отделом убийств, — довольно улыбаясь, сказал Лэнтри.

— С кем?

— С тем, кто расследует убийства.

— Простите, что вам нужно?

— Я ошибся номером. — Довольно посмеиваясь, Лэнтри повесил трубку. Черт побери, у них нет даже представления о таком роде деятельности, как расследование убийств. Раз нет убийств, зачем детективы. Отлично! Отлично!

Внезапно телефон-автомат зазвонил. Лэнтри колебался, снять трубку или нет. И все же снял.

— Эй, вы, — услышал он мужской голос. — Кто вы?

— Тот, кто вам звонил, уже ушел, — поспешно ответил Лэнтри и повесил трубку.

Потом он все же пустился бежать. Его могут узнать по голосу и пошлют сюда кого-нибудь для проверки. В их мире никто не лжет, а он только что солгал. Они узнают его голос! Он сказал неправду, а раз так, его отправят к психиатру. Они приедут и заберут его, чтобы узнать, почему он лжет. Всего лишь по этой причине, ибо им более не в чем его заподозрить. Надо немедленно бежать отсюда.

Отныне ему следует быть очень осторожным. В сущности, ему очень мало известно об этом странном мире будущего, с его высокой моралью и поголовной правдивостью. К тому же здесь вызывает подозрение любой человек с бледным без румянца лицом или тот, кто не спит по ночам, кто не моется и от кого разит падалью, как отдохлой коровы, что уже с ним случилось. Или еще по какой-либо другой причине он может привлечь к себе внимание.

Ему необходимо зайти в здешнюю библиотеку. Это опасно, он знает. Интересно, на что похожи нынешние библиотеки? Они хранят книги или фильмы и диски с записями книг? Есть ли у нынешних людей домашние библиотеки, если так, тогда городских библиотек, возможно, не так уж много?

Он решил рискнуть и проверить это. Его несовременная речь с устаревшими словами и выражениями может тоже вызвать подозрение и настороженность. Однако ему необходимо узнать все, что можно, об этом чертовом мире, в который ему не в добрый час пришлось вернуться.

Остановив прохожего на улице, он спросил:

— Где здесь библиотека?

Тот удивился, но ответил:

— В двух кварталах отсюда к востоку, а затем пройти один квартал на север.

— Спасибо.

Проще простого.

Через несколько минут он уже был в библиотеке.

— Чем могу быть вам полезной? — справилась библиотекарьша.

Он уставился на нее, уже испытывая раздражение. «Чем могу быть полезной?» «Чем могу быть полезен?» Вот заладили! Прямо мир одних полезных людей.

— Мне бы познакомиться с Эдгаром Алланом По. — Теперь Лэнтри тщательно подбирает слова, избегая глагола «читать». Он опасался, что книги давно устарели, а искусство книгопечатания навсегда утеряно и забыто. Возможно, место книг заняли стереоскопические кинофильмы. Как, черт побери, можно заменить фильмами книги Сократа, Шопенгауэра, Ницше и Фрейда?

— Повторите имя автора.

— Эдгар Аллан По.

— В нашем каталоге такого нет.

— Пожалуйста, проверьте еще раз.

Она вежливо удовлетворила его просьбу.

— Да, верно. На карточке стоит пометка красным. Его книги сожгли в 2265 году в дни Больших костров.

— О, какой я невежда!

— В этом нет ничего зазорного. Вы что-нибудь знаете об авторе?

— Знаю только, что у него были какие-то ужасные представления о смерти, — осторожно сказал Лэнтри.

— Да, ужасные, — согласилась библиотекарша и сморщила носик. — Просто чудовищные.

— Да, чудовищные. Если на то пошло, то попросту отвратительные. Хорошо, что сожгли все, что он написал. Это грязные книги. А у вас есть что-нибудь Лавкрафта?*

— Это о сексе?

Лэнтри расхохотался:

— О нет, нет!

Библиотекарша порылась в каталоге.

— Его тоже сожгли вместе с По.

— Наверное, то же самое случилось с Мэченом и человеком по имени Дерлет, и еще с Амброзом Бирсом?

— Да. — Она закрыла шкаф. — Сожгли всех. Туда им и дорога. — Она посмотрела на Лэнтри с

---

* Непереводимая игра слов. (Здесь и далее примеч. пер.)

неожиданной теплотой. — Ручаюсь, вы недавно вернулись с Марса?

— Почему вы так думаете?

— Вчера еще один из вас был здесь. Тоже только что вернулся с Марса. Его, как и вас, интересовала эта странная литература. Кажется, на Марсе нашли «гробницы».

— А что такое «гробницы»? — Лэнтри был уже достаточно научен опытом не говорить лишнего.

— О, это места, где когда-то, очень давно, хоронили умерших.

— Варварский обычай. Отвратительно!

— Да, вы тоже так считаете? Наглядевшись на них на Марсе, молодой исследователь заинтересовался ими. Он спрашивал книги тех же авторов, что и вы. Конечно, у нас нет подобных книг. — Библиотекарша посмотрела на бледное лицо Лэнтри. — Вы тоже из тех, кто побывал на Марсе?

— Да, — не задумываясь, ответил Лэнтри. — Только вчера прилетел.

— Молодого астронавта звали Берк.

— А, Берк! Он мой друг.

— Сожалею, что не смогла помочь вам. Советую укольчики витаминов, и позагорайте под ультрафиолетовой лампой. И все обойдется. У вас ужасный вид, мистер...

— Лэнтри. Да, все обойдется. Благодарю вас. Увидимся в следующий канун Дня всех святых*. Приглашаю на свидание.

— О, да вы шутник! — рассмеялась библиотекарша. — Будь у нас такой праздник, не сомневайтесь, я бы обязательно пришла на свидание.

— Но праздника нет. Его тоже сожгли на Большом костре, — напомнил ей Лэнтри.

---

* 31 октября.

— Да, он сгорел, как и все остальные, — согласилась девушка. — Доброй ночи.

— Доброй ночи.

Он покинул библиотеку.

О, каким осторожным ему следует быть, чтобы сохранять хрупкое равновесие и не переходить грань в этом странном мире! Как гироскоп, он должен бесшумно вращаться с огромной скоростью, сохраняя устойчивость, а главное — он должен побольше молчать. Блуждая после восьми вечера по улицам, он заметил, что не все они так уж ярко освещены. На каждом углу, как положено, стоял фонарь, но чем дальше в глубь улицы или переулка, тем хуже освещение. Неужели эти странные люди не боятся темноты? Невероятная глупость! Все люди боятся темноты. Даже он боялся ее, когда был ребенком. Бояться темноты так же естественно для человека, как испытывать чувство голода.

Мимо, сломя голову, промчался мальчишка, а за ним еще шестеро. Они громко и весело смеялись и кричали, валяясь в прохладной, пожухлой осенней траве и опавших листьях. Лэнтри подождал несколько минут, прежде чем обратиться к одному из них, маленькому мальчугану, решившему передохнуть. Он отдувался, набирая в легкие воздух и пыжась, словно пытался надуть прохудившийся бумажный пакет.

— Зачем же так стараться? — заметил, подойдя, Лэнтри. — Этак совсем выдохнешься.

— Ну и что? — ответил мальчуган.

— Не скажешь ли мне, — продолжал Лэнтри, — почему фонари горят только в начале и в конце улицы, а посередине темно?

— А зачем это вам?

— Я учитель и хотел проверить, знаешь ли ты или нет?

— Потому что в середине улицы они не нужны, — бойко ответил малыш.

— Но скоро совсем станет темно? — продолжал расспрашивать Лэнтри.

— Ну и что? — ответил мальчишка.

— Разве ты не боишься темноты?

— Чего?

— Темноты, — терпеливо пояснил Лэнтри.

— Хо-хо! — воскликнул мальчик. — Чего это я стану ее бояться?

— Будет темно, ничего не видно, — продолжал Лэнтри. — Для того и существуют фонари, чтобы в темноте не было страшно.

— Это дурацкое объяснение. Фонари нужны, чтобы видеть, куда идешь. Вот и все.

— Ты не понимаешь главного... — не унимался Лэнтри. — Ты хочешь сказать мне, что способен просидеть один-одинешенек где-нибудь на пустыре всю ночь и тебе не будет страшно?

— Страшно? От чего же?

— От чего, от чего, от чего! — передразнил его Лэнтри. — Глупый мальчишка! Да от темноты!

— Хо, хо!

— Ты не боишься забраться высоко в горы и остаться на всю ночь там один?

— Конечно, не боюсь.

— А если останешься один в пустом заброшенном доме?

— Конечно, нет.

— И не испугаешься?

— Конечно, нет.

— Ты просто лгун!

— Не смейте обзывать меня плохими словами! — крикнул мальчишка. Лэнтри понял, что зарвался, употребив такое обидное слово. Обвинение во лжи, пожалуй, самое сильное оскорбление для человека.

Это маленькое чудовище окончательно вывело Лэнтри из себя.

— Посмотри-ка на меня, — потребовал он от мальчишки. — Смотри мне в глаза!

Мальчик с подозрением посмотрел на него.

Лэнтри оскалил зубы, скрючил пальцы наподобие когтей и потянулся к нему, гримасничая и кривляясь. Лицо его, скорченное в гримасу, стало похожим на маску ужаса.

— Хо, хо! — воскликнул, заинтересовавшись, мальчуган. — Какой вы смешной.

— Что ты сказал?

— Вы очень смешной. А ну-ка сделайте еще эту гримасу. Ребята, идите сюда! Этот человек умеет показывать смешные фокусы!

— Нет-нет, не надо.

— Сделайте еще разок, сэр.

— Ничего, ничего, спокойной ночи, малыш. — Лэнтри пустился наутек.

— Спокойной ночи, сэр! Остерегайтесь темноты! — крикнул ему вдогонку мальчуган.

Из всех известных ему человеческих глупостей самой необъяснимой, вредоносной и лживо-лицемерной была эта! Такого идиотизма он еще не встречал. Отнять у детей право на фантазию, лишить их воображения! Зачем тогда детство, если ты не в состоянии фантазировать, придумывать, видеть все по-своему?

Лэнтри перестал бежать и перешел на шаг, а затем, замедлив его, смог наконец поразмышлять и впервые дать себе оценку. Проведя рукой по лицу и даже укусив себя за палец, он наконец сообразил, что стоит посреди улицы. Ему стало не по себе. Он поспешил подойти к фонарю на углу. «Так будет лучше», — подумал он, протянув к свету фонаря руки, как это делает человек, когда хочет согреть их у приветливого огня.

Он прислушался. Царила ночная тишина, был слышен лишь стрекот цикад. Блеснула зарница — это в небе прорезала свой след ракета, издав звук, не громче звука от взмаха факелом в ночи.

Лэнтри впервые попытался прислушаться к себе и гадал, что же в нем такого необычного. Прежде всего его поразило то, как безмолвно его

тело. Ноздри и легкие не издавали ни единого звука. Они не втягивали кислород и не отдавали обратно углерод — они полностью бездействовали. Волоски в его ноздрях не шевелились от вдоха или выдоха. Он не слышал тех приятных мурлыкающих звуков, которые порой издает человек, когда дышит. Странно и непривычно не слышать их теперь. А ведь когда он был жив, он к ним особенно не прислушивался, хотя знал, что дышать — это значит жить. Мог ли он предполагать, что будет так тосковать по ним теперь, когда он мертв?

Он припомнил, как иногда, внезапно проснувшись ночью, он вдруг отчетливо слышал собственное дыхание, как его ноздри легко вдыхали и выдыхали воздух, а потом он прислушивался к глухим сильным толчкам крови в висках, ушах, в горле, на запястьях, в груди и чреслах. Эти ритмы его живого тела остались теперь лишь в воспоминаниях. Нет пульса на запястьях и на шее, его грудь неподвижна, он не чувствует тока крови в своих жилах, совершающей свой круг. Прислушиваться к себе теперь — это все равно что приложить ухо к холодному мрамору статуи.

И все же он жил. Вернее, он передвигался. Как это могло случиться? Вопреки всяким научным объяснениям, теориям и догадкам?

Это стало возможным лишь по одной и только одной причине.

Ненависть.

Его кровью была ненависть. Она текла в его жилах, она двигала им. Она была его сердцем, которое не билось, это правда, но было теплым. Он испытывал... Что же? Негодование. Зависть. Это они сказали ему, что он более не может лежать на кладбище в гробу. Он хотел бы там остаться. У него и в помыслах не было подняться, выйти и бродить вокруг. Его вполне устраивало все эти века покоиться на кладбище, лежать глу-

боко под землей и слышать, но не чувствовать движение жизни вокруг — тонкий, как тиканье часов, звук миллиардов сердец различных насекомых, движение червей в земной толще, похожее на неторопливый ход мыслей.

Но пришли они и велели: «Вставайте и марш в печь!» Есть ли что унижительней для человека? Кто имеет право указывать ему, что делать? Если человеку сказать, что он мертв, он может воспротивиться этому. Если ему твердить, что вампиров и всего прочего нет и все это выдумка, он назло сам станет вампиром. Если утверждать, что мертвый не восстанет и не пойдет, он обязательно попробует сделать это. Если вы начнете убеждать его, что убийств больше не бывает, он станет сам совершать их. Человек целиком и полностью соткан из этих противоречий. И виною тому дела и поступки невежественного большинства. Оно не ведает, что творит зло. Его надо проучить. Он им всем покажет! Солнце — это хорошо, темная ночь — тоже хорошо. Не надо бояться темноты, говорят они.

А темнота — это страх, безмолвно кричал он, глядя на домики городка. Темнота создана, чтобы быть контрастом свету. Все должны пугаться ее, вы слышите! Так всегда было заведено в этом мире. Эй, вы, уничтожители Эдгара Аллана По и прекрасного, щедрого на красивые слова Лавкрафта, вы, предавшие сожжению веселый праздник, канун Дня святых, и тыквенные маски с зажженными в них свечами, слушайте меня и остерегайтесь! Я сделаю ночь тем, чем она была однажды, до того, как человек начал с ней бороться, строя свои ярко освещенные неонном города и неправильно воспитывая своих детей.

Словно в ответ ему, низко летящая ракета гордо распустила в небе свой огненный хвост. Лэнтри вздрогнул и попятился.

До маленького городка Сайнс-Порт было всего десять миль. Он проделал этот путь пешком и на рассвете был почти у цели. Но и здесь ему не повезло. В четыре утра его нагнала серебристого цвета машина и, поравнявшись, замедлила ход.

— Привет, — окликнул его человек, сидевший за рулем.

— Привет, — устало ответил Лэнтри.

— Почему вы идете пешком? — спросил человек.

— Я иду в город.

— Почему вы не на машине?

— Мне нравится ходить пешком.

— Сейчас этого никто не делает. Вам нездоровится? Могу я вас подвезти?

— Благодарю, но я люблю ходить пешком.

Человек помедлил, раздумывая, а затем захлопнул дверцу машины:

— Доброй ночи.

Когда машина скрылась из виду, Лэнтри свернул в придорожный лесок. Этот мир переполнен доброжелателями. Господи, даже пройти пешком нельзя, без того чтобы не заподозрили, что у тебя с головой неладно. Это ему урок. Он больше не должен ходить пешком, придется ездить. Надо было принять приглашение этого типа.

Остаток ночи он шел не по шоссе, а вдоль него и держась на достаточном расстоянии, чтобы вовремя спрятаться в кустарнике, если снова появится какая-нибудь машина. Когда рассвело, он спрятался на дне сухой дренажной канавы и закрыл глаза.

Сон был совершенен, как первая снежинка.

Он видел могилу, в которой лежал в глубоком сне многие столетия. Он слышал шаги могильщиков, когда рано утром они пришли на кладбище, чтобы закончить свою работу.

- Поддай-ка мне лопату, Джим.
- На, держи.
- Подожди, не начинай.
- В чем дело?
- Посмотри-ка сюда. Мы вчера не закончили до конца раскапывать эту могилу, так или не так?
- Так.
- В ней оставался гроб, так или не так?
- Оставался.
- А теперь взгляни на гроб, он открыт!
- Ты перепутал могилы.
- Что написано на надгробном камне?
- Лэнтри, Уильям Лэнтри.
- Это он, он! Но его здесь нет!
- Что могло с ним случиться?
- Откуда мне знать? Еще вчера в гробу лежало тело.
- Как ты знаешь, что оно там лежало? Мы в гроб не заглядывали.
- Черт побери, пустые гробы не хоронят! Он был там. А теперь его нет.
- А может, этот гроб был все-таки пустой?
- Не будь дурнем. А ну принюхайся! В гробу лежал мертвец.
- Наступило молчание.
- Думаешь, кто-то украл его?
- Зачем?
- Из любопытства, например.
- Не будь смешным. Теперь никто не ворует и не берет чужого.
- Тогда остается лишь одно объяснение.
- Какое?
- Он сам встал из гроба и ушел.
- Снова молчание.
- Почему молчание? В своем темном сне Лэнтри ожидал услышать смех. Но смеха не было. Вместо него один из могильщиков, после долгих размышлений, наконец сказал:
- Да, так оно, должно быть, и случилось. Он встал и ушел.

— Интересная получается история, если подумать, — ответил другой.

— И вправду интересная, не так ли?

Снова тишина.

Лэнтри проснулся. Это был всего лишь сон, но как похож на явь. Как странно беседовали эти двое могильщиков. Странно, но правдоподобно. Именно так должны были говорить люди из будущего мира. Люди из будущего. Лэнтри невесело усмехнулся. Тебе кажется, что это анахронизм. Нет, это было будущее. Это происходит сейчас. Не три столетия назад, а сегодня, сейчас, и не в какое-то другое время. На дворе не двадцатый век. Как просто эти двое из его сна сказали и тут же поверили, что «он встал из гроба и ушел»! И что это... «интересная история... если подумать». Она и вправду «интересная». Ни у того, ни у другого не дрогнул голос, никто из них с опаской не оглянулся, ни у одного не дрогнула рука, державшая лопату. Их абсолютно честные, логически мыслящие мозги нашли лишь одно объяснение: никто не мог украсть мертвое тело, ибо теперь «никто не крадет». Просто мертвец сам встал и ушел. Только мертвец смог сам это сделать. Из немногих случайно оброненных слов Лэнтри смог заключить, что думают могильщики обо всем этом: в течение нескольких сотен лет в гробу лежал человек, который не был окончательно мертвым, а как бы в забытии. Шум и грохот на кладбище разбудили его.

Кто не знает рассказов о маленьких зеленых лягушках, которые тысячелетиями лежат вмерзшими в грунт или кусок льда, оставаясь живыми, и еще как живыми! Когда ученые находили их и брали в руки как кусочки цветного мрамора, лягушки оживали от тепла ладони, хлопали глазами, прыгали и начинали резвиться. Вполне логично,

что могильщики поверили в то, что Уильям Лэнтри ожил таким же образом.

А что, если в ближайший день-два кто-нибудь да сопоставит все события, происшедшие за это время? Что, если кому-то вздумается связать исчезновение мертвеца с кладбища со взрывом Крематория в городе? Если человек по фамилии Берк, бледнолицый астронавт, вернувшийся с Марса, снова посетит библиотеку и попросит молодую библиотекаршу дать ему кое-какие книги, а та ответит ему: «О, ваш друг Лэнтри был здесь вчера». А Берк ответит: «Какой Лэнтри? Я не знаю такого». Тогда библиотекарша обиженно воскликнет: «Значит, он солгал?» А люди в этом мире уже не лгут. Тогда, случай за случаем, кусочек по кусочку, сложится общая картина. Появление в городе человека с бледным лицом, которое не должно быть бледным, человека, зачем-то солгавшего в библиотеке, когда люди давно уже не лгут, человека, встреченного на шоссе идущим пешком, когда все давно пешком не ходят, если все это сопоставить с исчезновением тела с кладбища, а также со взрывом Крематория и еще... и еще...

Они доберутся до него, думал Лэнтри. Его обязательно найдут. Найти его совсем нетрудно. Он ходит пешком, он лжет, у него бледное лицо. Они обязательно найдут его, схватят и зажарят в печи ближайшего же Крематория. И тогда, мистер Лэнтри, ты будешь готов, как индейка ко дню Благодарения!

Есть лишь один выход, радикальный и окончательный. Он чувствовал, как в нем снова поднимается волна гнева. Уста его были раскрыты, темные глаза сверкали, тело горело и по нему пробегала дрожь. Он будет убивать, убивать, убивать! Он должен превратить врагов в своих друзей, в таких же людей, как он, которые вопреки всему ходят, хотя не должны, и разительно выделяются своей бледностью среди краснощеких и загорелых местных здоровяков. Он должен убивать, убивать

и снова убивать. Ему нужны мертвые тела, трупы. Он должен уничтожать крематории один за другим, печь за печью. Взрыв за взрывом, смерть за смертью. Когда все крематории будут лежать в развалинах, а наспех созданные морги будут забиты жертвами взрывов, тогда он, Лэнтри, начнет искать друзей и вербовать себе помощников во имя общей цели.

Прежде чем им удастся выследить его, схватить и убить, он должен нанести удар первым. Пока он еще в безопасности, он может убивать, не опасаясь за себя. Нынешнее население не расположено убивать. Это дает ему гарантию некоей безопасности. Лэнтри вылез из канавы и вышел на шоссе.

Вынув нож из кармана, он приготовился остановить первую машину.

Все было похоже на салют 4 июля, в День независимости!

Огромный фейерверк, каких здесь не бывало, и Крематорий в городке Сайнс-Порт лопнул пополам и разлетелся на куски. Падая, они вызывали тысячи новых малых взрывов, прозвучавших как эхо первого, большого салюта. Горящие осколки падали на крыши домов, сжигали сады. Они разбудили жителей города для того, чтобы через мгновение те уснули, уже навсегда.

Уильям Лэнтри, сидя за рулем чужой машины, настроился на радиоволну. В результате взрыва Крематория погибло четыреста человек, многие в рухнувших домах, а другие от металлических осколков. Готовится помещение для временного морга...

Далее следовал адрес.

Лэнтри аккуратно записал его в блокнот.

Так можно ехать, размышлял он, из города в город, из страны в страну, и уничтожать Печи, эти Столпы Огненные, пока все прекрасные стерильные сооружения, вместилища огня и симво-

лы очищения, не станут грудями развалин. Потом можно довести до сотни тысяч.

Он нажал на педаль скоростей и, довольно улыбаясь, въехал в темные улицы города.

Коронер реквизирует старые городские склады. С полуночи до четырех утра серые санитарные машины, тихо шурша по мокрому асфальту, доставляли сюда тела погибших. Их укладывали рядами на холодный цементный пол и накрывали белыми саванами. Это продолжалось до половины пятого утра. Доставлено было около двухсот тел.

А потом все ушли. Никто не остался сторожить мертвых. А зачем? Все равно это бесполезно. Пусть мертвые стерегут мертвых.

Около пяти часов утра, когда на востоке забрезжил рассвет, тонкой струйкой потянулись родственники погибших опознавать сыновей, отцов, матерей и других близких. Они торопливо входили и еще поспешнее уходили. Но к шести утра, когда наступил рассвет, склады опустели.

Уильям Лэнтри пересек широкую, мокрую от дождя улицу и вошел.

В руках у него был голубой мелок.

Он прошел мимо коронера, стоявшего в дверях и разговаривавшего с двумя мужчинами.

— ...Завтра же отвезите тела в Крематорий в Меллин-Тауне... — услышал Лэнтри удаляющиеся голоса.

Его шаги по цементному полу почти не отдавались эхом. Он испытывал непонятное облегчение, бродя между укутанными в белое телами. Он был среди своих, и главное — он сам создал нужную ему ситуацию! Он убил их всех. Он обеспечил себе поддержку большого количества послушных друзей.

Следит ли за ним коронер? Лэнтри повернул голову. Нет. Здесь тихо, пусто и полумрак от серого осеннего рассвета. Коронер и его два помощника

уже перешли на другую сторону улицы. Там у тротуара остановилась машина, и коронер заговорил с человеком за рулем.

Уильям Лэнтри, не теряя времени, принялся за дело. Он стал чертить голубым мелком на полу возле каждого тела пентаграммы, магические знаки. Двигаясь быстро, он рисовал их, не останавливаясь, и то и дело бросал быстрые взгляды через улицу на coronera. Отметив пентаграммой около сотни тел, он наконец выпрямился и сунул мелок в карман.

Теперь наступило время всем людям доброй воли прийти на помощь их партии, наступило время всем добрым людям помочь ей...

Он лежал под землей не одно столетие, но не оставался равнодушным к делам и мыслям сменявшихся эпох и поколений. Он впитывал все как губка, и теперь, словно в насмешку, в памяти всплывала, и не в первый уже раз, черная пишущая машинка, отстукивающая ровные строчки черных букв, слагая нужные слова:

«...наступило время всем людям доброй воли, всем добрым людям помочь... Уильяму Лэнтри».

И еще:

«Восстань, любимая, и мы пойдем...»

«Проворный рыжий лис перепрыгнул...» А здесь явно нужен парафраз: «Восставший мертвец ловко перепрыгнул через развалины Крематория...»

«Лазарь восстал из гроба...»

У него есть нужные слова. Надо только суметь сказать их так, как это говорили в прежние века. Он возденет руки к небу и произнесет заклинания, а они поднимут мертвых из гроба, заставят их встать и пойти.

А когда это сбудется, он проведет их всех по городу и они станут убивать, но убитые воскреснут и тоже пойдут с ними. К концу дня у него будут тысячи верных друзей. А как же наивные доверчивые люди, живущие сейчас, в этот год, в

этот день и час? Они будут застигнуты врасплох и потерпят сокрушительное поражение, ибо не ждут войны. Они не поверят, что война возможна, а она будет закончена прежде, чем они поймут, что подобная нелепость все же может произойти.

Лэнтри воздел руки горе, уста его раскрылись, и он произнес первые слова, сначала тихо, распевно, совсем шепотом, потом все громче. Он повторял и повторял заветные слова, раскачиваясь и закрыв глаза. Речь его убыстрялась. Он бродил среди мертвых тел, произнося слова заклинаний. Как зачарованный он сам вслушивался в них и, время от времени, нагибаясь, чертил голубые пентаграммы, как это делали давно забытые всеми кудесники, маги, колдуны. Он улыбался, он был уверен в себе. Он ждал того момента, когда дрожь пробуждения пробежит по неподвижным телам и он увидит, как они встают!

Руки его были воздеты, он кивал в такт словам и говорил, говорил. Вскоре он уже жестикулировал, голос стал совсем громкий, глаза горели, тело напряглось.

— Час пришел! — яростно выкрикнул он. — Восстаньте!

Но ничего не произошло.

— Восстаньте из мертвых! — кричал он в испуге.

Голубые тени в складках белых саванов на застывших телах остались неподвижны.

— Слушайте меня и поднимайтесь! — продолжал кричать он.

Где-то вдали со свистом промчалась машина.

Лэнтри кричал, он молил, он склонялся над каждым телом и умолял, как о чем-то очень важном, личном. Но мертвые молчали. Он метался между ровными белыми рядами, заламывая руки, нагибаясь и вновь чертя голубые символы.

Лэнтри, бледнее саванов на убитых, судорожно облизывал пересохшие губы и молил:

— Поднимайтесь, вы должны! Ведь так всегда было... Тысячелетиями одного магического знака, одного лишь слова было достаточно, чтобы поднять мертвых из гроба. Всегда было так, почему же не сейчас, почему? Вставайте, пока они не вернулись!

На склады опустилась тень. Под остальными балками перекрытий царила тишина. Лишь внизу неистовствовал одинокий человек.

Лэнтри наконец умолк.

В широко распахнутые двери были видны небо и угасающие утренние звезды.

Был 2349 год.

Глаза Лэнтри потухли, руки опустились и повисли как плети. Он был неподвижен.

Когда-то давным-давно люди пугались, если в доме начинал гулять ветер. Они брали в руки распятия или ядовитые цветки аконита. Они верили в воскрешение мертвых, в летучих мышей-вампиров и белых волков. А пока они верили в то, что все это существовало: ожившие мертвецы, вампиры и белые волки, рожденные воображением человека, они становились реальностью.

Но...

Лэнтри посмотрел на тела под белыми покрывами.

Эти люди ни во что подобное не верили.

Да, они не верили, и не поверят и теперь. Им трудно представить себе, что мертвецы могут воскреснуть. Для мертвых есть лишь одна дорога — в Печь. Суеверия и сомнения не мучили их, они не боялись темноты, этот страх им был неведом. Ходячие мертвецы — да ведь это абсурд! На дворе 2349 год, не забывайте об этом!

Вот почему эти мертвые не восстанут. Их тела останутся безжизненными, холодными и плоскими. Им не помогут заклинания и суеверные обряды. Ничто не может заставить их встать и пойти. Они мертвы и знают об этом!

Он снова был один.

Еще совсем недавно эти люди были живы, разъезжали в своих жуках-автомобилях, умеренно выпивали в маленьких полутемных барах у дороги, любили своих женщин и вели беседы о чем-то простом, будничном, добром и понятном.

Но он-то, Лэнтри, не был жив!

Его способность двигаться, благодаря силе трения, создала всего лишь иллюзию теплоты в его мертвом теле.

Перед ним двести трупов, поспешно свезенных в пустые городские склады. Первые за столетие покойники, которым позволили пролежать на холодном цементном полу неположенные несколько часов. Первые, кто не угодил сразу же в Крематорий и не вылетел в Большую трубу в виде легкого фосфоресцирующего дыма.

Казалось, он должен быть счастлив, находясь среди них.

Но, увы, это было не так.

Они были по-настоящему мертвы.

Они не узнали, да и не поверили бы, что мертвые могут ходить, даже если сердце остановилось. Они были мертвее мертвых.

Он снова один и более одинок, чем любой человек на свете. Холод одиночества вползал в его тело, добирался до груди, чтобы тихо прикончить его.

Уильям Лэнтри инстинктивно обернулся и чуть не вскрикнул.

Он был не один. Кто-то вошел в помещение складов. Лэнтри разглядел высокого седоволосого человека в легком светлом пальто, но без шляпы. Как долго он находится здесь?

Лэнтри понял, что более не может здесь оставаться, и, повернувшись, направился к выходу. Минувя незнакомца, он бросил на него торопливый взгляд. В глазах того было любопытство. Неужели он слышал, как Лэнтри кричал на мертвецов, как заклинал и молил их? Неужели он

что-то заподозрил? Лэнтри замедлил шаги. Видел ли седой мужчина, как он рисовал голубые пентаграммы? Поймет ли он, что это символы древних магических заклинаний? Возможно, нет.

В дверях Лэнтри остановился. На мгновение ему вдруг захотелось тоже лечь на пол и снова стать мертвым, чтобы его подняли и молча повезли по улицам к какой-нибудь дальней жаровой трубе, где тихо шелестящее пламя превратит его в горстку пепла. Если он опять один и у него нет шансов создать армию единомышленников, для чего ему оставаться здесь? Убивать? Ну, убьет он еще несколько тысяч. Что от этого изменится? Все равно, рано или поздно, они его поймают.

Он посмотрел на холодное небо.

Пролетела ракета, оставив на нем огненный след.

Среди миллиардов звезд красным огнем горела планета Марс.

Марс. Библиотека. Молодая библиотечарша и их беседа о тех, кто вернулся из космоса. Гробницы на Марсе.

Лэнтри чуть не закричал, так ему захотелось, протянув руку, коснуться Марса. Волшебная прекрасная звезда, добрая звезда, пробудившая в нем новую надежду! Если бы его сердце не было мертво, оно сейчас бы бешено забилося, лоб стал бы влажным от пота, кровь стучала бы в висках, а из глаз полились бы настоящие слезы!

Он должен попасть в то место, откуда взлетают в воздух ракеты. Что бы это ему ни стоило, он должен улететь на Марс! Там он отыщет эти гробницы, а в них останки умерших марсиан. Он готов поклясться той ненавистью, что в нем еще осталась, что среди мертвых на Марсе найдутся те, кто поймет его, встанет из гроба и пойдет за ним ради общего дела. Это древняя цивилизация, не похожая на земную. Она скорее близка древнеегипетской, если библиотечарша сказала ему правду о гробницах. Ведь древнеегипетская цивилизация —

это сплав темных предрассудков и ночных кошмаров предшествующих веков. Такой была прекрасная планета Марс.

Ему не следует привлекать к себе внимание. Его движения и походка должны быть спокойными. А ему так хотелось убежать отсюда без оглядки, хотя это было бы роковой ошибкой. Седой мужчина продолжал поглядывать на него, когда остановился в дверях. И к тому же кругомлюдно. Если бы что-то произошло, силы были бы неравными. До сих пор он справлялся с ними поодиночке.

Покидая склады, Лэнтри заставил себя остановиться на ступеньках крыльца. Седоволосый мужчина тоже вышел и посмотрел на небо. Лэнтри показалось, что он сейчас заговорит с ним, но, порывшись в карманах, мужчина вынул пачку сигарет.

5

Так они стояли перед входом в импровизированный морг: высокий розоволицый седой мужчина и он, Лэнтри. У обоих руки были в карманах.

Вечер был прохладным, светила похожая на белую ракушку луна, посеребрив крышу дома, кусок мостовой и темную гладь реки.

— Хотите сигарету? — Мужчина протянул Лэнтри пачку.

— Благодарю.

Они закурили. Мужчина смотрел на бескровные губы Лэнтри.

— Холодный вечер.

— Да, холодный.

Они переминались с ноги на ногу.

— Ужасное происшествие.

— Ужасное.

— Так много жертв.

— Да, много.

Лэнтри чувствовал, как колеблются весы, а он словно гирька, брошенная на них. Мужчина как будто не смотрел на него, но слушал и пытался понять. Достаточно положить перышко на чашу весов, и равновесие будет нарушено. Ему хотелось бежать от этих весов и брошенных на их чаши гирь. Наконец седой мужчина представился:

— Меня зовут Макклюр.

— У вас есть друзья в морге? — спросил Лэнтри.

— Нет. Лишь случайные знакомые. Ужасный случай.

— Да, ужасный.

Весы были спокойны. По улице промчалась машина, шурша всеми своими семнадцатью шинами. Лунный свет упал на крохотный городок далеко в темных горах.

— Послушайте, — промолвил Макклюр.

— Да?

— Вы сможете ответить мне на вопрос?

— Буду рад. — Лэнтри нащупал нож в кармане.

— Вас зовут Лэнтри? — наконец отважился спросить седоволосый.

— Да.

— Уильям Лэнтри?

— Да.

— Значит, вы тот человек, который два дня назад покинул кладбище в Сэлеме, я прав?

— Да.

— Слава Богу! Я рад познакомиться с вами, Лэнтри! Мы все искали вас последние двадцать четыре часа!

Седоволосый мужчина схватил Лэнтри за руку и тряс ее, а другой рукой похлопывал по спине.

— Что вы, что вы? — испуганно повторял Лэнтри.

— Господи, почему вы убежали? Разве вы не понимаете, какой это для нас момент? Мы жаждем побеседовать с вами.

Макклюр улыбался, он сиял. Еще пожатие руки, похлопывание по спине.

— Я так и думал, что это вы!

Он просто сумасшедший, решил Лэнтри. Не иначе как сумасшедший. Я разрушил их крематории, убил столько людей, а он радостно пожимает мне руку. Сумасшедший!

— Можно вас пригласить во дворец? — спросил Макклюр, беря его под локоть.

— К-к-а-кой дворец? — отшатнулся Лэнтри.

— В Дворец науки, разумеется. Не часто приходится видеть случаи оживления людей. У некоторых животных и насекомых это наблюдается, но чтобы такое произошло с человеком, — просто невиданный случай. Вы придете?

— В чем дело? — гневно уставился на него Лэнтри. — Что это означает?

— Мой дорогой друг, что вы имеете в виду? — ошеломленно спросил седой мужчина.

— Так, ничего. Это единственная причина, зачем я вам нужен?

— Какая же еще может быть причина, мистер Лэнтри? Вы не представляете, как я рад встретиться с вами! — Он чуть ли не пританцовывал от восторга. — Я так и подумал, когда мы вместе оказались в морге. У вас бледный цвет лица, вы по-особому курите сигареты и множество других вещей, ощущаемых почти подсознательно. Это действительно вы, не так ли?

— Да, это я, Уильям Лэнтри, — сухо ответил он.

— Отличный парень! Пойдемте!

Машина неслась на большой скорости по еще безлюдным улицам. Макклюр не закрывал рта.

Лэнтри сидел и слушал, несколько ошарашенный всем, что произошло. Этот дурак Макклюр, кажется, не зная того, оказывает ему немалую услугу. Глупцу-ученому, или кто там он есть, невдомек, кого он подцепил, с какой опасностью он играет! Нет, иного не может быть! Для него он лишь интересный случай анабиоза. О том, как

Лэнтри опасен, он, конечно, не подозревает. Куда там, ему это и в голову не придет.

— Конечно, конечно, — осклабясь, продолжал Макклюр. — Вы не знали, к кому обратиться, у кого спросить. Все здесь вам непривычно и непонятно.

— Да.

— Я так и полагал, что вечером вы посетите морг! — радостно воскликнул Макклюр.

— О? — насторожился Лэнтри.

— Да. Это даже трудно объяснить. Не знаю, с чего начать. У вас, древних американцев, очень странные представления о смерти. Вам довелось долго находиться среди мертвых, и я подумал: вас обязательно заинтересует взрыв Крематория, морг и прочее. Я понимаю, мое объяснение не убедительно, возможно, даже глупо, но у меня было такое чувство, что именно так вы и поступите. Я терпеть не могу всякие предчувствия, но здесь я не ошибся. Вы, наверное, назвали бы это интуицией, не так ли?

— Возможно.

— И вы пришли.

— Пришел, — согласился Лэнтри.

— Вы голодны?

— Я уже поел.

— Как вы попали в наш город?

— Автостопом.

— Как?

— На попутных автомашинах.

— Невероятно!

— Пожалуй, что так. — Лэнтри смотрел на мелькающие мимо дома. — Сейчас эпоха космических путешествий, не так ли?

— Мы уже лет сорок летаем на Марс.

— Даже не верится. А эти большие трубы в центре каждого города?

— Трубы? Разве вы не знаете? Это крематории. О, конечно, в ваше время ничего такого не было. Но сейчас что-то неладно с ними. Взорвался Кре-

маторий в Сэлеме, затем у нас, и все это за двое суток. Вы, кажется, что-то хотели сказать. Что же?

— Я просто думаю, — сказал Лэнтри, — мне повезло, что я смог выбраться из могилы. Ведь меня могли сжечь в одном из ваших крематориев.

— Вполне возможно.

Лэнтри рассеянно нажимал кнопки на щитке. Нет, он не полетит на Марс. Его планы изменились. Если этот глупец не способен распознать акт насилия, даже если он совершается у него под носом, пусть умирает дураком. Если они не связывают два взрыва с исчезновением мертвеца, тем лучше для него. Если им нравится так заблуждаться, что ж, это их право. Им невдомек, что кто-то может быть злым, подлым, жестоким. В таком случае да поможет им Бог. Он потерял руки от удовольствия. Нет, Лэнтри, друг мой, тебе нечего сейчас отправляться на Марс. Раньше посмотрим, как можно подорвать все это изнутри. Времени у тебя много. Взрывы крематориев можно отложить на недельку. Надо быть осторожным. Новые взрывы того и гляди заставят их призадуматься.

Макклюр продолжал тараторить:

— Разумеется, мы не собираемся так сразу обследовать вас. Вам надо отдохнуть. Я приглашаю вас к себе, в свой дом.

— Благодарю. Я сейчас не расположен подвергаться осмотрам и изучению. Времени у нас достаточно, можно сделать это и через недельку-другую.

Машина остановилась перед домом, они вышли.

— Полагаю, вам надо выспаться, — заботливо заметил Макклюр.

— Я спал несколько веков. Теперь буду рад пободрствовать. Я ничуть не устал.

— Отлично. — Макклюр, открыв дверь дома, тут же направился к бару. — Нам не помешает выпить.

— Вы пейте, — ответил Лэнтри. — Я потом. Сейчас мне хочется только есть.

— О, разумеется, садитесь, прошу вас. — Макклюр приготовил себе коктейль. Обведя взглядом гостиную, он перевел его на Лэнтри и, держа стакан в руке, как бы призадумался, склонив голову набок и заложив язык за щеку. Затем, пожав плечами, он помешал круговыми движениями содержимое стакана и, медленно подходя к креслу, наконец сел. Малыми глотками он принялся пить коктейль. Казалось, он к чему-то прислушивается.

— Сигареты на столе, — предложил он гостю.

— Благодарю. — Лэнтри взял сигарету и закурил. Какое-то время он молчал.

Я слишком легко со всем соглашаюсь. Возможно, мне следовало бы убить его и тут же скрыться. Он единственный, кто отыскал меня, размышлял Лэнтри. А что, если это ловушка? Может, Макклюр просто ждет полицию, или что там у них есть вместо полиции. Он посмотрел на хозяина. Нет, он не ждет полицию. Он ждет чего-то другого.

Макклюр молчал. Он изучал лицо гостя, его руки и долго смотрел на грудь Лэнтри, сохраняя полную невозмутимость. И все это время он медленными глотками пил коктейль. Наконец глаза Макклюра остановились на ногах Лэнтри.

— Где вы раздобыли эту одежду? — неожиданно спросил он.

— Попросил, и мне ее дали. Очень благородно со стороны этого человека.

— Вы еще успеете убедиться в том, что мы все здесь такие. Стоит только нас попросить.

Макклюр снова умолк. Но глаза его говорили. Только глаза. Он снова отпил несколько глотков хереса.

Где-то тикали часы.

— Расскажите мне о себе, мистер Лэнтри, — наконец попросил он.

— Рассказывать нечего.

— Вы скромничаете.

— Едва ли. Прошрое вам и без меня известно. А вот я ничего не знаю о будущем, или, вернее, о сегодняшнем дне, и о вчерашнем тоже. Лежа в гробу, едва ли что-либо узнаешь.

Макклор молчал. Он на мгновение подался вперед, но тут же снова опустился на спинку кресла.

Они никогда не заподозрят меня, думал Лэнтри. Они не суеверны, они просто не верят, что мертвые могут ходить. Поэтому я в безопасности, успокаивал себя Лэнтри. Я постараюсь оттягивать как можно дольше медицинское освидетельствование. Они люди вежливые и принуждать не станут. А за это время я все подготовлю для полета на Марс. А там я займусь гробницами и составлю план. Черт возьми, как все просто! До чего же простодушны и наивны эти люди будущего.

Макклор, сидевший напротив, молчал уже минут пять. Он словно окаменел. Живые краски медленно уходили с его лица, как капли уходят из пипетки, когда нажмешь на резиновый баллончик. Подавшись вперед, он, однако, ничего не сказал, а лишь протянул Лэнтри сигарету.

— Спасибо, — поблагодарил тот.

Макклор опять глубоко опустился в кресло и закинул ногу на ногу. Казалось, он не смотрел на гостя, и вместе с тем следил за каждым его движением. Лэнтри снова охватило неприятное ощущение утраты равновесия. Чаши весов качнулись. Макклор был похож на поджарую гончую во главе стаи, прислушивающуюся к тому, что кроме нее не слышит более никто. Есть такие крохотные серебряные свистки, звук которых улавливает лишь ухо охотничьей собаки. У Макклора был вид, будто он ждал, настороженно и терпеливо, сигнала невидимого свистка. Об этом говорили его глаза, полуоткрытые, пересохшие от волнения губы и трепещущие ноздри.

Лэнтри, посасывая сигарету, беспрестанно пускал в воздух клубы дыма. А Макклюр, похожий на рыжего гончего пса, ошетилившись, прислушивался к чему-то, кося глазом. В нем гнезился страх. Он, как и звук невидимого свистка, угадывался лишь той частью подсознания, с которой по чуткости не сравнимы ни человеческий слух, ни зрение или обоняние.

В комнате стояла такая глубокая тишина, что, казалось, если прислушаться, будет слышен звук поднимающегося в воздух сигаретного дыма, уходящего под потолок. Макклюр был термометром, аптечными весами, настороженной гончей, лакмусовой бумагой, антенной или всем этим одновременно. Лэнтри не шелохнулся. Возможно, охватившее его беспокойство пройдет, как это бывало и раньше. Макклюр тоже не менял позы в кресле. Молча кивнув, он указал гостю на графин с хересом. Лэнтри так же молча отказался. Они сидели, избегая глядеть друг на друга, только изредка бросали опасливые взгляды и тут же отводили их.

Макклюр словно одеревенел. Лэнтри заметил, как его впалые щеки становились все бледнее, рука сильнее сжимала стакан с хересом и в глазах было прозрение. Оно теперь не покинет его уже никогда.

Лэнтри сидел не двигаясь. Ибо просто не мог. Все, что происходило, буквально завораживало его, и ему не терпелось поскорее узнать, что будет дальше. Игру вел Макклюр, только он один.

— Вначале я подумал, что это первый случай психоза, который мне довелось увидеть, — наконец сказал Макклюр. — Я говорю о вас. Я думал: он убедил себя в этом, то есть Лэнтри убедил себя в том, что он безумен, и поэтому заставил себя совершить все эти маленькие шалости. — Макклюр был как бы во сне, но говорил, не останавливаясь.

— Я сказал себе: он намеренно не дышит носом. Я следил за вашими ноздрями, Лэнтри. За

последний час волоски в них не шелохнулись. Но я решил, что этого недостаточно. Просто факт, который следует отметить. Этого недостаточно, уверял я себя. Он может дышать ртом. Он все это делает нарочно. А потом я предложил вам сигарету и увидел, как вы просто посасываете ее и пускаете дым, посасываете и дымите, вот и все. Вы ни разу не выпустили дым через нос. Я сказал себе: ну и что? Он не хочет вдыхать табачный дым. Что в этом плохого или подозрительного? Просто он предпочитает держать дым во рту, да, во рту. Но потом я посмотрел на вашу грудь. Я внимательно наблюдал за вами. Ваша грудь ни разу не поднялась и не опустилась при вдохе или выдохе. Она была неподвижной. Он вышколил себя, подумал я. Он управляет своим дыханием. Когда он уверен, что никто этого не видит, он дышит грудью. Вот как я продолжал уговаривать себя.

Речь его текла ровно, не прерываясь, в полной тишине комнаты. Макклюр произносил слова как в гипнотическом сне.

— Я предложил вам выпить, но вы отказались. Ну что ж, он не пьет, подумал я. Разве это плохо? Все это время я внимательно следил за вами. Лэнтри нарочно задерживает дыхание, успокаивал я себя. Он просто валяет дурака. Но сейчас, да, сейчас, я все понял. Теперь я знаю, как все это могло произойти. Вы хотите узнать, как мне это удалось? Сидя с вами в этой комнате, я не слышал вашего дыхания. Я ждал, ждал, но так и не дождался. Я не слышал биения вашего сердца и не слышал, как дышат ваши легкие. В комнате такая тишина. Глупости, сказал бы кто-нибудь другой. Однако я все знаю. Мне известно про Крематорий. К тому же я ощущаю разницу. Когдаходишь в комнату, видишь человека на постели, то сразу же знаешь, посмотрит он на тебя, скажет ли что-нибудь, или никогда уже не сделает ни того ни другого. Хотите смеяться, хотите нет, но

это чувствуешь мгновенно. Подсознательно. Это как свисток, который слышат собаки, но не слышит человек. Как тиканье часов. Ты слышишь его так долго, что вскоре перестаешь замечать. В комнате есть что-то особенное, когда в ней живой человек. Она становится совсем другой, когда в ней мертвец.

Макклор на мгновение закрыл глаза. Поставив стакан, он помолчал еще какие-то секунды, а затем, взяв сигарету, затащил ее в рот и бросил ее в черную пепельницу.

— Я один в этой комнате, — сказал он.

Лэнтри безмолвствовал.

— Вы мертвы, Лэнтри, — продолжал Макклор. — Мое сознание не воспринимает этих слов, да и не время для рациональных размышлений. Сейчас действуют чувства и подсознание. Сначала я подумал: этот человек считает себя мертвым, но воскресшим вновь, неким вампиром. Что в этом нелогичного? Ведь его действительно похоронили много столетий назад. Он вырос и был воспитан в мире предрассудков и низкого уровня культуры, поэтому, воскреснув, он вправе думать о себе такое. Это закономерно. С помощью самогипноза он подчинил своей воле все функции своего организма, чтобы ничто не мешало его самообману и паранойе. Он умеет управлять своим дыханием и убеждает себя в том, что мертв, поскольку не слышит собственного тела. Его внутренний разум контролирует его способность не дышать. Он ничего не ест и не пьет. Возможно, ночью, во сне, какой-то частью своего подсознания, он и позволяет себе это, но он тщательно скрывает ото всех, даже от собственного затуманенного сознания, все присущие живому человеку признаки.

Я ошибался, — заключил Макклор. — Вы не безумец. Вы не обманываете самого себя. И еще меньше вы обманываете меня. Все это действи-

тельно лишено логики... все это пугает. Вам нравится думать, что вы пугаете и меня тоже, не так ли? Я не знаю, кем вас считать. Вы очень странный человек, Лэнтри. Но я рад, что встретил вас. Это будет очень интересный научный доклад.

— Что плохого в том, что я мертв? — не выдержал Лэнтри. — Разве это преступление?

— Но вы должны признать, что это весьма необычно.

— И тем не менее, разве это преступление?

— У нас нет преступлений, нет и уголовных судов. Мы обследуем вас, разумеется. Для того, чтобы понять, кто вы и откуда взялись. Возможно, вы результат каких-то химических процессов, когда клетка в какое-то мгновение мертва, а потом оживает? Кто сможет нам сказать, что произошло. Но вы — результат невозможного. Этого достаточно, чтобы свести любого с ума.

— Вы отпустите меня, когда снимете отпечатки пальцев?

— Мы не станем вас задерживать против вашей воли. Если не хотите, чтобы вас обследовали, мы не будем этого делать. Но я надеюсь, вы не откажетесь помочь нам?

— Возможно, — согласился Лэнтри.

— Однако скажите мне, — не унимался Макклюр. — Что вы делали в морге?

— Ничего.

— Когда я вошел, вы разговаривали.

— Мне просто было любопытно.

— Это неправда. Вы поступаете плохо, мистер Лэнтри. Говорить правду куда лучше. А правда состоит в том, что вы мертвы, вы — единственный в своем роде и очень одиноки. Вот вы и начали убивать людей, чтобы не быть одиноким.

— Что заставило вас прийти к такому выводу?

Макклюр рассмеялся:

— Простая логика, мой друг. Как только я узнал, что вы мертвец, и... как бы это сказать... вампир, — Господи, что за глупое слово! — я тут

же связал ваше появление со взрывом крематориев. До этого подозревать вас не было причины. Но когда недостающий кусочек мозаики лег на свое место, тот факт, что вы мертвы, позволил мне сделать вывод: вы одиноки, о чем легко было догадаться, переполнены ненавистью, завистью и прочими расхожими комплексами ходячего мертвеца. Как только стало известно о взрыве крематориев, я тут же подумал, что найду вас в морге, среди мертвых, где вы будете пытаться найти помощь, друзей и единомышленников...

— Будьте вы прокляты! — не выдержал Лэнтри и вскочил. Он был совсем близко к Макклюру, но тот увернулся и запустил в него графином с хересом. В отчаянии Лэнтри понял, как по собственной глупости упустил шанс вовремя убить Макклюра. Надо было это сделать намного раньше. Запас безопасности был его единственным надежным оружием. Если в этом мире люди никогда не убивали друг друга, то им чуждо подозрение. Можно подойти к любому из них и убить его.

— Выходите! — приказал он Макклюру и бросил в него нож.

Но тот укрылся за спинкой стула. Мысль о том, что надо спастись бегством или защищаться, хотя бы постоять за себя была незнакома Макклюру. И все же какая-то частица его подсознания велела ему делать это.

Макклюр видел превосходство Лэнтри, если тот захочет воспользоваться им.

— Нет, нет! — крикнул он и, подняв стул, загордился им от наступавшего на него Лэнтри. — Неужели вы хотите убить меня? Это странно, но, кажется, это правда. Я не понимаю вас. Вы намерены изрезать меня на куски или сотворить что-либо подобное? Но я не собираюсь позволить вам совершить такую непоправимую глупость.

— Я убью вас! — не выдержал Лэнтри и тут же проклял себя. Худшего он не мог сказать.

И не обращая внимания на стул, которым защищался Макклюр, он бросился на него.

— Остановитесь! Какая вам польза от того, что вы убьете меня? — попытался урезонить его Макклюр. — Вы сами знаете, насколько это безрассудно. — Но они уже сцепились в отчаянной драке. Падали столы, опрокидывались стулья. — Вспомните, что произошло в морге!

— Мне все равно! — кричал Лэнтри.

— Ведь вам не удалось оживить мертвых, не так ли?

— Мне все равно! — надрывался Лэнтри.

— Послушайте меня, — старался успокоить его Макклюр. — Таких, как вы, нигде больше нет и не будет. Да и зачем они?

— Тогда я уничтожу всех вас, всех! — неистовствовал Лэнтри.

— А что потом? Вы всегда будете одиноким, похожих на вас больше не будет.

— Я улечу на Марс. Там есть гробницы. Я найду там таких, как я.

— Нет, у вас ничего не выйдет, — сказал Макклюр. — Вчерашним приказом все гробницы очищены от останков. Через неделю их сожгут.

Они повалились на пол. Руки Лэнтри тянулись к горлу противника.

— Прошу вас, — взмолился Макклюр. — Послушайте меня, вы все равно умрете.

— Что вы хотите сказать? — пришел в ярость Лэнтри.

— А то, что как только вы убьете последнего из нас и останетесь в полном одиночестве, вы умрете! Сначала умрет ваша ненависть. Это она вами движет, и ничто другое! Да еще зависть! Вы умрете, это неизбежно. Вы не бессмертны. Вы даже не живой человек, а просто воплощенная ходячая ненависть!

— Мне все равно! — крикнул Лэнтри и стал душить его, бить по голове. Всем своим телом он

навалился на беззащитную жертву. Макклюр не сводил с него угасающего взора.

В эту минуту внезапно распахнулась входная дверь и на пороге появились двое мужчин.

— Эй, что здесь происходит? — воскликнул один из них. — Это что, новый вид спортивных игр?

Лэнтри вскочил и бросился наутек в раскрытую дверь.

— Да, новая игра! — с трудом поднимаясь с пола, сказал Макклюр. — Не дайте ему уйти, и вы в ней будете победителями.

Лэнтри тут же был пойман и доставлен обратно.

— Мы выиграли! — гордо объявили двое, крепко держа беглеца.

— Пустите меня! — вырвался Лэнтри, отчаянно сопротивляясь и нанося своим обидчикам удары по голове, по лицу. Одному из них он все же разбил лицо до крови.

— Держите его покрепче! — волновался Макклюр.

Мужчины продолжали крепко держать Лэнтри.

— Грубая игра, ничего не скажешь, — наконец заметил один из них. — Что теперь с ним делать?

Жук-автомобиль со свистом мчался по мокрому от дождя шоссе. Лил дождь и ветер трепал голые ветви деревьев. Держа руки на руле, похожем на штурвал самолета, Макклюр говорил. Его голос, пониженный до шепота, гипнотизировал.

Мужчины сидели на заднем сиденье, а Лэнтри поместили рядом с Маккляром. Он полулежал, откинув голову на спинку сиденья, прикрыв глаза. Отсвет зеленой лампочки на щитке падал на его щеку. На губах его не было прежней гримасы жестокости. Он молчал.

Все, что тихо говорил Макклюр, было разумным, — о жизни и движении, о смерти и покое, о солнце на небе и его символах в Крематории, о пустых кладбищах, о ненависти и ее живучести,

как она помогает глиняным големам жить, ходить по земле, и что все это нелогично и абсурдно, все, все, все. Человек в конце концов умирает. И ничто не изменится. Шины автомобиля шелестели по асфальту. Дождь тихо стучал по ветровому стеклу. На заднем сиденье мирно беседовали двое мужчин и гадали, куда они едут, едут, едут... В Крематорий, конечно. Причудливыми кольцами, петлями и спиралями вился в воздухе табачный дым. Если ты мертв, пора признаться в этом.

Лэнтри не двигался. Он стал марионеткой, у которой обрезали нити, с крохотными искорками ненависти, еще тлеющей в его сердце и глазах, как два слабых, затухающих уголька.

«Я — По, — думал он. — Я — все, что еще осталось от Эдгара Аллана По, Амброза Бирса и человека по имени Лавкрафт. Я — серая ночная летучая мышь с хищными зубами. Я — квадратный черный каменный монстр-монолит. Я — Осирис, Бал и Сет. Я — Некрономикон, “Книга мертвах”. Я — рухнувший, объятый пламенем дом Эшеров, Маска Красной смерти, человек, замурованный в катакомбах с бочонком амонтильядо... Я — пляшущий скелет. Я — гроб, саван, блеск молнии в окне старого дома. Я — голое дерево на ветру. Я — ставня, которой громко хлопает ветер. Я — пожелтевшие страницы книги, которую листает обезьянья лапа. Я — орган, играющий в полночь на чердаке. Я — маска-череп на дубе в День всех святых. Я — отравленное яблоко, соблазнительно плавающее в чане с водой, которое ребятишки пытаются выловить зубами, без помощи рук... Я — черная свеча, зажженная перед перевернутым распятием. Я — крышка гроба, я — белое покрывало с прорезями для глаз, я — чьи-то шаги на темной лестничной площадке. Я — Дансени и Мэчен. Я — “Легенда Спящей долины”, “Обезьянья лапа” и “Рикша-призрак”. Я — “Кошка и канарейка”, “Горилла” и “Летучая мышь”. Я — призрак отца Гамлета на крепостной стене.

Все это — я. Теперь все, что от этого осталось, будет сожжено. Пока я жил, жили и они. Пока я двигался и ненавидел, они существовали. Я — единственный, кто о них еще помнил, я — та их часть, которая еще существует, но которой не станет уже сегодня вечером. Ибо сегодня вечером все мы, По, Бирс и отец Гамлета, сгорим вместе. Они свалят нас в одну большую кучу и подожгут, как костер, как когда-то ежегодно сжигали чучело Гая Фокса, зачинщика порохового заговора. Керосин, факелы, крики толпы и все такое прочее!

О, сколько будет плача и стенаний! Мир будет очищен от нас, но, уходя, мы скажем ему, каков он есть теперь, свободный от суеверных страхов и сумеречной памяти о далеких темных веках, лишенный воображения, трепетного ожидания чего-то и щемящих предчувствий в канун Праздника всех святых, мир, из которого ушло столь многое, чтобы никогда уже не вернуться, мир, в котором столько растоптано, разбито вдребезги и сожжено теми, кто летает на ракетах, и теми, кто обслуживает Крематорий, кто уничтожает, стирает память и заменяет все легко открывающимися и так же легко закрывающимися дверями, и огнями, которые то вспыхивают, то гаснут, не пугая никого. Если бы вы были в силах вспомнить, как мы жили когда-то, что значил для нас праздник Всех святых, кем был для нас По и как мы любили таинственность и черную меланхолию! Еще глоток амонтильядо, друзья, прежде чем нас сожгут. Все это еще существует, однако лишь в мозгу одного-единственного человека. Сегодня вечером погибнет целый мир. Еще глоток вина, прошу вас!»

— Вот мы и приехали, — сказал Макклюр.

Крематорий сверкал огнями. Тихо играла музыка. Макклюр, выйдя из машины, обошел ее и открыл дверцу перед Лэнтри. Тело того казалось

безжизненным. Речь Макклюра, его убийственная логика лишали Лэнтри всех сил сопротивления. Теперь он представлял собой не более чем восковую куклу с тусклыми глазами. Этот мир будущего! Как в нем любят рассуждать, как трезво и логично расправляются с его жизнью. Они ни за что не поверят в него. От их недоверия он окоченел и не в силах двинуть ни рукой, ни ногой. Он способен лишь бормотать что-то невразумительное и беспомощно хлопать глазами.

Макклюр и двое сопровождающих помогли ему выбраться из машины. Они уложили его в золотой ящик и покатали на каталке в манящий теплом и светом Крематорий.

— Я — Эдгар Аллан По, я — Амброз Бирс, я — Праздник всех святых, я — гроб, я — саван, я — Обезьянья лапа, я — Призрак, Вампир...

— Да, да, — тихо сказал Макклюр, склоняясь над ним. — Я знаю, знаю.

Каталка скользила по коридорам, стены сдвигались. Играла музыка. Ты мертв. Да, логически ты мертв.

— Я — Эшер, я — Мельстрем, я — Рукопись, найденная в бутылке, я — Колодец, я — Маятник, я — Сердце-обличитель, я — Ворон, птица с кличкой «Никогда»...

— Да, — сказал Макклюр, шагавший рядом. — Я знаю.

— Я в подземелье! — выкрикнул Лэнтри.

— Да, в подземелье, — сказал человек, склоняясь над ним.

— Меня приковывают к стене, и здесь нет бочонка амонтильядо! — слабо запротестовал Лэнтри и закрыл глаза.

— Да, — подтвердил кто-то.

Движение. Открылась дверца печи.

— Они замуровывают нишу, они оставляют меня здесь!

И шепот:

— Да, я знаю.

Золотой ящик скользнул в щель.

— Меня замуровали! Отличная шутка! А теперь пойдете... назад... — И вдруг отчаянный вопль, затем недоуменный хохоток.

— Мы знаем, мы понимаем...

Щелкнул еще один замок. Последний. Золотой ящик исчез в пламени.

— Ради всего святого, Монтрезор! Ради всего святого!

СИНЯЯ БУТЫЛКА

От каменных солнечных часов осталось лишь мелкое белое крошево. Птицы покинули поднебесье и навеки смолкли, распластав крылья среди скал и песка. По дну мертвых морей перекачивались волны пыли. Стоило ветру уговорить их снова сыграть древнюю мистерию потопа, как они вздымали сухие валы, и серые пыльные потоки заливали все окрест.

Города замерли в немоте уснувшего времени, стихли фонтаны, не плескалась вода в озерах... Только тишина и древняя память.

Марс был мертв.

Потом на границах огромного безмолвия в невообразимой дали родился звук — словно бы еле слышно стрекотало какое-то насекомое. Звук приближался, нависал над красноватыми холмами, противно зудел в пронизанном солнцем воздухе. Дрогнуло древнее шоссе, шевельнулась и пошла перешептываться пыль в давным-давно заброшенных городах.

Звук замер.

The Blue Bottle

Copyright © 1950 by Ray Bradbury

Синяя Бутылка

© Н. Григорьева, В. Грушеский, перевод, 1997

В сияющей полуденной тишине Альберт Бек и Леонард Крейг сидели в латанном-перелатанном стареньком вездеходе и разглядывали мертвый город. Город с трудом выдержал человеческий взгляд и будто сжался, ожидая крика.

— Привет!

Хрустальная башня вздрогнула и осыпалась мягким шелестящим дождем мелких обломков.

— Эй, вы там!

Еще одна... Потом башни начали рассыпаться одна за другой. Голос Бека приказывал им умирать.

Каменные химеры с огромными гранитными крыльями ныряли вниз. Короткий полет заканчивался неизменным тяжким ударом о плиты двори-ков и края фонтанов. Голос приказывал им, словно цирковым животным, и они с протяжными стонами отрывались от каменных фронтонов, наклонялись, заглядывали в пустоту, вздрагивали, сопротивляясь, и рушились вниз с разинутыми пастьми, выпученными каменными глазами, оскаленными клыками. Осколки разлетались вокруг, как шрапнель по черепице.

— Э-ге-гей!

Бек подождал. Катастрофический распад прекратился. Ни одна башня больше не упала.

— Теперь можно идти.

Крейг даже не пошевелился.

— Все за тем же?

Бек кивнул.

— Не понимаю. Ради какой-то проклятой бутылки! Зачем она вам всем так понадобилась?

Бек выбрался из машины.

— Те, кто держал ее в руках, не очень-то охотно делились впечатлениями. Известно только, что это древняя вещь. Такая же древняя, как пустыня, как здешние мертвые моря... Все предания говорят: в ней что-то есть. А человек — существо любопытное и алчное.

— Не обобщай. Ко мне это не относится, — отозвался Крейг. Его губы едва шевелились; глаза оставались полуприкрыты. Он лениво потянулся. — Я здесь просто за компанию. Все-таки лучше смотреть, как ты суетишься, чем сидеть без дела в этом пекле.

Старый вездеход Бек раскопал с месяц назад — еще до того, как Крейг вызвался сопровождать его — среди мусора, оставшегося со времен Первого промышленного вторжения на Марс. Продолжалось оно недолго, поскольку человечество двинулось дальше, к звездам. Бек привел вездеход в порядок и с тех пор мотался на нем от одного древнего города к другому, через земли бездельников и фермеров, мечтателей и лентяев, людей, отвергнутых космосом, и тех, кто, подобно ему и Крейгу, не любил напрягаться и в конце концов обнаружил, что Марс — самое подходящее для них место.

— Пять, а может, и десять тысяч лет назад марсиане создали Синюю Бутылку, — сказал Бек. — Взяли и выдули из марсианского стекла. А потом ее теряли и находили, и опять теряли и снова находили...

Он говорил, не отрывая взгляда от колышущегося жаркого марева над мертвым городом. «Всю мою жизнь, — думал Бек, — я занимался ничем, заполнял себя пустотой. Другие, лучше меня, делали большие дела: летели к Меркурию, или к Венере, или еще дальше — за пределы Солнечной системы. Другие — не я. Все, кроме меня. Но Синяя Бутылка может разом все изменить».

Он повернулся и зашагал прочь от остывающего вездехода.

Крейг легко перемахнул через борт и небрежным шагом последовал за ним.

— И чего ты достиг за десять лет охоты? Ты мечешься во сне, просыпаешься в испарине, носишься по планете, высунув язык. Так стремишься

заполучить эту проклятую бутылку, даже не зная, что в ней? Ты дурак, Бек.

— Эй, полегче на поворотах, — проворчал Бек, сшибая камешек с дороги.

Бок о бок они вошли в разрушенный город и теперь шагали по мозаичным плитам, складывавшимся в каменный гобелен. Под ногами людей разворачивалась история сгинувших марсиан, мелькали образы диких животных, ветер то раздиргивал пыльную кисею, то вновь накидывал ее на сцены и лики былого.

— Погоди, — сказал Бек. Он сложил ладони рупором и во всю мочь крикнул: — Эй, там!

— Там-м-м, — отозвалось эхо, и снова посыпались башни. Фонтаны и каменные колонны неторопливо складывались, словно уходили в себя. — С этими городами всегда так. Иногда башни, прекрасные, как симфония, могут рухнуть от единого слова. Как будто кантата Баха рассыпается на звуки прямо перед тобой.

Мгновение спустя пыль осела. Только две конструкции остались стоять.

Бек кивнул приятелю, и они двинулись на поиски.

Крейг озираясь по сторонам, и на губах его играла легкая улыбка.

— Слушай, вдруг в этой бутылке сидит маленькая женщина, — сказал он, — знаешь, такая, вроде японского цветка, который раскрывается, когда его опускаешь в воду?

— Мне не нужна женщина.

— Может, и нужна. Наверное, у тебя никогда не было настоящей женщины, которая любила бы тебя по-настоящему, вот ты и надеешься отыскать ее в бутылке. — Крейг пожевал губами. — А может, там что-нибудь из твоего детства? Озеро, дерево, на которое ты любил забираться, краб какой-нибудь... и все это свернуто в такой крошечный узелок... Как, звучит?

Бек смотрел вдаль.

— Иногда и мне так кажется. Что-то из прошлого... Земля. Я не знаю.

Крейг кивнул:

— Вполне возможно, что в бутылке каждый находит что-то свое. А вдруг там найдется глоток хорошего виски?

— Лучше смотри-ка повнимательнее вокруг, — посоветовал Бек.

Перед ними было семь комнат, заполненных блеском и сиянием; от пола до потолка стояли амфоры, кувшины, бутылки, урны, вазы красного, розового, желтого, фиолетового, черного стекла. Бек методично разбил все, чтобы раз и навсегда расчистить себе путь и никогда больше не разгребать эти завалы.

Покончив с одной комнатой, он собрался перейти в следующую, но остановился, не дойдя до порога. Он просто боялся идти. Боялся, что на этот раз найдет; что поиск его завершится, а жизнь снова утратит смысл. Десять лет назад, на пути от Венеры к Юпитеру, он впервые услышал о Синей Бутылке от восторженного коммивояжера и почувствовал, что обретает цель. Лихорадка поиска захватила его и с тех пор не отпускала. Если обращаться с ее внутренним жаром осторожно, то желания отыскать Синюю Бутылку может хватить надолго, до самого краешка жизни. Ну хотя бы еще лет на тридцать — конечно, если не очень усердствовать в поисках и не признаваться самому себе, что дело вовсе не в бутылке, не в том, чтобы найти ее, а в азарте поиска, охотничьей страсти, когда не знаешь к тому же, что за трофей поджидает тебя.

Какой-то посторонний звук заставил Бека подойти к окну и выглянуть во двор. По улице к дому почти бесшумно подкатил маленький песчаный мотоцикл. Белокурый толстяк легко соскочил с мягкого сиденья и теперь озирался по сторонам.

Еще один искатель. Бек вздохнул. Их тут тысячи рыщут повсюду. Но беззащитных городков и деревушек на Марсе тоже не одна тысяча. Сотни лет не хватит, чтобы просеять их все.

— Как дела? — В дверном проеме появился Крейг.

— Да вот, не повезло... — начал было Бек, но замолчал и принялся. — Откуда этот запах?

— Какой? — Крейг огляделся.

— Пахнет словно... хорошим «Бурбоном».

— Так это от меня! — засмеялся Крейг.

— От тебя?

— Я только что принял. Нашел в соседней комнате. Разгребал всякий хлам, перерыл кучу бутылок, ну, знаешь, как везде, а в одной из них обнаружился «Бурбон».

Бек смотрел на приятеля и чувствовал, как его начинает колотить нервная дрожь.

— Откуда, черт возьми, взялся «Бурбону» здесь, в марсианской бутылке? — Ладони у него стали влажными и похолодели. Он медленно двинулся вперед. — Где она?

— Да я уверен...

— Проклятье! Покажи мне ее!

Он стоял в углу комнаты — небольшой сосуд из марсианского стекла, синего, как небо; легкий, почти невесомый. Бек осторожно поднял его и перенес на стол.

— Там еще половина осталась, — сказал Крейг.

— Я ничего не вижу внутри, — возразил Бек.

— Ты потряси.

Бек поднял фиал, осторожно встряхнул.

— Слышишь, плещется?

— Нет.

— А я так отчетливо слышу.

Бек снова поставил бутылку на стол. Через окна падал солнечный свет, и под его лучами на стенках изящного сосуда вспыхивали синие огонь-

ки. Так мог бы сиять драгоценный камень на ладони. Так голубеет океанский залив под полуденным солнцем. Так сверкает капля росы поутру.

— Это она, — произнес Бек тихо. — Я знаю, что это она. Нам нечего больше искать. Мы нашли Синюю Бутылку.

Крейг явно не верил.

— Так ты ничего в ней не видишь?

— Ничего... Если только... — Бек нагнулся и заглянул в синюю стеклянную вселенную. — Если только я не открою ее и не выпущу на свободу что бы там в ней ни было; тогда, может быть, увижу.

— Я закупорил ее как следует, — немного виноватым тоном сказал Крейг.

— Надеюсь, джентльмены простят меня, — раздался голос сзади.

Белокурый толстяк с винтовкой вошел в комнату. Он не смотрел на лица двоих людей, он смотрел только на голубую стеклянную посудину. И улыбался.

— Терпеть не могу таскать с собой винтовку, — пожаловался он, — но вот приходится. Полагаю, вы не будете возражать, если я возьму эту штуку?

Бек был почти доволен. В происходящем явно чувствовалась определенная красота согласованности; он любил подобные повороты сюжета — сокровище уводят прямо из-под носа прежде, чем им успели хотя бы полюбоваться. Открывались неплохие перспективы погони, борьбы, череды удач и потерь, и все это обещало по крайней мере еще четыре-пять лет новых поисков.

— Ну давайте же, — поторопил незнакомец. — Тащите ее сюда.

Он угрожающе шевельнул стволом винтовки.

Бек протянул ему бутылку.

— Ну и ну, — покачал головой толстяк. — Даже не верится, что все так просто. Вошел, послушал чужой разговор — и вот уже Синюю Бутылку вручают тебе прямо в руки! Поразительно!

Он вышел из комнаты на залитую солнцем улицу и зашагал к мотоциклу, все еще качая головой и посмеиваясь.

Полночные города в свете двух холодных марсианских лун казались вырезанными из кости. Подскакивая и дребезжа, вездеход полз по разбитому шоссе мимо поселений с фонтанами, припорошенными вездесущей пылью и пылью с крыльев бесчисленных насекомых, мимо ажурных зданий, набитых странной утварью, уставленных звенящими металлом книгами, завешанных причудливыми картинами. Древние города давно утратили свое первоначальное назначение; теперь они стали скопищем бесполезных вещей; время обратило их мостовые в прах, и хмельные ветры, играя, перебрасывали его из долины в долину, словно пересыпали песок в гигантских песочных часах, бесконечно создавая одну пирамиду и разрушая другую. Безмолвие неохотно распахивалось на миг, пропускало вездеход и тут же смыкалось снова.

— Мы никогда не найдем его, — вздохнул Крейг. — Проклятые дороги! Столько времени прошло — немудрено, что от них остались одни ухабы да рытвины. На мотоцикле здесь куда сподручнее: по крайней мере, ямы можно объезжать. Черт!

Они круто свернули, срезая изгиб шоссе. Вездеход, словно гигантский ластик, стирал с дороги вековые напластования пыли и открывал изумруды и золото древних марсианских мозаик.

— Стоп! — сам себе скомандовал Бек и сбросил скорость. — Там что-то есть.

— Где?

Они вернулись назад на сотню ярдов.

— Вот. Смотри. Это же он.

В кювете под собственным мотоциклом лежал давешний толстяк. Глаза у него были широко открыты, и, когда Бек посветил фонариком, они невидяще блеснули.

— Где бутылка? — спросил Крейг.

Бек спустился в кювет и забрал винтовку.

— Не знаю. Исчезла.

— От чего он умер?

— Этого я тоже не знаю.

— Мотоцикл вроде в порядке. Не похоже на аварию.

Бек перевернул тело.

— Ран нет. Такое впечатление, словно он вдруг... выключился, сам по себе.

— Наверное, сердечный приступ, — пожал плечами Крейг. — Заполучил бутылку и слишком возбуждился. Съехал с дороги передохнуть. Надеялся, что обойдется, а сердце не справилось.

— Как-то не вяжется это с Синей Бутылкой.

— Там кто-то есть, — перебил Крейг. — Господи, сколько же здесь этих искателей...

Они всмотрелись в окружающую тьму. Далеко на синих холмах в звездной черноте смутно угадывалось движение.

— Трое. Пешком идут, — уверенно сказал Бек.

— Они, должно быть...

— Боже, ты посмотри!

С телом происходило нечто невероятное. Фигура толстяка словно плавилась у них на глазах. Лицо исчезало. Волосы засветились, как перекалившаяся вольфрамовая нить, и с шипением рассыпались. Пальцы рук вспыхнули и растаяли в пламени. Потом словно гигантский молот обрушился на стеклянную статую: тело взорвалось розовыми сполохами, превратилось в облачко дыма, и ночной ветер мгновенно развеял его над дорогой.

— Они, наверно, что-то с ним сделали, — хрипло произнес Крейг. — Это какое-то новое оружие.

— Так и раньше бывало с теми, кому удавалось найти Бутылку, — сказал Бек. — Они исчезали. А Бутылка переходила к другим, и те тоже исчезали. — Он покачал головой. — Надо же! Взял и словно рассыпался на миллион светлячков...

— Ты поедешь за ними?

Бек вернулся к вездеходу, постоял, вслушиваясь в тишину ночных курганов, хранящих истлевшие кости, и, обращаясь к пустыне, убежденно сказал:

— Работенка та еще, но, думаю, пробьемся. Теперь я просто должен до нее добраться. — Он помолчал и снова заговорил уже совсем тихо: — По-моему, я знаю, что там, в Синей Бутылке... Наконец-то я понял. В ней то, чего я больше всего хочу. Оно ждет меня.

— Я с тобой не поеду, — заявил Крейг, подходя к машине. Бек сидел за рулем, положив руки на колени. — Не стану я гоняться за теми тремя. Я хочу просто жить, Бек. Эта бутылка для меня ничего не значит. Я не собираюсь рисковать из-за нее собственной шкурой. Но позволь пожелать тебе удачи.

— Благодарю, — сказал Бек и повел машину в дюны.

Ночь, словно холодная вода, струилась за бортом машины. Вездеход трясся по руслу древней реки, с трудом прокладывая путь между нависшими берегами. Двойные ленты лунного света окрашивали барельефы богов и животных, высеченные на скалах, в золотисто-желтые тона. На фасаде высотой с милю разворачивалась марсианская история, запечатленная в нечеловеческих лицах с широко распахнутыми пустыми глазами и зияющими провалами ртов, похожих на пещеры.

Надсадный рев мотора отгонял прочь ночные видения. Вызолоченные лунами фрагменты древних скульптур выплывали из тьмы и снова исчезали в сонной студеной глубине.

Бек думал о прошлом: обо всех ночах за прошедшие десять лет, когда он разжигал красные костры на дне древних морей и готовил простую походную пищу. И мечтал. В мечтах он всегда

стремился и никогда не знал — к чему. Так было с самой ранней юности — со времен тяжелой жизни на Земле, с поры великих потрясений 2130-х, ознаменованных голодом, хаосом, бунтами, метаниями. Потом — скитания в космосе, разные планеты, одинокие годы без любви и ласки... Человек выходит из тьмы на свет, из материнского лона в мир, и как понять, чего он действительно хочет?

К чему мог стремиться тот мертвец в кювете? Может, он всегда хотел чего-то сверх? Чего-то такого, чего у него никогда не было?.. А что вообще есть у людей? Вот у него? Да почему только у него — у кого угодно? Есть ли вообще что-нибудь такое, чего стоило бы искать?

Синяя Бутылка.

Бек мгновенно затормозил, выскочил из машины и снял винтовку с предохранителя. Пригнувшись, побежал к дюнам. Недалеко на холодном песке лежали трое: земляне с задубевшими от ветра и загара лицами, в потрепанной одежде, с узловатыми большими руками. Звездный свет вспыхивал на боках Синей Бутылки, валявшейся в двух шагах от мертвецов.

На глазах у Бека тела начали таять. Трое людей исчезли, превратились в пар, в бисеринки росы. Еще мгновение — и не осталось ничего. Бек замер и похолодел, когда почти невесомые частички праха коснулись его щек, губ...

Толстяк. Умер и исчез. Голос Крейга: «Какое-то новое оружие...»

Нет. Не оружие.

Синяя Бутылка.

Они открыли ее, стремясь обрести то, чего жаждали больше всего на свете. Все эти несчастные и страждущие на протяжении долгих одиноких лет открывали ее и находили то, чего не могли обрести на всех планетах во Вселенной. И все получили желаемое, так же как эти трое. Теперь понятно, почему Бутылка так быстро переходила из рук в руки, от одного к другому, и

люди, находившие ее, исчезали бесследно. Кто они, как не плевелы, отделенные от злаков, выброшенные на берега мертвых морей, вспыхнувшие легким пламенем, разлетевшиеся искорками светлячков, истаявшие облачками тумана.

Вот оно, то, что я искал так долго, думал Бек.

Он повертел бутылку, и синие огни заиграли в лунном свете.

Так вот чего хотят в глубине души все люди? Вот оно, тайное желание, скрытое так глубоко, что мы и не догадываемся о нем? Подсознательное побуждение? Так вот искупление, о котором догадывается и к которому стремится каждый грешник?

Смерть.

Конец сомнениям, пытке, монотонности жизни, стремлениям, одиночеству, страхам — конец всему.

И что же, это относится ко всем?

Нет, не получается. Крейг, пожалуй, удачливее. Похоже, некоторым все-таки удастся жить в мире с собой, как животным. Они же не задают вопросов; они пьют из луж, когда испытывают жажду, плодятся и растят детенышей, и ни на миг не усомнятся, что жизнь — благо. Таков Крейг. И еще горстка ему подобных. Счастливые животные в огромной резервации, в руке Господней. Они остаются безмятежными, живя среди миллиардов невротиков. Наверное, они тоже захотят смерти — потом, когда придет время. Не сейчас. Потом.

Бек открыл Бутылку. Как просто, подумал он, и как истинно. Оказывается, именно этого я всегда и хотел, этого и ничего больше.

Ничего.

Открытая Бутылка в свете звезд казалась голубой. Бек поднес Бутылку к губам и полной грудью вдохнул наполнявший ее воздух.

Наконец-то, подумал он.

И расслабился. Он чувствовал, как его тело становится удивительно прохладным и теплым

одновременно. Он знал, что плавно падает сквозь звезды во тьму, радостную, как вино. Он плавал в белом вине, синем вине, красном вине. Свечи горели у него на груди, величественные огненные колеса медленно вращались где-то глубоко внутри. Вот руки покинули тело. Он с восторгом чувствовал, как уплывают ноги. Он смеялся. Он закрыл глаза и смеялся.

Впервые в жизни он был так счастлив.

Синяя Бутылка упала на холодный песок.

На рассвете Крейг, насвистывая, шел по дюнам. В первых розоватых лучах на чистом белом песке блеснула бутылка синего марсианского стекла. Он поднял ее, и воздух вокруг взорвался едва слышным яростным шепотом. Оранжевые, красные, пурпурные светлячки мелькнули в воздухе и унеслись прочь.

Стало очень тихо.

— Черт меня побери, — Крейг посмотрел на мертвые здания близкого города. — Эй, Бек!

Изящная башня рассыпалась в прах.

— Бек, твое сокровище! Мне оно не нужно. Иди и возьми ее!

—...возьми-и-и, — отозвалось эхо, и рухнула еще одна башня.

Крейг ждал.

— Вот он, заветный клад. Бутылочка — тут как тут, а Бека не видать и не слышать.

Он встряхнул синий сосуд. Внутри отчетливо булькнуло.

— Да, сэр! Точь-в-точь как тогда. Ей-Богу, не меньше пинты «Бурбона»!

Крейг открыл бутылку, сделал несколько хороших глотков и отер губы, без всякого почтения сунув синюю склянку под мышку.

— Столько суеты из-за пинты виски... Пожалуй, подожду Бека и отдам ему его разлюбленную посудину. Ну а пока, чтобы ждать не скучно

было — не хотите ли еще глоточек, мистер Крейг? Вот и прекрасно. На здоровье!

В мертвой тишине далеко разносился единственный звук — мелодичное бульканье, с которым жидкость обычно переливается из одного сосуда в другой. Синяя Бутылка вспыхивала на солнце.

Крейг счастливо засмеялся, с шумом перевел дух и снова припал к бутылке.

ДЕТСКАЯ ПЛОЩАДКА

Еще при жизни жены, спеша утром на пригородный поезд или возвращаясь вечером домой, мистер Чарлз Андерхилл проходил мимо детской площадки, но никогда не обращал на нее внимания. Она не вызывала в нем ни любопытства, ни неприязни, ибо он вообще не подозревал о ее существовании.

Но сегодня за завтраком его сестра Кэрол, вот уже полгода как занявшая место покойной жены за семейным столом, вдруг осторожно заметила:

— Джимми скоро три года. Пожалуй, завтра я отведу его на детскую площадку.

— На детскую площадку? — переспросил мистер Андерхилл.

А придя в контору, на листке блокнота он записал и, чтобы не забыть, жирно подчеркнул черными чернилами: «Посмотреть детскую площадку».

В тот же вечер, едва грохот поезда замер в ушах, мистер Андерхилл обычным путем, через город, зашагал домой, сунув под мышку неразвернутой вечернюю газету, чтобы не зачитаться по

дороге и не позабыть взглянуть на детскую площадку. Таким образом, ровно в пять часов десять минут пополудни он уже стоял перед голой чугунной оградой детской площадки с распахнутыми настежь воротами — стоял, остолбенев, едва веря тому, что открылось его глазам...

Казалось, вначале и глядеть было не на что. Но едва он отвлекся от обычной безмолвной беседы с самим собой и вернулся к действительности, все постепенно, словно на экране включенного телевизора, стало обретать свои очертания.

Вначале были голоса — приглушенные, точно из-под воды доносившиеся крики и возгласы. Они исходили от каких-то расплывчатых пятен, ломаных линий и теней. Потом будто кто-то дал пинка машине, и она заработала — крики обрушились на него, а глаза явственно увидели то, что прежде скрывалось за пеленой тумана. Он увидел детей! Они носились по лужайке, дрались, отчаянно колотили друг друга кулаками, царапались, падали, поднимались и снова мчались куда-то все в кровоточащих или уже подживших ссадинах и царапинах. Дюжина кошек, брошенных в собачью конуру, не могла бы визжать пронзительней! С неправдоподобной отчетливостью мистер Андерхилл видел каждую болячку и царапину на лицах и коленях детей.

Ошеломленный, он выдержал первый шквал звуков. Когда же глаза и уши отказались более воспринимать что-либо, на помощь им пришло обоняние. В нос ударил едкий запах ртутной мази, липкого пластыря, камфоры и свинцовых примочек. Запах был настолько сильный, что он почувствовал горечь во рту. Сквозь прутья решетки, тускло поблескивавшие в сумерках угасающего дня, потянуло запахом йодистой настойки. Дети, словно фигурки в игральном автомате, послушные нажатию рычага, налетали друг на друга, ошибались, оступались, падали — столько-то паданий, столько-то промахов, пока наконец не

будет подведен окончательный и неожиданный итог этой жестокой игре.

Да и свет на площадке был какой-то странный, слепяще-резкий — или, может быть, мистеру Андерхиллу так показалось? А фигурки детей отбрасывали сразу четыре тени: одну темную, почти черную, и три слабые серые полутени. Поэтому почти невозможно было сказать, куда они стремглав несутся, пока в конце концов не врежутся в цель. Да, этот косо падающий, слепящий глаза свет резко обозначал контуры предметов и странно отдалял их — от этого площадка казалась далекой, почти недосыгаемой. Может быть, виной всему была железная решетка, напоминающая ограду вольера в зоопарке, за которой всякое может случиться.

«Вот так площадка, — подумал мистер Андерхилл. — Что за страсть превращать игры в сущий ад? А это вечное стремление истязать друг друга?» Вздых облегчения вырвался из его груди. Слава Богу, его детство давно и безвозвратно ушло. Нет больше ни щипков, ни колотушек, бессмысленных страстей и обманутых надежд.

Вдруг порыв ветра вырвал из рук газету. Мистер Андерхилл бросился за нею в открытые ворота площадки. Поймав газету, он тут же отступил назад, ибо почувствовал, как пальто вдруг тяжело давит плечи, шляпа непомерно велика, ремень, поддерживающий брюки, ослабел, а ботинки сваливаются с ног. Ему показалось, что он маленький мальчик, нарядившийся в одежду отца, чтобы поиграть в почтенного бизнесмена. За ним грозно возвышались ворота площадки, серое небо давило свинцовой тяжестью, в лицо дул ветер, отдающий запахом йода, напоминающий дыхание хищного зверя. Мистер Андерхилл споткнулся и чуть не упал.

Выскочив за ограду, он остановился и облегченно перевел дух, словно человек, вырвавшийся из леденящих объятий океана.

— Здравствуй, Чарли!

Мистер Андерхилл резко обернулся. На самой верхушке металлической спусковой горки сидел мальчуган лет девяти и приветственно махал рукой:

— Привет, Чарли!

Мистер Чарлз Андерхилл машинально махнул в ответ. «Однако я совсем не знаю его, — тут же подумал он. — Почему он зовет меня Чарли?»

В серых сумерках незнакомый малыш продолжал улыбаться ему, но вдруг вопящая орава детей столкнула его вниз и с визгом и гиканьем увлекла за собой. Ошеломленный Андерхилл стоял и смотрел. Площадка казалась огромной фабрикой боли и страданий. Можно простоять у ее ограды хоть полчаса, но здесь ты не увидишь ни одного детского лица, на котором не было бы гримасы боли, которое не побагровело бы от злобы и не побелело от страха. Да, именно так! В конце концов, кто сказал, что детство — самая счастливая пора жизни? О нет, это страшное и жестокое время, пора варварства; даже полиция не может помочь, а родители слишком заняты собой и их мир чужд и непонятен тебе. Мистер Андерхилл коснулся рукой холодных прутьев ограды. Будь в его власти, он написал бы здесь: «Питомник торквемад»*.

Но кто этот мальчик, который окликнул его? Отдаленно он кого-то ему напоминал, возможно, старого друга или знакомого. Должно быть, сын еще одного бизнесмена, на склоне лет благополучно нажившего язву желудка.

«Так вот где будет играть мой Джимми, — подумал мистер Андерхилл. — Вот какова она, эта детская площадка».

В передней, повесив шляпу и рассеянно взглянув в мутное зеркало на свое худое вытянутое

---

* Торквемада — испанский инквизитор, прославившийся своей изощренной жестокостью. (Примеч. пер.)

лицо, мистер Андерхилл вдруг почувствовал озноб и усталость, и, когда навстречу ему вышла сестра, а за ней бесшумно, словно мышонок, выбежал Джимми, мистер Андерхилл был менее ласков с ними, чем обычно. Сынишка, как всегда, тут же взобрался к нему на плечи и начал свою любимую игру в «короля гор». А мистер Андерхилл, сосредоточенно глядя на кончик сигары, которую не торопился раскурить, откашлялся и сказал:

— Я думал о детской площадке, Кэрол.

— Завтра я отведу туда Джима.

— Отведешь Джима?! На эту площадку?

Все в нем восстало. Воспоминания о площадке были слишком свежи. Царапины, ссадины, разбитые носы... Там, как в кабинете зубного врача, сам воздух напоен болью и страхом. А эти ужасные «классики», «крестики-нолики», нарисованные в пыли! Он всего лишь секунду видел их у себя под ногами, когда погнался за унесенной ветром газетой, но как напугали они его!

— Чем же тебе не нравится эта площадка?

— Да видела ли ты ее? — И мистер Андерхилл вдруг растерянно умолк. — Черт возьми, Кэрол, я хотел сказать, видела ли ты детей, которые там играют? Ведь это живодеры!

— Это все дети из хороших семей.

— Да, но они бесчинствуют, как настоящие гестаповцы! — промолвил Андерхилл. — Это все равно что отвести Джима на мельницу и сунуть головой в жернова. При одной мысли, что он должен играть там, у меня кровь стынет в жилах!

— Ты прекрасно знаешь, что это самая приличная детская площадка поблизости.

— Мне безразлично, даже если это так. Я только знаю, что там нет иных игрушек, кроме палок, бит и духовых ружей. К концу первого же дня от Джима останутся рожки да ножки. Он будет изжарен живьем, как новогодний поросенок!

Кэрол рассмеялась:

— Ты преувеличиваешь, Чарли.

— Ничуть. Я говорю совершенно серьезно.

— Но ты не можешь лишить Джимми детства! Он должен пройти через это. Ну и что, если его немножко поколотят или он сам поколотит кого-нибудь? Это же мальчишки! Они все таковы.

— Мне не нравятся такие мальчишки.

— Это лучшая пора их детства!

— Чепуха! Когда-то я с тоской и сожалением вспоминал о детстве. Но теперь я понимаю, что был просто сентиментальным дураком. Этот сумасшедший визг и беготня, напоминающие кошмарный сон! А возвращение домой, когда ты весь пропитан страхом! О, если бы я только мог уберечь Джима от этого!

— Это неразумно и, слава Богу, невозможно.

— Говорю тебе, что и близко не подпущу его к этой площадке! Пусть лучше растет отшельником.

— Чарли!

— Да, да! Посмотрела бы ты на этих зверенышей! Джим — мой сын! Он мой, а не твой, запомни это! — Мистер Андерхилл чувствовал, как хрупкие ножки сына обхватили его шею, а нежные пальчики копошатся в его волосах. — Я не отдам его на эту живодерню.

— В таком случае он пройдет через это в школе. Уж лучше пусть привыкает сейчас, пока ему всего три года.

— Я уже думал об этом, — мистер Андерхилл крепко сжал ножки сына, свисавшие с его плеч, как две теплые колбаски. — Я, пожалуй, решусь даже на то, чтобы взять Джиму воспитателя...

— Чарлз!

Обед прошел в полном молчании. А когда сестра ушла на кухню мыть посуду, мистер Андерхилл отправился с Джимми на прогулку.

Путь их лежал мимо детской площадки. Теперь ее освещал лишь слабый свет уличных фонарей. Был прохладный сентябрьский вечер, и в воздухе чувствовался пряный аромат осени. Еще неделя — и детей соберут в школы, словно сухую листву, и

она запылает там новым, ярким огнем. Теперь их шумную энергию попытаются направить на более разумные цели. Но после школы они все равно придут на площадку и снова будут носиться по ней, словно метательные снаряды, будут врезаться друг в друга и взрываться как ракеты, и каждое такое миниатюрное сражение оставит после себя боль и страдания.

— Хочу туда, — вдруг промолвил маленький Джимми, уткнувшись лицом в ограду, глядя на то, как не успевшие еще разойтись по домам дети то сталкиваются в драке, то разбегаются прочь.

— Нет, Джим, нет, ты не хочешь туда!

— Хочу играть, — упрямо повторил Джим, и глазенки его засверкали, когда он увидел, как большой мальчик ударил мальчика поменьше, а тот дал пинка совсем крохотному малышу. — Папа, хочу играть!..

— Идем, Джим, ты не пойдешь туда, пока я еще в силах помешать этому! — И мистер Андерхилл потянул сына за руку.

— Хочу играть! — уже захныкал Джим. Глаза его превратились в мутные кляксы, личико сморщилось, и он заплакал.

Дети за оградой остановились, они обернулись и смотрели на незнакомого мужчину и мальчика. Странное чувство охватило мистера Андерхилла. Ему показалось, что он у решетки вольера, а за нею настороженные лисьи морды, на секунду оторвавшиеся от растерзанного тельца зайчонка. Злобный блеск желтых глаз, острые подбородки, хищные зубы, жесткие вихры, испачканные майки и грязные руки в ссадинах и царапинах, следах недавних драк. Он почувствовал запах лакричных и мятных леденцов и еще чего-то до тошноты сладкого. А над всем этим висел тяжелый запах горчичных компрессов — видимо, кто-то болевший простудой убежал сюда, так и не вылежав положенного срока в постели, — и еще густой запах камфорной мази, смешанный с запахом пота. Все

эти липкие, гнетущие запахи грифеля, мела и мокрой губки, которой вытирают школьную доску, реальные или воображаемые, воскресили в памяти далекие воспоминания. Рты у детей были набиты леденцами, из сопящих носов текла омерзительная желто-зеленая жидкость. Боже милосердный, помоги мне!

Дети увидели Джима. Новичок! Они молча разглядывали его, а когда он захныкал еще громче и мистер Андерхилл наконец оторвал его от решетки и упирающегося, ставшего тяжелым, как куль с песком, потащил за собой, дети проводили их сверкающими от любопытства глазами. Андерхиллу вдруг захотелось обернуться, пригрозить им кулаком и крикнуть: «Я не отдам вам моего Джима, нет, ни за что!»

И тут как нельзя более некстати снова послышался голос незнакомого мальчика. Он опять сидел на горке, но так высоко, что был едва различим в сумерках, и снова мистеру Андерхиллу показалось, что он кого-то ему напомнил.

— Здравствуй, Чарли!.. — мальчик приветственно махнул рукой.

Андерхилл остановился, притих и маленький Джим.

— До скорого свидания, Чарли!..

И тут Андерхиллу показалось, что мальчик похож на Томаса Маршалла, его бывшего сослуживца. Он жил всего в квартале от Андерхилла, но не виделись они вот уже несколько лет.

— До скорого свидания, Чарли!

«До скорого свидания? Почему до скорого? Что за чушь говорит этот мальчишка!»

— А я тебя знаю, Чарли! — снова крикнул мальчик. — Пока!

— Что?! — мистер Андерхилл даже поперхнулся от негодования.

— До завтрашнего вечера, Чарли. И-э-эй! — мальчик ринулся вниз, и вот он уже на земле, у

подножия горки, с лицом белым как мел, а через него, кувыркаясь, летят другие.

Растерянный мистер Андерхилл застыл на месте. Но маленький Джим снова захныкал, и мистер Андерхилл, таща за руку упирающегося сына и провожаемый немигающими лисьими взглядами из-за решетки, поспешил домой, остро чувствуя холодок осени.

На следующий день, пораньше закончив дела в конторе, мистер Андерхилл с трехчасовым поездом вернулся домой. В три двадцать пять он был уже в Гринтауне и вполне мог насладиться теплом последних неярких лучей осеннего солнца. «Странно, как в один прекрасный день вдруг приходит осень, — думал он. — Вчера, казалось, еще было лето, а сегодня ты уже не уверен. То ли нет бывшего тепла в воздухе, то ли по-иному пахнет ветер? А может, это старость, которая уже в костях. В один прекрасный вечер она вдруг проникнет в кровь, а потом в сердце, и ты почувствуешь ее леденящее дыхание. Ты стал на год старше, еще один год ушел безвозвратно. Может быть, это?»

Он шел по направлению к детской площадке и думал о будущем. Кажется, ни в одно время года человек не строит столько планов, как осенью. Должно быть, вид умирающей природы невольно заставляет думать о смерти и вспоминать, что ты еще не успел сделать. Итак, решено. У Джима будет частный воспитатель. Его сын не попадет в одну из этих ужасных школ. Разумеется, это отразится на их скромных сбережениях, но зато детство Джима не будет омрачено злом и насилием. Они с Кэрол сами будут подбирать ему друзей. Никаких задир и драчунов, пусть только посмеют коснуться его Джима... А что касается детской площадки, то о ней, разумеется, не может быть и речи.

— Здравствуй, Чарлз.

Мистер Андерхилл быстро поднял голову. У ворот площадки стояла его сестра Кэрол. Она назвала его Чарлзом вместо обычного Чарли, и он сразу это заметил. Значит, вчерашняя размолвка еще не забыта.

— Что ты здесь делаешь, Кэрол?

Она виновато покраснела и бросила взгляд за решетку площадки.

— Нет, не может быть!.. — воскликнул мистер Андерхилл, и его испуганный, ищущий взгляд остановился на ораве дерущихся, визжащих детей. — Ты хочешь сказать, что...

Сестра посмотрела на него с еле заметным любопытством и кивнула головой:

— Я думала, что если отведу его пораньше...

— ...то, вернувшись в обычное время, я ничего не узнаю? Ты это хотела сказать?

Да, именно это она хотела сказать.

— Боже мой, Кэрол, где же он?

— Я сама только что пришла посмотреть, как он себя здесь чувствует.

— Неужели ты бросила его здесь одного? На весь день!

— Что ты, всего на несколько минут, пока я делала покупки...

— Ты оставила его здесь? Боже милосердный! — Андерхилл схватил ее за руку. — Идем! Надо немедленно же забрать его отсюда!

Сквозь прутья решетки они вглядывались туда, где носились по лужайке мальчишки, а девчонки царапались и били друг друга по щекам. То и дело от группок дерущихся и ссорящихся детей отделялась одинокая фигурка и стремглав бежала куда-то, сшибая всех на пути.

— Он там! — воскликнул в отчаянии Андерхилл и в ту же секунду увидел Джима. С криком и плачем он бежал через лужайку, преследуемый несколькими сорванцами. Вот он упал, поднялся, снова упал, издавая дикие вопли, а его преследо-

ватели хладнокровно расстреливали его из духовых ружей.

— Я заткну эти проклятые ружья им в глотки! — разъярился мистер Андерхилл. — Сюда, Джим! Сюда!

Джим устремился к воротам на голос отца, и тот подхватил его на лету, словно узел с мокрым и грязным тряпьем. У Джима был расквашен нос, штанишки изодраны в клочья, и весь он был в пыли и грязи.

— Вот тебе твоя площадка! — воскликнул мистер Андерхилл, обращаясь к сестре, и, став на колени, прижал сына к себе. — Вот они твои милые невинные малютки из хороших семей. Настоящие фашисты! Если я еще раз увижу Джима здесь, скандала не миновать! Идем, Джим. А вы, маленькие ублюдки, марш отсюда! — прикрикнул он на детей.

— Мы ничего не сделали, — хором ответили дети.

— Боже мой, куда мы идем! — патетически воскликнул мистер Андерхилл.

— Эй, Чарли! — вдруг снова услышал он знакомый голос. Опять этот мальчишка! Он отделился от группы детей и, улыбаясь, небрежно помахал рукой.

— Кто это? — спросила Кэрол.

— Откуда я знаю, черт побери! — в сердцах воскликнул мистер Андерхилл.

— До свидания, Чарли. Пока! — снова крикнул мальчик и исчез.

Взяв сына на руки и подхватив сестру под локоть, мистер Андерхилл решительным шагом направился домой.

— Отпусти мой локоть! — резко сказала Кэрол.

Вечером, готовясь ко сну, мистер Андерхилл был буквально вне себя от негодования. Чтобы успокоиться, он выпил кофе, но это не помогло.

Он готов был разmozжить головы этим отвратительным сорванцам: да, да, именно отвратительным!

Сколько в них хитрости, злобы, коварства, бессердечия. Во имя всего святого, кто оно, это новое поколение? Банда головорезов, висельников, громил, молодая поросль кровожадных кретинов и истязателей, в души которых уже проник страшный яд безнадзорности! Мистер Андерхилл беспокойно ворочался в постели. Наконец он не выдержал, встал и закурил. Но это не принесло успокоения. Придя домой, они с Кэрол поссорились. Как некрасиво они кричали друг на друга! Точь-в-точь дерущиеся павлины в прериях, где о приличиях и условностях было бы смешно и думать. Теперь ему было стыдно за свою несдержанность. Не следует отвечать грубостью на грубость, если считаешь себя воспитанным человеком. Он хотел поговорить спокойно, но Кэрол не дала ему, черт возьми! Она решила сунуть мальчишку в эту чудовищную машину, чтобы та раздавила его. Она хочет, чтобы на нем поскорее поставили штамп и номер, чтобы побои и пинки сопровождали его от детской площадки и детского сада до дверей школы и университета, а потом даже и там. В лучшем случае в университете истязание и жестокость примут более скрытые формы, не будет крови и слюны, они останутся по ту сторону детства. У Джима к годам его зрелости может появиться Бог весть какой взгляд на жизнь, возможно, он сам захочет стать волком среди волков, псом среди псов, злодеем среди злодеев. Но в мире и без того слишком много зла, больше, чем нужно. От мысли о десяти—пятнадцати годах терзаний, которые предстоят Джиму, мистер Андерхилл содрогнулся. Он вдруг почувствовал, как хлещут, жгут, молотят кулаками его собственное тело, как выворачивают суставы, избивают и терзают его. Он почувствовал себя медузой, брошен-

ной в камнедробилку. Нет, Джим не выдержит этого, он слишком мал, слишком слаб!

Все эти мысли лихорадочно проносились в голове мистера Андерхилла, пока он беспокойно метался по комнатам спящего дома. Он думал о себе, о сыне, о детской площадке и о не покидавшем его чувстве страха. Казалось, не было вопроса, который он не задал себе, не обдумал со всех сторон. Какие из его страхов порождены одиночеством и смертью Энн? Что из них просто собственные причуды, желание настоять на своем, а что вызвано реальной действительностью, тем, что он увидел на детской площадке и в лицах детей? Что разумно, а что нелепые домыслы? Мысленно он бросал крохотные гирьки на чашу весов и смотрел, как вздрагивает стрелка, колеблется, замирает, снова колеблется, то в одну, то в другую сторону — между ночью и рассветом, светом и тьмой, простым разумом и откровенным безумием. Он не должен так держаться за сына, он должен отпустить его. Но когда он глядел в глазенки Джима, он видел в них Энн: это ее глаза, ее губы, легкое трепетание ноздрей, пульсирующая жилка под тонкой кожей. «Имею ли я право так бояться за Джима? — думал он. — Да, имею. Если у вас было два драгоценных сосуда и один из них разбился, а другой, единственный, уцелел, разве можно быть спокойным и благоразумным, не испытывать постоянной тревоги и страха, что и его вдруг не станет?»

«Нет, — думал он, замедлив шаг по коридору, — нет! Я способен испытывать только страх, страх и более ничего».

— Что ты бродишь ночью по дому? — услышался голос сестры, когда он проходил мимо открытых дверей ее спальни. — Не надо быть таким ребенком, Чарли. Мне очень жаль, если я кажусь тебе бессердечной или жестокой. Но ты должен отказаться от своих предубеждений. Джим не может расти вне школы. Если бы была жива

Энн, она обязательно отдала бы его в школу. Завтра он должен снова пойти на детскую площадку и ходить туда до тех пор, пока не научится постоять за себя и пока дети не привыкнут к нему. Тогда они не будут его трогать.

Андерхилл ничего не ответил. Он тихонько оделся в темноте, спустился вниз и вышел на улицу. Было без пяти двенадцать, когда, пытаясь успокоиться, он быстро зашагал по тротуару в тени высоких вязов, дубов и кленов. Он понимал, что Кэрол права. Это твой мир, ты в нем живешь, и ты должен принимать его таким, каков он есть. Но в этом-то и был весь ужас. Ведь он сам прошел через все это, он хорошо знал, что значит побывать в клетке со львом. Воспоминания о собственном детстве терзали его, воспоминания о страхе и жестокости. Мог ли он смириться с тем, что и его сына ждут эти испытания, его Джимми, который не виноват в том, что рос слабым и болезненным ребенком, с хрупкими косточками и бледным личиком? Разумеется, его все будут мучить и обижать.

У детской площадки, над которой все еще горел одинокий фонарь, он остановился. Ворота были уже заперты, но этот единственный фонарь горел здесь до двенадцати ночи. С каким наслаждением он стер бы с лица земли это проклятое место, разбил бы в куски ограду, уничтожил эти ужасные спусковые горки и сказал бы детям: «Идите домой! Играйте дома, в своих дворах!»

Каким коварным, жестоким, холодным местом была эта площадка! Знал ли кто-нибудь, откуда приходят сюда дети? Мальчик, выбивший тебе зуб, кто он, как его зовут? Никто не знает. Где он живет? Никто не знает. В любой день ты можешь прийти сюда, избить до полусмерти любого из малышей и убежать, а на другой день можешь пойти на другую площадку и проделать то же самое. Никто не станет разыскивать тебя. Можно ходить с площадки на площадку и везде давать

волю своим преступным наклонностям — и все безнаказанно, никто не запомнит тебя, ибо никто тебя никогда и не знал. Через месяц можешь снова вернуться на первую из них, и, если малыш, которому ты выбил зуб, окажется там и узнает тебя, ты сможешь все отрицать: «Нет, это не я. Это, должно быть, кто-то другой. Я здесь впервые. Нет, нет, это не я». А когда мальчуган отвернется, можешь снова дать ему пинка и убежать, петляя по безымянным улицам.

«Что делать, как помочь сыну?» — думал мистер Андерхилл.

Сестра более чем великодушна, она отдает Джиму все свое время, всю неистраченную любовь и нежность, которые не пришлось подарить собственным детям. «Я не могу все время ссориться с ней или просить ее покинуть мой дом. Уехать за город? Нет, это невозможно. Для этого нужны деньги. Но оставить Джима здесь я тоже не могу».

— Здравствуй, Чарли, — слышался тихий голос.

Андерхилл вздрогнул и обернулся. За оградой площадки прямо на земле сидел серьезный девятилетний мальчуган и пальцем рисовал квадратики в прохладной пыли. Он даже не поднял головы и не посмотрел на Андерхилла. Он просто сказал: «Здравствуй, Чарли», спокойно пребывая в этом зловещем мире по ту сторону железной ограды.

— Откуда ты знаешь мое имя? — спросил мистер Андерхилл.

— Знаю. — Мальчик улыбнулся и поудобнее скрестил ноги. — У вас неприятности.

— Почему ты здесь так поздно? Кто ты?

— Меня зовут Маршалл.

— Ну конечно же! Ты Томми Маршалл, сын Томаса Маршалла. Мне сразу показалось, что я тебя знаю.

— Еще бы! — Мальчик тихонько засмеялся.

— Как поживает твой отец, Томми?

— А вы давно не видели его, сэр?

— Я видел его мельком на улице, месяца два назад.

— Как он выглядит?

— Что ты сказал? — удивился мистер Андерхилл.

— Как выглядит мистер Маршалл? — повторил свой вопрос мальчик. Было что-то странное в том, что он ни разу не произнес слово «отец».

— По-моему, неплохо. Но почему ты меня об этом спрашиваешь?

— Надеюсь, он счастлив, — промолвил мальчик.

Мистер Андерхилл смотрел на его поцарапанные руки и разбитые колени.

— Разве ты не собираешься домой, Томми?

— Я убежал из дому, чтобы повидаться с вами. Я знал, что вы придете сюда. Вам страшно, мистер Андерхилл.

От неожиданности мистер Андерхилл сразу не нашелся, что ответить.

— Да, эти маленькие чудовища... — наконец промолвил он.

— Возможно, я смогу помочь вам. — Мальчик нарисовал в пыли треугольник.

«Что за ерунда?» — подумал мистер Андерхилл.

— Каким образом?

— Ведь вы сделали бы все, чтобы Джим не попал сюда, не так ли? Даже поменялись бы с ним местами, если бы могли?

Мистер Андерхилл оторопело кивнул головой.

— Тогда приходите сюда завтра, ровно в четыре часа. Я смогу помочь вам.

— Помочь? Как можешь ты помочь мне?

— Сейчас я вам этого не скажу, — ответил мальчик. — Но это касается детской площадки, а впрочем, любого места, похожего на это, где царит зло. Ведь вы сами это чувствуете, не так ли?

Теплый ветерок пролетел над опустевшей лужайкой, освещенной одиноким фонарем. Андерхилл вздрогнул.

Даже сейчас в площадке было что-то зловещее — она служила злу.

— Неужели все площадки похожи на эту?

— Таких немало. Вполне возможно, что эта — в чем-то даже единственная, а может, и нет. Все зависит от того, как смотришь на вещи. Ведь они таковы, какими нам хочется их видеть, Чарли. Очень многие считают, что это прекрасная площадка, и они по-своему правы. Наверное, все зависит от того, с какой стороны подойти к этому. Мне только хочется сказать вам, что Том Маршалл тоже пережил это. Он тоже боялся за своего сынишку Томми, тоже думал о площадке и детях, которые играют на ней. Ему тоже хотелось убедить своего Томми от зла и страданий.

Мальчик говорил об этом, как о чем-то, что давно уже в прошлом. Мистеру Андерхиллу стало не по себе.

— Вот мы и договорились, — сказал мальчик.

— Договорились? С кем же?

— Думаю, с детской площадкой или с тем, кому она принадлежит.

— Кому же она принадлежит?

— Я никогда не видел его. Там, в конце площадки, за эстрадой, есть контора. Свет горит в ней всю ночь. Какой-то странный, синеватый, очень яркий свет. В конторе — совершенно пустой стол и стул, на котором никто никогда не сидел, и табличка с надписью: «Управляющий», хотя никто никогда его не видел.

— Должен же он быть где-нибудь поблизости?

— Совершенно верно, должен, — ответил мальчик. — Иначе ни я, ни многие другие не смогли бы попасть сюда.

— Ты рассуждаешь словно взрослый.

Мальчик был заметно польщен.

— Хотите знать, кто я на самом деле? Я совсем не Томми. Я Том Маршалл, его отец. — Мальчик продолжал неподвижно сидеть в пыли, освещенный светом одинокого недосягаемого фонаря, а

ночной ветер легонько трепал ворот его рубахи и поднимал с земли прохладную пыль. — Да, я Том Маршалл, отец. Я знаю, вам трудно поверить в это, но это так. Я тоже боялся за Томми, как сейчас вы боитесь за своего Джима. Поэтому я пошел на сделку с детской площадкой. О, не думайте, что только я один здесь такой, есть и другие. Если повнимательнее взглядеться в лица и глаза детей, можно отличить нас.

Андерхилл растерянно смотрел на мальчика:

— Шел бы ты домой, Томми.

— Вам хочется верить мне, хочется, чтобы все оказалось правдой, не так ли? Я понял это в первый же день по вашим глазам, как только вы подошли к ограде. Если бы можно было поменяться местами с Джимом, вы, не задумываясь, сделали бы это. Вы хотите уберечь его от такого детства, сделать так, чтобы он поскорее стал взрослым и все было бы уже позади...

— Какой отец не желает добра своему ребенку.

— А вы особенно. Ведь вы уже сейчас чувствуете каждый удар и пинок, который получит здесь Джим. Ладно, приходите завтра. Вы тоже сможете договориться.

— Поменяться местами с Джимом? — Какая нелепая, неправдоподобная и вместе с тем странно успокаивающая мысль! — Что я должен сделать для этого?

— Твердо решить, что вы этого хотите.

Следующий вопрос мистер Андерхилл постарался задать как можно более безразличным голосом, чтобы он походил скорее на шутку, хотя душа его негодовала.

— Сколько это будет стоить?

— Ровным счетом ничего. Вам только надо будет приходиться и играть на этой площадке.

— Весь день?

— И разумеется, ходить в школу.

— И снова расти?

— И снова расти. Приходите завтра в четыре.

- В это время я еще в конторе.
- Итак, до завтра, — сказал мальчик.
- Шел бы ты домой, Томми.
- Меня зовут Том Маршалл, — ответил мальчик, продолжая сидеть в пыли.

Фонарь над детской площадкой погас.

Мистер Андерхилл и его сестра весь завтрак молчали. Обычно он звонил Кэрол из конторы и болтал с ней о разных разностях, но сегодня он не сделал этого. Однако в половине второго, после ленча, к которому он почти не притронулся, мистер Андерхилл все же позвонил домой. Услышав голос сестры, он тут же положил трубку. Но через пять минут снова набрал номер.

— Это ты звонил, Чарли?

— Да, я, — ответил он.

— Мне показалось, что это ты, а потом ты почему-то положил трубку. Ты что-то хотел сказать, дорогой?

Кэрол снова вела себя благоразумно.

— Нет, я просто так.

— Эти два дня были просто ужасны, Чарли! Надеюсь, ты понимаешь, о чем я говорю. Джим должен ходить на площадку и должен получить свою порцию пинков и побоев.

— Да, да, должен.

Он снова увидел кровь, хищные лисьи морды и растерзанного зайчонка.

— Он должен уметь постоять за себя, — продолжала Кэрол, — и, если нужно, дать сдачи.

— Да, дать сдачи, — машинально повторил мистер Андерхилл.

— Я так и знала, что ты одумаешься.

— Да, одумаюсь, — повторял он. — Да, да, ты права. Иного выхода нет. Он должен быть принесен в жертву.

— Чарли, какие странные слова ты говоришь!

Мистер Андерхилл откашлялся.

— Итак, решено.

— Да.

«Интересно, как все это произойдет?» — подумал он.

— Ну а в остальном дома все в порядке? — спросил он.

Он думал о квадратах и треугольниках, которые чертил в пыли мальчик, чье лицо было смутно знакомо.

— Да, — ответила сестра.

— Я только что подумал, Кэрол, — вдруг сказал он.

— О чем, милый?

— Я приеду сегодня в три, — он произносил слова медленно, словно человек, который еле перевел дыхание после сокрушительного удара под ложечку. — Мы пройдемся немного, ты, я и Джим... — Он закрыл глаза.

— Отлично, милый!

— Пройдемся до детской площадки, — добавил он и положил трубку.

Была уже настоящая осень, с резким холодным ветром. За ночь деревья расцвелись осенними красками и начали терять листву. Сухие листья кружились над головой мистера Андерхилла, когда он поднялся на крыльцо дома, где, укрывшись от ветра, его поджидали Кэрол и маленький Джим.

— Здравствуй. — Брат и сестра обменялись поцелуями.

— Вот и папа, Джим.

— Здравствуй, Джим.

Они улыбались, хотя у мистера Андерхилла душа леденела при мысли о том, что будет.

Было около четырех. Он взглянул на серое небо, ежеминутно грозившее дождем, напоминавшее застывшую лаву или пепел; влажный ветер дул в лицо. Когда они пошли, мистер Андерхилл крепко прижал к себе локоть сестры.

— Какой ты внимательный сегодня, Чарли! — улыбнулась она.

— Да, да, — рассеянно ответил он, думая о своем. Вот и ворота детской площадки.

— Здравствуй, Чарли! Хи-и-э!

Высоко на верхушке гигантской горки стоял маленький Маршалл и махал им рукой, однако лицо его было серьезно.

— Подожди меня здесь, Кэрол, — сказал мистер Андерхилл. — Я скоро вернусь. Я только отведу туда Джимми.

— Хорошо, я подожду.

Он сжал ручонку сына.

— Идем, Джим. Держись крепко за папу.

По бетонным ступенькам они спустились на площадку и остановились в пыли. Вот они, гигантские квадраты, «классики», чудовищные «крестики-нолики», какие-то цифры, треугольники и овалы, которые дети нарисовали в этой неправдоподобной пыли.

Налетел ветер, и мистер Андерхилл поежился от холода; он еще крепче сжал ладошку сына и, обернувшись, посмотрел на сестру.

— Прощай, — сказал он, ибо более не сомневался уже ни в чем. Он был на детской площадке, он знал, что она существует и что сейчас произойдет то, что должно произойти. Ради Джима он готов на все в этом ужасном мире.

А сестра лишь засмеялась в ответ:

— Что ты, Чарли, глупый!

А потом они с Джимом побежали по пыльной площадке, по дну каменного моря, которое гнало, толкало, бросало их вперед. Вот он услышал, как Джим закричал: «Папа! Папа!», и дети окружили их, мальчик на спусковой горке что-то кричал им, а гигантские «классики», «крестики-нолики» кружились перед глазами. Страх сковал тело мистера Андерхилла, но он уже знал, что нужно делать, что должно быть сделано и чего следует ожидать.

В дальнем конце площадки в воздух взлетал футбольный мяч, со свистом проносились бейсбольные мячи, хлопали биты, мелькали кулаки. Дверь конторы была широко открыта, стол пуст, на стуле — никого, а под потолком горела одинокая лампочка.

Андерхилл споткнулся, зажмурил глаза и, издав вопль, упал на землю. Тело сжалось от острой боли, странные слова слетали с губ, все кружилось перед глазами.

— Ну вот и ты, Джим, — произнес чей-то голос.

А мистер Андерхилл, зажмурив глаза, визжа и вопя, уже взбирался по высокой металлической лестнице; в горле першило от крика.

Открыв глаза, он увидел, что сидит на самой верхушке отливающей свинцовой синевой горки не менее десяти тысяч футов высотой, а сзади на него напирают другие дети. Они толкают и бьют его, требуя, чтобы он спускался вниз, спускался вниз!

Он посмотрел вниз и далеко в конце площадки увидел человека в черном пальто. Он шел к воротам, а там стояла женщина и махала ему рукой. Потом мужчина и женщина стояли рядом и смотрели на него. Они махали и кричали:

— Не скучай, Джим, не скучай!

Он закричал и, все поняв, в ужасе посмотрел на свои маленькие худые руки и на далекую землю внизу. Он уже чувствовал, как из носа сочится кровь, а мальчишка Маршалл вдруг очутился рядом.

— Хи-э! — выкрикнул он и изо всех сил ударил его кулаком в лицо. — Всего каких-нибудь двенадцать лет, ерунда!

Рев площадки заглушил его голос.

«Двенадцать лет! — подумал мистер Андерхилл, чувствуя, как западня захлопнулась. — У детей свое чувство времени. Для них год все равно что десять. Значит, не двенадцать лет детства, а целое столетие, столетие этого кошмара!»

— Эй, ты, спускайся вниз!

Сзади его обдавали запахами горчичных припарок и скипидарной мази, земляных орехов и жевательной резинки, запахами чернил, бечевки для бумажного змея, борного мыла, тыквенных масок, оставшихся от Праздника всех святых, и масок из папье-маше, запахами подсыхающих ссадин и болячек; его били, щипали и толкали вниз. Кулаки поднимались и опускались, он видел злые лисьи морды, а внизу у ограды мужчина и женщина махали ему рукой. Он закричал, он закрыл лицо руками, он чувствовал, как сочится из носа кровь, а его подталкивают все ближе и ближе к краю пропасти, за которым зияла пустота.

Нагнувшись вперед, вопя от страха и боли, он ринулся вниз, а за ним остальные — десятки тысяч чудовищ. За секунду до того как он шлепнулся о землю, врезался в самую гущу барахтающихся тел, в голове пронеслась и тут же исчезла мысль: «Да ведь это же ад, суший ад!»

И никто из мальчишек, очутившихся с ним в чудовищной свалке у подножия горки, не стал бы оспаривать это.

НАУЧНЫЙ ПОДХОД

— **О**н высокий, — сказала семнадцатилетняя Мэг.

— Темноволосый, — добавила Мари, на год старше сестры.

— Красивый.

— И сегодня вечером он придет к нам в гости.

— К обеим? — воскликнул отец.

Он всегда восклицал. За двадцать лет супружества и восемнадцать лет отцовства он почти разучился разговаривать иначе.

— К обеим? — повторил он.

— Да, — подтвердила Мэг.

— Да, — повторила Мари, улыбаясь бифштексу на тарелке.

— Не хочется есть, — сказала Мэг.

— Не хочется, — отозвалась Мари.

— За это мясо, — воскликнул отец, — платили больше доллара за фунт! И сейчас вы *хотите* есть.

Дочери умолкли и стали жевать, но явно проявляли признаки беспокойства.

— Не ерзайте! — воскликнул отец.

Девушки посмотрели на дверь.

— Не вертитесь! Попадете вилкой в глаз.

— Такой высокий, — сказала Мэг.

— Такой темноволосый.

— И красивый, — завершил отец, обращаясь к матери, которая вошла с кухни. — Скажи, пожалуйста, в какое время года женщины чаще сходят с ума? Весной?

— Как правило, лечебницы переполнены в июне, — ответила та.

— Сегодня с четырех часов дня наши дочери как-то странно себя ведут, — сказал отец. — Юношу, который придет вечером, они собираются поделить на двоих, словно торт. А можно сравнить это с бойней, где еще минута, и бычка стукнут по башке, а потом разрежут пополам. Интересно, мальчик знает, что его ждет?

— Мальчики друг друга предупреждают, насколько я помню, — сказала мать.

— Мне легче не стало, — продолжал отец, — я знаю, что мужчина в семнадцать лет — идиот, в восемнадцать — болван, к двадцати развивается до прикурка, в двадцать пять он простофиля, в тридцать — ни то ни се, и только к славному сорокалетнему возрасту становится обычным дураком. И сердце мое обливается кровью при мысли о «бычке», которого эти девицы принесут вечером в жертву, как древние инки.

— Ты прямо из себя выходишь, — сказала мать.

— Они не воспринимают. Сейчас для них все пустой звук. Кроме отдельных слов. Хочешь убедиться? — Отец наклонился к дочерям, безучастно уставившимся в свои тарелки, и произнес:

— Любовь.

Девушки очнулись.

— Настоящий роман.

Встрепенулись.

— Июнь, — произнес отец, — свадьба.

Легкая конвульсия передернула его дочерей.

— А теперь передайте мне подливку.

— Добрый вечер, — сказал отец, открывая парадную дверь.

— Здравствуйте, — ответил парень, высокий, темноволосый и красивый, — меня зовут Боб Джонс.

«Редкое имя, ничего не скажешь», — подумал отец и сказал:

— Пожалуйста, проходите. Мои дочери наверху, меряют все свои платья. Хотят произвести на вас впечатление.

— Спасибо, — ответил Боб Джонс, который возвышался над отцом как башня.

— Вас довольно много, Боб, — сказал отец, — чем вы занимались, когда вам был месяц от роду? Толкали вагоны?

— Не совсем, — улыбнулся Боб. Здороваясь с отцом, он так тряс его руку, что тому пришлось сплясать что-то вроде танца шотландских горцев.

С обреченным видом отец провел «бычка» в любовно разукрашенную «бойню».

— Садитесь, — пригласил он, — нет, не на этот стул: он современный, больше одного человека не выдерживает. Лучше вот этот. С которой из девушек вы встречаетесь?

— Они еще этого не решили, — Боб улыбнулся.

— А у вас что, нет права голоса? Надо постоять за себя.

— Одна мне нравится больше, но, честно говоря, я боюсь об этом даже заикнуться: растерзают.

— Да, — сказал отец, — и ногтями, и пилками для ногтей. Жуткая смерть. Позвольте дать вам один совет. Впрочем, скажите сначала, чем вас угостить, ведь это ваша последняя трапеза. Сэндвичи, фрукты, сигареты?

— Я съем немножко фруктов, — сказал парень. Он сгреб охапку персиков с кофейного столика; отец не успел глазом моргнуть, как их поглотила доменная печь в образе человека.

— Что же вам еще посоветовать? — начал отец. — Мэг красивее, зато у Мари есть индивидуаль-

ность. Это потеряя. Впрочем, любая из них будет прекрасной женой.

— Э-э-э-э, не торопите меня со свадьбой,

— А я и не тороплю. Хорошенько подумав, вы можете жениться в любой день на этой неделе. Интересно, как мои дочери решат, которой из них вы достанетесь?

— Они мне устроят экзамен.

— Экзамен?

— Ну да, устный и письменный, как в школе.

— Боже милостивый, никогда про такое не слышал.

— Да, суровое испытание. Я дрожу как кролик.

— И вы считаете это правильным?

— Видите ли, сэр, нельзя заставить баскетбольного болельщика встречаться с тем, кто баскетбол терпеть не может. Мы подошли к вопросу научно, как нас учили на уроках психологии.

— Звучит не так уж глупо.

— Совершенно верно, — ответил серьезно Боб Джонс. — Итак, девушки будут задавать вопросы мне, вопросы друг другу, а я им, а потом мы все вместе сделаем вывод.

— Вот это да! — воскликнул отец.

— А вы не знаете, сэр, — юноша смутился, — какого рода вопросы они будут мне задавать? За столом не обсуждали?

— Боб, с моей стороны это было бы нечестно...

— Вы правы, — Боб нервно хихикнул и уничтожил еще один персик, куснув пару раз.

— Хотя, честно говоря, я действительно ничего не видел и не слышал, — сказал отец, — эти ведьмы варили свое зелье без свидетелей. Впрочем, они скоро спустятся сюда и принесут перстни Борджиа* или что-нибудь в этом роде. Съешьте еще персик.

— Съем, если вы не против.

---

* Такие перстни применялись для отравления ядом при дворе Борджиа (Италия XV—XVI веков). (Здесь и далее примеч. пер.)

Дом задрожал, словно предвещая бурю.

— Живи мы в Калифорнии, — сказал отец, глядя на пляшущую люстру, — я решил бы, что начинается землетрясение или на дне океана произошел геологический сдвиг. Но поскольку мы в Иллинойсе, я думаю, что просто мои дочери спускаются по лестнице.

Так оно и было.

— Боб! — воскликнули обе девушки еще в дверях и сразу смолкли. Как последний ружейный залп, на который ушли все патроны. Они смотрели на Боба, на отца, друг на друга.

— Я, пожалуй, пройду по саду, — сказал отец. — Или даже по улице. А может, мне быть вашим рефери?

— Как хочешь, — сказали дочери, и отец поспешил выскользнуть на улицу, обойдя девушек и гостей, занятых рукопожатиями.

Вернувшись с прогулки, отец застал мать в гостинной.

— Как продвигается большой любовный экзамен? — спросил он.

— Сидят в саду под лампой и почти все время молчат, — ответила та. — Только и делают, что смотрят друг на друга.

— А что, если я немного подслушаю?

— Нет, что ты, это нечестно.

— Милая женушка, не так часто приходится присутствовать при грандиозном явлении природы. Я, может, никогда не доберусь до Парикутина или Кракатау*, не увижу Большого Каньона, но уж если в моем собственном саду происходит расщепление атомного ядра... стоит взглянуть хотя бы на дым. Я останусь незамеченным.

---

* Парикутин — вулкан в Центральной Мексике; Кракатау — вулканический остров в Зондском проливе, между островами Ява и Суматра.

Он вошел в темную кухню и стал внимательно слушать.

— Итак, сколько вам лет? — спросила Мэг.

— Восемнадцать ему, глупая, — вмешалась Мари.

— Что вы любите больше всего: баскетбол, бейсбол, танцы, плавание или хай-алай?*

— Да не так! — запротестовала Мари. — Ты бери спорт отдельно от развлечений! Если ты все смешиваешь, любой парень скажет тебе, что любит бейсбол, и замолчит. Нужно спросить, например: вы любите больше танцы или кино? Что вы скажете, Боб?

— Танцы, — ответил Боб.

Взвизгнув от восторга, девушки сделали пометки в своих карточках, где вели счет очкам. «Дипломат, — подумал отец, — ничего не скажешь».

— Плавание или теннис? — спросила Мари.

— Плавание.

Девушки взвизгнули снова. «Гений», — подумал отец.

Сестры порхали вокруг Боба, словно птички, строящие гнездо. Любит ли он пиво или пломбир, спрашивали они, свиданья в пятницу или в субботу, с одной девушкой или несколькими, какой у него рост, нравится ли ему больше английский или история, спорт или общественная работа?

Боб Джонс уже начал отвлекаться и поглядывать в сад. Девицы, однако, писали без усталости, шуршали листками, слагали и вычитали очки.

Отец хотел было оторваться от волнующего зрелища — и как раз в этот момент раздался звонок у парадной двери. Когда он ее открыл, в дом впорхнула Пери Ларсен, подвижная хорошенькая блондинка со сверкающими глазами. Смотреть на Пери было все равно что наблюдать море в сол-

---

* Хай-алай — испанская игра на открытом воздухе.

нечную погоду: все время что-то происходит, меняется то тут, то там — и всюду сразу.

— Это я! — воскликнула Пери.

— Действительно, это вы, — сказал отец.

— Меня позвали судить.

— Не может быть.

— Да-да, Мэг и Мари позвонили мне и сказали, что не могут доверить друг другу подсчет очков. А Боб уже здесь?

— А вон гора в саду, вокруг которой кружатся две птицы.

— Бедный Боб. Жуть как интересно! — Пери прыгнула мимо отца, пролетела сквозь кухню; хлопнула дверь, ведущая в сад.

Отец стоял, держась за подбородок: он пытался вспомнить, как выглядит Пери. Потом повернулся к жене.

— Ты знаешь, меня терзают предчувствия, — сказал он, — надвигается трагедия. Наши дочери будут рыдать, стенать и рвать на себе волосы.

— Увидим сцену из «Медеи»?

— Или из «Грозового перевала»*. Ты когда-нибудь приглядывалась к Пери Ларсен? Я, к сожалению, ее рассмотрел. Коли у нашей Мэг внешность, а у Мари индивидуальность, то у Пери и то и другое плюс голова на плечах. И все в одном человеке! Так что будь уверена: разразится буря.

Она разразилась довольно скоро.

В саду раздался истошный крик, потом пререкания. Женские голоса спорили на все более высоких нотах. Снова подсчитывали очки, слагали, вычитали, делили и выражали алгебраической формулой. Отец стоял не двигаясь в центре гостиной и «переводил» матери вопли, доносившиеся из сада.

— Пери говорит, что по очкам Боб достается Мари. — В саду кто-то взвыл. — Поясняю: воеет Мэг.

---

* Роман английской писательницы Эмили Бронте.

— Боже, — вздохнула мать.

— Так, немного изменилась расстановка сил. — Он подвинулся в сторону кухни. — Пери ошиблась: если взять за основу футбол, хоккей и молочные напитки, то Боба получает Мэг.

Из сада донесся рык раненой львицы.

— А это Мари. Глотает муравьиный яд, не сходя с места.

— Стоп! — раздался голос.

— Стоп! — Отец поднял руку, призывая к вниманию гостиную и все, что находится в ней, вплоть до каждого стула.

— Проверяют снова? — спросила мать.

— Именно, — сказал отец. — Теперь получилось, что количество очков одинаковое, значит, Бобу придется встречаться с обеими.

— Не может быть!

— Да, да.

По саду прокатилось, как гром, рычание попавшего в капкан медведя.

— А это Боб Джонс.

— Пойди посмотри, какое у него лицо, — сказала мать.

— Милая Пери Ларсен, я думаю, она...

Дверь, ведущая из сада, распахнулась, Мэг и Мари влетели в дом, размахивая карточками:

— Папа, посчитай, вычисли сам, папа. Помоги, пожалуйста!

— Ну хорошо, хорошо. — Отец оглянулся на дверь, ведущую в сад, где Пери и Боб остались наедине. Он прикрыл глаза, прочистил горло, словно собираясь что-то сказать, потом взял в руки карандаш.

— Пока я тут подсчитываю, почему бы вам не вернуться в сад и...

— Мы здесь подождем.

— Вам бы лучше...

— Считай же, мы подождем.

— Однако...

— О Господи, папа!

— Ну ладно, начнем. Два очка за футбол, два за коктейль, дайте-ка подумать...

Он считал какое-то время, а дочери стояли рядом, дрожа от нетерпения. В саду царила зловещая тишина. Отец поднимал глаза, говорил «м-м-м», ошибался в расчетах. Наконец дверь черного хода распахнулась, и Пери Ларсен, улыбаясь, пересекла дом.

— Как дела? — спросила она на ходу. — Идут?

— Медленно, — ответил отец. — А может быть, и быстро. Это как смотреть.

— Я вспомнила: есть работа по дому. Надо бежать! — В мгновение ока Пери была на парадном крыльце.

— Пери, вернись! — вскричали девушки, но она была уже далеко.

За дверью черного хода было тихо. К концу подсчетов эта дверь отворилась, и великан Боб Джонс ввалился в дом, как-то глупо мигая.

— М-да, неплохо было... навестить вас, — сказал он с таким видом, словно ему дали по голове, и при этом хихикнул.

— Боб, вы уходите?!

— Только что вспомнил! Сегодня вечером тренировка по бейсболу. Ну прямо вон из головы! Спасибо за персики, мистер Файфилд.

— Скажите спасибо моей жене, это она их вырастила.

Боб Джонс — он все еще выглядел так, словно его оглушили чурбаном, — бродил по комнате, прощаясь со всеми, натываясь на предметы и бормоча извинения, пока наконец не оказался за парадной дверью. Было слышно, как он свалился со ступенек, а потом со смехом поднялся.

— Папа! — воскликнули сестры.

— Ну и ну, — сказала мать.

Отец снова погрузился в расчеты: он боялся смотреть вверх, на бледные лица своих дочерей. А они наблюдали, как он расставляет последние знаки в своих вычислениях.

— Папа, — спросили девушки, — что у тебя получилось?

— Дети мои, — сказал он, набравшись решимости, — сдается мне, что Мэг набрала полный красивый нуль, а у Мари символ примерно той же формы и содержания. Другими словами, девочки, ни одна из вас не получит этого мужественного юношу. Вы забыли о двух простых вещах.

— Каких?

Отец молча прошел в спальню и вернулся с сумочкой матери, из которой извлек флакончик духов и тюбик красной губной помады.

— Вот об этом вы забыли, — сказал он. — И еще: видели вы, какое было у Боба лицо, когда он выбирался из дома?

Сестры молча кивнули.

— Это выражение вам следует запомнить: оно обозначает, что вам давным-давно следовало замолчать. Не думаю, что вы увидите мистера Джонса еще раз.

Девушки тихо застонали.

— А теперь, — сказал отец, взглянув на часы, — ровно через пятнадцать минут в «крематории» позади нашего дома состоится небольшая церемония, на которую вас просят явиться, захватив учебники психологии, а также результаты тестов, экзаменов, конкурсов. Совершать обряд сожжения буду я. Потом мы все направимся в ближайший кинотеатр, посмотрим удлиненную программу и выйдем оттуда обновленными. Мы осознаем, что жизнь продолжается, что Боб Джонс не так уж высок, темноволос и красив, как нам когда-то казалось.

— Есть, — сказала Мэг.

— Есть, — сказала Мари.

Написав поперек карточек для подсчета очков: «Пери Ларсен — 1, семейная команда — 0», отец добавил:

— А теперь одеваться! Одна нога здесь, другая там.

Девушки медленно поднимались по лестнице и лишь на самом верху побежали. Отец сел в кресло, раскурил свою трубку и сделал несколько затяжек с видом философа.

— Научатся, — сказал он наконец.

Мать кивнула, не произнося ни слова.

— Тебе придется дать им несколько уроков, — продолжал он.

Она снова молча кивнула.

— Ну и вечерок, — сказал отец.

Мать снова ничего не сказала: ведь она была из тех женщин, какими ее муж надеялся увидеть своих дочерей.

Так же молча она встала со своего стула, улыбаясь, подошла к мужу и поцеловала его в щеку. Потом, тихо ступая и не произнося ни слова, оба пошли в другие комнаты, чтобы собраться в кино.

ЗНАЛИ, ЧЕГО ХОТЯТ

Отец втянул носом воздух:
— Чем это пахнет?

— Наши дочери пишут маслом, — ответила мать.

— Мэг и Мари? — Повесив шляпу, отец взял мать под руку и провел в гостиную. — Пишут картины?

— Да, в своем святилище наверху. Если ты трижды постучишь в дверь и очень вежливо попросишь, может, новоявленные Ван Гоги тебя впустят.

— Обязательно попрошу. Я должен быть в курсе.

Поднявшись на второй этаж, в более изысканную часть дома, где пахло пудрой и загаром, духами и экстрактом для ванны, отец осторожно постучал в дверь, ведущую в комнату дочерей. Здесь запах был сильнее: резкая, отдающая осенью смесь скипидара и красок — так пахнет в обители воображения, может быть, гения. Отец улыбался своим мыслям, когда ему открыли дверь.

— Привет, папа, — сказала Мари.

— Входи, — сказала Мэг, — посмотри. — Она стояла у старого камина, служившего ей мольбертом, с кистью в руке, на носу мазок белой краски.

Отец подошел поближе.

— Хотите сказать, что соперничаете с Рембрандтом?

— О, ничего подобного!

— Ну что ж, если в двух девицах, семнадцати и восемнадцати лет, бурлит и прорывается творческое начало — это приятно. А может, живопись нужна вам по программе колледжа?

— Боже, конечно, нет. Мы просто пытаемся создать портрет идеального мужчины.

— Пытаетесь... Как вы сказали?

— Пытаемся показать, какие мальчики нам нравятся. У каждого из приятелей берем лучшее. Плюс творческое воображение. Понимаешь?

— Кажется, да.

— Десять учениц пишут портреты ребят, с которыми им хотелось бы встречаться. Это конкурс школьного клуба.

— Все это очень хорошо, — ответил отец, — но что вы будете делать, окончив портреты? Разыскивать Прекрасных принцев в жизни?

— Попытка не пытка, папа.

— Да, конечно. — Отец придал своему голосу самый дружеский тон. — Ну что ж, посмотрим?

Мэг отступила от своего полотна.

— У меня глаза не получаются.

Держась за подбородок, отец долго смотрел на портрет.

— Да, действительно. Один глаз отклонился почему-то к западу, а другой — к востоку.

— Я, конечно, все время что-то меняю, — поспешно объяснила Мэг, — добавляю новое каждый день.

Отец молчал, поглощенный творением Мэг. Потом перевел взгляд на работу Мари, стоящую рядом на камине.

— То мне кажется, что у него должны быть голубые глаза, то карие, — сказала Мари. — Просто ужас, до чего я непостоянна. Ну как, нравится парень? Правда, шик-блеск?

— Разве и сейчас говорят «шик-блеск»? — удивился отец. — Это словечко было в ходу еще у нас в колледже, году в тридцать четвертом. Да, этот парень почти что «шик-блеск».

— «Шик-блеск», папа, не может быть «почти». Или да, или нет.

— У него не ладится с подбородком. — Отец прищурился. — Он что — жует конфету, жвачку или грызет леденец?

— Да нет, у него просто волевая челюсть. Я люблю волевою челюстью у мужчин.

Отец удрученно потер свою собственную.

— Этот портрет тоже не окончен?

— Нет, конечно. Пишу понемножку. Так интереснее.

— А что думают о вашей работе Еж и Шутник?

Еж получил свое прозвище за стрижку, напоминающую щетку-скребницу; в последнее время он тихо торчал возле дома по вечерам. Шутник был совсем в другом духе: отец назвал его так потому, что смех этого парня, вернее, хохот, ржанье и гоготанье, сопровождавшиеся судорогами, можно было слышать за версту; иногда этот смех раздавался ясной лунной ночью где-то на ферме. Обычно Шутник рассказывал какой-нибудь анекдот, до сути которого приходилось долго и настойчиво добираться, а потом заходил в пароксизме смеха, повиснув на собеседнике, чтобы не упасть. Но, вообще говоря, Еж и Шутник были симпатичные ребята, совсем непохожие на эти портреты.

— Мы им еще не показывали, — медленно проговорила Мари.

— Наверное, придется показать.

— Да, но мы знакомы всего несколько недель.

— Должны же ребята знать своих соперников. А вдруг им захочется подтянуться?

— Папа!

В этот самый момент снизу, со двора, донеслись звуки, от которых мурашки пошли по коже; отец весь сжался, несмотря на свою твердость. Такой же страх испытывали, видимо, миллион лет назад первобытные люди, когда их глубокую спячку нарушали невообразимые звуки, издаваемые динозаврами. Пещерные жители вскакивали и кутали головы в шкуры, а чудовища громоздились у входа, с хрустом перемалывая чьи-то кости. Что касается отца, то и он — вполне человек двадцатого века, в костюме за 75 долларов, с масонским кольцом на пальце и сознающий к тому же, что святость брака и семьи должна придавать ему мужества, — он содрогнулся от этого хохота, и волосы на его голове встали дыбом.

— Шутник, — прошептала Мари.

— Шутник, — ответил отец.

— Я думаю, его лучше впустить.

— Пусть идет по лестнице медленно, — посоветовал отец, — ведь если он сломает ногу, придется пристрелить.

Еж и Шутник стояли в центре гостиной, расставив на ковре здоровенные ноги и разглядывая ногти на руках, отнюдь не идеально чистые. Пока отец спускался по лестнице и здоровался, он успел рассмотреть животных, которых его дочери пригнали с пастбища. Парни были сложены одинаково, и оба напоминали фигуры, наспех собранные из крупных детских кубиков, нанизанных на кости старого мамонта. Их локти вечно отскакивали в стороны, натываясь на предметы — на ребра стоящих рядом людей, на двери, рояли и вазы. Вазам особенно везло: эти локти, казалось, обладали какой-то особой, неизъяснимой силой, заставлявшей вазы лететь через всю комнату, рико-

шетом отскакивать от стены, а то и прыгать с каминной полки. Не зря, видно, в свое время в посудных лавках вывешивали объявления, где говорилось без обиняков, что внутрь впускают только мальчиков, умеющих держать руки по швам. Вот и сейчас Еж, которого по-настоящему звали Честер, и Шутник — на самом деле Уолт — изо всех сил старались совладать со своими локтями, ожидая, когда девушки пригласят их в дом.

Отец видел, что у каждого из них было еще по две задачи: первая — удержать на плечах огромную голову, что было довольно трудным жонглерским трюком, потому что она все время куда-то клонилась, сгибая шею; и вторая — следить за тем, чтобы ступни, такие же своенравные, как и локти, не стукнули кого-то по щиколотке или не задели стул. Ноги под стать головам и рукам были здоровенными, и, присмотревшись, отец понял, что от них можно каждую минуту ждать чего угодно.

— Эй, — сказал Шутник, — как насчет того, что кто-то пишет портрет Прекрасного принца?

Девушки молчали в изумлении.

— Об этом вся школа гудит, — сказал Еж. — Дайте взглянуть!

— Нет-нет! — воскликнула Мэг.

— Они еще не закончены, — сказала Мари.

— Да ну, — сказал Еж, — не вредничайте!

Сестры посмотрели на отца, отец на сестер.

— Ну что ж, — сказала Мэг, — пошли.

Молодежь поднялась наверх. Чувствуя себя виноватым, отец стоял внизу и прислушивался. Наверху хлопнула дверь, протопали большие ноги. Повисла долгая, напряженная тишина. Отец повернулся было, чтобы уйти на кухню; его остановил рев животного, в которого вонзили нож. Потом последовали выкрики и громовые раскаты.

Шутник хохотал. Он топал ногами как сумасшедший, сотрясая дом.

«Боже», — подумал отец.

Но вот и Еж присоединился к нему: он заухал, как филин, потом набрал побольше воздуха и издал вопль. Дочери зловеще молчали. Отец слышал, как парни перекликались: «Посмотри на это!», «А тут что?», «А тут? О-ой!» Наверное, они, раскачиваясь, держались друг за друга, чтобы не упасть и не покатиться по полу.

Отец стоял, схватившись за перила.

Сестры заговорили. Не повышая голоса, но гневно. Потом громче. Шутник и Еж не слышали, потому что продолжали дико хохотать, якобы объясняя друг другу, как хороши оригиналы — их рубиново-красные губы, золотые кудри, тела древних греков. Опыаненные бурным весельем, они, конечно, ходили ходуном перед портретами — это можно было себе представить.

— Честер! Уолт!

Это был пронзительный крик — крик джунглей.

Смех прекратился.

Отец почувствовал, что покрывается испариной. Девушки говорили очень тихо, ледяным тоном, словно с чердака подул зимний ветер. В мертвой тишине их голоса звучали ровно, они почти шипели, как змеи. Отец представил себе, как парням указали на дверь жестко вытянутой рукой. И в самом деле, через минуту Честер и Уолт скатились с лестницы, зажимая рты руками. Они взглянули на отца, а он — вопросительно — на них. В глазах мальчишек плясали черти. Прижимая ладони к губам, они выскочили из дома. Отец сжался, зная, что дверь грохнет изо всех сил, так и случилось.

— И не возвращайтесь! — крикнула Мэг, стоя на лестничной площадке. Но было поздно.

В сумерках за дверью дома какое-то время было тихо, потом новый взрыв ненасытного животного смеха. Отец провожал парней глазами, пока они не скрылись из виду: они шли спотыкаясь, облапив друг друга и закинув головы к звездам, совер-

шенно как два пьянчуги, что вывалились из кабака, где провели ночь в загуле.

Позже, к вечеру, зазвонил телефон. Говорил Еж.

— Э-э-э, я просто хотел сказать, что мы оба сожалеем...

— Боюсь, что я не смогу позвать дочерей к телефону, — сказал отец.

— Даже и извиниться нельзя?

— У них наверху дверь заперта.

— Мы все испортили, — сказал Еж несчастным голосом.

— А вы не сдавайтесь. Все станет на свои места.

— Как раз когда все наладилось... — продолжал Еж, — мы уже две недели пытаемся их куда-то пригласить, а они все отнекиваются. И вот мы пришли взглянуть на картины... — Он подавил смешок. — Извините, я и не думал смеяться.

— Я вас вполне понимаю, — сказал отец, — если вам от этого легче.

— Передайте им, что мы очень сожалеем, — сказал Еж. — И раскаиваемся.

Отец поднялся наверх, чтобы передать разговор. Он все сказал через закрытую дверь, но ему даже не ответили. Пожав плечами, он раскурил трубку и сошел вниз.

Всю следующую неделю отец был порядком занят. В те три вечера подряд, что он возвращался со службы раньше обычного, он не видел ни Ежа, ни Шутника. Дочери меж тем рисовали в своей комнате с каким-то рьяным упорством. На четвертый день Еж и Шутник мелькнули в самом конце улицы — что называется, в туманной дали. На пятый день позвонили по телефону. На шестой Мэг сказала им с десяток слов. На седьмой, то есть в воскресенье, парни удостоились высокой чести беседовать с сестрами на крыльце не более пяти минут. К следующей среде ребята уже забежали по три-четыре раза за вечер, пытаясь уговорить девушек пойти с ними в кино или на танцы

(то самое свидание, которого они добивались теперь уже больше месяца).

— Как вы считаете, пойдут они с нами, мистер Файфилд? — спросили они отца, встретив его однажды вечером.

— Все в руках Божиих, мальчики, — ответил он.

— По-моему, мы ведем себя прекрасно, — сказал Еж.

— Каемся как черт знает что, — добавил Шутник.

— Мы даже не вспоминаем проклятых портретов!

— Это мудро, — сказал отец и похлопал парней по плечу.

Отношения отца с дочерьми были в ту неделю несколько отчужденными: похоже было, что они и его причислили к мужскому заговору. А он, проявляя благоразумную деликатность, не интересовался тем, как развивается новая форма искусства.

— Ну как, готово? — спросил он однажды.

— Почти, — ответили сестры.

— Нашли ребят, похожих на портреты? — Это прозвучало как бы между прочим.

— Почти.

— Что ж, не теряйте надежду.

На десятый день после ссоры отец улучил момент, чтобы взглянуть на рождение великих полотен, когда дочерей не было дома. Потом он спросил у жены:

— Тебе не кажется, что портреты слегка меняются?

— Не заметила.

— Волосы, например. Ведь оба были блондинами?

— Разве?

— По-моему, и глаза у обоих были сначала небесно-голубыми.

— Может, ты и прав.

— А девочки говорят тебе что-нибудь... м-м-м... о том, что трудно найти ребят, похожих на идеал?

— Они все время не в духе. Пора бы им прекратить это дурацкое занятие.

— Ерунда. Они умеют приспосабливаться, вернее, закаляться в борьбе. Жизнь никогда их не скрутит. Впрочем, эти портреты... Мне кажется, девочки похудели... Костлявые какие-то. Не могу понять, в чем дело.

— Можно сказать, что этой живописью они сами себя загнали в тупик, — ответила мать, — и не видят выхода. А что там творится с портретами?

— Еще не закончены. Будем ждать. Однако, должен признаться, эта неопределенность меня убивает. — И отец снова побрел наверх, в комнату дочерей.

На одиннадцатый день, а именно в пятницу вечером, придя с работы, отец был удивлен тишиной, царившей в доме. Он подошел к жене, сел рядом и чмокнул ее в щеку.

— Что за безлюдье? — спросил он.

Обеденный стол сверкал серебром и белизной салфеток, но все было не тронуто.

— А где дочери? — продолжал отец.

— Наверху, болеют.

— Болеют?!

— Ты же знаешь, каждый раз, когда у них свидание, они заболевают. Когда появляются кавалеры, они выздоравливают. А к десяти вечера, после кино, каждая сможет выпить по четыре эля*. Кстати, сегодня великий день: они нашли своих Прекрасных принцев.

— Не может быть.

— Так они сказали.

— Я знал, они своего добьются. И кто же герои дня?

---

* Легкий напиток, сорт пива. (Здесь и далее примеч. пер.)

— Это большой сюрприз. Они будут здесь через пять минут. Нам придется решать, соответствуют ли они своим портретам.

— Горжусь дочерью. Молодцы! Поставили цель и достигли ее.

— Они еще после обеда работали: последние мазки, говорят.

— Ну что ж, теперь нам только остается повторить за Малюткой Тимом: «Да осенит нас всех Господь своею милостью!»* — сказал отец. — Такое событие следует отпраздновать. Честно говоря, сначала я думал, что девчонки метят слишком высоко.

На улице за углом послышался странный грохот, словно неслась лавиной огромная консервная банка. Дешевый автомобильчик остановился возле дома, наткнувшись на собственные тормоза. Напоследок он подпрыгнул, как на ухабах, и издал скрежет, в котором слышались жалобы и стоны мертвецов.

— Приехали, — сказала мать.

— Я должен их видеть, — сказал отец сияя. — Будем надеяться, что у избранников есть мозги, соответствующие их красивым лицам.

Пройдя в холл, отец подождал звонка, потом щелкнул выключателем, чтобы осветить крыльцо. Фонарь не зажегся.

— Простите, пожалуйста, — сказал он двум незнакомцам, стоявшим в сумерках. — Все собираюсь сменить проклятую лампочку. Рад познакомиться, я отец девушек. Проходите. Как вас зовут?

Две фигуры неловко протиснулись вперед, к свету.

— А-а вы знаете нас, мистер Файфилд.

Раздался взрыв смеха, внезапный, как порыв зимнего ветра, и сразу же стих, сменившись красивым, застенчивым хохотком.

---

* Отец приводит цитату из «Рождественской песни в прозе» Ч. Диккенса.

Молчание.

— Еж, — произнес отец, — Шутник.

— Привет, — ответили парни.

— Я хотел сказать — Честер и Уолт. — Отец поспешно отступил, чтобы пропустить их в холл. — А это... не ошибка? Девушки ждут именно вас?

— Кого же еще? — крикнул со смехом Шутник. Потом опустил голову и сделал новую попытку: — Кого же еще? — На этот раз тихим, деликатным голосом, как настоящий джентльмен.

— Марта, — отец повернулся к жене, — мне кажется, ты сказала...

— Проходите, мальчики, проходите, — поспешно пригласила мать.

— Спасибо. — Парни неловко приблизились и встали под лампой — странные, непохожие, совсем другие.

— Наконец-то нам удалось их пригласить.

— Сломали сопротивление противника, — добавил Уолт.

— Дайте на вас посмотреть, — сказал отец. — Так. Волосы причесаны.

Парни улыбнулись.

— Брюки отглажены.

Посмотрели на свои брюки.

— Руки отмыты, — сказал отец испуганно.

Они взглянули на свои руки.

— Надели белые рубашки и галстуки!

Парни поправили галстуки; лица их покрылись бисеринками пота — видимо, от гордости.

— Ботинки сверкают, — продолжал отец. — Я с трудом узнал тебя, Шут... я хотел сказать, Уолт.

— Для ваших дочерей не жаль усилий, сэр.

— Я это каждый день говорю. — Отец продолжал смотреть на лица ребят, на их тела в аккуратной одежде. Казалось, какая-то особая деликатность зарождалась в них в выходной день с наступлением темноты.

Девушки сбежали по лестнице бегом, потом резко сменили темп и пересекли комнату не спеша,

стряхивая друг с друга тончайшие ниточки и следы пудры. Они принесли с собой запах масляной краски и запах духов.

— Я думаю, у нас все же есть головы на плечах, — сказала Мэг.

— Еще как есть! — крикнул Шутник, а потом, прибегнув к новому способу, повторил всю фразу снова, вполголоса: — Еще как есть, Мэг.

— До свиданья, папа, мама. — Девушки весело кружились по комнате, раздавая поцелуи. — Мы вернемся к одиннадцати.

— Я не волнуюсь, — сказал отец.

— Вы можете быть совершенно спокойны, сэр, — сказал Шутник, подавая руку отцу. Торжественным рукопожатием они словно скрепили договор.

Парадная дверь закрылась бесшумно. Отец удивился: он ждал, что она грохнет. Уводя мать под руку из передней, он спросил:

— Мне казалось, ты говорила...

— Я удивилась не меньше, чем ты.

— Знаешь, когда парни приоделись, оказалось, что они не так уж плохи. Если дать им еще с годик времени, подкормить овощами и молоком... — он остановился, — слушай, мне страшно интересно, что с портретами? Не мое собачье дело, конечно, но что они сделали? Выбросили их, прекратили поиски оригинала? Это можно узнать, только увидев.

— Ты думаешь, что имеешь право?

— Никогда им не признаюсь. Я пошел. — И он поспешил по лестнице вверх.

Отец открывал дверь так осторожно, словно духи дочерей витали в комнате. Он тихо вошел и остановился перед двумя портретами, освещенными лампой «молния». Сначала он долго смотрел на работу Мари, потом столь же долго на работу Мэг.

Портрет, что писала Мари, был таким же, каким он видел его четыре дня назад, и в то же время не таким. Нижняя челюсть юноши таинственным

образом убавилась, зубы выдались вперед, локти, казалось, готовы были подняться вверх, как два летающих ящера, а ноги зашагать сразу в нескольких направлениях. Портрет дышал великолепной ленью, беспечным и красивым равнодушием. Глаза были бледно-голубого, размытого дождями цвета, а волосы, еще недавно такие длинные, белокурые, свисавшие прядями, стали грязновато-коричневыми, как перья воробья, и торчали жесткой, сердитой армейской щетиной.

Отец мягко улыбался, подвигая портрет поближе к свету. Рассматривая второе творение, он услышал легкие шаги и обернулся. Жена его вошла в комнату, подошла поближе, встала рядом.

— Как же так, — произнесла она через минуту, — ведь это же...

— Да, — сказал отец. — Прекрасный принц.

Мать поднесла руки к лицу:

— Ты знаешь, это и грустно, и глупо, и мило с их стороны — все сразу. Девочки, девочки...

— А что ты скажешь о работе Мэг? Ты как раз вошла, когда я начал ее рассматривать.

Оба долго изучали портрет.

— Не похож ни на одного мальчика, с которым она знакома, — сказал отец. — Я думал, раз портрет Мари так напоминает Ежа, этот должен быть...

— Похож на Шутника?

— Да.

— А он и похож немножко. И в то же время нет. Он напоминает... — Мать задумалась на мгновение, потом взглянула на мужа. — Он напоминает тебя.

— Ничего подобного!

— Но это так.

— Нет, нет.

— Но он похож.

Отец только фыркнул в ответ.

— Этот контур челюсти...

— У меня не такая волевая челюсть.

— Такая.

— Вы обе слепые, и ты и Мэг.
— Неправда. И глаза тоже твои.
— У меня они не такие голубые.
— Ты споришь со своей бывшей невестой?
— Все равно голубые, но не настолько.
— Напрашиваешься на комплимент. А уши? Это отчасти ты, отчасти Шутник.

— Я оскорблен.

— Наоборот, — тихо сказала мать, — ты польщен.

— Тем, что моя дочь перемешала меня с Шутником?

— Нет, тем, что она вообще писала с тебя. Ты польщен и тронут. Ну пожалуйста, Уилл, согласись.

Отец долго стоял перед портретом; на сердце у него было тепло и светло, щеки его зарделись.

— Ладно, сдаюсь. — Он широко улыбнулся: — Я польщен и тронут. Ох эти девчонки!

Жена взяла его под руку:

— Знаешь, Шутник вообще немного похож на тебя.

— Опомнись, что ты говоришь?!

— Я видела фото, на котором тебе семнадцать: ты был похож на скелет в перьях. А если подождать пару лет, Шутник раздастся в плечах, оспенится и будет как две капли воды похож на тебя. Это твой непарадный портрет, если хочешь.

— Никогда не поверю.

— Не слишком ли ты протестуешь?

Он промолчал, но вид у него был застенчивый и довольный.

— Ну ладно. Завтра, заканчивая портреты, девицы опять все изменят, они ведь еще не готовы. — Отец протянул руку и прикоснулся к холстам. — Черт возьми...

— Что случилось?

— Потрогай, — сказал отец. Он взял руку жены и провел ее пальцем по портрету.

— Осторожно, смажешь!

— В том-то и дело, что нет. Чувствуешь?

Портрет был сухим. Они оба были сухими. Их сбрызнули фиксатором и подержали у огня, чтобы закрепить краски. Портреты были закончены — полностью закончены — и высушены.

— Закупорили и выставили на обозрение, — заключил отец.

Далеко за стенами дома, в прохладе ночи, снова прогреготала огромная консервная банка, было слышно, как засмеялись сестры, что-то выкрикнул Еж, захохотал Шутник, вспугнул стаю ночных птиц, которые панически взметнулись в небо. Дребезжа всем корпусом, автомобиль мчался дальше, по улицам окраины, навстречу городским огням.

— Пойдем, Шутник, — тихо позвала мать.

Она повела отца из комнаты; они выключили свет, но, прежде чем закрыть за собой дверь, бросили последний взгляд на два портрета, стоящие в темноте.

Увековеченные в масле лица улыбались праздной, небрежной улыбкой; тела стояли неуклюже, стараясь уравновесить головы, прижимая локти, готовые в любой момент отскочить в стороны, а главное, заботясь о том, чтобы огромные ноги не ринулись Бог знает куда, на бегу высадив из окон прохладные темные стекла.

Молча улыбаясь, отец и мать вышли из комнаты, тихо прикрыв за собой дверь.

СОДЕРЖАНИЕ

Канун Всех святых, повесть, <i>перевод М. Ковалевой</i>	7
Лорелея красной мглы, повесть, <i>перевод С. Анисимова</i>	115
Столп Огненный	
Маятник, <i>перевод В. Гольдича, И. Оганесовой</i>	199
Последняя жертва, <i>перевод С. Анисимова</i>	213
Поиграем в «отраву», <i>перевод К. Шиндер</i>	246
Лучезарный феникс, <i>перевод Норы Галь</i>	254
Столп Огненный, <i>перевод Т. Шинкарь</i>	265
Синяя Бутылка, <i>перевод Н. Григорьевой, В. Грушецкого</i>	319
Детская площадка, <i>перевод Т. Шинкарь</i>	333
Научный подход, <i>перевод Э. Башиловой</i>	356
Знали, чего хотят, <i>перевод Э. Башиловой</i>	367

МИРЫ РЭЯ БРЭДБЕРИ

Собрание фантастических произведений в 7 томах

Том седьмой

Составитель *Д. Смушкович*

Ответственный за выпуск *Е. Чутов*

Редактор *В. Баканов*

Технический редактор *К. Козаченко*

Корректоры *Ж. Голубева, Н. Дундина, А. Хиришфелде*

Оператор компьютерной верстки *Н. Амосова*

Оформление шмуцтитолов: *В. Ковалев*

ЛР № 065224 от 17.06.97.

Подписано в печать 20.06.97. Формат 84×108¹/₃₂.

Гарнитура Таймс. Печать высокая.

Усл. печ. л. 20.16. Тираж 10 000 экз. Заказ № 824.

ООО издательство «Полярис»

101000, Москва, Главпочтамт а/я 900

Отпечатано с готовых диапозитивов

на Тверском ордена Трудового Красного Знамени

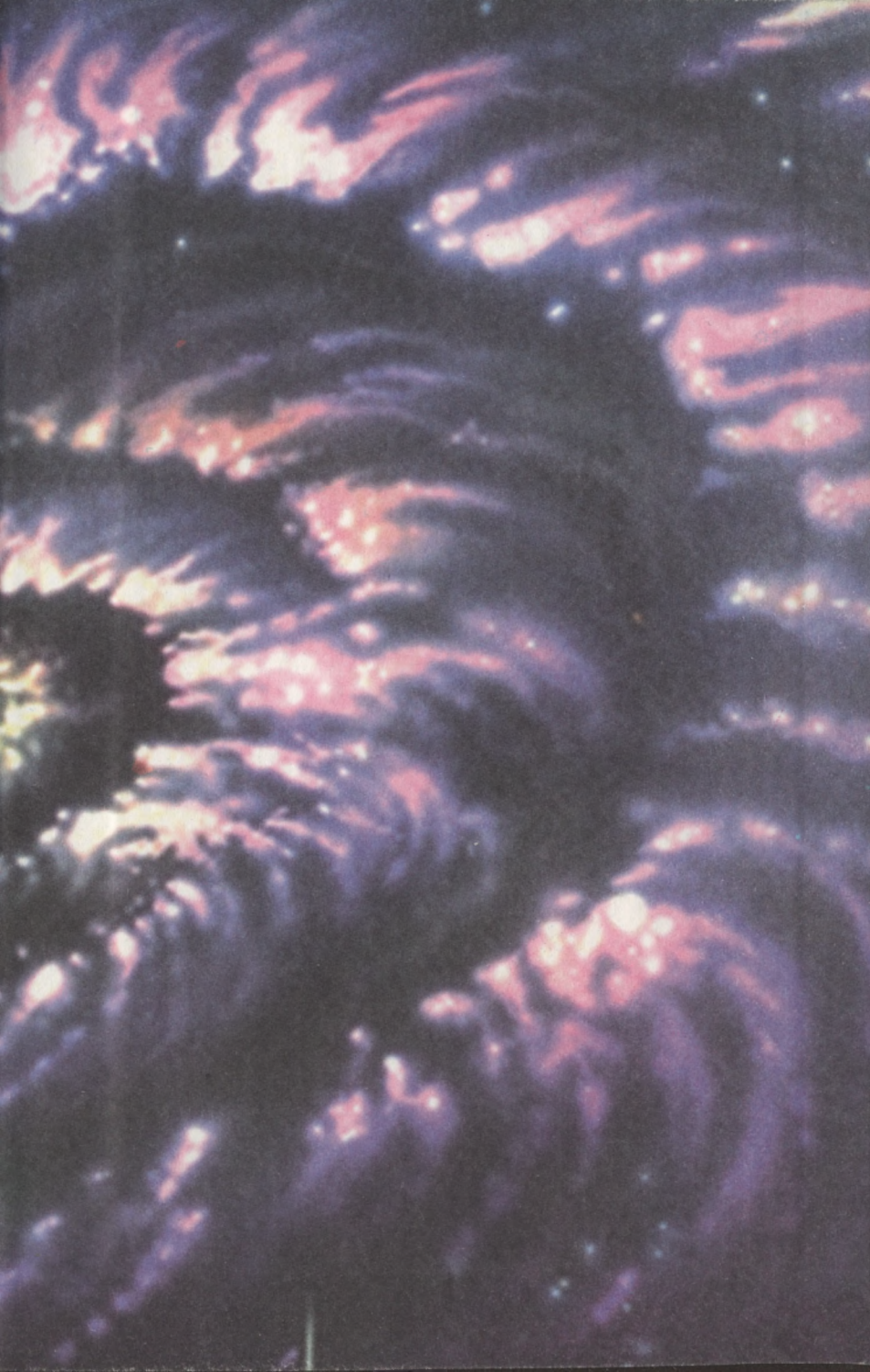
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР

Государственного Комитета Российской Федерации по печати

170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

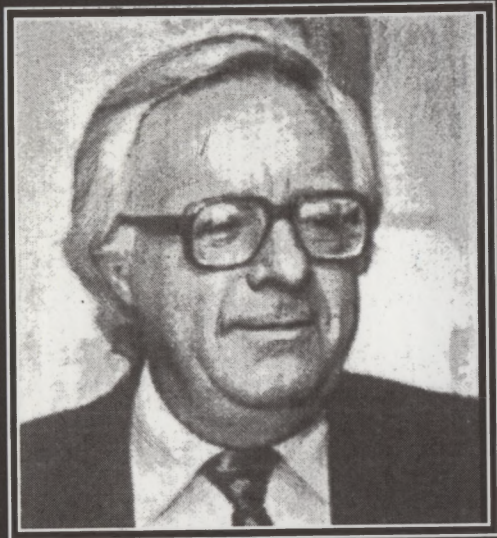

МИРЫ РЭЯ БРЭДБЕРИ

В СЕМИ ТОМАХ

КАНУН ВСЕХ СВЯТЫХ

В Канун Дня Всех святых, когда тьма властвует на земле, гибель подстерегает везде. И чтобы спасти товарища, мальчишки из американского городка проходят сквозь века и отдают ему свои жизни по капле.

ЛОРЕЛЕЯ КРАСНОЙ МГЛЫ

Оказавшись в чужом теле, Хью Старк должен сделать выбор — кому жить, а кому умереть от рук мертвецов в красной мгле, над которой высится замок колдуньи Ранн.

СТОЛП ОГНЕННЫЙ

Рассказы разных лет объединены под этим заголовком — смешные и печальные, жестокие, добрые и мудрые.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1997**